НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ИМЕНИ АКАДЕМИКА БАХОДУРА ИСКАНДАРОВА

На правах рукописи

НЕКУШОЕВА ШАХЛО САИДНУРИДДИНОВНА

КОНЦЕПТ ДОМ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА И ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НОСИТЕЛЕЙ ШУГНАНО-РУШАНСКОЙ ГРУППЫ ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

Специальность: 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (памирские языки) (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
Рахилина Екатерина Владимировна

ХОРОГ – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ …… 4

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ КОНЦЕПТОВ И ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ …….. 19

1.1. Когнитивная трактовка концепта как методологическая основа анализа концепта ДОМ …… 20

1.2. Когнитивные методы и их применение в анализе концепта ДОМ …….. 42

- Теория концептуальных метафор …… 45
- Семантика фреймов ……. 49
- Конструкционная грамматика 54
- Когнитивная грамматика …….. 55
- Теория имидж-схем …….. 57
- Лингвокогнитивный подход ……. 58
- Семантико-когнитивный подход ……. 59
- Лингвокультурологическое направление …… 61

1.3. Взаимосвязь языка, культуры и концепта: когнитивный анализ на материале памирской лингвокультуры …… 64

1.4. Корпусные и онлайн-лексикографические методы при когнитивно-лингвистическом исследовании концепта ДОМ …… 73

Выводы по главе ……. 94

ГЛАВА II. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТА ДОМ:

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА …….. 97

2.1. Синонимическое поле, экспликаторы и конструктивные средства репрезентации концепта ДОМ …….. 98

2.2. Концепт ДОМ в структуре лексико-семантического поля шугнано-рушанской группы языков …….. 124

2.3. Макро- и микрополевая организация концепта ДОМ ……. 141

- Макрополе *Čīd – Jamāt* - ‘Дом – Семья’ ……..…… 144

2.4. Когнитивно-семантическая структура других макрополей концепта ДОМ в шугнано-рушанской группе языков …….. 167

- Макрополе *Kata-Čīd* – Малая родина …… 167
- Макрополе *Čīd-Sunat* – Дом-Традиция …… 186
- Макрополе *Čīd-Mīzd* – Дом-Постройка …….. 202
- Макрополе *Čīd-Sarix̆takori* – Дом-Хозяйство ……. 216

Выводы по главе …….. 234

ГЛАВА III. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И КОЛЛОКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТА ДОМ …….. 237
3.1. Коллокационные модели и морфологические паттерны при опорных лексемах *čīd, xůnā* и *mālā* …….. 237
3.2. Морфологические механизмы и лексико-морфологические модели в формировании концепта ДОМ …… 259
3.3. Интерпретативно-семантическая разметка концепта ДОМ: морфологические и локативные маркеры в шугнано-рушанской группе языков ……... 278
Выводы по главе …….. 291

ГЛАВА IV. КОГНИТИВНО–СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА ДОМ …… 294

ЧАСТЬ I. Когнитивно-семантические и прагматические аспекты …. 294
4.1.1. Вербальная репрезентация порога: модели границы, допуска и нормативной регуляции ……. 295
4.1.2. Вербальная репрезентация двери: модели закрытости, доступа и социальной дистанции ……... 312
4.1.3. Когнитивно-семантический анализ лексики оберегов дома в шугнано-рушанской картине мира ……..……...…. 315

ЧАСТЬ II. Лингвокультурологические и аксиологические аспекты ... 336
4.2.1. Лингвокультурологический анализ лексем *růʒ* и *poygā* как элементов концепта ДОМ …….. 336
4.2.2. Лингвокультурологическая интерпретация наименований пяти столбов традиционного памирского дома …… 348
4.2.3. Аксиологические смыслы лексем *kicor* 'очаг' и *bārnêx* 'главное возвышение вдоль стен' в шугнано-рушанской домовой модели …… 359
Выводы по главе …….. 369
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 372
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 376
ПРИЛОЖЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования: Современные лингвистические подходы, в частности когнитивная лингвистика и лингвокультурология, рассматривают язык как основной механизм формирования и хранения этнического сознания. Через языковые структуры народ не просто общается, но и кодирует свое миропонимание, передаёт культурные традиции и осмысляет действительность. В этом контексте критически важным становится анализ базовых культурно-когнитивных концептов, которые служат фундаментом национальной концептосферы. Одним из таких концептов является ДОМ, который является по своей природе универсальным по смыслу, но уникальным в национальном выражении. Для народов Западного Памира, в частности для шугнано-рушанской (далее шугн.-руш.) группы языков, концепт ДОМ выходит за рамки простого жилища, являясь целостной системой культурных и социальных смыслов, воплощающей родовую преемственность и духовную защиту.

Несмотря на то, что тема традиционного памирского дома широко освещалась в этнографических и культурологических исследованиях [3; 17; 18; 115; 116; 117; 76; 93 и др.], лингвокогнитивное осмысление концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков остаётся неизученным. Между тем именно язык является важнейшим каналом репрезентации ментальных структур, а анализ лексико-семантических и морфологических особенностей, связанных с понятием *дом*, позволяет раскрыть когнитивные и культурные механизмы формирования этнического сознания. Отсутствие комплексного подхода, объединяющего когнитивный, лингвокультурологический и этнолингвистический анализ, определяет актуальность настоящего исследования, направленного на выявление культурно-когнитивной природы концепта ДОМ в системе шугн.-руш. языков и его роли в формировании мировоззрения народов Памира.

В условиях ускоренной утраты и переосмысления этнокультурных традиций малых народов особенно актуальным становится исследование

языка как ключевого механизма накопления, структурирования и передачи культурного знания. В шугн.-руш. группе памирских языков концепт ДОМ выступает центральной смысловой единицей, вокруг которой организуется представление о пространстве, семье, быте, родстве, внутреннем и внешнем мире. На фоне глобализации и постепенного вытеснения традиционных форм жизнедеятельности обращение к анализу этого концепта приобретает особую значимость, поскольку позволяет зафиксировать и осмыслить духовно-семиотическое наследие региона. Дополнительную актуальность исследованию придаёт и то, что сама шугн.-руш. языковая зона остаётся сложным объектом лингвистического описания: как отмечает Х. Дж. Шамбезода, в условиях ГБАО, представляющего собой ‘живую социолингвистическую лабораторию’, проблема осложняется тем, что функционирующие здесь языки являются бесписьменными; при этом в современной лингвистике до сих пор не выработан единый критерий разграничения языка и диалекта [165, с. 127-130].

Обращение к концепту ДОМ в шугн.-руш. группе языков важно не только для описания отдельной лексико-семантической области. Через названия жилища, его частей, внутренних зон, порога, очага, родового дома и хозяйственного пространства раскрываются устойчивые способы осмысления семьи, принадлежности, защиты, памяти рода и границы между своим и чужим. Поэтому исследование этого концепта восполняет заметный пробел в изучении памирских языков и одновременно фиксирует тот пласт традиционного знания, который постепенно уходит из активного употребления.

Степень научной разработанности проблемы: Проблема концепта и его языковой репрезентации является одной из центральных в современной когнитивной лингвистике. Теоретические основания анализа концептов получили системную разработку в трудах Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, сформулировавших теорию концептуальной метафоры, в рамках которой метафора рассматривается как фундаментальный когнитивный

механизм структурирования опыта и организации понятийной системы человека [41]; в трудах Р. Лэнгакера – создателя когнитивной грамматики [92], а также Л. Талми, Г. Фоконье и М. Тернера – авторов теорий фреймов [97; 83; 85; 100], ментальных пространств и концептуального блендинга. Хотя указанные исследователи непосредственно не рассматривали концепт ДОМ, однако предложенные ими когнитивные модели (фреймы, образные схемы, концептуальные метафоры, ментальные пространства и др.) являются методологической базой для исследования любого концепта.

В российской науке значительный вклад внесли Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев и другие исследователи, определившие концепт как квант структурированного знания, отражающий единство языка, мышления и культуры [39; 40; 41; 46; 47; 56; 57; 58; 9; 10; 16].

В российской и зарубежной литературе концепт ДОМ рассматривался с разных точек зрения, в частности семантической, культурологической, философской и лингвокультурной [148; 193; 203 и др.]. Однако когнитивное измерение концепта в языках малых этносов, в частности в шугн.-руш. группе памирских языков, не получило достаточного освещения до сих пор. В трудах этнографов [4, 77; 115] подробно анализируются архитектурные и ритуальные особенности памирского жилища, но языковая, когнитивная и символико-семантическая составляющие остаются на периферии научного внимания. Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время отсутствует системное исследование концепта ДОМ в его когнитивно-лингвокультурном измерении применительно к шугн.-руш. языкам.

В таджикском языкознании идеи когнитивной и лингвокультурной парадигм получили развитие благодаря научному направлению, сформировавшемуся под руководством доктора филологических наук, профессора Д.М. Искандаровой на базе кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского)

университета. Данное направление стало одним из ведущих центров внедрения и адаптации когнитивно-семантических и аксиологических подходов к исследованию таджикского языка и культуры. Развивая достижения мировых учёных (Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Дж. Лакоффа, М. Джонсона и др.), Д.М. Искандарова систематизировала методы когнитивного и лингвокультурного анализа применительно к таджикскому языковому материалу, способствуя формированию национального исследовательского сообщества в русле когнитивной парадигмы. В работах Д. М. Искандаровой последовательно показано, что когнитивно-лингвокультурологический подход в таджикском языкознании уже институционально оформлен и развивается по нескольким направлениям: в обзорной статье автор систематизирует состояние и основные исследовательские векторы (концептология, лингвокультурология, методы описания концептов), задавая общую рамку для последующих прикладных исследований [130]; в сопоставительной работе по фразеологическим единицам, репрезентирующим концепт “Oila”, демонстрируется практическая процедура реконструкции концепта через устойчивые выражения и их семантические компоненты, что методологически релевантно анализу концептов по устойчивым моделям употребления [172]; в статье об ассоциативном поле толерантности автор показывает возможность выявления смысловых и ценностных компонентов концепта через ассоциативные связи, то есть через эмпирически фиксируемые поля представлений носителей [129]; наконец, работа о национальном корпусе таджикского языка фиксирует развитие инструментальной базы (корпус/электронные ресурсы) для проверки языковых обобщений и анализа употребления, что важно как показатель современной эмпирической поддержки когнитивных и лингвокультурных исследований в таджикской лингвистике [131].

Научное направление, возглавляемое Д.М. Искандаровой, характеризуется сочетанием теоретической и прикладной направленности: от анализа концептуальных систем и этнокультурных кодов до участия в

разработке Национального корпуса таджикского языка, ставшего инструментом для корпусных и когнитивных исследований. Её учениками, защитившими докторские диссертации по когнитивной проблематике, являются Давлатмирова М.Б. на тему ‘Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта ‘Судьба’ (на материале таджикского, арабского и шугн.-руш. группы языков)’, [25; 195], Каримова Н.И. на тему ‘Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков)’ [197], Мухторов З.М. на тему ‘Структура и семантика текста: сопоставительный анализ на материалах таджикского и русского языков’ [198], Сабирова С.Г. на тему ‘Когнитивно-сопоставительное моделирование экономического дискурса (на материале таджикского, английского и русского языков)’ [202]. Эти работы отражают преемственность и развитие научного направления, ориентированного на исследование когнитивных механизмов языка и этнокультурных особенностей концептуализации мира.

Таким образом, в таджикской лингвистике сформировалось устойчивое научное направление когнитивных исследований, развивающее и адаптирующее методы когнитивной лингвистики к национальной языковой и культурной специфике. Вместе с тем следует отметить, что несмотря на развитие когнитивной парадигмы в таджикском языкознании, концепт ДОМ остаётся фактически не исследованным как в отношении малых памирских языков, так и в рамках таджикского языка в целом. В существующих работах таджикских исследователей анализируются отдельные концептуальные сферы, такие как Судьба, Пространство, экономический дискурс, однако целостного когнитивно-лингвокультурологического описания концепта ДОМ до настоящего времени не представлено. Это подчёркивает научную необходимость комплексного исследования данной категории, учитывающего как универсальные когнитивные механизмы, так и этноспецифические традиционные представления народов Памира.

Цель и задачи исследования: Цель исследования заключается в комплексном когнитивно-лингвокультурологическом осмыслении концепта ДОМ как ключевого элемента традиционной картины мира шугн.-руш. группы памирских языков и построении когнитивно-семантической модели его языковой репрезентации (включая полевую организацию и макрополя).

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. Определить теоретико-методологические основания исследования концепта в когнитивной лингвистике и смежных дисциплинах.
2. Выявить и описать семантическое пространство концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков.
3. Проанализировать морфологические механизмы и устойчивые лексические и лексико-морфологические коллокационные паттерны, репрезентирующие концепт ДОМ.
4. Исследовать символико-коннотативные и аксиологические значения, связанные с концептом ДОМ в традиционной культуре носителей шугнано-рушанской группы языков.
5. Установить взаимосвязь языковых, культурных и этнических факторов в формировании и функционировании концепта ДОМ.
6. Определить когнитивные принципы категоризации и метафоризации, лежащие в основе репрезентации концепта ДОМ.
7. Разработать когнитивно-семантическую модель концепта ДОМ, отражающую его структурную организацию и функциональное значение в языковой картине мира.

Объект и предмет исследования: Объектом исследования является концепт ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков как многоуровневое лингвокогнитивное образование, репрезентируемое в языке через устойчивые способы номинации и описания домашнего пространства и связанных с ним социальных и нормативно-ценностных представлений. В рамках работы концепт ДОМ рассматривается не как ‘название жилища’, а как

структурированная смысловая область, в которой регулярно соотносятся предметно-пространственные характеристики дома, сценарии повседневного и ритуального взаимодействия, параметры ‘своего/чужого’, а также родовые и ценностные компоненты традиционной картины мира.

Предметом исследования выступают лексико-семантические, морфологические и коллокационные механизмы языковой репрезентации концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков, включая опорные лексемы *čīd*, *xůnā* и *mālā* и их профили сочетаемости. Анализ ориентирован на выявление устойчивых коллокационных моделей и морфологических паттернов (суффиксация, словосложение, лексико-морфологические сочетания, а также взаимодействие с клитиками и служебными показателями), посредством которых в языке закрепляются ключевые смысловые зоны доменной сферы. В предмет исследования также включены когнитивно-семантические и аксиологические репрезентации концепта, проявляющиеся в устойчивых сценариях и культурно значимых узлах домовой модели (граница/допуск, закрытость/доступ, защитные практики, внутренняя иерархия традиционного пространства). Такое понимание позволяет описывать концепт ДОМ как совокупность регулярно воспроизводимых языковых моделей, через которые согласуются структурные параметры языка и интерпретационные смыслы традиционной культуры.

Теоретико-методологическая основа исследования: Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные труды по когнитивной лингвистике [44; 87; 88; 89; 90; 91; 98; 84; 85], по лингвокультурологии [19; 21; 29; 47], по семасиологии [10; 68] и этнолингвистике [118, 159; 163]. Исследование опирается на интеграцию когнитивного, лингвокультурологического и этнолингвистического подходов, что позволяет рассматривать концепт ДОМ как многоуровневую когнитивно-семиотическую структуру, объединяющую языковое, ментальное и культурное измерения.

Методологическую основу составляют методы семантико-когнитивного анализа, лингвокультурологической интерпретации, морфолого-деривационного анализа, метод компонентного анализа, приёмы фреймового моделирования и методы полевого исследования. Эмпирическая база включает корпусные, словарные и полевые данные, полученные в ходе экспедиций в регионы Западного Памира (ГБАО), а также материалы онлайн-корпусов и лексикографических источников.

Научная новизна работы: Научная новизна исследования определяется тем, что впервые концепт ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков рассматривается в когнитивно-лингвокультурологическом и символико-семантическом аспектах, что позволило объединить лингвистические, культурологические и этнолингвистические параметры его репрезентации. Работа опирается на комплексный междисциплинарный подход, сочетающий методы когнитивной лингвистики, этнолингвистики и культурной семиотики, что дало возможность уточнить семантическую, морфологическую и когнитивную структуру концепта, выявить его внутренние связи с традиционными моделями миропонимания и проследить эволюцию его образа в культурно-историческом развитии региона.

В ходе исследования впервые разработана функциональная модель концепта ДОМ, отражающая его лексико-семантические, морфологические и аксиологические параметры в контексте традиционной картины мира народов Памира. Выявлены когнитивные признаки и фреймовые структуры, определяющие концептуальную организацию категории ДОМ; установлены механизмы метафоризации и символизации, обеспечивающие связь между языковыми формами, культурными кодами и ментальными репрезентациями.

Полученные результаты уточняют, как в шугн.-руш. языковом материале соотносятся слово, устойчивое сочетание, морфологическая модель и культурный смысл. На материале концепта ДОМ показано, что традиционные представления о доме закрепляются не только в названиях жилища и его частей, но и в повторяющихся моделях сочетаемости, в

формулах принадлежности, защиты, родовой памяти и внутреннего порядка. В этом состоит вклад работы в когнитивное и этнолингвистическое описание малых памирских языков.

Достоверность и обоснованность результатов обеспечивается тем, что анализ опирается на разнородный и репрезентативный материал: полевые записи, данные живой речи носителей, словарные источники, онлайн-лексикографические ресурсы и этнографические сведения о традиционном памирском доме. Языковые факты рассматриваются в системе: лексико-семантические данные соотносятся с морфологическими моделями, коллокационными паттернами и культурными сценариями, связанными с домом, родом, границей, защитой и внутренним порядком. Повторяемость выявленных моделей на разных типах материала подтверждает устойчивость полученных результатов и позволяет рассматривать их как закономерные для шугн.-руш. группы языков.

Личный вклад автора заключается в самостоятельной разработке концепции исследования, формировании эмпирической базы и проведении полевой работы в регионах Западного Памира. Автором систематизирован языковой материал, выявлены опорные лексемы и их профили сочетаемости, описаны коллокационные модели и морфологические паттерны репрезентации концепта ДОМ. На основе анализа разработана когнитивно-семантическая модель концепта, позволяющая описать его внутреннюю организацию, ядерные и периферийные зоны, а также связь языковых средств с культурно значимыми представлениями. Все основные положения и выводы получены автором лично.

Теоретическая и практическая значимость работы связана с тем, что концепт ДОМ рассматривается на материале малых памирских языков, где многие значения сохраняются не в отвлечённых понятиях, а в конкретных словах, устойчивых сочетаниях и названиях частей традиционного дома. На этом материале показано, как предметная лексика жилища постепенно раскрывает более широкий круг смыслов: семью, род, принадлежность,

границу, защиту, внутренний порядок и память предков. Поэтому работа важна не только для описания шугн.-руш. группы языков, но и для более точного понимания того, как культурный концепт формируется в языке через лексику, морфологические модели и повторяющиеся речевые формулы.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в вузовских курсах по когнитивной лингвистике, этнолингвистике и лингвокультурологии, особенно при изучении языков малых этнических групп. Описанные лексико-семантические зоны, коллокационные модели и морфологические паттерны могут быть использованы при составлении словарей, учебных материалов и справочных пособий по шугн.-руш. языкам. Материалы исследования могут применяться в проектах, направленных на документирование и сохранение памирских языков, а также при разработке культурно-просветительских и образовательных программ, связанных с традиционной культурой народов Памира.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепт ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков представляет собой многоуровневую лингвокогнитивную категорию полевого типа, реконструируемую по данным лексико-семантических, коллокационных и морфологических средств репрезентации и отражающую традиционную модель жилого пространства как предметно, социально и ценностно организованной среды.
2. Базовые номинации жилища образуют асимметричную систему, в которой доминантное положение занимает *čīd*, тогда как *xůnā* и *mālā* выступают конкурирующими, но неравнозначными единицами, различающимися по степени прототипичности, семантическому объёму и профилям сочетаемости, что выявляет внутреннюю иерархию языковой категоризации ДОМ.
3. Полевая организация концепта ДОМ включает ядерную, приядерную и периферийные зоны; ближняя периферия при этом структурируется

системой макро- и микрополей, репрезентирующих основные семейные, хозяйственные, ритуальные, пространственные и социальные аспекты домашнего мира.

4. Существенным механизмом языковой репрезентации концепта ДОМ выступают устойчивые лексические, лексико-морфологические и синтаксические паттерны, через которые системно актуализируются когнитивные признаки границы, центра, принадлежности, защиты, внутреннего порядка и родовой преемственности, а также категоризуются внутренние помещения, функциональные зоны и нормативно значимые характеристики дома и хозяйства.
5. Коллокационно-морфологическая организация концепта ДОМ обнаруживает функциональную специализацию его опорных лексем: *čīd* связано преимущественно с базовыми оценочными и социально-референтными смыслами, *xůnā* – с более сложными событийно-ситуативными и лексико-морфологическими моделями, *mālā* – с пространственной ориентировкой и локализацией.
6. Культурно значимые элементы традиционного жилища, включая *růʒ* ‘окно на крыше’, *poygā* ‘основание традиционного дома’, *kicor* ‘очаг’, *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стен’ и другие архитектурно и ритуально маркированные единицы, образуют символико-аксиологический слой концепта ДОМ, в котором пространственная организация дома соотносится с представлениями о сакральности, благословении, защите, социальном порядке, статусе и памяти рода.
7. Входной комплекс традиционного дома – порог, дверь и связанные с ними защитные формулы и обрядовые действия – репрезентирует особую зону границы, допуска и нормативной регуляции, в которой дом осмысляется как охраняемое пространство, организующее отношения между внутренним и внешним, своим и чужим.
8. Структура концепта ДОМ объединяет универсальные пространственные схемы: ДОМ как центр, граница, вместилище и защита с

этноспецифическими признаками, обусловленными историко-культурной традицией народов Западного Памира, вследствие чего ДОМ выступает одной из ключевых форм языковой фиксации и воспроизводства этнокультурной идентичности.

Материал и методы исследования. Материал анализируется с опорой на несколько взаимосвязанных процедур. Семантико-когнитивный и когнитивно-семантический анализ позволяют описать, как вокруг концепта ДОМ группируются основные лексические зоны: жилище, семья, хозяйство, род, граница, защита и внутренний порядок. Морфологический и коллокационный анализ, в свою очередь, показывает, какими устойчивыми средствами эти значения закрепляются в шугн.-руш. материале, прежде всего при опорных лексемах *čīd*, *xůnā* и *mālā* ‘дом’. Для описания регулярных способов языковой репрезентации концепта применяются морфологический анализ и анализ устойчивых коллокационных моделей: выявляются повторяющиеся паттерны сочетаемости при опорных лексемах *čīd*, *xůnā* и *mālā*, а также лексико-морфологические модели, включающие суффиксацию, словосложение, сочетания со служебными показателями и клитиками. Фреймовое моделирование и компонентный анализ используются для реконструкции типовых ситуаций и смысловых ролей, связанных с домом, тогда как когнитивная грамматика привлекается как вспомогательная рамка для интерпретации профилирования признаков и распределения значений. Лингвокультурологическая интерпретация обеспечивает описание доменной сферы как носителя ценностно-нормативных представлений и устойчивых культурных сценариев. Для уточнения ареальных и идиомных различий привлекаются структурно-типологический метод и элементы сопоставительного анализа внутри шугн.-руш. группы.

Вспомогательное значение для настоящего исследования имеет и структурно-типологический ракурс, уже апробированный на шугнанском материале в работах по лексической типологии. Исследования, посвящённые глаголам со значением ‘прятать’, ‘лить(ся)’ / ‘сыпать(ся)’ и системе глаголов

движения вниз, показывают продуктивность типологического вопросника, полевой верификации словарных данных и фреймового описания семантических различий. Эти работы подтверждают, что шугнанский язык последовательно членит событийно-пространственный опыт по семантически релевантным признакам. Особенно показательно, что в системе глаголов движения вниз выделяется специальный предикат *čuk ðêdow* ‘(про)валиться, (об)рушиться; упасть внутрь’, употребляющийся в том числе при описании провала потолка дома. Это позволяет использовать структурно-типологический анализ как вспомогательный инструмент при интерпретации пространственно-архитектурных аспектов концепта ДОМ [150; 151].

Эмпирическую базу исследования составили полевые материалы, собранные в Рошткалинском и Ишкашимском районах, Бартангской долине, а также в ряде кишлаков Рушанского и Шугнанского районов. В работе используются данные живой речи носителей, материалы наблюдения и фиксации речевых фактов, а также словарные источники и онлайн-лексикографические ресурсы, привлекаемые для верификации и сопоставления.

Эмпирическую основу исследования составили авторские полевые материалы, собранные и верифицированные в 2019–2024 гг. в различных районах ГБАО, а также записи автора по материалу шугнано-рушанских языков за 2015–2024 гг. Фактическая языковая база исследования включает 1768 уникальных единиц и контекстных примеров, выявленных в основном тексте глав I–IV после исключения точных повторов. В их числе 725 самостоятельных лексических единиц, включая простые, производные и сложные номинации; 734 словосочетания и кратких выражения; 309 развёрнутых фраз, предложений и речевых формул. Данный материал охватывает базовые номинации жилища, названия конструктивных частей и функциональных зон дома, лексику семьи, рода и хозяйства, а также обрядовые, защитные, оценочные и социально-нормативные выражения, связанные с традиционной моделью дома.

Анкетная часть исследования включала 82 респондента. Полная анкета содержала 50 ситуативных предложений, поэтому максимально возможный объём материала мог составить 4100 реакций. Вместе с тем количественная обработка проводилась по фактически полученному массиву данных. В итоговую выборку были включены 2498 валидных ответов. В статистический подсчёт не включались пропущенные позиции, ответы без однозначно выраженного выбора, а также случаи, не поддающиеся достоверной интерпретации. Полученный материал позволил уточнить распределение лексем *čīd, xůnā* и *mālā* ‘дом’, ‘жилище’ в разных типах употребления. Значения единиц проверялись через сопоставление полевых записей, живой речи носителей, анкетных данных, словарных источников и онлайн-лексикографических ресурсов, что позволило отделить реально функционирующие формы от архаичных, пассивных или только словарно зафиксированных единиц.

Следует учитывать, что названия элементов материальной культуры, ритуальных объектов и практик в языках шугнано-рушанской группы нередко фонетически варьируются. В работе принят унифицирующий способ подачи материала, отражающий общие лексико-семантические и культурные характеристики ареала. Основной формой представления большинства единиц служит шугнанский вариант, тогда как соответствия в других языках группы приводятся для базовых номинаций и в случаях, когда различия существенны для интерпретации. Это позволяет избежать повторения близких форм, поскольку специальное описание фонетических расхождений не входит в задачи исследования. Такой подход обусловлен близостью лексико-семантических явлений и общностью традиционной культуры народов Западного Памира. И. М. Стеблин-Каменский отмечал сравнительное этнографическое единообразие памирского ареала, проявляющееся в общих типах построек, предметах утвари и способах приготовления пищи [64, с. 6]. Сходство прослеживается также в обрядах, ритуальных действиях и принципах организации внутреннего пространства дома, что позволяет

рассматривать соответствующие явления как общие для носителей шугн.-руш. языков при сохранении различий в их языковом выражении.

В работе используются аналитические и обобщающие таблицы, в которых систематизированы лексико-семантические зоны концепта ДОМ, распределение опорных лексем *čīd, xůnā, mālā* ‘дом’, ‘жилище’, а также основные коллокационные и морфологические модели. Таблицы помогают удержать большой массив шугн.-руш. материала в единой логике анализа и показать, какие единицы образуют ядерную, приядерную и периферийные зоны поля. Наиболее важные таблицы включены в основной текст, а расширенные перечни языковых данных вынесены в приложение, чтобы не перегружать изложение.

Основные результаты и их апробация: Основные результаты исследования отражены в 29 научных публикациях автора, включая 17 статей в рецензируемых изданиях из перечня ВАК Российской Федерации. По теме диссертации опубликована монография, в которой обобщены ключевые положения работы о концепте ДОМ в шугн.-руш. языковой и культурной традиции. Отдельные результаты исследования докладывались на республиканских и международных конференциях по лингвистике, где обсуждались вопросы когнитивного анализа, лингвокультурной интерпретации и описания памирского языкового материала.

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка литературы и приложений. Первая глава задаёт теоретическую рамку и отбирает те подходы, которые действительно используются в анализе. Во второй главе рассматривается семантическое пространство концепта ДОМ и его полевая организация. Третья глава посвящена морфологическим и коллокационным моделям, через которые этот концепт закрепляется в языке. В четвёртой главе анализируются когнитивные, культурные и ценностные смыслы, связанные с домом в шугн.-руш. традиции.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ КОНЦЕПТОВ И ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В трактовке Е. С. Кубряковой когнитивная лингвистика рассматривает язык как особый когнитивный механизм, то есть как инструмент репрезентации и переработки информации [210, с. 53]. В рамках этого направления язык осмысляется не только как средство общения, но и как важный компонент познавательной деятельности человека, непосредственно связанный с мышлением. В таком ракурсе связь языка и культуры видна иначе: язык не только отражает реальность, но и закрепляет культурный опыт, ценности и способы восприятия мира. Через него поддерживаются коллективная память и этническая идентичность. Особенно отчётливо это проявляется в тех концептах, где языковое значение тесно связано с культурными представлениями и традиционным мироощущением. К их числу относится и концепт ДОМ, который в шугн.-руш. языковой картине мира обладает не только предметным, но и глубоким символическим содержанием.

Когнитивная лингвистика выработала несколько подходов к пониманию концепта и его анализу. При описании концепта ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков эти подходы дают разный результат, поскольку каждый из них обращён к своему уровню языковой организации и объясняет разные стороны материала. Для настоящего исследования важны прежде всего те подходы, которые позволяют связать языковое описание с ценностным и символическим содержанием концепта. Поэтому в главе рассматриваются не все существующие теории, а только те, которые действительно помогают работать с данным материалом и описывать ДОМ как сложное культурно значимое образование. Методологическую основу работы составляют лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы, а также семантико-когнитивный, фреймовый, морфологический и коллокационный анализ. Именно они задают основной ход интерпретации языкового материала

в главах II–IV. Теория концептуальной метафоры, имидж-схемы, отдельные положения когнитивной и конструкционной грамматики подключаются лишь там, где конкретный языковой факт требует дополнительного объяснения.

В когнитивной лингвистике концепт понимается как ментальное образование, в котором языковое значение связано с культурными представлениями и ценностными установками носителей языка. Такой подход позволяет анализировать не только семантическую структуру языковых единиц, но и механизмы, через которые культурно значимое содержание получает языковое выражение и сохраняется в традиции. Для исследования концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков это особенно существенно, поскольку соответствующие номинации передают не только предметное значение жилища, но и устойчивые представления о жизненном пространстве, семейном укладе и традиционных формах быта. Многослойность этих представлений требует обращения к основным теоретическим подходам когнитивной лингвистики, чтобы выделить те из них, которые наиболее продуктивны для анализа концепта ДОМ в шугн.-руш. языковой и культурной среде.

1.1. Когнитивная трактовка концепта как методологическая основа анализа концепта ДОМ

В современной лингвистике концепт рассматривается как одна из базовых единиц ментальной организации знания, через которую человек осмысляет и упорядочивает собственный опыт. Подобные ментальные образования аккумулируют представления о мире, сформированные в процессе исторического и культурного развития, и тем самым выступают своеобразными хранилищами коллективной памяти. Именно поэтому концепты не только упорядочивают повседневные знания, но и поддерживают преемственность культурного опыта, который передаётся из поколения в поколение. В этом смысле анализ концепта ДОМ приобретает особое значение, поскольку позволяет проследить, каким образом в языковом

сознании закрепляются представления о пространстве проживания, семейных ценностях, границах ‘своего’ и ‘чужого’, а также каким образом эти представления сохраняются в языке, культурной памяти и традиционных моделях интерпретации, что в дальнейшем рассматривается в главах II-IV.

В этом разделе рассматривается, как в когнитивной лингвистике складывались представления о концепте и как менялось его понимание. Обзор носит выборочный характер и включает только те трактовки, которые важны для дальнейшего анализа языкового материала. Лексико-семантические и структурные характеристики исследуемого концепта подробно рассматриваются в специальных подразделах главы, где изложены данные полевых наблюдений, принципы их систематизации и используемые аналитические процедуры.

Разные трактовки концепта во многом объясняются тем, что сам объект сложен и относится к сфере ментальных явлений. Это делает сам объект описания многослойным и допускает разные способы его теоретического осмысления. Поэтому в разных научных традициях внимание сосредоточивается на разных аспектах концепта в зависимости от того, какие его свойства считаются определяющими для анализа.

Одну из первых попыток осмыслить концепт как особую мыслительную единицу предпринял С. А. Аскольдов-Алексеев, определив его как ‘мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода’ [108, с. 267]. В этом определении на первый план выдвигается обобщающая функция концепта: он позволяет упорядочивать опыт, сводя разнородные явления к единой ментальной схеме. Такой подход особенно важен для анализа тех смысловых сфер, где за единым наименованием скрывается широкий круг предметных, образных и ценностных представлений, формирующих устойчивую картину мира.

В. В. Виноградов рассматривал концепт через соотнесённость слова с действительностью, подчёркивая, что слово обозначает лишь ‘кусочек действительности’ и тем самым отражает способ отношения человека к миру

[120, с. 163]. В таком понимании концепт уже не сводится только к механизму обобщения, а выступает результатом индивидуального осмысления и интерпретации опыта. Это позволяет учитывать, что за одним и тем же словом могут стоять разные смысловые акценты, зависящие от культурной среды, жизненного уклада и системы ценностей носителей языка.

Д. С. Лихачёв существенно расширил представление о концепте, предложив рассматривать его как своего рода ‘алгебраическое выражение значения’, которым человек оперирует в речи. При этом он подчёркивал, что концепт не совпадает с языковым значением и формируется на пересечении усвоенного содержания, личного опыта, образования и культурной среды носителя. Важным в его подходе является понимание концепта как своеобразного ‘послания’ (message), смысл которого не задан раз и навсегда, а каждый раз заново интерпретируется адресатом в зависимости от конкретного контекста. Такое видение позволяет учитывать изменчивость смыслов и их зависимость от культурных и жизненных обстоятельств [134].

Сопоставление этих подходов показывает, что концепт нельзя свести ни к абстрактной понятийной схеме, ни к обычному языковому значению. Его содержание оказывается существенно шире, поскольку включает как индивидуальные, так и коллективные механизмы порождения смыслов. В этом плане особенно нагляден материал, связанный с представлениями о жилище: здесь предметное значение переплетается с культурными, символическими, пространственными и ценностными компонентами, складывающимися в рамках традиционного мировосприятия и отражающими устойчивые модели жизненного уклада.

В западной когнитивной традиции ключевую роль в формировании современного понимания концепта сыграли исследования, ориентированные на описание структуры знания и способов его языковой репрезентации. Существенный вклад внесла теория фреймовой семантики Ч. Филлмора, где фрейм был осмыслен как когнитивная структура, организующая опыт и направляющая интерпретацию языковых единиц [173, с. 111-137]. Не менее

значимой стала книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона *Metaphors We Live By*, в которой было показано, что концептуальная метафора является одним из базовых механизмов мышления, лежащих в основе повседневных способов осмысления действительности [87]. В исследованиях Л. Талми, в частности в работе *How Language Structures Space*, был предложен когнитивный подход к описанию пространственных отношений, что позволило рассматривать языковое выражение пространства как отражение глубинных ментальных моделей [189]. Существенное влияние оказали и идеи Р. Лэнгакера, изложенные в труде *Foundations of Cognitive Grammar*, где грамматическое значение трактуется как неотделимое от когнитивных процессов [89]. Вместе эти подходы создали теоретическую основу для дальнейшего изучения концептов и позволили анализировать такие смысловые области, где пространственные, образные и ценностные представления связаны между собой.

Существенное развитие фреймового подхода связано с работами Ч. Филлмора, исходившего из того, что значение слова не может быть понято вне той ситуации, которую оно предполагает. Такую ситуацию он описывал как ‘сцену’ или ‘сценический каркас’, позднее обозначенный термином *фрейм*. Согласно его словам, ‘значения соотносятся со сценами’ [173, с. 59–81], а интерпретация высказывания всегда опирается на уже сложившуюся в сознании систему фреймов. Именно они позволяют соотносить происходящее с накопленным опытом, организовывать собственную речь, понимать высказывания других и формировать целостную внутреннюю картину мира [174, с. 20–32]. Этот подход особенно продуктивен для анализа смысловых областей, в которых значение формируется через типовые жизненные ситуации и повторяющиеся сценарии человеческого опыта.

В таком понимании язык у Ч. Филлмора понимается не только как средство сообщения, но и как инструмент мышления, связанный с устойчивыми когнитивными структурами. Именно через фреймы ситуация связывается с концептом: они организуют знание и задают способ его

интерпретации. Это положение оказалось принципиально значимым для последующего развития когнитивной лингвистики, поскольку позволило по-новому осмыслить соотношение языкового значения и ментальных моделей опыта, лежащих в его основе.

В когнитивной лингвистике фрейм обычно понимается как особая структура знания, в рамках которой организуются представления о типичной ситуации, включающей участников, их роли, действия, предметы и другие элементы. М. В. Никитин определяет фрейм как ‘суммированное знание об объекте, явлении или сущности’ [144, с. 62], акцентируя его обобщающую функцию как когнитивной схемы. Н. Н. Болдырев, развивая эту линию, рассматривает фрейм прежде всего как ‘когнитивную модель, передающую знания и мнения об определённой, часто повторяющейся ситуации’ [110, с. 29]. В таком понимании фрейм фиксирует состав ситуации и способы её объяснения, что делает его важным инструментом для описания процессов категоризации и внутреннего смыслового упорядочивания опыта. Применительно к конкретному предмету анализа посредством фреймового подхода концепт воспринимается как структурированная модель типовой жизненной ситуации. Например, объект данного исследования – концепт ДОМ может быть представлен в виде когнитивной схемы, включающей устойчивые смысловые модели: локативную (дом как место пребывания), объектную (дом как физическая постройка), антропоцентрическую (дом как пространство семьи), функциональную (дом как место отдыха, защиты, приёма пищи) и коммуникативно-социальную (дом как пространство гостеприимства, семейного взаимодействия, обрядовых действий). Подобный фрейм предполагает наличие как обязательных элементов ситуации, так и наличие различных сценарных ролей, связанных с типичными повседневными действиями внутри дома. К таким важнейшим сценарным ролям фрейма могут относиться показатели принадлежности ‘чей дом?’, уточняющиеся как ‘кто живёт (обитатель/хозяин)’ и/или ‘кто построил (создатель/строитель)’. На языковом уровне эти роли часто отражаются средствами выражения

посессивности, которые привязывают дом к конкретному лицу или группе лиц. Наряду с этим формируется ценностно-символический слой, включающий оппозиции ‘своё – чужое’, ‘внутреннее – внешнее’, представления о безопасности, родовой памяти, сакральности порога и внутреннего пространства. Подобная модель позволяет рассматривать дом как предметную реалию и как многомерную когнитивную структуру, в которой соединяются пространственные, социальные и ценностные параметры опыта. Именно в этом направлении фреймовый подход приобретает особую объяснительную значимость для анализа концепта ДОМ в шугн.-руш. языках, где жизненные ситуации, связанные с домом, сохраняют высокую степень культурной и символической насыщенности.

Дальнейшее развитие когнитивного понимания концепта связано с работами Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в которых метафорическая и метонимическая модели рассматриваются как базовые механизмы концептуализации. В их интерпретации метафора утрачивает статус чисто стилистического приёма и осмысляется как фундаментальный способ организации мышления. Эту линию развивает и А. Н. Баранов, отмечая, что процессы метафоризации основаны на обработке знаний, вследствие чего метафора оказывается прежде всего когнитивным феноменом, влияющим на мышление человека [14, с. 18]. Авторы подчёркивают, что ‘наша обычная концептуальная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по своей сути метафорична’ [42, с. 26]. Это означает, что значительная часть опыта осваивается человеком не напрямую, а через переносы, сопоставления и соотнесение с более наглядными и телесно переживаемыми сферами, что формирует основу метафорической концептуализации.

В подходе Дж. Лакоффа и М. Джонсона концепты понимаются не как раз и навсегда данные сущности, а как образования, складывающиеся из телесного и перцептивного опыта человека. Исследователи подчёркивают, что метафоры ‘глубоко укоренены в нашей повседневной жизни’, определяя способы понимания, переживания и практического действия: ‘если наша

концептуальная система в значительной степени метафорична, то то, как мы думаем, что мы переживаем и что мы делаем каждый день, во многом является вопросом метафоры’ [42, с. 26]. Тем самым концептуальные структуры оказываются тесно связанными с телесным опытом, пространственной ориентацией и повседневными практиками, через которые человек осваивает окружающий мир. В этом контексте особенно показательно, что многие базовые аспекты концепта ДОМ осмысляются именно через метафорические проекции телесного и пространственного опыта. Метафорические представления о ‘внутреннем’ и ‘внешнем’, ‘своём’ и ‘чужом’, ‘защите’, ‘опоре’, ‘пути возвращения’ формируются не как абстрактные логические категории, а как результат повседневного телесного взаимодействия человека с пространством жилища. Тем самым метафорический механизм становится одним из ключевых инструментов концептуализации дома как особой жизненной среды, а не только как физического объекта.

Такое понимание хорошо соотносится с фреймовой моделью Ч. Филлмора, поскольку в обоих случаях решающую роль играют когнитивные структуры, через которые осмысляется опыт. При этом они описывают разные уровни его организации: если фреймы задают типовые сцены и ситуации, в рамках которых разворачивается понимание, то метафоры выступают механизмами переосмысления одних сфер опыта через другие. В итоге эти подходы позволяют рассматривать концептуализацию как многоуровневый процесс, сочетающий сценарную организацию знания с образно-переносными способами его осмысления.

В настоящем исследовании фреймовая и метафорическая модели используются как взаимодополняющие инструменты анализа концепта ДОМ. Фреймовый подход позволяет описывать типовые жизненные ситуации, в которых дом выступает как пространство проживания, семейного взаимодействия, приёма гостей, защиты и разграничения внутреннего и внешнего. Метафорическая модель, в свою очередь, даёт возможность выявить те образные и ценностные переносы, через которые дом осмысляется

не только как физическое строение, но и как опора, убежище, родовое пространство и точка возвращения. В сочетании эти подходы позволяют рассматривать концепт ДОМ одновременно в его ситуационном и символическом измерении. Для шугн.-руш. материала это особенно важно, поскольку предметные, образные и ценностные смыслы дома здесь тесно переплетаются и не существуют изолированно друг от друга.

С точки зрения фреймовой семантики Ч. Филлмора концепт ДОМ можно рассматривать как артефакт, то есть как созданный человеком объект, включённый в типовые сценарии использования. Для такого объекта в языке и культуре актуализируются по меньшей мере два взаимосвязанных фрейма: функциональный (дом как пространство проживания: ‘в доме живут/находятся/укрываются’) и креативный (дом как результат строительства). Во втором случае дом структурируется через роли и параметры ‘строитель – действие (строить/возводить/чинить) – материал – результат’, а также через подготовительный этап, предшествующий собственно постройке. Важным слотом в случае концепта ДОМ является слот *материал*, так как он фиксирует конкретную сторону данного концепта и связывает метод семантики фрейма с эмпирическим анализом. Так, в рассматриваемой традиции постройка дома связана с устойчивыми представлениями о характерных строительных материалах, таких как камень как основа и древесина как компонент кровли. Следует отметить, что эти строительные материалы всегда заготавливались задолго до начала строительства и работа осуществлялась совместными усилиями, что находит свое отражение в языковых единицах и дискурсивных способах репрезентации ДОМ-а. К примеру, такие единицы как *žīr tayori* ‘заготовка камня’ и *kiryār* ‘призыв на помощь’ расширяют креативный фрейм за счёт параметров временной протяжённости и совместного действия, поскольку дом строится не одним человеком, а общими усилиями.

В то же время фреймовая модель Ч. Филлмора, при всей её исследовательской ценности, оказывается недостаточной для описания

концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков, поскольку объект анализа включает выраженные культурные и ценностные компоненты. Это ограничение особенно заметно при рассмотрении концептов, в структуре которых значительную роль играют аксиологические и символические смыслы. Поэтому в настоящем исследовании фреймовый анализ используется преимущественно как средство первичного структурирования материала, тогда как его дальнейшая интерпретация осуществляется с привлечением лингвокультурологического и семантико-когнитивного подходов. Такое сочетание методов позволяет выйти за пределы описания типовых ситуаций и обратиться к более глубоким культурным слоям концепта ДОМ.

Для анализа концепта ДОМ особенно продуктивны те положения, которые связаны с метафоричностью и прототипической организацией концептов. Такая перспектива позволяет учитывать многослойный характер его репрезентации, в которой наряду с предметно-бытовыми признаками устойчиво закреплены образные, духовные и символические компоненты, формирующиеся в пространстве традиционного мировосприятия. Когнитивный подход в данном случае делает возможным выявление языковых средств фиксации этих смыслов и реконструкцию культурного содержательного ядра, стоящего за их вербальной реализацией.

В работах Л. Талми концепт осмысляется как особое когнитивное содержание (*cognitive content*), которое получает структурированное выражение в языке. Под этим содержанием исследователь понимает абстрактные идеационные компоненты, а также элементы опыта и восприятия, формирующие ментальную основу языкового значения. В таком понимании языковая репрезентация концепта оказывается центральной областью интереса когнитивной семантики [97, с. 1–2]. Семантика, по Л. Талми, не существует обособленно от мышления, а представляет собой его органическую часть, организованную средствами языка. Он подчёркивает: ‘Когнитивная семантика – это теоретическая система, которая рассматривает значение как концептуальное содержание, а язык как систему

структурирования и передачи такого содержания’ [97, с. 4]. Этот подход принципиально важен для анализа тех концептов, в которых пространственные, перцептивные и опытные компоненты играют системообразующую роль, поскольку позволяет рассматривать языковое значение как отражение способов когнитивного освоения реальности.

В общей когнитивной традиции подход Л. Талми важен тем, что он сосредоточен на концептуальном структурировании и показывает, как язык не только отражает, но и формирует содержание мысли. В его модели язык выступает как средство организации когнитивного опыта, задающее способы представления пространственных, перцептивных и событийных структур. Это делает данный подход методологически значимым для анализа сложных концептов, в которых языковая форма тесно переплетена с опытным и пространственным освоением реальности, включая концепт ДОМ.

В рамках когнитивной грамматики Р. Лэнгакер рассматривает концепт как семантическое содержание символической единицы, которое получает выражение в грамматической форме. Язык, в его понимании, является составной частью общей когнитивной системы, а потому грамматические категории не могут интерпретироваться как нейтральные формальные оболочки. Напротив, каждая грамматическая структура представляет собой единство формы и смысла, то есть особую ‘символическую единицу’, в которой формальный компонент неразрывно связан с концептуальным содержанием [90, с. 3; 55].

С этой точки зрения грамматика перестаёт быть нейтральным механизмом организации высказывания и начинает рассматриваться как система, непосредственно кодирующая ментальные представления. Р. Лэнгакер последовательно показывает, что любая языковая единица, будь то слово, морфологический показатель или служебный элемент, несёт в себе определённое концептуальное содержание и отражает способы когнитивного структурирования опыта. Тем самым грамматика оказывается не внешней по отношению к мышлению, а включённой в процесс концептуализации и

выступает одним из каналов воплощения мыслительных процессов в языковой форме.

Существенный вклад в развитие когнитивной теории внёс Дж. Тейлор, предложивший рассматривать концепты как прототипическую категорию с внутренней организацией по принципу ядра и периферии. Такой подход позволил по-новому осмыслить размытость границ концепта и неодинаковую степень выраженности его отдельных признаков. В рамках прототипической модели категория мыслится как система, в центре которой располагается наиболее типичный представитель, тогда как остальные элементы соотносятся с ним по степени сходства или удалённости. Тейлор подчёркивает: ‘Категории прототипов играют центральную роль в когнитивной лингвистике, поскольку они позволяют оценивать принадлежность: некоторые члены занимают более важное место, чем другие, а прототип служит точкой отсчёта для категоризации менее ясных случаев’ [98, с. 21].

Рассматривая концепт как разновидность когнитивной категории, исследователь трактует его как ментальную структуру, посредством которой человек воспринимает, упорядочивает и классифицирует элементы действительности. В этой системе прототип выполняет функцию смыслового центра, относительно которого определяется степень соотнесённости других репрезентантов и их включённости в категорию. Такой подход позволяет точнее увидеть внутреннюю неоднородность концепта и объяснить, почему в его структуре сосуществуют более устойчивые, центральные значения и более вариативные, периферийные смысловые зоны, различающиеся по степени удалённости от ядра.

Прототипический подход к организации категорий восходит к исследованиям в психологии категоризации и связан прежде всего с работами Э. Рош, показавшей, что естественные категории имеют внутреннюю градуальную структуру и различную степень типичности их членов [185, с. 27–48]. В когнитивной лингвистике эти положения получили систематическое изложение и методическое применение, в частности в работах Дж. Тейлора,

который рассматривает прототипическую организацию как важный принцип описания языковых категорий [98]. Для настоящего исследования это методологически значимо, поскольку позволяет описывать концепт ДОМ как внутренне неоднородную структуру, организованную по принципу ядра и периферии.

В рамках прототипичного подхода прототип выступает центральной, наиболее типичной репрезентацией концепта ДОМ и соотносится с устойчивыми признаками дома как места проживания и жизненного пространства. Ядерную зону образуют значения, максимально близкие к этому центру: представления о родном доме, очаге и семейном пространстве. Периферию формируют образные, символические и сакральные расширения, в которых концепт выходит за пределы предметного значения и включает ценностные и культурно маркированные смыслы. Такая организация положена в основу дальнейшего анализа: в главе II рассматриваются преимущественно ядерные, предметно-бытовые репрезентации концепта ДОМ, тогда как в главах III и IV основное внимание уделяется его периферийным, т.е. образным и ценностным проявлениям. Тем самым прототипическая модель позволяет описывать концепт как целостную и динамически организованную систему значений.

Обращение от прототипической модели к теориям ментальных пространств позволяет рассматривать смысловые структуры уже не только как внутренне организованные, но и как подвижные. Если в подходе Дж. Тейлора основное внимание уделяется степени типичности и распределению элементов внутри категории, то в концепции Ж. Фоконье и М. Тернера акцент смещается на процессы комбинирования и переосмысления этих элементов в ходе мышления. В таком ракурсе концепт предстает как структурированное и одновременно динамически перестраивающееся образование. Это расширяет аналитические возможности исследования, позволяя учитывать механизмы порождения новых смыслов, возникающих при взаимодействии различных когнитивных областей.

В рамках когнитивной лингвистики существенное влияние получила теория ментальных пространств Ж. Фоконье, в которой смысловая интерпретация рассматривается как процесс построения временных когнитивных моделей, формируемых в ходе мышления и общения. Эти модели позволяют локально организовывать значение в зависимости от конкретной коммуникативной задачи. Ж. Фоконье не даёт самостоятельного определения концепта, однако подчёркивает, что именно в ментальных пространствах формируются и взаимодействуют смысловые элементы. Он указывает, что ‘ментальные пространства представляют собой весьма фрагментарные структуры, создаваемые в процессе нашего мышления и речи для целей локального понимания и действия. Они содержат элементы и структурированы фреймами и когнитивными моделями… единое ментальное пространство может быть построено из знаний из множества отдельных областей’ [84, с. 16-17]. Такой подход позволяет рассматривать смысл не как заранее заданную величину, а как результат актуального когнитивного конструирования.

На основе теории ментальных пространств Ж. Фоконье совместно с М. Тернером была разработана теория концептуального блендинга, описывающая механизм порождения новых смыслов через взаимодействие двух или более ментальных пространств. В проекции на концепт ДОМ в качестве исходных можно выделить, по меньшей мере, два взаимосвязанных пространства: ‘СТРОИТЬ’ и ‘ЖИТЬ’. Пространство ‘СТРОИТЬ’ включает параметры легитимации и организации строительства (дом возводится на участке, не являющемся предметом спора и признаваемом родом/семьёй), что в традиции осмысляется как условие благополучия и покоя: ср. *piyīl čūjin zamīn* –букв. ‘подаренная земля’, т. е. земля, на которую есть благословение, а также установку *čīdmīzd-and zamīn boyad janjoli mā-ved* –‘земля под строительство дома не должна быть спорной’, иначе в таком доме не будет покоя. Значимым компонентом данного пространства выступает и ролевая структура ‘мастер–строитель’, обладающая высокой социальной оценкой (ср. номинацию типа

wistoδ ‘мастер (по строительству дома)’), что подтверждается и дискурсивными формулами уважения: *yid māš wistoδ, māš čad-en-i fuk yid mīzd* ‘Он наш мастер, все наши дома он построил’. Подобные высказывания маркируют не только признание профессиональной компетентности, но и особый социальный статус мастера: в традиционной культуре мастера различных ремёсел рассматриваются как авторитетные носители практического знания, при этом мастер, возводящий дом, занимает особенно значимое место. В рамках данного пространства фиксируются также представления о распределении прав на дом: в традиции дом соотносится с нормой наследования, включая его закрепление за младшим сыном, что прямо вербализуется в устойчивой формуле *čīd fištīr puc-and* ‘дом принадлежит младшему сыну’. Пространство ‘ЖИТЬ’ актуализирует дом как родовое и ценностно маркированное место (отцовский/родовой дом), включая *kata-cid* ‘дедовский дом’, воспринимаемый в традиции как особая точка родового происхождения и символ преемственности, откуда ‘идут’ родственные корни. Одновременно здесь закрепляются ценностные ограничения, связанные с предками: фиксируется запретительная установка на разрушение жилища и представления о возможной ‘обиде’ духов, ср. *čīd pat čīdow gandā, arwogůn qār-en* ‘разрушать дом плохо, духи предков обидятся’. Совмещение этих пространств в бленде ‘ДОМ’ позволяет объяснить формирование сложной семантики, в рамках которой физическая постройка осмысляется и как результат коллективно санкционированного созидания, и как пространство организации семейной жизни; данное взаимодействие в дальнейшем может служить основой для метафорических и символических расширений концепта.

В результате такого совмещения возникает бленд, т.е. новое концептуальное образование со своей внутренней структурой и целостным смыслом [83]. Тернер рассматривает блендинг как один из ключевых инструментов мышления, посредством которого человек выстраивает сложные концептуальные конструкции и организует восприятие различных сфер опыта, как повседневных, так и научных [100, с. 93]. В применении к

концепту ДОМ это позволяет объяснять, каким образом в единой когнитивной модели совмещаются разнородные компоненты опыта (строительство, проживание, родовая принадлежность и ограничения), порождая устойчивые культурно маркированные смыслы.

Значительный вклад в развитие российской когнитивной лингвистики внесла Е. С. Кубрякова, предложившая рассматривать концепт как особую форму организации знания, обозначаемую ею термином ‘квант знания’, то есть минимальную когнитивную единицу, необходимую для осмысления действительности [39]. При этом исследователь подчёркивает, что концепт не сводится к языковому значению и не может быть объяснён только через конкретную языковую форму. Он функционирует на разных уровнях когнитивной системы, включая оперативную память, ментальный лексикон и концептуальную структуру сознания, а также участвует в языковой организации мозга. Такая трактовка подчёркивает сложный характер концепта, что связана и с ментальным опытом, и с системой знаний, и с формированием целостной картины мира [39, с. 90]. В этом понимании концепт предстает универсальным когнитивным механизмом, через который человек интерпретирует окружающий мир и структурирует собственный опыт [209].

При этом особо подчёркивается, что концепты, даже получая языковое выражение, не тождественны языковым знакам и не исчерпываются ими. Язык в данной модели предстает лишь одним из каналов репрезентации концептуального содержания, тогда как значительная часть когнитивных структур существует вне непосредственной языковой фиксации. Это позволяет рассматривать концепты как относительно автономные элементы ментальной организации, формирующиеся в сфере мышления и лишь частично закрепляющиеся в системе языка [40, с. 90–92]. Именно поэтому наиболее значимые для культуры и коллективного сознания концепты получают устойчивое языковое оформление; в частности, концепт ДОМ закрепляется в языке как номинация жилища и как комплекс представлений о

‘своём’ пространстве, родовой принадлежности, очаге и сакральной ценности. Так, идея предпочтительности ‘своего’ по отношению к ‘чужому’ вербализуется в формуле *xu nêx ti vidow bašand* ‘находиться на своих нарах лучше’, т. е. у себя дома лучше, чем в чужом пространстве. Одновременно культурно маркированный центр дома - очаг получает специфическую номинацию и интерпретацию через выражения *nān ʒīngak* букв. ‘мамин выступ очага’ и *dod ʒīngak* ‘папин выступ очага’: несмотря на буквальную ‘персонализацию’ части очага, данные номинации репрезентируют не индивидуальную собственность, а культурно закреплённое распределение зон внутри дома и их ценностную иерархию, где очаг выступает почти ‘алтарной’ точкой, связанной с идеей родного (отцовского/родового) дома и традиционно соотнесённой с женской сферой домохозяйства. Тогда как менее фундаментальные смыслы могут оставаться на уровне неявных когнитивных структур и не получать столь устойчивых формульных выражений. Такой подход усиливает понимание концепта как первичной единицы когнитивного опыта, не сводимой к слову, но способной отражаться в нём в зависимости от степени своей ментальной и культурной значимости.

Значимым для понимания внутренней организации концепта является подход, разработанный З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, в рамках которого концепт осмысляется как неоднородное смысловое пространство с неравномерным распределением признаков [78, с. 27–32]. Центральная зона объединяет наиболее устойчивые и наглядные характеристики, связанные с типичным представлением об объекте, тогда как периферийные области включают более абстрактные, вариативные и контекстуально обусловленные компоненты. Принципиально важно, что элементы периферии не трактуются как второстепенные: напротив, именно они обеспечивают концепту гибкость, динамичность и способность к смысловому расширению [78, с. 27-32]. Для настоящего исследования это существенно, поскольку позволяет описывать концепт ДОМ как полевую структуру с ядерными предметно-бытовыми

репрезентациями и периферийными образными, ценностными и культурно маркированными расширениями.

В отличие от прототипического подхода, который задаёт общий принцип ядро–периферия как модель категоризации [98], семантико-когнитивная концепция Поповой и Стернина добавляет к этой идее процедурный инструментарий: реконструкцию структуры концепта по языковым данным через построение номинативного поля и выявление интерпретационных компонентов, организованных по полевому принципу (центр/ближняя периферия/дальняя периферия) [78]. Тем самым их подход даёт не очередное общее описание, а рабочую методику, позволяющую показать на конкретном материале, как выделяются ядро и периферия концепта ДОМ.

В последующих работах Попова и Стернин углубляют понимание концепта как многомерной когнитивной единицы, в которой пересекаются языковые, культурные и исторические пласты опыта; концепт трактуется как ‘…глобальная единица мыслительной деятельности… квант структурированного знания…’ [78]. Для анализа концепта ДОМ это важно, поскольку позволяет удерживать одновременно предметный, социальный и ценностно-нормативный уровни его содержания.

Развивая полевую модель, Попова и Стернин показывают, что внутренняя организация концепта выявляется через анализ языковых средств репрезентации; в рамках этой логики и семантика слова может быть описана как полевая структура: в центре находится архисема, на ближней периферии – дифференциальные семы, на дальней – скрытые компоненты [78, с. 46-47]. В применении к концепту ДОМ это позволяет связать прямые номинации жилища с более широкими культурными и оценочными слоями, которые чаще закрепляются на периферии и проявляются в специфических контекстах (в том числе обрядовых).

Полевой подход продуктивен и тем, что позволяет прослеживать степень устойчивости и изменчивости компонентов концепта; это особенно

важно при анализе процессов ослабления и утраты лексики в шугн.-руш. языках, где периферийные элементы концепта оказываются наиболее уязвимыми. Вместе с тем полевое описание само по себе не объясняет механизм смыслопорождения при совмещении разнородных компонентов опыта; поэтому в тех случаях, когда ДОМ объединяет разные ‘пакеты’ знаний (строительство и проживание, социальное и сакральное), анализ целесообразно дополнять моделями ментальных пространств и концептуальной интеграции [83]. В этом сочетании теория Фоконье–Тернера объясняет, как возникают новые смысловые конфигурации, а подход Поповой–Стернина позволяет эмпирически показать, какими языковыми средствами эти конфигурации закрепляются и как распределяются по зонам концепта.

Идея концепта как элемента коллективного сознания получает заметное развитие в работах А. П. Бабушкина. Исследователь подчёркивает культурно-памятный статус концепта и его закреплённость в коллективном опыте, определяя концепт как ‘дискретную содержательную единицу коллективного сознания… хранимую в национальной памяти… в вербально обозначенном виде’ [9]. С этой точки зрения, для анализа концепта ДОМ важен тем, что он позволяет рассматривать культурно-нормативные элементы (отцовский / родовой дом, табу и традиционные нормы, связанные с жильем, уважение к пространству житья) как устойчивые параметры коллективной памяти. Таким образом А.П. Бабушкиным дополняется прототипическая модель и теория концептуальной интеграции, первая из которых объясняет распределение по степени типичности, а вторая трактует механизм объединения различных сфер опыта. С этой точки зрения, подход ученого выявляет культурное предписание и ценностную устойчивость тех аспектов концепта ДОМ, которые сохраняются благодаря традиции и передаче от поколения к поколению [9, с. 13].

Таким образом, именно сочетание этих подходов составляет методологическую основу настоящего исследования: прототипическая модель

применяется для описания внутренней организации концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков с точки зрения соотношения ядра и периферии, семантико-когнитивный подход позволяет воссоздать структуру концепта на основе языковых данных, а теория ментальных пространств и концептуальной интеграции обеспечивает объединение в одном концепте предметных, социальных и духовных смыслов [9; 78; 83; 98]. Вместе эти методы помогают описать, как концепт ДОМ проявляется в шугн.-руш. материале: в названиях жилища и его частей, в устойчивых сочетаниях, морфологических моделях и культурно значимых формулах, связанных с семьёй, родом, защитой и внутренним порядком.

В лингвокультурологическом направлении для настоящего исследования особенно важны положения В. Н. Телия. Исследователь рассматривает концепт не как отдельную абстрактную характеристику объекта, а как совокупность знаний, ассоциаций и представлений, закреплённых за ним в коллективном сознании. Иначе говоря, объект осмысляется не через один признак, а через весь комплекс культурно и жизненно значимых сведений, накопленных в опыте носителей языка [67, с. 96–97]. В этом ракурсе концепт выступает носителем национально-культурного смысла, который особенно ясно проявляется во фразеологии, поскольку именно устойчивые выражения концентрируют культурные коды, символику и ценностные установки. Развивая культурологический и семиотический подход, В. Н. Телия показывает, что концепт формируется на пересечении семантического, прагматического и лингвокультурологического уровней. Для анализа концепта ДОМ в шугн.-руш. языках такой подход особенно значим, поскольку сакральные, семейные и ценностные смыслы дома наиболее последовательно закрепляются именно во фразеологических и других устойчивых выражениях, отражающих традиционное мировосприятие носителей [67, с. 96–97].

В лингвокультурологическом подходе концепт понимается как многомерное смысловое образование, в котором соединяются понятийные,

образные и ценностные компоненты. Такой подход последовательно реализуется в работах Ю. С. Степанова и В. И. Карасика. В интерпретации Ю. С. Степанова концепт предстает многослойной структурой, интегрирующей понятийный, образный и ценностный уровни; при этом лексема-репрезентант концепта аккумулирует абстрактные характеристики наряду с ассоциативными, эмоционально-оценочными и исторически закреплёнными смыслами [219, с. 41–42]. В таком понимании слово выступает не просто языковой единицей, а особым когнитивным кодом, в котором фиксируется культурно и ментально структурированная информация.

Развивая данную линию, В. И. Карасик разграничивает когнитивные и культурные концепты, подчёркивая, что первые отражают индивидуальные способы восприятия и структурирования действительности, тогда как вторые воплощают коллективный культурный опыт и обладают высокой степенью устойчивости [33, 91]. В структуре концепта он также выделяет образно-перцептивный, понятийный и ценностный компоненты, что позволяет рассматривать его как многомерное ментальное образование [34, с. 24; 28]. Такое разграничение важно для настоящего исследования, поскольку концепт ДОМ в шугн.-руш. языках реализуется на двух взаимосвязанных уровнях: в опыте конкретного носителя и его ближайшего семейно-родственного круга (*māš čīd* дом как ‘наш дом’, т. е. пространство совместного проживания) и в коллективно закреплённых нормах и представлениях (родовой/отцовский дом, ценности дома, традиционные запреты и предписания). Показательно, что индивидуально-присвоительная формула типа *mu čīd* ‘мой дом’ в традиции оказывается менее продуктивной, поскольку один дом мог быть общим пространством для нескольких братьев и их семей; вследствие этого в узусе преобладают номинации, маркирующие не персональную, а коллективную принадлежность. Коллективный уровень, в частности, репрезентируется оценочными и нормативными выражениями, фиксирующими дом как духовно маркированное пространство и как элемент социальной иерархии: ср. *čīd buzurg joy* ‘дом (традиционный дом) - святое место’, что соотносится с

представлениями о защитной функции конструктивных элементов жилища (в т. ч. столбов), а также *katanak-i xůna ta peǩc-en* букв. ‘старшего дома надо спрашивать’, т. е. ориентироваться на авторитет старшего (родового) дома при принятии решений. В конкретной речи образ дома опирается на общий узус, но в зависимости от ситуации и коммуникативной задачи могут актуализироваться разные стороны этой культурной модели.

Обобщая существующие подходы к пониманию концепта, Е. И. Зеновьева предлагает разграничивать два уровня его интерпретации. В узком смысле концепт рассматривается как развивающееся понятийное образование, которое в процессе речевой актуализации постепенно обрастает новыми смысловыми оттенками и уточняет свои границы. Такое понимание позволяет проследить, как значение формируется и изменяется в языковой практике. В широком же смысле концепт осмысляется как носитель культурно значимых ‘со-значений’, отражающих национальный колорит, символические и ценностные представления, закреплённые в языке как в средстве мышления и общения. Е. И. Зеновьева подчёркивает, что концепт репрезентируется в языке на разных уровнях и через разные типы единиц: от отдельных лексем и устойчивых выражений до свободных словосочетаний, синтаксических конструкций и целостных текстов. Такой подход позволяет видеть в концепте не равномерную и статичную единицу, а подвижную структуру, которая по-разному проявляется в разных коммуникативных условиях [29, с. 76-78]. Для настоящего исследования этот способ анализа особенно важно, поскольку концепт ДОМ в шугн.-руш. языках фиксируется как в отдельных словах, так и в устойчивых сочетаниях, речевых формулах и текстах традиционного характера, что делает возможным его многоуровневый анализ.

Поэтому фреймовый, прототипический и полевой подходы вместе образуют методологическую основу анализа концепта как сложного и многослойного образования. Для малых языков шугн.-руш. группы, существующих в условиях постоянного языкового контакта и постепенной утраты, когнитивный подход особенно важен, поскольку позволяет

реконструировать лексическую систему в её связи с культурными смыслами и ценностями.

Несмотря на расхождения между разными теоретическими подходами, для них общим остаётся понимание концепта как динамичной ментальной единицы, соединяющей универсальные когнитивные механизмы и культурно обусловленные содержания. Концепт осмысляется как форма обобщения человеческого опыта, не тождественная слову, но находящая своё многоуровневое отражение в языке. Именно это позволяет рассматривать язык и как средство номинации, и как пространство фиксации и переработки культурных смыслов.

Проведённый обзор показывает, что концепт ДОМ в шугн.-руш. материале нельзя описывать только через список слов или только через культурные толкования. Здесь важны оба уровня: сами языковые формы, в которых закреплены названия дома, его частей, внутренних зон и хозяйственных пространств, и те смыслы, которые за ними стоят: род, принадлежность, порядок, защита, граница и память предков. Поэтому дальнейший анализ строится на соединении языкового описания с культурной интерпретацией. Поэтому в дальнейших главах языковые формы рассматриваются вместе с теми культурными ситуациями, в которых они живут. Названия дома, его частей, внутренних зон и хозяйственных пространств соотносятся с реальным употреблением, бытовыми практиками и устойчивыми представлениями носителей о семье, роде, защите и порядке внутри дома. Этим определяется и логика аналитических глав II–IV, где языковой материал рассматривается одновременно как средство номинации и как носитель культурно значимого содержания.

В разных подходах к концепту важны не одни и те же стороны значения: одни помогают описать предметное содержание, другие – образные связи, третьи – культурную и ценностную нагрузку. Для анализа ДОМ-а это особенно существенно, потому что в шугн.-руш. материале дом не сводится к постройке. Он связан с семьёй, родом, внутренним порядком, защитой и

привычными способами понимания жизненного пространства. Дальнейший анализ концепта ДОМ строится с учётом взаимодействия этих уровней, что даёт возможность проследить не только механизмы сохранения смысла, но и его изменения в условиях языкового контакта и культурных сдвигов.

При этом следует учитывать, что основные теоретические модели концепта сформированы на материале языков с иной культурно-исторической базой, чем у памирских народов. Поэтому их прямое применение без учёта региональной и этнокультурной специфики оказывается методологически ограниченным. Условия горной среды, локальная замкнутость сообществ, высокая роль устной традиции и символическая насыщенность базовых понятий культуры требуют гибкого аналитического подхода. В настоящем исследовании концепт ДОМ рассматривается как элемент когнитивной системы и как носитель устойчивых культурных смыслов, что позволяет выявить его национально-специфическое содержание в шугн.-руш. лингвокультурной традиции.

1.2. Когнитивные методы и их применение в анализе концепта ДОМ

Раздел посвящён когнитивным методам, которые применяются при анализе концепта ДОМ в шугн-руш. группе памирских языков. Методологически раздел опирается на теорию концептуальной метафоры, фреймовую семантику, конструкционную и когнитивную грамматику, а также на теорию имидж-схем, лингвокогнитивный, лингвокультурологический и семантико-когнитивный подходы. Эти инструменты используются в той мере, в какой они помогают раскрыть структуру концепта ДОМ, его образные модели и ценностное содержание на эмпирическом материале.

Хотя методологический круг исследования достаточно широк, анализ языковых данных во второй, третьей и четвёртой главах диссертации опирается прежде всего на лингвокогнитивный, лингвокультурологический и семантико-когнитивный подходы. Именно эти подходы наиболее точно позволяют реконструировать структуру концепта ДОМ, раскрыть его

когнитивное содержание и показать его связь с национально-культурными и религиозными представлениями носителей языков шугн.-руш. группы.

Анализ в настоящем разделе проводится на основе онлайн-словаря Д. Карамшоева [228], включающего корпус шугнанского языка и отдельный материал по другим языкам шугн.-руш. группы), а также полевых данных шугнанского языка и записей, собранных автором - носителем шугнанского языка в период 2015–2024 годов. Выборка представлена значительным массивом языковых единиц, включающим названия помещений, архитектурную терминологию, словосочетания, табуизированные выражения, пословицы и поговорки, зафиксированные методом интервью ‘вопрос–ответ’ в тетрадях и на цифровые носители.

Кодирование материала осуществлялось вручную с тематической классификацией и опорой на используемые теоретические подходы; для оценки частотности и выявления доминант синонимических рядов (в частности, в пределах номинативного поля концепта ДОМ) применялись специально разработанные анкеты. Надёжность и достоверность процедуры обеспечивались регулярным обсуждением спорных случаев с научным руководителем и коллегами, применением метода проверки участника с участием трёх консультантов – носителей шугн.-руш. языков, а также собственной языковой компетенцией автора и опорой на предшествующие научные исследования. Такое сочетание приёмов обеспечило достаточную воспроизводимость и прозрачность анализа без использования формальных статистических метрик.

Выбор этих подходов определяется тем, как именно концепт ДОМ представлен в шугн.-руш. языковой картине мира. Будучи универсальным понятием для большинства культур, ДОМ в исследуемых памирских языках отличается высокой семантической насыщенностью, связанной с особенностями традиционного мировосприятия и ментальности носителей. В представлениях носителей шугн.-руш. языков дом выполняет утилитарную функцию жилища, а также обладает символическим, сакральным и

антропоморфным измерением. Архитектурные элементы дома, в частности пять несущих столбов, воспринимаются как одушевлённые сущности, наделённые символическим ‘характером’ и устойчивым ценностным статусом. Сам дом с момента возведения включается в систему религиозно-философских представлений и регулируется табу и нормами поведения. Такое понимание дома требует анализа не только на лексико-семантическом уровне, но и на уровне когнитивных структур и культурных сценариев, что делает применение лингвокогнитивного, лингвокультурологического и семантико-когнитивного подходов методологически обоснованным.

Лингвокультурологический подход в настоящем исследовании сочетается с лингвокогнитивным анализом и используется для интерпретации этнокультурного контекста концепта ДОМ. С его помощью реконструируются культурно значимые когнитивные схемы, выстраивается семантическое поле понятия ‘дом’, выявляются устойчивые культурно-семантические сценарии, а также анализируется совокупность коннотативных и прагматических значений, сопровождающих номинации дома и его частей в шугн.-руш. языках. Такой комплексный взгляд позволяет учитывать как глубинные культурные представления о доме как о важном родовом пространстве, так и особенности их языковой реализации, варьирующиеся в зависимости от конкретных социокультурных условий носителей.

Семантико-когнитивный анализ в этой работе дополняет остальные подходы в двух направлениях. С одной стороны, он ориентирован на выявление когнитивных признаков концепта ДОМ, репрезентируемых в структуре соответствующих фреймов, на отслеживание механизмов их актуализации в языковом материале. С другой стороны, через анализ морфологической семантики и коллокационных моделей реконструируются когнитивные мотивы, лежащие в основе выбора тех или иных формальных средств при номинации дома и его элементов. Это позволяет установить закономерности мотивации лексем и углубить понимание процедур

семантической актуализации концепта ДОМ в шугн.-руш. языковой картине мира.

Далее каждый из указанных подходов рассматривается исключительно в аспекте его применения к анализу концепта ДОМ на материале шугн.-руш. языков.

- Теория концептуальных метафор

Теория концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона привлекается в исследовании как инструмент анализа образных механизмов осмысления концепта ДОМ в шугн.-руш. языках. В рамках данного подхода различаются исходная область (*source domain*), из которой заимствуются образные структуры, и целевая область (*target domain*), к которой они применяются. Метафорический перенос строится на соотнесении компонентов этих областей и позволяет выявлять устойчивые модели концептуализации, отражённые в языковом материале. Механизм системных соответствий между исходной и целевой областями подробно описан в работах З. Кёвечеша, где подчёркивается регулярный, а не случайный характер таких отображений [85, с. 5].

Важным для настоящего исследования является положение о том, что метафора не только упрощает понимание сложных явлений, но и задаёт определённый способ их интерпретации, одновременно высвечивая одни аспекты концепта и скрывая другие [86]. Это обстоятельство принципиально для анализа концепта ДОМ, поскольку разные метафорические модели акцентируют различные стороны его содержания.

Авторы теории показывают, что ориентационные метафоры, основанные на базовых схемах пространственной организации опыта (например, ‘внутри/снаружи’, ‘граница/порог’), описывают лишь часть способов концептуализации; не менее значимыми являются онтологические метафоры, в рамках которых опыт осмысляется через образы объектов, сущностей и веществ [87]. В терминах модели ИСТОЧНИК–ЦЕЛЬ целевой

домен ДОМ (ЦЕЛЬ) в языковом сознании регулярно соотносится с доменами-источниками типа КОНТЕЙНЕР/ВМЕСТИЛИЩЕ, ОПОРА и ЗАЩИТА, что особенно продуктивно для анализа дома как материального, социального и символического объекта. В дальнейшем отдельно разграничиваются случаи, когда метафоризация направлена на дом как целостный объект, и случаи, когда она относится к связанным с ним поддоменам (внутреннее пространство, очаг, порог и др.).

В данной работе теория концептуальной метафоры используется не как общий ключ ко всему материалу, а как один из рабочих инструментов. Она помогает выявить устойчивые способы осмысления концепта ДОМ в шугн.-руш. языках и точнее интерпретировать переносные значения, связанные с ценностными и культурными представлениями носителей.

Во второй, третьей и четвёртой главах положения теории концептуальной метафоры используются для того, чтобы показать, через какие области опыта в шугн.-руш. языках осмысляется дом. В частности, внимание сосредоточено на тех исходных областях, через которые концепт ДОМ получает языковое выражение в сознании носителей (*Дом* как живое существо, *Дом* как опора, *Дом* как сакральное вместилище) и на выявление соответствий между исходной и целевой областями в конкретных языковых выражениях.

На материале шугн.-руш. языков концепт ДОМ может сам выступать как исходный домен, на базе которого осмысляются более абстрактные сферы. Понятие ‘дом’ благодаря своей наглядности и внутренней расчленённости легко становится источником абстрактных метафор. В языковом материале реализуются такие образные схемы, как контейнер, структура, убежище, сообщество, посредством которых становится возможным осмысление внутренних и социальных состояний.

Материал позволяет выделить несколько устойчивых метафорических моделей:

1. Метафорическая модель ДОМ - НОСИТЕЛЬ БЛАГОДАТИ: В рамках данной модели дом концептуализируется как пространство, аккумулирующее благословение, защиту и духовную ‘силу’, что отражается в ряде устойчивых выражений, таких как:

- *piyīl suδjin čīd* – букв. ‘подаренный дом’, в значении ‘благословенный дом’, т. е. ‘благополучный, счастливый дом’;

- *piyīl no-suδjin čīd* – букв. ‘не подаренный дом’, в значениир ‘дом без благословения’, т. е. ‘неблагополучный дом’;

- *be-barakat čīd* – букв. ‘без-благодатный дом’, ‘не благодатный дом’;

čīd firiǐtā zibuδ-jin –букв. ‘ангел дома выскочил’, ‘дом, из которого ушёл ангел’, в значении ‘дом, утративший благодать’.

В этих выражениях *дом* выступает в качестве источниковой области, связанной с представлениями о защите и высшей силе, тогда как целевая область охватывает абстрактные категории жизненного благополучия, гармонии и удачи. В этом случае через образ дома идея благодати переносится в сферу жизненного благополучия и внутренней устойчивости.

2. Метафорическая модель ДОМ - ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ / ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА

Значительная часть метафорических номинаций отражает восприятие дома как одушевлённого пространства, способного реагировать на происходящее и аккумулировать эмоционально-ценностные характеристики среды. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие выражения:

no-soyaǐ čīd – ‘неспокойный дом’, то есть дом, воспринимаемый как пространство внутреннего дискомфорта;

wazmin čīd – букв. ‘тяжёлый дом’, то есть ‘дом с тяжёлой атмосферой’;

be-nūr čīd – ‘дом без света’, в переносном значении – ‘дом, лишённый радости и душевного тепла’;

čīd xoli sidow – ‘дом опустел’, то есть ‘утратил жизненность’, поскольку его покинули обитатели или прервалась связь с прежней жизнью дома’.

Здесь источниковой областью служит телесно-эмоциональный опыт человека (спокойствие, тяжесть, пустота), а целевой областью является состояние дома как социального и психологического пространства. Метафора позволяет интерпретировать дом как среду, в которой отражается внутреннее состояние семьи или рода.

3. **Метафорическая модель ДОМ - СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАВНОВЕСИЯ**

Особо показательной является метафора с компонентом *nosoyaǰ čīd/xůnā* ‘неспокойный дом’, ‘дом, где нарушены порядок и гармония’, в которой дом осмысляется как целостная среда со своим внутренним состоянием. Источниковой областью выступает опыт психологического беспокойства и внутренней нестабильности, а целевая область связана с оценкой домашнего пространства как сферы семейного согласия и нормативного порядка. В результате дом описывается через признаки эмоционального состояния, что позволяет концептуализировать социальное напряжение и разлад в семье как ‘неспокойствие’ самого дома.

При этом глагольная конструкция *xůnā nosoyaǰ čīdow* ‘беспокоить дом’ отражает уже не результативное состояние, а причинное действие: она репрезентирует ситуацию, в которой определённые поступки или события нарушают внутреннее равновесие семейного пространства. Здесь источниковая область соотнесена с действием, вызывающим беспокойство у живого существа, а целевая область с разрушением социально-моральной гармонии в пределах дома/семьи. Тем самым сочетание *no-soyaǰ čīd/xůnā* ‘не-спокойный дом’ и конструкция *xůnā nosoyaǰ čīdow* ‘беспокоить дом’ показывают одну и ту же метафорическую модель в двух ракурсах: как состояние и как действие, которое к нему приводит.

4. Метафорическая модель ДОМ - РОД / ПРОИСХОЖДЕНИЕ / ИСТОК

В ряде выражений *čīd* функционирует как символ родовой памяти и преемственности, таких как: *boboyi čīd* ‘дом дедов / дом предков’; *kata-čīd*

букв. ‘большой дом’, т. е. ‘родовой дом’; *dod čīd* ‘отцовский дом’; *yam māš bobingi čīd* ‘это дом наших предков’. В рамках данной модели физическое пространство дома соотносится с абстрактным понятием рода, генеалогической памяти и коллективной идентичности. Дом выступает как точка отсчёта происхождения и символ устойчивости социальной группы.

5. Метафорическая модель ДОМ - СВЯТОЕ / НЕПРИКОСНОВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Данная интерпретация наиболее явно проявляется в оценочных формулах:

- *čīd buzurg joy* ‘Дом - святое место’;
- *be-soyib čīd* ‘дом без хозяина’, т. е. ‘лишённый защиты и порядка’.

Здесь дом концептуализируется как сакрализованное пространство, требующее уважения и соблюдения норм поведения. Потеря хозяина или нарушение ‘порядка’ понимается прежде всего как сбой внутренней социально-эмоциональной гармонии семейного пространства; нормативная оценка дома как неприкосновенной территории рассматривается отдельно.

Рассмотренные модели показывают, что в шугн.-руш. языковой картине мира ДОМ, прежде всего *čīd* и *xůnā*, действительно выступает одной из опорных областей осмысления. Количественная и типологическая представленность метафор подтверждает, что концепт ДОМ занимает заметное место в когнитивной организации данного фрагмента мира.

- Семантика фреймов

Следующее методологическое направление, используемое в настоящем исследовании, - семантика фреймов, разработанная Ч. Филлмором. Данный подход основан на выявлении и описании когнитивных фреймов и сценариев, отражающих типовые ситуации опыта, закреплённые в значениях языковых единиц. В рамках семантики фреймов лексема рассматривается не изолированно, а в составе определённой ситуации, которая и задаёт соответствующий фрейм.

С позиций данного подхода значение слова выводится из фреймовой структуры, т.е. когнитивной модели, включающей участников ситуации, их роли, условия и типовой ход событий. Как отмечает Ч. Филлмор, слова репрезентируют категории опыта, каждая из которых опирается на мотивирующую ситуацию, сформированную на фоне коллективных знаний и представлений речевого сообщества [173, с. 111–137]. В этом смысле семантика фреймов ориентирована на выявление тех оснований, по которым та или иная категория получила языковое оформление.

Продуктивность такого подхода подтверждается и исследованиями, выполненными на материале шугнанского языка. Так, в работе о глаголах движения вниз значение описывается не через изолированные словарные эквиваленты, а через типовые ситуации падения, их внутреннюю структуру и семантические пересечения с соседними зонами – вращением, прыжком и ударом. В исследовании шугнанского поля ПРЯТАТЬ аналогичным образом прослеживается не только распределение лексем внутри семантической зоны, но и сами механизмы её формирования: семантические переходы, ограничения сочетаемости, роль заимствований и внутренняя перестройка принимающей системы. Для настоящего исследования эти работы важны не совпадением предмета, а близостью аналитической процедуры: они показывают, что шугнанский материал действительно позволяет описывать значение через фреймы, сценарии употребления, структуру поля и динамику семантических сдвигов. В этом смысле анализ концепта ДОМ опирается не только на общую когнитивную теорию, но и на уже апробированный на близком языковом материале способ семантической интерпретации. При этом лексико-типологическая перспектива в настоящей работе имеет вспомогательное значение: она не подменяет лингвокультурологический и семантико-когнитивный анализ, а помогает точнее увидеть распределение значений и моделей их языковой реализации [150, с. 579–608; 151, с. 69–78].

В настоящем исследовании семантика фреймов применяется для анализа концепта ДОМ как структуры, включающей типовые сценарии проживания,

защиты, родственной принадлежности, обряда и традиционно значимых действий. Для каждого фрейма выделяется ключевая лексическая единица, активирующая соответствующую ситуацию, а также основные компоненты фреймовой структуры (участники, действия, пространственные параметры, оценка). Такой подход позволяет реконструировать лексическое наполнение концепта ДОМ вместе со связанными с ним культурно значимыми моделями поведения, закреплёнными в шугн.-руш. языковом материале. В рамках подхода семантики фреймов лексема дом может рассматриваться как триггер фрейма ‘жилище’, который активирует в языковом сознании типовую ситуацию проживания со стандартным набором компонентов: обитатель, само сооружение, его местоположение, состояние, назначение и материал. В конкретном высказывании одни элементы фрейма могут быть выражены явно (например, указание на место или тип строения), тогда как другие остаются в фоновом режиме, но при этом продолжают участвовать в формировании целостного смысла ситуации. Таким образом, даже при минимальной вербальной репрезентации лексема дом активирует развернутую когнитивную модель проживания.

Для уточнения фреймовой организации концепта ДОМ привлекались и сопоставительные данные типологических моделей, представленных, в частности, в ресурсе FrameNet [226] (см. Табл. 1. Приложения). Это сопоставление имеет вспомогательный характер и помогает выделить те когнитивные сценарии, которые действительно важны для анализа эмпирического материала шугн.-руш. группы языков. Тем самым FrameNet используется как вспомогательный инструмент, позволяющий точнее обосновать выбор тех фреймовых структур, которые важны для реконструкции концепта ДОМ в исследуемой языковой картине мира.

В данной работе разные аспекты концепта ДОМ условно рассматриваются в двух основных планах: эмоционально-культурном и материально-пространственном.

С учётом сопоставительных фреймовых моделей, представленных в Таблице 1 Приложения, сочетание *čīd-jamāt* букв. ‘дом-семья’ может рассматриваться как номинация семейной, домашней общности, то есть как обозначение людей, объединённых совместным проживанием и принадлежностью к одному ‘дому’. В терминах фреймовой семантики здесь прежде всего активируется фрейм *Home* в его семейно-идентификационном аспекте: в центре интерпретации оказываются близкие люди, совместность быта и устойчивые отношения, а дом выступает не как физическое сооружение, а как социально-эмоциональная единица и маркер ‘своих’. При этом компонент ‘совместного проживания’ задаёт мотивирующую основу, соотносимую с фреймом *Residence*, однако семантический фокус выражения остаётся на принадлежности и семейной общности, характерной для фрейма *Home*.

Когда дом рассматривается как ‘своё’ пространство, связанное с принадлежностью, безопасностью и семейной идентичностью, особенно важна модель, в которой он понимается как внутренне освоенное и ценностно отмеченное пространство. В рамках этой модели чувство обжитости выражается не столько общим названием жилища, сколько словами, обозначающими его внутренние элементы, которые выступают прототипическими маркерами обжитости и запускают перенос от телесно-пространственного опыта к значениям принадлежности, безопасности и семейной идентичности. Именно в этом аспекте интерпретируются выражения, в которых дом осмысляется как ‘своё’ ценностно маркированное пространство принадлежности и автономии: ср. шугн. *ar čāy xu čīd-and podx̌o* ‘каждый в своём доме царь’, где актуализируется идея внутреннего контроля, безопасности и семейной идентичности; ср. также *xu nêx ti xu rost čīdow* букв.: ‘на своих возвышениях себя расстелить’, ‘лежать на своих возвышениях вдоль стен (традиционного дома) (*nêx*)’, в значении ‘чувствовать себя в своем царстве’, ‘чувствовать комфорт от своего пространства’, где ‘свой дом’ уточняется через поддоменные зоны отдыха и покоя.

В выражении *tar xu nêx xu fereptow* букв.: ‘в свои возвышение себя довести’, ‘дойти до своих возвышений вдоль стен’ компонент *nêx* ‘возвышение вдоль стен традиционного дома’ задаёт конечную точку движения и тем самым конкретизирует параметр *Goal* (достижение целевого локуса), тогда как показатель *xu* ‘свой/свои’ профилирует принадлежность и маркирует локус как ‘своё’ пространство. В целом высказывание реализует сценарий достижения места проживания (в т. ч. в ситуации возвращения домой) и получает ценностно-эмотивную интерпретацию в рамках фрейма ‘ДОМ’ (*Home*).

Наряду с этим для фреймового анализа концепта ДОМ существенен материально-архитектурный аспект, связанный с устройством традиционного жилища, его конструктивными элементами и пространственной организацией. В данном ракурсе, по данным FrameNet (см. Прил., табл. 1) и с учётом авторской адаптации, актуализируется фрейм *Dwelling*, ориентированный на дом как физическую структуру, в которой живут люди, и включающий такие ключевые элементы, как *Structure, Location, Materials* и др. Репрезентантами компонента *Structure* выступают культурно значимые номинации частей памирского дома, например, шуг. *růz/ʒ // rūʒ* (хуф., руш. *rūz*, бр., рош. *rūzm*, сар. *rezn*) ‘окно на крыше традиционного дома’ или шугн. *bučkiɣ̌īj* (руш., хуф. *biškawoj*, бр., рош. *bučkawöj*) ‘перекладина между двумя столбами при входе’. Эти единицы вербализуют материально-пространственный ‘каркас’ жилища и одновременно сохраняют семиотическую и символическую маркированность в традиционной культуре.

Поэтому концепт ДОМ в шугн.-руш. материале нельзя описывать только как название жилища или только как культурный символ. В таких единицах, как *růz / rūʒ* ‘окно на крыше традиционного дома’ и *bučkiɣ̌īj* ‘перекладина между двумя столбами при входе’, предметное значение уже связано с устройством традиционного пространства, его семиотической разметкой и устойчивыми представлениями о внутреннем порядке дома. Именно эта связь

материального и символического делает концепт ДОМ самостоятельным объектом когнитивно-лингвокультурного анализа.

- Теория ‘Конструкционная грамматика’

В данной работе конструкционная грамматика используется для выявления устойчивых формально-семантических моделей, через которые в шугн.-руш. языках выражается концепт ДОМ. Акцент в целом делается на продуктивные конструкционные схемы с компонентом *дом*, где отражены типовые ситуации введения хозяйства, обряды и повседневная деятельность. Это позволяет выявить закономерности соотношения формы, значения и степени употребительности конструкционных схем в языковом сознании носителей. В данном подходе грамматические структуры не противопоставляются лексике: и слово, и словосочетание, и фраза рассматриваются как конструкции при условии устойчивой связи формы и значения. Таким образом, границы между лексикой и грамматикой в рамках конструкционной грамматики оказываются принципиально размытыми.

С позиций конструкционной грамматики конструкция трактуется как закреплённая в языке модель, интегрирующая формальную организацию, семантическое наполнение и прагматическую функцию. Ч. Филлмор, П. Кей и М. О’Коннор, анализируя соотношение регулярности и идиоматичности грамматических конструкций, подчёркивают, что конструкция может включать синтаксическую, лексическую, семантическую и прагматическую информацию; при этом лексические элементы нередко описываются как самостоятельные конструкции, а сами конструкции во многих случаях обладают идиоматическими свойствами [174, с. 501–538.]. Для настоящего исследования это важно не потому, что концепт ДОМ ‘особый’ по сравнению с другими, а потому, что значимая часть его культурно-семантического содержания в шугн.-руш. языках закрепляется в устойчивых, частично или полностью некомпозициональных сочетаниях. Их интерпретация требует учёта конструкционной семантики и узусной закреплённости, поэтому

элементы конструкционного подхода привлекаются в работе как вспомогательный инструмент при анализе соответствующих единиц.

Устойчивость таких сочетаний может быть объяснена механизмом укоренённости (*entrenchment*), при котором регулярно воспроизводимые в типовых ситуациях выражения закрепляются в языковом знании как целостные формально-семантические модели [176, с. 57–74]. В материале шугн.-руш. языков это особенно наглядно проявляется в оценочных и частично некомпозициональных сочетаниях с компонентом *čīd* ‘дом’, где значение целого не сводится к буквальной сумме компонентов, а опирается на культурно разделяемые сценарии интерпретации. Так, в конструкциях типа *osoyax/nosoyax čīd* ‘спокойный/неспокойный дом’ дом концептуализируется как состояние семейного мира и благополучия; в *be-nūr čīd* ‘дом без света’ актуализируется аксиологическая оценка дома как (не)благодатного пространства; выражение *čīd xu ti yiči na-lakt* ‘дом в себя не пускает никого’ реализует персонифицирующую модель, приписывающую дому ‘волю’ и тем самым кодирующую представления о судьбе дома; наконец, *čīd jumbaǩ kiǩt* ‘дом шевелится/трясётся’ метонимически маркирует ‘живой’ дом как пространство социальной наполненности и гостеприимства. Именно такие узусно закреплённые конструкции позволяют реконструировать культурную семантику концепта ДОМ; поэтому элементы конструкционного подхода привлекаются в работе как вспомогательный аналитический инструмент при описании устойчивых моделей и механизмов их закрепления.

- Когнитивная грамматика

Разработанная Р. Лэнгакером когнитивная грамматика рассматривает язык как систему символических единиц, в которых форма и содержание связаны через обобщённые схемы и их конкретные профилировки. В рамках данного подхода каждая языковая единица трактуется как символ, объединяющий фонологическую форму и семантическое содержание. Сам Р. Лэнгакер определяет символ как сочетание семантической и фонологической

структур, при котором одна вызывает другую: ‘Давайте сначала определим символ как сочетание семантической и фонологической структур, при котором одно может вызывать другое. Простая лексическая единица, например, ‘skunk’, является символической, поскольку она находится в сочетании значения и фонологической формы’ [90, с. 15].

В настоящем исследовании положения когнитивной грамматики используются как вспомогательный инструмент для анализа того, каким образом пространственные и образно-схематические структуры (контейнер, путь, граница) участвуют в когнитивной репрезентации концепта ДОМ в шугн.-руш. языках. Это позволяет выявить, какие типы образных схем лежат в основе как лексического, так и грамматического оформления значений, связанных с домом, внутренним пространством, пределами своего и чужого, что непосредственно реализуется в аналитических главах диссертации.

Возьмём для примера лексему шуг. *čīd*, руш., хуф. *čod*, бр., рош. *čöd*, сар. *čed* ‘дом’, форма которой соотнесена с внутренним образом *контейнера*, поскольку дом имеет стены, крышу и границу ‘внутри / снаружи’, что и формирует соответствующую образную схему (image schema) *контейнер*. Когда мы слышим, произносим или читаем шугн. *čīd*, в сознании автоматически актуализируется представление ограждённого пространства, отделённого от окружающего мира. Если к шугн. *čīd* прибавить предлог шугн.-руш. *tar – tar čīd* ‘в дом/доме’, формируется участок данной схемы, обозначающий движение внутрь контейнера, тогда как *as čīd* ‘из дома’ репрезентирует движение наружу. Таким образом, из базовых схем пространственного восприятия формируется конкретное значение словосочетаний.

Языковые символы, такие как слова, представляют собой не просто формы, а устойчивые связи между формой и смыслом. Слово активирует базовый образ (например, *дом = контейнер*), а грамматические конструкции формируют и выделяют отдельные аспекты этого образа (например, ‘в дом’ = движение внутрь). Лексемы и конструкции организуют значения в радиальные

категории с центральными и периферийными значениями. Указанные положения подтверждаются эмпирическими данными корпусных исследований, экспериментальных работ и кросс-лингвистических сопоставлений.

- Теория имидж-схем

Теория имидж-схем в настоящем исследовании применяется как вспомогательный инструмент для выявления роли базовых пространственных структур, таких как контейнера, пути, преграды, опоры, равновесия и силы в когнитивной репрезентации концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков. Использование данного подхода позволяет определить, какие образные схемы лежат в основе осмысления дома как физического и социокультурного феномена. Это непосредственно соотносится с анализом традиционного жилища, внутренней организации пространства, границы своего и чужого и защитной, опорной функций дома в аналитических главах диссертации. Теория имидж-схем, разработанная Дж. Лакоффым и М. Джонсоном, исходит из положения о том, что фундаментальные структуры мышления формируются на основе телесного опыта и пространственного взаимодействия человека с окружающим миром. Ключевые имидж-схемы, такие как контейнер, источник–путь–цель, опора, равновесие и преграда, рассматриваются как производные телесного и пространственного опыта человека, который затем проецируется на языковую и когнитивную репрезентацию мира [86, с. 41-42].

В рамках теории имидж-схем высказывание бартангского языка

tamaš čod arθim-and mustakam rīd

букв. ваш дом ветер лавины-в стойкий остался

Ваш дом устоял перед ветром лавины.

актуализирует несколько базовых образно-схематических структур. Так, схема опоры (*support*) связана с представлением о доме как устойчивом объекте, закреплённом на основании; схема силы (*force*) репрезентирует

воздействие лавинного ветра как интенсивное внешнее давление; схема преграды (*blockage*) позволяет интерпретировать дом как препятствие, ограничивающее разрушительное воздействие. В совокупности эти схемы формируют образ дома как устойчивой структуры, сохраняющей целостность при действии внешней силы.

Теория имидж-схем и конструкционная грамматика в рамках когнитивной лингвистики представляют собой взаимодополняющие, но различающиеся по фокусу направления. Если имидж-схемы раскрывают когнитивные основания концептуализации опыта, то конструкционная грамматика позволяет описать устойчивые языковые формы, в которых эти схемы получают регулярное выражение. Тем самым имидж-схемы соотносятся с глубинными моделями осмысления мира, а конструкции со способами их системной языковой реализации.

- Лингвокогнитивный подход

В данной работе лингвокогнитивный подход используется для выявления структуры концепта ДОМ, его ядра и периферии, а также для анализа того, каким образом языковые единицы репрезентируют ментальные модели, связанные с разграничением пространства ‘свой – чужой’, сакрального и повседневного. В центре данного направления находится язык как форма отражения мышления и как основной источник реконструкции концептов, ментальных моделей и национальной языковой картины мира.

Представители лингвокогнитивного подхода исходят из того, что в основе знаний о мире лежит концепт как единица ментальной информации, а его структура может быть описана с помощью полевой модели в терминах ядра и периферии [47; с. 190]. При этом, как подчёркивают З. Д. Попова и И. А. Стернин, исследование сознания осуществляется на материале языка с опорой на собственно лингвистические методы и последующей когнитивной интерпретацией [56]. В понимании Н. Н. Болдырева современный

когнитивизм носит экспериенциальный характер и опирается на реальный языковой опыт, а не на одну лишь формальную логику. [110, с. 18–36].

Применение лингвокогнитивного подхода к анализу отдельных языковых выражений позволяет выявить как базовые пространственные схемы значения, так и особенности их культурной интерпретации, закреплённые в узусе. Так, в выражении *tar xu piδīnd yiči na-lakt* ‘на порог никого не пускает’ локативный показатель *tar* актуализирует пороговую зону, а лексема *piδīnd* (руш. *paδend*, хуф. *paδīnd*, бр. *paδend*, рош. *paδen*, сар. *paδing*) репрезентирует порог как физический элемент дома, так и как концептуально значимую точку разграничения пространства. На образно-схематическом уровне здесь реализуется универсальная модель границы (inside/outside), широко представленная в языках мира; вместе с тем в шугн.-руш. материале данная модель дополняется интерпретацией порога как маркера родного, ‘своего’ пространства, с которым соотносятся представления о допустимости доступа, социальной дистанции и защищённости домовой и родовой среды. В результате порог осмысляется как линия раздела ‘своё/чужое’ и как символическая точка соотнесения человека с пространством дома и малой родины (см. также раздел 4.1.1).

Одним из основных способов описания концепта в рамках лингвокогнитивного подхода является полевая модель, позволяющая представить его как многослойное ментальное образование с ядром и периферией, отражённое в языковой картине мира через систему устойчивых номинаций, образов и символических значений.

- Семантико-когнитивный подход

Семантико-когнитивный подход в данной работе используется как один из базовых методов поэтапной реконструкции содержания концепта ДОМ на основе анализа его номинативного поля, семантики языковых репрезентаций и выявления системы когнитивных признаков, формирующих структуру данного концепта в шугн.-руш. языках. Данный подход объединяет методы

семантического и когнитивного анализа и ориентирован на исследование того, каким образом языковые значения отражают знания, представления и структуры мышления.

По определению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, семантико-когнитивный анализ исходит из принципа ‘от языка к концепту’ и позволяет на основе анализа языковых средств выявлять признаки концептов и моделировать концепт как единицу концептосферы: ‘анализ языковых средств позволяет наиболее простым и надёжным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт как единицу концептосферы’ [56, с. 124–148; 58, с. 11]. В рамках данного подхода реконструкция содержания концепта осуществляется через последовательный анализ номинативного поля, семантики языковых репрезентаций и их когнитивную интерпретацию с последующим обобщением выявленных признаков/

В шугн.-руш. группе памирских языков концепт ДОМ в рамках семантико-когнитивного подхода репрезентируется совокупностью лексических и фразеологических средств, отражающих его как физическое жилище и как объект социальной и ценностной значимости. Так, в благословении:

шугн. *Di čīd-um tu-rd piyīl čūd*

Я благословляю тебя на этот дом.

(т.е. я дарю тебе этот дом с благословлением) – анализ семантики языковых средств позволяет выявить такие когнитивные признаки концепта ДОМ, как ‘объект владения’, ‘объект передачи’, ‘ценностный объект’, ‘социально значимое пространство’. Акт благословения семантически фиксирует смену статуса дома как объекта собственности и одновременно актуализирует его правовое и социальное значение.

Выражение шугнанского языка:

čīd jumbaǎ kiǎt

Дом трясётся. (т.е. дом полон народу)

в семантико-когнитивном аспекте отражает не физическое разрушение жилища, а его состояние как социально активного пространства. В языковом сознании носителей дом ‘трясётся’ вследствие большого скопления гостей, что позволяет реконструировать такие когнитивные признаки концепта ДОМ, как ‘центр социальной активности’, ‘пространство коллективного присутствия’, ‘место интенсивного взаимодействия’.

Семантико-когнитивный анализ показывает, что концепт ДОМ имеет многослойное строение: от базового значения ‘жилище’ до смысловых зон, связанных с родом, культурой, ритуалом и социальными отношениями. Переносные значения и устойчивые употребления, зафиксированные в материале, позволяют восстановить те когнитивные признаки, которые связаны и с повседневным проживанием, и с социальным статусом, и с символическим порядком. Это ещё раз показывает, что концепт ДОМ занимает в шугн.-руш. языковой картине мира одно из центральных мест.

- Лингвокультурологическое направление

Лингвокультурологический подход важен для этой работы потому, что он помогает увидеть за языковыми формами устойчивые культурные представления. В случае концепта ДОМ речь идёт не только о названиях жилища и его частей, но и о тех смыслах, которые связаны с родом, семейным порядком, гостеприимством, защитой дома и уважением к внутреннему пространству.

Теоретическое и методологическое оформление лингвокультурологического направления в русскоязычной традиции связано прежде всего с трудами В. Н. Телия, Ю. С. Степанова и В. А. Масловой. В данной работе этот подход используется для анализа культурной и ценностной стороны концепта ДОМ: представлений о доме как центре рода, носителе традиции и объекте ритуальной регуляции. Именно эти линии затем разворачиваются в аналитических главах диссертации.

В. Н. Телия определяет методологическую основу лингвокультурологии как семиотическую интерпретацию взаимодействия языка и культуры с обязательным учётом когнитивных процессов, в результате которых формируются культурно маркированные, ‘оязыковленные’ ментальные структуры [159, с. 13–24]. Данный подход позволяет рассматривать языковые единицы как носителей культурной информации и интерпретировать их в контексте ценностных и символических представлений.

Ю.С. Степанов связывает лингвокультурологический анализ с выявлением констант культуры, т.е. устойчивых смысловых образований, сохраняющихся на разных исторических этапах и закреплённых в языковой традиции [219]. Такой подход ориентирован на выявление стабильных культурных смыслов, репрезентированных в языке, что делает его релевантным для анализа концепта ДОМ как устойчивой культурной ценности.

В интерпретации В. А. Масловой лингвокультурология, сформировавшаяся на стыке лингвистики и культурологии, ориентируется на исследование культурных смыслов, получивших языковое выражение и закрепление [47]. В этом ракурсе язык выступает в качестве хранителя культурной памяти, ценностных и этнокультурных представлений.

Подход предполагает анализ лексики, фразеологии и более крупных текстовых фрагментов с точки зрения их культурного смысла. Это позволяет выявить традиции, обычаи и символические значения, закреплённые в языке. Такой анализ помогает выявить культурно маркированные ментальные модели, которые формируют языковую картину мира. С этой точки зрения лингвокультурологический подход непосредственно связан с анализом концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков как культурно значимой ценностной категории.

Показателен, например, следующий шугн.-руш. пример:

Хидоу tu čid-jamāt ti xu dast soyā kiẋt

бкув: Бог твой дом-семья над свой руку тень делать

Да защитит Бог твоих домочадцев!

Выражение демонстрирует устойчивую речевую фолмулу благопожелания, в котором лексемы ‘Бог’, ‘дом’ и ‘семья’ образуют единый культурно значимый комплекс. Дом здесь мыслится не как физическое пространство, а как очаг духовной и социальной жизни, при этом данное выражение актуализирует пожелание божественного покровительства дому и домочадцам и отражает устойчивую связь языковой формы с традиционной системой верований шугн.-руш. сообществ.

Другим показательным примером являются формулы шугн. *Mustākam vi*!, руш. *Mustakam vaw*! ‘Будь устойчивым!’, а также шугн.-руш. *Bunyod saw*! букв. ‘Будь возведенным! (устойчивым, постоянным, крепким)’, произносимые мастером при завершении строительства дома в адрес главного столба традиционного жилища – *x̌āsitan* ‘царь-столб’. В этом ритуальном контексте дом осмысляется как одушевлённый объект, а сама формула служит символическим подтверждением прочности постройки. Повторяемость формулы и её повелительный характер усиливают её ритуальную значимость. Поэтому данный пример можно рассматривать как языковое выражение культурного сценария, в котором дом утверждается как устойчивое и охраняемое пространство.

В этих формулах заметно влияние исламского и персидско-таджикского культурного ареала, а соединение речевого акта с ритуальным действием придаёт архитектурному элементу сакральный статус. Это показывает, что язык здесь выступает не только средством номинации, но и частью самой ритуальной практики, через которую закрепляются и передаются мировоззренческие установки народов Западного Памира.

Таким образом, лингвокультурологический подход в рамках настоящего исследования позволяет рассматривать концепт ДОМ не только как обозначение жилища, но и как носитель устойчивых ценностей, ритуальных норм и традиционно значимых представлений, закреплённых в языковых формулах, благопожеланиях и строительных практиках. Анализ таких

речевых форм даёт возможность реконструировать представления о защите, роде и символическом покровительстве, дополняя когнитивную интерпретацию концепта его культурным и ритуальным измерением.

1.3. Взаимосвязь языка, культуры и концепта: когнитивный анализ на материале памирской лингвокультуры

Исследование в текущем разделе посвящено уточнению того, как в когнитивной парадигме соотносятся язык, культура и концепт применительно к материалу памирской лингвокультуры. В работе исходным является положение о том, что концепт связывает языковую репрезентацию с культурным опытом: язык задаёт средства выражения и способы смыслового выделения, а культура ценностную и символическую интерпретацию значимых для сообщества объектов. В этом смысле анализ концепта ДОМ требует учитывать и номинацию жилища как физического объекта, и те устойчивые значения и модели употребления, в которых выражаются представления о роде, принадлежности, социальной организации и нормах.

Материал шугн.-руш. группы языков показывает, что лексемы типа шугн. *čīd* (руш., хуф. *čod*, барт. *čöd*, рош. *čüd*, сар. *čed*) обозначают не только дом как место проживания, но и актуализируют семейно-родовые и ценностные смыслы. Так, сочетания типа шугн. *dod čīd*, руш. *pi-čod* ‘отцовский дом’, шугн. *kata-čīd*, руш. *kona-čod* ‘дедовский дом’, а также номинации элементов домашнего пространства, соотносимые с семейной структурой (шугн. *nān ʒīngak*, руш. *mod ʒong* ‘материнский сектор очага’), указывают на то, что дом концептуализируется как центр родовой преемственности и ценностно организованное пространство. Следовательно, взаимосвязь языка, культуры и концепта в данном исследовании рассматривается не абстрактно, а через анализ конкретных языковых репрезентантов и их функционирования в традиционно обусловленных коммуникативных контекстах.

Нормативно-ценностное наполнение концепта проявляется и в том, что *čīd* выступает опорной точкой для этических предписаний и внутрисемейной

организации. Ср.: *arůmanj čīdmīzdand boyad māved* ‘в построении дома не должно быть запачканной (вещи)’, где ‘дом’ связывается с требованием моральной чистоты и легитимности имущества; а также *māš čīd katanak* ‘старший нашего дома’, фиксирующее представление о доме как об иерархически устроенном социальном пространстве. Тем самым языковая репрезентация *čīd* подтверждает, что концепт ДОМ формируется на пересечении номинативного, ценностного и социально-нормативного уровней.

Обращение к взаимосвязи языка, культуры и концепта в когнитивной парадигме предполагает признание того, что языковые средства не только номинируют объекты действительности, но и задают способы их концептуализации и интерпретации в процессе коммуникации. Выбор лексических и грамматических средств отражает закреплённые в опыте носителей модели категоризации, ценностные акценты и типовые сценарии осмысления мира, формирующиеся в конкретной лингвокультурной среде. В этом отношении структура высказывания и языковой выбор говорящего соотносятся со способом ментальной организации опыта, что отмечает, в частности, В. И. Хайруллин [73, с. 37–38]. В рамках когнитивных исследований данная идея получает эмпирическое подтверждение в работах, посвящённых сопоставительному анализу языков, в частности в исследовании Паула Сифуэнтес-Ферес, где на материале английских и испанских глаголов движения показано, что языки по-разному кодируют одни и те же фрагменты опыта [81, с. 118–119]. В контексте настоящей диссертации данное положение принципиально важно, поскольку позволяет рассматривать особенности концептуализации дома в шугн.-руш. группе языков как результат специфической языковой и культурной репрезентации опыта.

Примеры из языков шугн.-руш. группы наглядно демонстрируют, каким образом языковая система участвует в категоризации пространственной информации и, как следствие, в формировании когнитивных моделей восприятия окружающего мира. В шугн.-руш. языках функционируют особые

пространственные единицы, которые можно охарактеризовать как адвербиальные прилагательные, так как они одновременно передают направление и тип пространственной поверхности. Так, *padam* обозначает ‘там наверху’, а *padůd* ‘здесь наверху’; *aram* ‘там внизу’, *arůd* ‘здесь внизу’; *taram* ‘там на плоском пространстве’, *tarůd* ‘здесь на плоском пространстве’. Эти единицы фиксируют не абстрактную ориентацию, а положение относительно конкретной телесно переживаемой поверхности.

В шугн.-руш. группе языков ключевые пространственные ориентиры могут семантически усложняться за счёт присоединения деривационных суффиксов, отражающих направленность движения. Так, суффикс *-ec* передаёт значение достижения предельной точки ‘вплоть до’, а суффикс *-ard* – направленность движения ‘к’ определённому месту: *padam-ec* ‘до того места наверху’, *padam-ard* ‘к тому месту наверху’; *aram-ec* ‘до того места внизу’, *aram-ard* ‘к тому месту внизу’; *taram-ec* ‘до того места на плоском пространстве’, *taram-ard* ‘к тому месту на плоской местности’. Это показывает, что пространственная категоризация в шугн.-руш. языках опирается на детализированное телесно-пространственное восприятие, сформированное горным ландшафтом и традиционной средой обитания. В этой связи система пространственной дифференциации непосредственно соотносится с концептуализацией дома как центральной точки отсчёта в пространственной картине мира носителей шугн.-руш. языков, поскольку именно дом задаёт базовые координаты ‘верх/низ’, ‘свой центр – внешний периметр’, ‘плоскость проживания – вертикаль окружающего ландшафта’.

Важно отметить, что данные пространственные адвербиальные единицы активно функционируют именно в пределах внутреннего пространства традиционного памирского дома, структура которого сама по себе организована по вертикальному принципу. В частности, в устройстве дома выделяются три пространственно значимых уровня: *poygā* ‘основание’, нижний уровень традиционного дома; *nêx* ‘приподнятые над основанием площадки вдоль стен’, предназначенные для того чтобы лежать и сидеть; *kicor*

‘очаг’, самый высокий, маркированный уровень, связанный с очагом. Принципиально важно, что эти уровни выступают и как когнитивные ориентиры: выбор пространственной единицы при локализации и описании перемещения соотносится с конкретной зоной внутреннего пространства. Ср.: *pi kicor* ‘там наверху, на очаге’, *ar poygā* ‘там внизу, на основании’; при обозначении достижения предельной точки используется деривация с *-ec*: *pi kicor-ec-i zidūd* ‘подмела (до верха) до очага’, *ar poygā-ec xavd* ‘спустился (вниз) до основания’. Таким образом, вертикальная организация внутреннего пространства поддерживается и языковой системой, где противопоставления ‘верх/низ’, ‘плоскость/возвышение’ получают регулярное выражение в адвербиальных прилагательных. Тем самым пространственные значения, зафиксированные в языке, непосредственно соотносятся с архитектурной моделью дома и закрепляют её как базовую когнитивную схему.

Выявленные лингвистические особенности свидетельствуют о том, что в языках шугн.-руш. группы пространственный опыт получает не абстрактную, а детально структурированную языковую репрезентацию, что непосредственно соотносится со спецификой когнитивной категоризации в сознании носителей. Подобные примеры показывают, что язык отражает объективную реальность и вместе с тем задаёт способ её осмысления, формируя устойчивые модели пространственного мышления. В этом отношении эмпирический материал подтверждает положение о зависимости когнитивной интерпретации опыта от особенностей языковой системы.

В когнитивно-культурной перспективе язык рассматривается как средство репрезентации опыта и как активный инструмент его организации и регуляции. В этом отношении показательной является трактовка языка у Л. С. Выготского, согласно которой языковые формы выступают в качестве ‘психологических орудий’, направляющих и структурирующих социально значимое поведение [101, с. 12]. Так, в шугн.-руш. традиции языково оформленные действия, связанные с домом, регулируют коллективные практики: ср. *čīd pis mayit-aϑ zidīdow* ‘подметать дом вслед покойнику’, где

вербализованное действие закрепляет ритуал очищения дома и предписывает определённый способ поведения соседей. В подобных случаях язык не просто описывает практику, но и выступает механизмом её воспроизводства и нормативного закрепления. Яркой иллюстрацией регулятивной функции языково закреплённых культурных практик служит маркированная зона очага традиционного памирского дома, обозначаемая лексемами типа шугн. *ʒīngak* (руш. *ʒong*). В значимые дни, в частности в пятницу (*jumā*), здесь совершаются ритуальные действия (зажигание благовония *s(i)tiraxm*), при этом в традиции строго запрещено сидеть или наступать на передний выступ очага. Тем самым данная часть домашнего пространства выступает архитектурным элементом и культурным знаком, регулирующим поведение членов сообщества, то есть функционирует как ‘психологическое орудие’ в смысле Л. С. Выготского.

С позиций лингвокогнитивного подхода, представленного в работах В. Эванса, языковые формы рассматриваются как доступ к глубинным концептуальным моделям, лежащим в основе осмысления опыта [82, с. 70–90; 81, с. 58–59]. В этом отношении показательно выражение *yu mudům maš poygá-tīr xu δust zinod* ‘он был частым гостем в нашем доме’ (букв. ‘он часто мыл руки на нашем *poyga*’), в котором архитектурный элемент дома концептуализируется как точка социального допуска. Подобное употребление отражает модель дома как социально фильтруемого пространства, где физическая структура выступает средством репрезентации отношений принадлежности и допуска.

В коммуникативной перспективе, развиваемой К. Крамш, язык осмысляется как фактор формирования культурных смыслов в процессе социального взаимодействия [180, с. 233–254]. Это наглядно проявляется в идиоматических выражениях, значение которых раскрывается только в рамках культурного контекста. Так, идиома *čīd divi wūn-tow* ‘никто ещё не был у них дома’ функционирует не как буквальное указание на посещение, а как оценка социальной закрытости и отсутствия коммуникативных связей. В подобных случаях значение формируется в пространстве культурных интерпретаций и

поддерживается коллективными представлениями о норме гостеприимства. В коммуникативной перспективе К. Крамш подчёркивает, что культурные смыслы формируются и воспроизводятся в языковом взаимодействии, а культура выступает динамической системой интерпретаций, а не статичным фоном [180].

С точки зрения культурно-семантического подхода А. Вежбицкой, ключевые слова культуры аккумулируют ценностные и символические смыслы сообщества [103, с. 15–20]. В шугн.-руш. лингвокультуре таким ключевым элементом выступает *čīd*, что особенно ясно проявляется в выражении *barakati dod čīd zêx̌tow / yêdow* ‘брать / уносить благодать отцовского дома’, сопровождаемом ритуальными действиями у очага. Здесь дом концептуализируется как источник благословения и значимого ценностного потенциала, а языковая формула фиксирует его статус как центральной опоры рода.

Рассмотренные примеры показывают, что представления о доме в шугн.-руш. традиции закрепляются не только в отдельных названиях предметов и частей жилища, но и в устойчивых формулах, связанных с родом, благословением, гостеприимством и внутренним порядком. Поэтому язык здесь выступает не внешним описанием культуры, а одним из способов её сохранения: через повторяемые слова и выражения передаются нормы поведения, ценностные ориентиры и привычные модели понимания домашнего пространства.

Представленные наблюдения согласуются с тезисом когнитивной лингвистики и психолингвистики о том, что различия в языковых системах могут коррелировать с различиями в привычных операциях категоризации и интерпретации опыта (в частности, на уровне внимания и предпочтительных способов описания), что подчёркивается в обзорных работах, восходящих к традиции Уорфа и обобщённых Дж. Кэрроллом [80, с. 38–43; 209–210]. В современных подходах данная связь трактуется недетерминистски: язык рассматривается как фактор, взаимодействующий с телесным опытом и

культурной средой и влияющий на предпочтительные способы профилирования событий и пространственных отношений [188, с. 301–304; 182, с. 291–312]. В контексте настоящего исследования это позволяет интерпретировать особенности пространственной ориентации и концептуализации дома в шугн.-руш. языках как результат взаимодействия языковых структур, телесного опыта и культурно закреплённых моделей.

Сходная трактовка языка как активного посредника между культурой и мышлением представлена в работах К. Крамш, которая подчёркивает, что язык не просто отражает культурные значения, но участвует в их формировании и трансляции. Анализируя процессы обучения языку, исследователь указывает, что глубокие изменения в мышлении обучающихся возможны только при одновременном включении языка, культуры и когнитивных структур. В этом контексте культура осмысляется как динамическая система смыслов, в рамках которой человек учится интерпретировать и порождать значения [180, с. 233–254]. Данное положение методологически значимо для настоящего исследования, поскольку объясняет, каким образом культурно закреплённые элементы дома, включая очаг, выступают предметами быта и носителями концептуальных смыслов.

А. Вежбицкая, рассматривая взаимосвязь языка и культуры, исходит из того, что ключевые слова каждой культуры отражают специфические способы концептуализации мира и выступают носителями культурно значимых смыслов. Концепты в этом понимании формируются как интерпретативные модели действительности, закрепленные в системе языка и обусловленные культурным опытом сообщества [103, с. 5-6; 15-17]. Тем самым язык фиксирует те смысловые опоры, через которые культура задаёт базовые координаты восприятия мира.

С указанных позиций концепт ДОМ в различных лингвокультурах реализуется неодинаково: в одних традициях он осмысляется преимущественно как физическое жилище, в других – как расширенное пространство принадлежности, включающее двор, улицу, соседское

окружение и родную территорию. В шугн.-руш. группе языков данные интерпретации совмещаются, однако концепт ДОМ дополнительно приобретает выраженное космологическое измерение. Внутренняя архитектура традиционного памирского дома моделирует упорядоченное устройство вселенной: в четырёхступенчатой потолочной конструкции, обозначаемой термином шугн.-руш. *čorxůna* ‘четыре дома’, символически репрезентируются четыре природные стихии – шугн.-руш. *x̌ac* ‘вода’, *yoč* ‘огонь’, *x̌ok* ‘земля’ и *awo* ‘воздух’. Эти же элементы отражаются в системе опорных столбов традиционного дома, и поэтому дом осмысляется как жилое пространство и как микрокосм, воплощающий целостность, гармонию и духовный порядок. Соответственно, концепт ДОМ в шугн.-руш. языковой картине мира предстает моделью мира в миниатюре, связывающей физическое, социальное и онтологическое измерения.

Следует отметить, что в шугн.-руш. группе языков концепт ДОМ репрезентируется в защитном и ценностно-позитивном измерении, однако в ряде контекстов актуализируется и через негативные культурные ассоциации. В языковом сознании носителей ДОМ в ряде контекстов осмысляется не как пространство безопасности и устойчивости, а как зона одиночества, утраты, болезни и символического ‘опустошения’. Так, выражение шугн.-руш. *yam čīd xuti yiči nalakix̌t* ‘этот дом никого в себя не пускает’ употребляется применительно к жилищу, длительное время остающемуся без обитателей, либо к дому, в котором регулярно происходят смерти и тяжёлые болезни. В подобных контекстах ДОМ концептуализируется как пространство с нарушенной жизненной динамикой и утраченной родовой защитной функцией.

К этой же семантической зоне относится устойчивое сочетание шугн.-руш. *čust divi* ‘закрытая дверь’, обладающее выраженной негативной коннотацией и обозначающее отчуждённость, отсутствие гостеприимства, социальную изоляцию, а в предельных интерпретациях оно может обозначать символическое ‘проклятие’ дома или рода. Тем самым в языковом материале

фиксируется бинарная концептуальная оппозиция ‘открытого’ и ‘закрытого’ дома, отражающая противопоставление жизни и запустения, благословения и утраты. Так, культурно обусловленные различия и ценностные установки находят прямое отражение в языковых средствах, формируя у носителей шугн.-руш. группы языков специфические способы концептуализации пространства, дома и родовой идентичности.

В системе ‘язык – культура – концепт’ сам концепт понимается как ментальная единица, обеспечивающая когнитивное освоение мира и не сводимая к словарному значению слова: слово выступает лишь средством доступа к содержанию, включающему знания, оценочные и символические компоненты. В лингвокультурной перспективе концепт описывается как культурно обусловленное образование, фиксирующее ценности и интерпретационные рамки сообщества; в этом отношении показательна формулировка Ю.С. Степанова, определяющего концепт как ‘сгусток культуры в сознании человека’ [219]. Тем самым язык оказывается главным средством выражения концептов, а культура задаёт их ценностные и символические рамки.

Данный подход методологически важен для настоящего исследования, поскольку позволяет реконструировать концепт ДОМ через совокупность лексических, фразеологических и текстовых репрезентаций, отражающих традиционно закреплённые модели интерпретации дома как пространства рода, принадлежности и защиты. Так, в выражении шугн.-руш. *wef x̌āsitan as miyen sut* - букв. ‘их главный столб вышел из среды, т.е. ‘ушёл из жизни’’ лексема *x̌āsitan* ‘главный столб традиционного дома’ выступает как метафорическое обозначение главы семьи – носителя духовной опоры и благословения рода. ‘Уход’ столба осмысляется как утрата устойчивости не только самого дома, но и всей родовой структуры. Это особенно ясно показывает культурную нагруженность концепта ДОМ.

Таким образом, в рамках работы язык, культура и концепт рассматриваются в их взаимосвязи: язык обеспечивает выражение и

коммуникативную актуализацию концепта, культура задаёт ценностные рамки его интерпретации, а концепт связывает языковую форму с культурным опытом носителей шугн.-руш. языков.

1.4. Корпусные и онлайн-лексикографические методы при когнитивно-лингвистическом исследовании концепта ДОМ

Отдельные положения, связанные с применением корпусных и онлайн-лексикографических методов в когнитивно-лингвистическом анализе концепта ДОМ, получили апробацию в ранее опубликованной авторской статье, однако в рамках настоящей диссертации данный материал переосмыслен в более широком теоретическом контексте, методологически уточнён и интегрирован в общую систему анализа концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков.

Корпусные и онлайн-лексикографические методы приобретают особое значение как инструмент исследования языков с ограниченными ресурсами. Быстрое сокращение активного словаря, изменение образа жизни носителей и переход к доминирующим языкам существенно затрудняют применение традиционных полевых и описательных методик. Использование цифровых корпусов и онлайн-словарей позволяет оперативно фиксировать, систематизировать и анализировать языковые единицы даже при ограниченном объёме доступных данных. Показательно в этом отношении высказывание В. А. Плунгяна, стоявшего у истоков создания онлайн-словаря Д. Карамшоева, о том, что ‘… компьютерная обработка значительных массивов информации при низкой стоимости, высокой скорости позволяет избежать субъективных человеческих ошибок’ [147, с. 105–122]. Масштабируемость, высокая скорость обработки данных и снижение субъективности анализа делают корпусные и онлайн-лексикографические методы особенно востребованными при изучении языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Эмпирическая база настоящего исследования формируется преимущественно на основе полевых материалов автора, собранных в 2019–2024 гг.; корпусные и онлайн-лексикографические ресурсы привлекаются как вспомогательный инструмент для отбора лексических репрезентаций концепта ДОМ, сопоставления словарной фиксации с данными живого употребления, выявления семантических связей и уточнения частотных характеристик ключевых номинаций. Лексический материал для анкетирования отбирался на основе данных платформы Pamiri.online – цифрового лингвистического ресурса, ориентированного на документирование и описание памирских языков и включающего онлайн-словари, корпус текстов и инструменты морфологического анализа [228]. Словарный массив шугнанского языка на платформе представлен как онлайн-версия трёхтомного двуязычного шугнано-русского словаря Д. Карамшоева, составленного на основе полевых материалов 1960-х годов и содержащего грамматические и стилистические пометы, синонимию, устойчивые сочетания и идиомы, сложные глаголы, диалектные различия и иллюстративный материал (в том числе паремии). Наряду с шугнанским разделом на платформе представлены материалы по другим языкам шугн.-руш. группы (в частности, по рушанскому, хуфскому и бартангскому), однако их объём и степень наполненности остаются более ограниченными. При этом принципы отбора и полнота семантической разметки на платформе не всегда эксплицированы, а этнографически нагруженные контексты, существенные для анализа концепта ДОМ, в цифровых словарных и корпусных ресурсах представлены фрагментарно либо отсутствуют. Методологически такой подход соотносится и с более ранними исследованиями шугнанского материала: в автореферате Х. Дж. Шамбезоды отмечается, что ‘эмпирическую базу исследования составляют… письменные тексты’, а ‘функциональное распределение (дистрибуция) языков изучалось также путем анкетирования’ [204, с. 7].

Результаты анкетирования показывают, что словарная фиксация сама по себе не обеспечивает актуальности лексем в современной языковой практике:

ряд единиц, представленных в лексикографических источниках (*sůlak*, *pušdā*, *lêr*), оказывается малознакомым для значительной части информантов, что указывает на расхождение между словарным описанием и реальным употреблением и, следовательно, на необходимость регулярной верификации и актуализации цифровых словарных ресурсов на основе полевых данных.

При отборе лексем учитывалось, что словарь Pamiri.online создан на основе печатных лексикографических источников, прежде всего трёхтомного шугни-русского словаря Д. Карамшоева. В спорных случаях единицы и варианты написания дополнительно сверялись с печатным изданием. Анализ показал, что фиксация слова в словаре ещё не означает его реального употребления. Часть единиц, зафиксированных в лексикографических источниках, например, *sůlak* ‘заслонка, камень перед очагом’, *pušdā* ‘дыра, отверстие под кладовкой’, *lêr* ‘подставка для книг’, оказалась малоизвестной значительной части информантов. Это указывает на разрыв между словарным описанием и современной языковой практикой и показывает, что цифровые словарные ресурсы нуждаются в регулярном обновлении на основе полевых данных

Выявленное расхождение между словарной фиксацией и реальным владением лексикой показывает, что цифровые ресурсы должны регулярно уточняться на основе актуального языкового материала. В этом смысле показательна мысль Е. С. Бахтуевой о том, что корпусные данные позволяют более объективно анализировать языковые и лингвокультурные явления, характерные для конкретного языкового коллектива [109, с. 6]. Данное положение является методологически значимым и для настоящего исследования, ориентированного на выявление устойчивых языковых репрезентаций концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков.

Малые памирские языки Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, как и многие другие языки с ограниченным числом носителей, испытывают устойчивое давление со стороны более крупных и социально престижных языков: таджикского, русского и английского.

Таджикский язык выполняет функции регионального кодифицированного стандарта, обеспечивая официальную коммуникацию и систему образования; русский язык сохраняет позиции межнационального и научного средства общения; английский язык усиливает своё влияние как глобальный язык науки и информационных технологий. В этих условиях цифровая фиксация и корпусная обработка языкового материала приобретают принципиальное значение для сохранения, описания и анализа концептуально значимых единиц, в том числе репрезентаций концепта ДОМ.

В результате анкетного обследования, проведённого среди носителей шугн.-руш. языков в возрастном диапазоне от 20 до 60 лет, была зафиксирована выраженная возрастная асимметрия в уровне сохранности традиционной лексики памирского дома. Респонденты старшей возрастной группы (45–60 лет) в целом демонстрируют более высокий уровень узнавания исконных наименований элементов домашнего пространства, тогда как среди носителей младшей и средней возрастных групп (20–40 лет) наблюдается резкое сокращение как активного, так и пассивного словарного запаса в данной тематической зоне. Это свидетельствует о том, что утрата традиционной лексики имеет языковую и поколенчески-когнитивную природу (см. Таблицу 2 в Приложении).

Существенная часть исконных наименований, ранее активно функционировавших в лексической системе, в настоящее время либо полностью вышла из активного употребления, либо сохраняется исключительно на уровне пассивного знания. Так, такие традиционные лексемы, как *pušdā*, *sůlak*, *lêr*, *luk*, оказались полностью или почти полностью нераспознаваемыми для значительной части информантов младшего поколения и фиксируются главным образом в памяти отдельных представителей старшей возрастной группы. При этом даже в случаях пассивного узнавания данные лексемы, как правило, не используются в актуальной речевой практике.

Одновременно анкетные материалы демонстрируют систематическое вытеснение исконных наименований заимствованными эквивалентами из доминирующих языков, прежде всего таджикского и русского. Заимствованные обозначения характеризуются более высокой частотностью, стилистической нейтральностью и закреплённостью в современной бытовой коммуникации, вследствие чего они прочно занимают позиции нормативных номинаций элементов домашнего пространства. Это подтверждается и корпусными данными онлайн-ресурса pamiri.online [228], где заимствованные формы демонстрируют существенно более высокую частотность по сравнению с традиционной лексикой, представленной фрагментарно и нерегулярно.

Наблюдаемый языковой сдвиг носит лексический и когнитивно-культурный характер: утрата исконных наименований сопровождается размыванием традиционной символики, связанной с элементами памирского дома. Традиционные лексемы были встроены в систему символически значимых представлений, родовых ценностей и пространственных ориентиров, тогда как заимствованные номинации в большинстве случаев лишены этой глубинной культурно-семиотической нагрузки. В результате происходит не просто формальная замена слов, но трансформация способов концептуализации домашнего пространства, что непосредственно отражается на структуре концепта ДОМ в современном языковом сознании носителей шугн.-руш. языков.

Таким образом, совмещение анкетных данных, возрастного среза носителей и корпусного анализа позволяет выявить направленное ослабление традиционного номинативного поля концепта ДОМ и зафиксировать устойчивый процесс языкового и когнитивного сдвига, обусловленного социокультурными трансформациями и усилением влияния доминирующих языков.

Количественные данные анкетирования, обобщённые в таблице (см. Таблицу 2 в Приложении), наглядно демонстрируют неоднородный характер

сохранности традиционной лексики, обозначающей элементы памирского дома. В большинстве позиций респонденты устойчиво отдают предпочтение заимствованным номинациям, что свидетельствует о выраженном языковом сдвиге. Так, арабское *qulf* (74 фиксации) значительно превышает исконное *luk* (11), таджикские *dewol*, *burj* (76) вытесняют *parδīr* (9), а русские *шкаф* (77) и *полка* (85) практически полностью заменили традиционные *rêx̌* (8) и *lêr* (0). Даже при сравнительно высокой узнаваемости исконных лексем *wiδům* (40) и *dišīd* (42) их частотность сопоставима с частотой русских соответствий *потолок* (45) и *крыша* (43), что указывает на устойчивое функциональное двуязычие. В некоторых случаях такие лексемы, как *sůlak* (2), *pušdā* (0) и *pasāk* (7), почти полностью вышли из активного употребления, поскольку исчезли сами реалии, которые они обозначали. Лексема *x̌ilā* занимает промежуточное положение: её сохраняют 25 информантов, тогда как большинство опрошенных (60 человек) заменяют её таджикским словом *werůnā*. Эти данные показывают, что исконная терминология постепенно вытесняется заимствованными единицами из таджикского, русского и арабского языков. Это, в свою очередь, указывает на необходимость регулярно обновлять цифровые словарные ресурсы с опорой на полевые материалы.

Анкетирование в данном случае помогает точнее определить степень сохранности традиционной лексики и выявить расхождения между словарной фиксацией слова и его реальным знанием у носителей. Корпусные и онлайн-лексикографические методы сами по себе не всегда отражают современное состояние языковой системы, если не сопоставлять их с данными, полученными в ходе непосредственной работы с информантами. В этом контексте интеграция полевых методов является необходимым условием развития цифровых лексикографических платформ, ориентированных на описание памирских языков.

Утрата лексем, связанных с традиционным домом, отражает исчезновение отдельных номинаций и вместе с тем постепенное ослабление когнитивных и культурных моделей, в рамках которых дом осмысливался как

единство физического, социального и ценностно значимого пространства. Сокращение этой лексики сопровождается трансформацией представлений о внутренней организации жилища, распределении функций, семейных ролях и ритуальных практиках. В результате концепт ДОМ утрачивает часть своей ценностной и культурной насыщенности и всё чаще воспринимается преимущественно как утилитарный объект.

Совмещение корпусных методов (частотный анализ, коллокационный анализ, изучение динамики n-грамм) с данными анкетирования позволяет выделить те семантические зоны, в которых исконная лексика демонстрирует наибольшую степень функционального спада. Сопоставление полевых данных, живой речи носителей и лексикографических источников показывает, какие элементы традиционного словаря ещё сохраняются, какие уходят из активного употребления и какие меняют свои функции в описании домашнего пространства.

Онлайн-лексикографические ресурсы в этой работе используются не как самостоятельный корпус, а как дополнительный источник для проверки и сопоставления шугн.-руш. материала. Они помогают уточнить форму, значение и варианты употребления отдельных слов, связанных с домом, его частями, хозяйственным пространством и традиционными практиками. При таком подходе особенно заметно, какие единицы ещё сохраняются в памяти носителей, какие уже уходят из активной речи, а какие получают новые функции в описании домашнего пространства.

Сокращение исконной лексики в шугн.-руш. группе языков связано не только с заменой одних слов другими. Вместе с такими словами из активной речи постепенно уходят и представления, которые за ними стояли: как назывались части традиционного дома, какие места считались значимыми, какие действия были связаны с очагом, порогом, внутренним пространством и родовым жилищем. Поэтому исчезновение этих единиц показывает не просто изменение словаря, а ослабление той культурной памяти, через которую носители раньше описывали дом и своё место в нём.

Концепт ДОМ в шугн.-руш. языках особенно ясно показывает, как через лексику сохраняется память о традиционном укладе. Слова, связанные с жилищем, называют не только стены, крышу, очаг, порог или внутренние зоны дома. За ними стоят представления о семье, роде, порядке, защите, благословении и допустимых формах поведения внутри домашнего пространства. В этом контексте фиксация и сохранение данных лексических единиц посредством цифровых платформ (например, Pamiri.online) и корпусных методов исследования приобретает значение как лингвистическая задача и как инструмент сохранения нематериального культурного наследия.

В связи с выявленными процессами утраты традиционной лексики особую актуальность приобретает задача ревитализации словаря памирских языков, прежде всего в сфере номинаций, связанных с традиционным бытом и домостроением. В рамках настоящего исследования были проанализированы более 70 лексем шугн.-руш. группы языков, охватывающих обрядовую лексику, термины, связанные с процессом строительства, а также наименования архитектурных элементов традиционного памирского дома. Проведённый анализ показал, что значительная часть этих единиц либо перешла в разряд архаизмов, либо полностью утрачена активным языковым сознанием носителей. Полученные данные подтверждают необходимость комплексного использования полевых наблюдений, анкетирования и онлайн-лексикографических ресурсов для фиксации, сохранения и актуализации культурно значимой лексики, непосредственно связанной с концептом ДОМ.

Для анализа динамики сохранности и утраты лексических единиц шугнанского языка в настоящем исследовании привлекались данные цифровой лингвистической платформы Pamiri.online, в которой шугнанский словарный массив представлен в виде электронного словаря, основанного на печатной лексикографической фиксации, прежде всего на трёхтомном шугнано-русском словаре Д. Карамшоева [207; 208; 209], и использовался как опорная точка для сопоставления словарной фиксации с результатами анкетирования и полевыми материалами автора. Шугнанский корпус на

платформе Pamiri.online представляет собой коллекцию устных и письменных текстов различных жанров (сказки, проза, поэзия и др.), включая транскрипции устных рассказов, синхронизированные с аудиозаписями, а также параллельные тексты на шугнанском и таджикском языках. Тексты снабжены многоуровневой аннотацией (токен, морфема, глосса, часть речи, значение); глоссы приводятся преимущественно на английском языке, переводы на русском. Метаданные включают сведения об информанте или авторе, названии текста, источнике, месте и дате записи, жанре и указание на характер разметки (в частности, факт ручной аннотации). На платформе представлены также материалы по другим языкам шугн.-руш. группы, однако их объём по сравнению с шугнанским разделом остаётся более ограниченным.

Корпус функционирует на открытой платформе Tsakorpus, разработанной Тимофеем Архангельским, и в настоящее время содержит около 40 000 токенов. Несмотря на значимую ценность данной базы для изучения шугнанского языка, её ограниченный объём и неполное представление семантических полей, в частности лексики, связанной с конценптом ДОМ, подтверждают необходимость дальнейшего расширения ресурса. Использование корпуса в сочетании с результатами анкетирования позволяет выявлять зафиксированные и утраченные элементы традиционного лексикона, что делает данный инструмент важным и одновременно требующим систематического пополнения и обновления.

Особенностью платформы Pamiri.online, наряду с ограниченностью корпуса, остаётся и сложность орфографической системы, применяемой для памирских языков. Орфография до настоящего времени сохраняет дискуссионный характер, поскольку в практике используются несколько графических систем, из которых основными являются таджикская кириллица и латиница. В онлайн-словаре реализована кириллическая орфография с включением латинских букв и диакритических знаков, характерных также для латинской графики памирских языков. Для обеспечения сопоставимости данных словарь снабжён орфографическим конвертором, который распознаёт

вариативные написания и соотносит их с фонемами Международного фонетического алфавита [228].

Следует подчеркнуть, что изучение и сохранение языков, находящихся под угрозой исчезновения, невозможно без системного документирования языкового материала. Отсутствие регулярной фиксации лексики, текстов и речевой практики существенно ограничивает возможности реконструкции утраченных элементов и анализа языковых изменений. В этом контексте цифровая лингвистическая платформа Pamiri.online, представляющая электронный словарный массив по шугнанскому языку (в значительной степени основанный на печатной лексикографической фиксации Д. Карамшоева) и материалы по другим языкам шугн.-руш. группы, в том числе рушанскому, хуфскому, бартангскому, сарыкульскому и ваханскому выступает важным инструментом их описания и сопоставительного анализа.

В лингвистических исследованиях различия между языками традиционно связываются прежде всего с их грамматическим строением. Однако для носителей и изучающих язык именно лексика представляет собой наиболее значимый уровень, поскольку именно через словарный состав передаётся основная часть этнокультурной и познавательной информации. Отдельные слова в разных языках могут аккумулировать различный объём культурных, социально значимых и символических смыслов, поэтому формально сходные номинации способны иметь принципиально различную коммуникативную и когнитивную нагрузку.

Лексика как наиболее динамичный уровень языка изменяется существенно быстрее, чем грамматика. Словарный состав непрерывно обновляется в связи с изменением предметной среды, социальной организации и образа жизни носителей, что сопровождается как появлением новых номинаций, так и утратой наименований исчезающих реалий. Показательным подтверждением этого процесса являются наблюдения М. С. Андреева, зафиксировавшего в 1929 году в долине Хуф исчезновение ряда обычаев, известных по более ранним данным, а в 1943 году дальнейшие изменения,

обусловленные трансформацией социального уклада [3, с. 9–10]. Эти данные наглядно демонстрируют естественную связь между изменением образа жизни, утратой элементов материальной и духовной культуры и последующими лексическими сдвигами.

Лексика в условиях языкового контакта оказывается наиболее уязвимым уровнем языковой системы, поскольку именно словарный состав в первую очередь реагирует на внешнее воздействие доминирующих языков. Артамонова Т. С., со ссылкой на Хаугена Э., определяет языковой контакт как процесс поочерёдного использования двух или более языков одними и теми же лицами, то есть билингвами [107, с. 51–55]. В условиях такого контактного взаимодействия особенно уязвимыми оказываются малые языки, находящиеся в постоянном соприкосновении с более сильными языковыми системами. Д. Карамшоев, характеризуя лексическую систему шугнанского языка, отмечает, что '… когда речь идет о бесписьменном языке, затруднительно провести четкую грань между устойчивым и окказиональным заимствованием лексических единиц … За вычетом относительно небольшого количества лексем едва ли не любое таджикское и русское слово может быть употреблено окказионально в шугнанской речи, …' [207, с. 12]. Эти наблюдения подтверждают, что в условиях активного билингвизма границы между собственно заимствованием и ситуативным включением иноязычных элементов оказываются размытыми.

В многоязычных сообществах проблема определения 'родного языка' также приобретает сложный характер. В научных исследованиях в качестве критериев, позволяющих определить статус родного языка, выделяются: возраст освоения языков, язык семейной коммуникации, уровень языковой компетенции и языковая идентичность [26, с. 10]. Эти параметры особенно значимы при анализе языковой ситуации в регионах активного контактного многоязычия, в том числе в среде носителей шугн.-руш. группы языков.

Данные процессы в полной мере характерны и для носителей шугн.-руш. языков, для которых действуют ключевые факторы языкового

контактирования: социально-экономические условия, политическая ситуация, религиозная сфера и фактор языкового престижа. Поочерёдное использование двух и более языков билингвами ‘в условиях языкового контакта предполагает наличие кодового переключения’ [109, с. 10], что существенно ускоряет изменения прежде всего в лексическом составе языков, находящихся в уязвимом статусе. Памирские языки находятся в постоянном контактном взаимодействии с более мощными иранскими языками. На территории Таджикистана таким языком является таджикский, однако в силу фактора престижа всё более заметным становится влияние также русского и английского языков. Воздействие доминирующих языков в первую очередь затрагивает лексику и лишь в последнюю очередьграмматический строй.

В результате контактных процессов происходит заимствование отдельных слов и вытеснение исконных лексем без их сохранения в активном словаре. Так, исконная лексема *pigal* ‘край крыши’, ‘край стены’ (в выражении *ar pigal na-δiyi* ‘как бы тебе не упасть с края крыши’) в современной речи вытесняется таджикским *parā* ‘край’; *wiδům* заменяется русским *потолок*; *zidůn* ‘кладовая, чулан’ таджикским *ošxůnā*; исконное *luk* ‘замок’ вытеснено арабским *qulf*; лексемы *parδīr* и *safīl* ‘забор, ограда, стена’ заменяются таджикским *dewol*. Подобные факты свидетельствуют о системном языковом сдвиге в сфере лексики, связанной с традиционным домом.

Сопоставление исконных и заимствованных номинаций по указанным позициям систематизировано в результатах анкетирования и сведено в Таблицу 2 (см. Таблицу 2 в Приложении), где отражены варианты, выбираемые информантами, и распределение предпочтений между исконной терминологией и заимствованными единицами. Таблица позволяет увидеть не единичные случаи, а общий профиль замещения в лексике традиционного дома и сопоставить степень сохранности отдельных номинаций.

Характерны случаи, когда лексемы сохраняются главным образом в словарях, но почти не употребляются в живой речи. К таким единицам относятся шугн. *čagas* ‘перекладина между столбами в сенях’ (для сушки

белья), шугн. *omurzā*, руш. *marza*, хуф., бр., рош. *marzā* ‘поперечная доска вдоль стены’, шугн. *sůlak* ‘заслонка, камень перед очагом’, шугн. *darbučā* ‘дверца’, ‘калитка’, ведущая в сеновал, шугн. *x̌ůnabandi* ‘приспособление под отверстием крыши дома’, шугн. *darak-divi* ‘дверца’ или ‘калитка’, шугн. *gow-xůnā*, руш., хуф. *gōxōnā* ‘телятник внутри жилого дома’, шугн., руш., хуф. *obx̌īn*, бр., рош., сар. *obx̌in* ‘водосток, отверстие в полу дома для стока воды’, *obx̌īn-žīr* ‘плоский камень с отверстием для стока’, шугн. *rêx̌*, руш., барт. *ron*, сар. *run* ‘небольшая ниша в стене’, шугн. *zīn-xůnak* ‘ниша для хранения седельных принадлежностей’. То, что эти слова зафиксированы в словарях, но почти не встречаются в активной речи информантов, ясно показывает разрыв между лексикографическим описанием и реальным языковым употреблением. Именно поэтому при анализе и сохранении культурно значимой лексики особенно важно опираться не только на словари, но и на полевые данные.

Процессы утраты лексики сопровождаются исчезновением отдельных слов и трансформацией их семантики. В ряде случаев исконная единица сохраняется в языке, однако её значение подвергается сдвигу: слово начинает обозначать иные реалии либо функционировать в новых контекстах, не совпадающих с традиционными. Эти изменения носят объективный характер и обусловлены динамикой языковых и культурных контактов. Вместе с тем задачи фиксации, описания и ревитализации лексикона шугн.-руш. языков сохраняют свою актуальность как в научном, так и в культурно-социальном измерении.

Среди памирских языков лексикон шугнанского языка на сегодняшний день является наиболее полно документированным. Ключевым источником такого документирования служит трёхтомный двуязычный шугнано-русский словарь Д. Карамшоева, включающий около 16 000 словарных статей, систематизированных на основе полевого материала, собранного в 1960-е годы [207; 208; 209]. Словарь включает лексические единицы, грамматические и стилистические пометы, синонимы, устойчивые сочетания, идиомы,

сложные глаголы, сведения о диалектных различиях, а также иллюстративный материал в виде паремий.

В то же время за прошедшие десятилетия шугнанский язык претерпел существенные изменения: значительная часть зафиксированной лексики утратила активное употребление, отдельные слова изменили свою семантику, а словарный состав пополнился многочисленными заимствованиями, отсутствующими в словаре Д. Карамшоева. Эти процессы показывают, что лексикографическую базу нужно регулярно обновлять, опираясь на онлайн-ресурсы и полевые исследования.

Современная лингвистика не только фиксирует утрату языков и отдельных пластов лексики, но и рассматривает пути их сохранения. Одним из таких путей является ревитализация, или обратный языковой сдвиг, то есть целенаправленная работа по восстановлению утраченных элементов языка и расширению сфер его употребления. Такие меры помогают замедлить ассимиляцию и поддержать язык [26, с. 16–17]. В связи с этим возникает вопрос о возможностях ревитализации памирских языков и восстановления их лексики. История показывает, что полное возрождение языка случается редко. Наиболее известный пример – иврит, который в конце XIX века прошёл путь от языка религиозного культа к языку массового общения. Однако этот результат был связан не только с языковой работой, но и с сильной социальной и государственной поддержкой [224].

Хотя современный иврит заметно отличается от классического, этот пример показывает, что язык можно поддерживать и развивать, если сочетать научную, культурную и образовательную работу [147, с. 74–81]. Для памирских языков это особенно важно: их сохранение возможно только при соединении научного документирования, полевых исследований, цифровых инициатив, таких как Pamiri.online, и активного участия самих носителей.

Несмотря на отсутствие официального статуса и ограниченное административное употребление, цифровые технологии открывают новые возможности для поддержки памирских языков. Особую роль здесь могут

сыграть мобильные словари, корпуса фольклорных, литературных и этнографических текстов, а также интерактивные приложения для детей.

Использование интернет-платформ, виртуальных сред и мобильных технологий существенно расширяет возможности включения малых языков в современные коммуникативные практики. Цифровые ресурсы обеспечивают частичное восстановление и доступность языкового материала для широкой аудитории носителей, включая молодое поколение, и создают условия для его вторичной актуализации в письменной и устной формах. Опыт платформы Pamiri.online показывает, что даже при ограниченном объёме корпусных данных подобные ресурсы способны выполнять функцию базового хранилища лексики и текстов, необходимого для дальнейшей исследовательской и образовательной работы. При этом устойчивость любых программ языковой поддержки напрямую зависит от степени вовлечённости самих носителей в процессы сохранения и передачи языка.

Работа с лексическим материалом онлайн шугнано-русского словаря выходит за рамки собственно лингвистических задач и пересекается с проблематикой истории, этнографии и культурологии. Для этих дисциплин словарь представляет ценную эмпирическую базу, поскольку позволяет извлекать сведения о традиционном быте, социальной организации и материальной культуре носителей, а также уточнять и дополнять словарные статьи этнографическими и историческими комментариями в процессе взаимодействия с редакционной группой ресурса.

Электронный лексикографический ресурс Pamiri.online расширяет исследовательские возможности за счёт встроенных инструментов поиска и тематической фильтрации, что делает ресурс удобным как для лингвистов, так и для представителей смежных гуманитарных дисциплин. В частности, посредством тематического поиска возможно выделение лексем, относящихся к сфере дома (*čīd, mala, xůnā* ‘дом’, *dar-at palandа*r, *dar-at dargat* ‘дом со всем хозяйством’ и др.), а также терминов, обозначающих элементы строительной конструкции (*wūs* ‘балка’*, δorg* ‘древесина’, *darsarā* ‘дверная балка’*, miyůna-*

wūs ‘средняя, главная балка (в доме памирского типа)’, *owaxk* ‘подбалка’, *omurzā* ‘брус, балка (на стене дома во всю ее длину для наложения бревенчатой настилки потолка)’, *peх-čūb* ‘бревно, балка (в потолочном отверстии) ‘, *sipoxč* ‘бревенчатый потолок’; ‘бревно, балка’ и др.).

Таким образом, электронный лексикографический рессурс функционирует не только как средство лексикографической фиксации, но и как платформа для междисциплинарных исследований, способствуя более комплексному описанию языкового и культурного наследия шугн.-руш. группы языков.

Для когнитивной лингвистики онлайн-словарь и корпус памирских языков представляют собой удобную платформу для проведения статистического и лексико-семантического анализа, позволяющего выявлять связи между языковыми знаками и культурными реалиями, а также исследовать синонимические ряды и экспликаторы концептов. В случае концепта ДОМ в шугн.-руш. группе на материале ресурса Pamiri.online фиксируется широкий спектр лексических единиц, репрезентирующих различные аспекты жилища: *burguc, burgucak* ‘маленький дом’; *palandari* ‘жильё, местожительство’; *dar-at-palandar* ‘дом с двором, усадьба’; *pigàl / pagal / sarpagal / sarpegal* ‘край крыши, перен. Двор’; *xasxůnā* ‘лачуга’; *xůnawodā / xonawodā* ‘семейство, семья’; *dargo* ‘пространство перед домом’; *awli / aweli* ‘двор, усадьба’; *obodi* ‘благоустройство, дом’; *rêʒ* ‘нора, логовище’; *xičīfrêʒ* ‘тесное помещение, конура’; *wužrā / wujrā / ujra / ůjro* ‘комната, келья’; *werůnā* ‘развалины, хижина’; *xilā / xilāyak* ‘полуразрушенное помещение, сарай’; *makůn* ‘местожительство’; *joy-jigīr* ‘двор, усадьба’; *joy-at-makůn / joy-at-makon* ‘пристанище, жильё’.

Анализ этих лексем показывает, что в ряде случаев словарные статьи не сопровождаются этнографическими и культурными комментариями, без которых невозможно полноценное осмысление их символической и концептуальной значимости. В связи с этим перспективным направлением развития онлайн-ресурса является целенаправленное дополнение словарных

статей этнолингвистическими пояснениями. Вовлечение специалистов в области когнитивной лингвистики в данный процесс позволило бы расширить функционал ресурса, превратив его из средства лексикографической фиксации в инструмент углублённой реконструкции культурных концептов шугн.-руш. языков.

Электронный словарь как инструмент лексико-семантического анализа позволил на основе сопоставления ядерной и приядерной зон концепта ДОМ выявить 48 лексем-синонимов и экспликаторов исследуемого концепта в шугн.-руш. группе языков. Проведённый анализ показал, что словарные описания существующих лексем и синтаксических конструкций не всегда отражают все семантические оттенки значения ‘дом’, актуализируемые в речи носителей. Наряду с этим ряд единиц, зафиксированных в ходе полевых наблюдений, вовсе отсутствует в словарной базе. В связи с этим выявленные единицы целесообразно разделить на две группы: 1) лексемы, представленные в словаре, но не зафиксированные в нём в значении ‘дом’, которое, тем не менее, регулярно реализуется в живой речи; и 2) единицы, не зафиксированные в словаре, однако в речи носителей приобретающие значение ‘дом/жилище’ в результате семантического расширения и метафоризации.

Приведём лексемы, зафиксированные в словаре, но не представленные в нём в значении ‘дом’, хотя в живой речи они регулярно употребляются в данном значении: *piδīnd* ‘порог’ в высказывании *Māš-am γal wi piδīnd-aϑ na-wīnč* ‘Мы ещё не видели его порога’ употребляется в значении ‘мы ещё не были у него дома’. Лексема *rêʒ*, представленная в словаре со значениями ‘нора’, ‘гнездо’, ‘логовище’, в разговорной речи приобретает пренебрежительный оттенок значения ‘убогий, маленький дом’: *Tar xu rêʒ deδ xu qaror niϑ!* ‘Зайди в свой (убогий) дом и молчи!’.

Аналогичным образом слово *qasri* ‘дворец’ в переносном употреблении обозначает ‘большой состоятельный дом’: *Yā čīz gilā kiẍt, dirang qasr-en wam-ard mīzj, důn-ta boft* ‘Что она жалуется – такой шикарный дом ей построили’.

Лексема *qalā* ‘крепость’ также функционирует в значении ‘крепкий, большой дом’: *Qobil čorik yu vud, xu zindagindi-ʕi xu ziryot-en-ard qala-yen mīzd* ‘Он ещё при жизни построил своим детям крепкие дома’. Устойчивое сочетание *qalā-t qiblā*, фиксируемое в словаре в значениях ‘резиденция’, ‘имущество’, в полевом материале реализует значение ‘состоятельный дом с хозяйством’: *Wi-nd ared qalāt-qiblā-yidi ačaʕ mā-peǩc* ‘У него там такой состоятельный дом, что и не спрашивай’.

Особый интерес представляет лексема *nêx*, словарно определяемая как ‘возвышения вдоль стен внутри жилища’, т.е. приподнятые площадки вдоль стен, которая в ряде контекстов употребляется в значении ‘родной дом’, ‘свой дом’: *Tar xu nêx-um xu difirêpt* ‘Мне бы только дойти до своего дома’. Эти примеры демонстрируют системное метонимическое (на базе отношения ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ) расширение семантики пространственных и бытовых номинаций в сторону концептуальной зоны ‘дом’.

В качестве примеров для лексем второй группы - не зафиксированные в словаре, но в живой речи носителей получают значение ‘дом’ или ‘жилище’ можно дать следующий ряд лексем и метафор: *sarpano* ‘укрытие’, ‘убежище’ в контексте *Důndik sarpano-ey xurd di mīzd* ‘Им бы только домик себе построить’ реализует значение ‘дом’. В сходном значении употребляется и шугн. *panogo* ‘укрытие’, ‘дом’: *Wef panogo yi ku ǩilayak vud* ‘Их домом была та хибара’.

Метафоризированная синтаксическая конструкция *aft dar-abodůmi*, очевидно соотносимая с тадж. *haft dari obod* ‘семь дверей благосостояния’, в онлайн-словаре зафиксирована в значении ‘целый дом’, однако полевой материал показывает, что данная конструкция отражает более широкую семантику: как ‘достаток’, так и ‘богатый, состоятельный дом’: *Tu dod-and pi di māš qišloq-aʕ aft dar-abodůni vud* ‘У твоего отца был состоятельный дом и за пределами нашего кишлака’.

К числу более поздних образований относятся сочетания *bob zamīn* ‘дедовская земля’, *dod ʒīngak* ‘отцовская передняя часть очага’, *nān ʒīngak*

‘материнская передняя часть очага’, которые в различных контекстах передают значение ‘свой дом’, ‘своя территория’, актуализируя пространственно-родственную зону концепта ДОМ. В аналогичном значении функционирует и синтаксическая конструкция *kas-at kū* (< тадж. *kas* ‘человек’, *kůh* ‘гора’), буквально ‘род и гора’, которая ситуативно обозначает ‘дом’, ‘двор’, ‘родовое пространство’: *Ero, Šhogado māš-and be kas-at kū* ‘Ну, Шогадо у нас без рода и дома (двора)’.

Эти примеры показывают, что семантическое поле концепта ДОМ в шугн.-руш. языках активно расширяется за счёт пространственных, родственных, защитных и хозяйственно-территориальных номинаций, не закреплённых в словарной фиксации.

Наряду с анализом языкового материала, зафиксированного в полевых условиях, для выявления различных ситуативных реализаций экспликаторов концепта ДОМ привлекался и онлайн-лексикографический ресурс, основанный на словаре Д. Карамшоева [228]. Лексико-семантический анализ показывает, что этот ресурс позволяет прослеживать основные значения лексем и их коннотативные оттенки, проявляющиеся в словарных контекстах. Тем самым цифровые лексикографические ресурсы подтверждают свою значимость для когнитивного анализа культурно маркированной лексики в шугн.-руш. языках.

Лексические системы памирских языков характеризуются высокой степенью структурной и семантической самобытности, что делает их описание важным не только для сохранения языкового материала, но и для последующего типологического сопоставления. Показательным примером такого лексического своеобразия служат шугнанские глаголы падения, описанные Т. И. Резниковой, Е. В. Рахилиной и др. в сопоставлении с системами падения более чем в сорока языках мира [152, с. 9-63]. Этот материал наглядно демонстрирует типологическую значимость лексики памирских языков для фреймовых и когнитивных исследований.

Аналогичным образом и лексемы, репрезентирующие концепт ДОМ в шугн.-руш. языковой группе, образуют разветвлённую систему экспликаторов, отражающую физические параметры жилища, его социальные, символические и оценочные характеристики. Использование онлайн-ресурса Pamiri.online позволяет выявлять такие единицы, как *čīd, xůnā* ‘дом’, *palandari, dar-at-palandar* ‘усадьба’, *burguc* ‘домишка’, *x̌ilā* ‘разрушенное помещение’, ‘развалины’, *werůnā* ‘руины (про дом)’, *rêʒ* ‘нора’, ‘домик’, *makůn* ‘место проживания’, *joy-jigīr* и др., каждая из которых актуализирует отдельные аспекты концептуализации дома, ‘жилище’, ‘усадьба’, ‘родовое пространство’, ‘развалины’, ‘временное убежище’ и т. п.

Сочетание корпусных, онлайн-лексикографических и полевых методов позволяет расширить инвентаризацию экспликаторов концепта ДОМ и уточнить их семантическую стратификацию, выявляя ядро, приядерную зону и периферию концепта в шугн.-руш. языковой картине мира. Благодаря такой интеграции становится возможным не только уточнение семантики отдельных словарных статей, но и существенное расширение их культурно-интерпретационного потенциала. В перспективе это создаёт основания для превращения цифровых словарей в культурно значимые онлайн-ресурсы, ориентированные не только на описание языковой системы, но и на сохранение и актуализацию традиционных знаний носителей.

Анализ материала позволил выявить особенности утраты и трансформации лексики, связанной с концептом ДОМ, на материале шугн.-руш. языков в рамках комплексного когнитивно-лингвистического подхода. Прежде всего, фиксируется высокий уровень утраты исконной лексики: значительная часть слов, обозначающих элементы традиционного памирского дома, перешла в пассивный слой словарного состава либо оказалась полностью архаизированной, что подтверждается материалами анкетирования. Наряду с этим прослеживается системное вытеснение исконных номинаций заимствованиями, прежде всего из таджикского и русского языков, что отражает интенсивные процессы языкового контакта и

культурной ассимиляции. Одновременно становится очевидным и разрыв между лексикографической фиксацией и реальной языковой практикой: ряд лексем, представленных в ресурсе Pamiri.online, не распознаётся или не используется в активной речи информантов, поэтому цифровые словари нуждаются в постоянном соотнесении с полевыми данными.

Корпусные и онлайн-лексикографические методы, при всей их эффективности в систематизации и статистической обработке материала, не позволяют в полной мере реконструировать языковое сознание носителей без опоры на анкетирование, интервьюирование и фиксацию устной речи. Именно поэтому лексика, входящая в поле концепта ДОМ, требует комплексного подхода к описанию и сохранению, поскольку она репрезентирует не только предметно-бытовую сферу, но и культурные, религиозные и философские представления носителей. В этом отношении дальнейшее развитие онлайн-словаря Д. Карамшоева на платформе Pamiri.online, расширение его эмпирической базы, дополнение этнолингвистическими комментариями и активное участие самих носителей языков приобретают принципиальное значение [228].

В итоге, цифровые ресурсы и полевые методы должны использоваться в тесном взаимодействии для документирования, сохранения и частичной ревитализации лексического пласта, связанного с концептом ДОМ как значимым элементом культурной идентичности носителей шугн.-руш. языков. В совокупности корпусные, онлайн-лексикографические и полевые данные позволяют описывать современное состояние лексики, выявлять зоны её утраты и трансформации, а также обосновывать стратегии сохранения культурно значимых слов. Исчезновение архаических и диалектных лексических единиц, связанных с домостроением, внутренней планировкой, сакральными зонами жилища и традиционным бытом, ведёт к обеднению языковой системы и утрате закреплённых в ней моделей мышления. Одновременно с выпадением соответствующих номинаций постепенно разрушаются традиционные жизненные сценарии, связанные с организацией

пространства дома, семейными ритуалами, распределением ролей и сакральными функциями отдельных зон жилища. В результате концепт ДОМ, изначально обладавший многослойной семантической структурой, включавшей пространственные, социальные и сакральные компоненты, подвергается деформации и всё чаще редуцируется до утилитарного представления о жилище как физическом объекте. Тем самым утрата лексики предстаёт не только как языковой, но и как когнитивно-культурный процесс, отражающий трансформацию традиционной картины мира.

Выводы по главе

Анализ теоретико-методологических оснований когнитивной лингвистики показывает, что концепт как одна из центральных единиц познавательной деятельности человека представляет собой многослойное ментальное образование, в котором сочетаются понятийный, образный и ценностный компоненты. Именно через концепт языковая система соотносится с когнитивной сферой: в нём находят выражение как общие механизмы человеческого мышления, так и культурно обусловленные особенности национальной картины мира.

Обзор основных подходов к трактовке концепта в когнитивной лингвистике свидетельствует о формировании ряда моделей, включая фреймовую, полевую, метафорическую, блендинговую и прототипическую; они различаются по степени формализации, но сходятся в признании концепта динамической структуры, участвующей в формировании представлений о внешнем мире носителя языка. При этом подходы Ч. Филлмора, Дж. Лакоффа, Р. Лэнгакера, Е. С. Кубряковой, З. Д. Поповой и И. А. Стернина демонстрируют возможность объединения когнитивного, лингвокультурологического и семантико-когнитивного анализа в рамках единой исследовательской рамки.

Показано, что в российской когнитивной традиции концепт трактуется как квант знания и единица концептосферы, обеспечивающая репрезентацию

опыта и культурно значимых смыслов этноса, тогда как в западной лингвистике преобладает интерпретация концепта как когнитивной модели, обеспечивающей осмысление и категоризацию действительности. Указанные направления задают теоретическую основу, позволяющую рассматривать концепт ДОМ в шугн.-руш. группе языков как одновременно универсальную и культурно-специфическую категорию.

Когнитивная лингвистика располагает разветвлённым инструментарием для описания языковой репрезентации концептов. В работе в качестве общей рамки используются лингвокогнитивный, семантико-когнитивный и лингвокультурологический подходы, поскольку они позволяют комплексно рассматривать концепт ДОМ как языковой, культурный и когнитивный феномен, что особенно продуктивно при анализе малых языков Памира, где языковые структуры тесно сопряжены с традиционными представлениями и ценностными смыслами. При этом указанная рамка реализуется через набор специализированных аналитических процедур: теория концептуальных метафор применяется для выявления образно-ассоциативных переносов; семантика фреймов используется для реконструкции сценариев и типовых ситуаций; теория имидж-схем служит для описания пространственно-телесных оснований смыслов; конструкционная и когнитивная грамматика привлекаются для анализа устойчивых моделей, в которых соотносятся форма и значение.

Комплексное использование полевого подхода и фреймового моделирования позволяет нам в следующей главе перейти к практической реконструкции концепта ДОМ. Если полевой метод обеспечивает инвентаризацию лексики и выявление ядра (*čīd*), то фреймовый анализ служит инструментом описания внутренней организации пространства дома. Синтез данных методов в Главе II позволяет представить авторскую стратиграфическую модель, объединяющую языковые данные с глубокими лингвокультурологическими смыслами шугн.-руш. традиции.

Раздел 1.4 показал, что полевые данные, анкетирование и онлайн-лексикографические ресурсы помогают увидеть не только состав лексики, связанной с домом, но и её современное состояние. Сопоставление словарной фиксации с живой речью показывает, какие традиционные названия ещё сохраняются, какие уходят из употребления и где возникает разрыв между зафиксированным словом и реальной речевой практикой носителей. Платформа Pamiri.online в этом отношении используется как дополнительный источник проверки и сопоставления шугн.-руш. материала. Тем самым проведённый анализ сформировал целостную теоретико-методологическую основу исследования, уточнив понятийный аппарат, источниковую базу и инструментарий последующего описания, в рамках которого концепт ДОМ трактуется как ключевой элемент лингвокогнитивной картины мира шугн.-руш. традиции, интегрирующий материальные, социальные, духовные и культурные параметры человеческого бытия в их динамике и трансформации.

ГЛАВА II. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТА ДОМ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА

В когнитивном подходе значение слова рассматривается не как раз и навсегда заданная величина, а как структура, которая по-разному раскрывается в конкретном употреблении. Поэтому при анализе концепта ДОМ важно учитывать, какие смысловые компоненты устойчиво воспроизводятся в речи, а какие возникают как вторичные или контекстно обусловленные расширения. В данной главе семантическое пространство концепта ДОМ описывается как система взаимосвязанных номинаций, различающихся по степени типичности и по своей роли в общей структуре концепта.

Семантическое пространство концепта ДОМ рассматривается с опорой на прототипическую модель категоризации. В соответствии с ней выделяются ядерная зона, куда входят наиболее частотные и устойчивые репрезентации, ближе всего стоящие к базовой ситуации ‘жилище/дом’, и периферийные зоны, в которых представлены переносные, контекстно обусловленные и культурно маркированные расширения значения. В центре внимания этой главы находятся прежде всего ядерные, предметно-бытовые репрезентации концепта ДОМ, тогда как его символические, ценностные и культурные проявления рассматриваются в последующих главах. Такое разграничение позволяет сохранить внутреннюю логику анализа и последовательно перейти от базовых номинаций к более сложным смысловым образованиям.

В данной главе используются три взаимосвязанных метода: когнитивно-семантический, полевой и структурно-дистрибутивный. Каждый из них решает свою задачу. Когнитивно-семантический анализ нужен для выявления концептуальных признаков и ментальных репрезентаций концепта ДОМ, прежде всего там, где значение осложняется полисемией и культурной маркированностью. Полевой метод позволяет упорядочить материал и разграничить ядерную и периферийные зоны концепта. Структурно-дистрибутивный анализ помогает установить частотность ключевых лексем и

экспликаторов, а также проследить особенности их синтагматических и парадигматических связей в корпусе полевых и словарных данных. В таком сочетании эти методы дают возможность рассматривать материал и с количественной, и с качественной стороны и соотносить полученные результаты с общей когнитивной моделью концепта, представленной в Главе I.

2.1. Синонимическое поле, экспликаторы и конструктивные средства репрезентации концепта ДОМ

В современной лингвистике синонимия рассматривается как один из способов внутренней организации лексики, через который язык по-разному членит один и тот же фрагмент действительности. Образование синонимических рядов связано с процессами категоризации, поскольку сходство и различие между объектами устанавливаются в сравнении [166, с. 144–148]. Существенную роль здесь может играть и метафорический механизм: особенности чувственного восприятия и его связь с психикой позволяют сопоставлять разнородные явления, поэтому в основании синонимических рядов нередко лежит и метафорическое сближение [160, с. 9]. В применении к концепту ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков синонимические ряды важны тем, что через них передаются не только пространственные, но и ценностные, культурно обусловленные стороны данного концепта. Отдельные аспекты этой лексической репрезентации уже рассматривались в ряде публикаций [233; 140, с. 93–110], однако в данном разделе они анализируются уже в рамках общей когнитивно-семантической модели концепта ДОМ и с учётом прототипической организации его семантического пространства.

Синонимическое поле концепта ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков включает лексемы, словосочетания и синтаксические конструкции, близкие или тождественные по значению. При его анализе важно было не просто перечислить эти единицы, а установить, какие из них занимают центральное положение, как соотносятся между собой и какие структурные

типы они образуют. Интерпретация материала опирается на языковое сознание носителей и строится в русле когнитивной семасиологии, где семный состав слова раскрывается через анализ того концепта, который это слово репрезентирует. Именно такой подход позволяет увидеть в значении языковой единицы не только словарное ядро, но и дополнительные компоненты, выявляющиеся при более полном описании самого концепта [65].

- Доминанты и ключевое слово ядра концепта ДОМ в шугнано-рушанской группе языков

В шугн.-руш. группе памирских языков наиболее полно концепт ДОМ репрезентируется тремя базовыми синонимами, к которым относятся шугн. *čīd*, руш., хуф. *čod*, бр., рош. *čöd*, сар. *čed* и шугн. *xůnā*, руш., хуф., бр., рош., сар. *xona*, а также шугн., руш., хуф., бр. *mālā*, сар. *malá*. В других памирских языках для обозначения ‘дом’ функционирует преимущественно заимствованная лексема *xona* со следующей фонетической вариативностью: вах. *xun*, ишк. *xon*, сангл. *xān* ‘дом’. Указанные три лексемы в шугн.-руш. группе языков являются наиболее употребительными наименованиями для обозначения дома, что подтверждается их высокой частотностью в речи носителей. Семантически данные лексемы соотносятся с общей сферой значения ‘дом/жилище’, однако степень спецификации различается: *čīd* в традиции употребления преимущественно обозначает традиционный памирский дом, тогда как две другие единицы функционируют как более общие номинации ‘дом/жилище’; в стилистическом плане все они относятся к нейтральным, неоценочным единицам.

Анализ языкового материала показывает, что в современном языковом сознании носителей шугн.-руш. группы памирских языков лексема *čīd* используется как для обозначения традиционного дома на пяти столбах, так и для номинации любого типа жилого помещения. В то же время в данной группе языков не зафиксировано употребление этой лексемы для обозначения зданий социального и общественного назначения, тогда как подобная функция характерна для заимствованной лексемы шугн. *xůnā*, руш., хуф., бр., рош., сар.

xona < тадж.-перс. *xona*, ср.: вах. *xan*, ишк. *xon*, сангл. *xān* – ‘дом’. Для уточнения семантических различий внутри данных синонимов обратимся к словарям Д. Карамшоева, где представлены следующие интерпретации:

Xůnā

Значение: сущ. m. дом, здание, помещение

Устойчивые сочетания и идиомы:

moli xůnā – домашнее имущество, вещи

āli xůnā – члены семьи, домочадцы

Словарь не содержит примеры с лексемой *xůnā* в значениях здание и помещение. Эти два дополнительных значения лексемы *xůnā* отсутствуют и в интерпретации слова *čīd*, относительно которого приводятся следующие определения:

Čīd

Значение: сущ. m. дом; двор

Устойчивые сочетания и идиомы

1. *čīd tar čīd* – из дома в дом, по домам
2. *čīd pis čīd* (ш. *čī pis čī*) – по домам

В статье *mālā* наблюдается толкование следующего характера с предоставлением примеров на шугнанском языке:

Mālā

Значение: 1. сущ. m. помещение, жилище, дом, комната; квартира;

ш. *yik-tar wi mālā δu odam* / В том доме два человека.

ш. *yi mālā-yen xurd ре̄δо čūd* / Они подыскали себе жилище.

Согласно текстам и словарям рушанского, хуфского и бартангского языков В.С. Соколовой слово *mālā* переводится как строение, здание; жилище, дом, дворец [216]. Таким образом, в интерпретациях всех трёх лексем синонимического поля концепта ДОМ в переводе на русский язык фиксируется основное значение дом, жильё.

Для выявления доминант и ключевого слова ядерной зоны концепта ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков был проведён опрос среди

носителей языков группы. Анализ материала на основе опросника (см.: Таблица 3 Приложения), направленного на установление частотности употребления лексем синонимического поля *čīd*, *xůnā*, *mālā*, показал, что эти единицы различаются не только по частотности, но и по степени этнографической спецификации. Одни из них функционируют как более общие номинации ‘дом/жилище’, другие устойчиво соотносятся с традиционным памирским домом и связанными с ним культурно значимыми признаками. Эти различия обусловлены как происхождением самих номинаций, так и разнообразием типов жилищных построек и условиями их употребления в конкретных ситуациях. Именно поэтому за каждой из этих лексем закрепляется своя сфера функционирования в структуре концепта ДОМ.

В анкете использовались авторские ситуативные контексты, поскольку цель заключалась не в оценке ‘правильности’, а в выявлении узуса и распределения конкурирующих номинаций по типам ситуаций. Формулировки предложений моделировали типовые бытовые эпизоды и этнографически маркированные действия/характеристики, релевантные для традиционного памирского дома; в таких контекстах выбор информантов отражает привычное употребление и фиксирует ограничения взаимозаменяемости. Так, в предложении *Soro xu čīd čidīr δīd* ‘Соро чистит свой дом (от сажи)’ актуализируется действие, соотносимое именно с внутренним пространством традиционного дома, поэтому замена *čīd* на *xůnā* или *mālā* в речи носителей не производится. Аналогично, в высказываниях *Čīd buzurg joy* ‘Дом святое место’ и *Čīd-and pīnʒ sitan* ‘В доме пять столбов’ лексема *čīd* употребляется как культурно и этнографически специфицированная номинация традиционного дома, что делает её замещение другими единицами невозможным. При формулировании авторских ситуативных предложений учитывались два параметра: 1) тип референции – нейтральные бытовые контексты со значением ‘дом/жилище’ и контексты, этнографически релевантные для традиционного памирского дома; 2)

ситуативная применимость номинаций, позволяющая выявить ограничения взаимозаменяемости лексем внутри синонимического поля. Такой подход обеспечивает фиксацию узуальных предпочтений носителей и позволяет проследить распределение конкурирующих единиц в реальных условиях употребления. При этом полученные ответы и полевые наблюдения автора показывают, что в повседневной речи носителей шугн.-руш. языков лексема *čīd* обладает более высокой употребительностью по сравнению с *xůnā* и *mālā*, а различия между единицами проявляются прежде всего в ситуативной применимости и этнографической информативности.

В первой части анкеты информантам было предложено заполнить пропуски в 50 ситуативных предложениях, выбрав одну из трёх лексем синонимического поля *čīd*, *xůnā* или *mālā*. Такая процедура позволила проследить распределение базовых номинаций дома в типовых контекстах употребления и уточнить их место во внутренней структуре концепта ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков. Результаты анкетирования, проведённого среди носителей языков разных возрастных групп (от 20 до 60 лет), показали явное доминирование лексемы *čīd*. По суммарному количеству выборов на её долю приходится 2024 употребления из 2498 зафиксированных ответов, что составляет 81,0%, тогда как *xůnā* получает 261 выбор (10,4%), а *mālā* - 213 выборов (8,5%). Кроме того, анализ анкетных данных показал, что в 48 из 50 предложенных контекстов наибольшее число выборов приходится на лексему *čīd*, тогда как *xůnā* и *mālā* оказываются наиболее предпочтительными лишь в одном контексте каждая. Это позволяет заключить, что именно *čīd* выступает в качестве наиболее предпочтительной и прототипически центральной номинации, формирующей ядро концепта ДОМ, тогда как *xůnā* и *mālā* функционируют как конкурирующие, но неравноправные единицы ближней периферии его центрального номинативного контура (см.: Таблица 3 в Приложении).

Поиск по онлайн словарю Д. Карамшоева также подтвердил доминирование лексемы *čīd* в рамках данной синонимии [228]. Лексема *čīd*

была выявлена в 88 случаях в приблизительно 40 документах в 85 предложениях, тогда как лексема *xůnā* обнаружена в приблизительно 4 документах в 5 предложениях. Результаты поиска показали незначительно большую частотность употребления лексемы *mālā* по сравнению с *xůnā*: она зафиксирована в приблизительно 5 документах в 7 предложениях, что в целом соответствует данным проведённого опроса.

В предложениях опросника, содержащих элементы скрытой этнографической информативности и отсылки к традиционным представлениям, всеми респондентами последовательно использовалась лексема *čīd* как ситуативно приемлемая единица. В качестве иллюстрации приведём несколько предложений из Таблицы 3 в Приложении:

Čīd *buzurg joy* – Дом святое место;

Čīd*-and pīnʒ sitan* – В доме пять столбов;

Māš ***čad****-en-i ustod Mīrik mīzd* – Наши дома построил мастер Мирик;

Rīxti wef ***čad****-en δod* – Лавина снесла их дома;

Soro xu ***čīd*** *čidīr δīd* – Соро чистит свой дом (от сажи).

Memůn ta tar ***čīd*** *bār-and nêδ-ên* – Гостя в доме усаживают на главных нарах.

В предложениях с нейтральным ситуативным употреблением лексем синонимического поля *čīd – xůnā – mālā* частотность использования лексем распределяется неравномерно, с очевидным преобладанием лексемы *čīd*. Для иллюстрации данного распределения в таблице 3 представлены результаты анкетирования на материале шугнанского языка с суммарным подсчётом показателей по всем языкам шугн.-руш. группы памирских языков.

В таблице ниже представлены обобщённые результаты опроса носителей, проведённого на материале авторской анкеты, включавшей 50 ситуативных предложений. Данная таблица отражает основные типы распределения лексем *čīd, xůnā, mālā* в типовых контекстах употребления, включая как нейтрально-бытовые, так и этнографически маркированные ситуации. Полный массив контекстов и количественных показателей приведён в Приложении (см.: табл. 3 Приложения), тогда как в тексте главы

представлены их обобщение и интерпретация. Полученные данные отражают частотность выбора соответствующих единиц и позволяют зафиксировать доминирующее положение лексемы *čīd* в структуре синонимического поля концепта ДОМ, а также подтвердить её статус как прототипически центральной номинации в составе его центрального номинативного контура.

Таблица 1

Типы ситуативных контекстов и распределение синонимов *čīd* / *xůnā* / *mālā*

№	Тип контекста	*čīd*	*xůnā*	*mālā*
1	Нейтральные бытовые (жить, быть дома, тихо/холодно)	+++	+	±
2	Внутренняя жизнь дома (разговоры, порядок, покой)	+++	+	–
3	Вход / выход, перемещение	+++	–	+
4	Рост, жизнь, принадлежность	+++	+	±
5	Род, предки, наследование	+++	–	–
6	Традиция, сакральность	+++	–	–
7	Конструктивные элементы дома	+++	–	–
8	Абстрактные и метафорические значения	+++	–	–

*** Составлено автором на основе результатов анкетирования**
+++ – доминирующая, наиболее предпочтительная номинация;
+ – допустимая, но не доминирующая номинация;
± – допустимая с ограничениями;
– – нехарактерная / практически неупотребительная номинация в данном типе контекста.

Анализ результатов анкетирования, основанного на авторских ситуативных контекстах, позволяет выявить закономерности распределения лексем синонимов *čīd* / *xůnā* / *mālā* в структуре концепта ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков.

Результаты анкетирования достаточно ясно показывают, как лексемы *čīd, xůnā* и *mālā* распределяются внутри концепта ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков. Во всех типах ситуаций наиболее устойчиво ведёт себя *čīd*. Эта лексема употребляется и в нейтрально-бытовых, и в локативных, и в этнографически маркированных контекстах. Она называет дом как физический объект, как внутреннее пространство, как место жизни, роста, наследования и родовой преемственности. Существенно и то, что *čīd*

одинаково свободно используется как в предметных, так и в более обобщённых и символически нагруженных значениях. Именно это позволяет рассматривать её как центральную номинацию концепта ДОМ, обладающую наибольшей семантической ёмкостью и самой высокой узуальной устойчивостью.

Лексема *xůnā*, заимствованная из перс.-тадж., занимает по отношению к *čīd* периферийную позицию. По данным анкетирования она употребляется преимущественно в нейтральных бытовых контекстах со значением ‘дом / жилище’ и допускается в ситуациях, не требующих этнографической или культурной спецификации. Вместе с тем *xůnā* последовательно исключается из контекстов, связанных с традиционным устройством дома, родовой принадлежностью и ценностными характеристиками, а также из устойчивых сочетаний, в которых актуализируется культурно значимая семантика. Тем самым *xůnā* функционирует как обобщённая функциональная номинация жилища, не конкурирующая с *čīd* в ядре концепта и не способная замещать его в этнографически релевантных ситуациях.

Лексема *mālā* употребляется наиболее ограниченно. По данным опроса, она появляется лишь в отдельных случаях и тяготеет главным образом к ситуациям движения и перехода – входа, выхода, перемещения ‘из дома в дом’. В тех же контекстах, где речь идёт о внутренней жизни дома, проживании, родовой принадлежности или символической значимости жилища, эта лексема почти не используется. Вместе с тем в ряде обобщённых высказываний со значением ‘дом/жилище’ она всё же остаётся допустимой. Это показывает, что речь идёт не о полном запрете, а о вполне определённой функциональной специализации. Поэтому *mālā* целесообразно рассматривать как периферийную номинацию, связанную прежде всего с локативно-переходным осмыслением дома как границы, ориентира или точки входа и выхода. *Xůnā*, напротив, закрепляется главным образом за нейтральными бытовыми контекстами и также не участвует в передаче этнографически специфических характеристик традиционного дома.

Проведённый анализ показывает, что синонимическое поле концепта ДОМ имеет внутреннюю иерархию. Центральное место в нём занимает лексема *čīd*, которая объединяет физическое, социальное и культурно-ценностное измерения значения. Лексемы *xůnā* и *mālā* располагаются на периферии и распределяются по типам ситуаций в зависимости от степени обобщённости и функциональной направленности. Такое соотношение объясняется не только различиями в происхождении и частотности этих единиц, но и тем, как именно дом осмысляется в шугн.-руш. языковой картине мира, где традиционный дом сохраняет статус одной из ключевых опорных категорий.

Лексема *čīd* в составе синонимического поля концепта ДОМ в шугн.-руш. группе является исконной, тогда как *xůnā* и *mālā* относятся к заимствованному пласту. Ср.: шугн. *xůnā*, руш., хуф., бр., рош., сар. *xona* < перс.-тадж. *xona* [205]; шугн. *malā* // *māl(l)ā*, руш., хуф., бр. *mālā*, сар. *malá*, тадж. диал. *mahalá* ‘квартал города’ < араб. *mahalla* ‘помещение’, ‘комната’. Различия в распределении номинаций по типам контекстов соотносятся с тем, что *čīd* сохраняет культурно и этнографически специфицированное значение традиционного памирского дома, тогда как заимствованные единицы в большей степени обслуживают обобщённую номинацию ‘дом/жилище’.

Этнографическая спецификация лексемы *čīd* связана с тем, что в шугн.-руш. традиции этой номинацией обозначается жилое помещение определённого типа, соотносимое с традиционным памирским домом: с пятью столбами (*pīnʒ sitan*), окном на крыше (шугн. *rūz/ʒ* // *rūʒ*, хуф., руш. *rūz*, бр., рош. *rūzm*, сар. *rezn*, восходящим к др.-ир. *raučana*, авест. *raočana* ‘окно’ [218]), очагом (шугн. *kicor*, сар. *kacúr*, руш., хуф. *arδōn*, бр., рош. *raδōn*) и возвышениями вдоль стен (шугн. *nêx*, руш., хуф. *nōx*, бр. *nöx*). Вместе с тем на современном этапе развития языков лексема *čīd* широко употребляется и как обобщённая номинация различных типов жилых помещений.

Каждый элемент традиционного жилища в шугн.-руш. культурной традиции обладает собственной символической нагрузкой и включён в

систему устойчивых представлений и практик [233]. В опросных контекстах, содержащих этнографически релевантные признаки, информанты последовательно выбирали лексему *čīd* как наиболее ситуативно адекватную единицу. В качестве иллюстрации приведём следующие примеры:

Čīd buzurg joy – ‘Дом –святое место’;

Čīd-and pīnʒ sitan –‘В доме пять столбов’;

Māš čad-en-i ustod Mīrik mīzd –‘Наши дома построил мастер Мирик’;

Rīxti wef čad-en δod –‘Лавина снесла их дома’;

Soro xu čīd čidīr δīd –‘Соро чистит свой дом (от сажи)’.

Относительно недавняя для шугн.-руш. группы языков синтаксическая конструкция *pomeri čīd* ‘памирский дом’ используется для обозначения традиционной жилой постройки и наглядно демонстрирует функциональную дифференциацию лексем парадигмы *čīd*, *xůnā*, *mālā*. В рамках таких сочетаний, как *dod čīd* ‘отцовский дом’, *kata-čīd* ‘дом предков’, *čīdedi* ‘новоселье’ и др., заимствованные лексемы не могут выступать эквивалентами исконного слова *čīd*. Вместе с тем в ряде ситуативных контекстов все три лексемы способны выражать обобщённое значение жилья, ср.: *čīd tar čīd*, *xůnā tar xůnā*, *mālā tar mālā* ‘из дома в дом’; *tar čīd*, *tar xůnā*, *tar mālā* ‘в доме’, ‘дома’ и др. Это свидетельствует о том, что указанные единицы, с одной стороны, способны актуализировать наиболее общее значение жилища, а с другой стороны, в ряде контекстов заимствованные лексемы не заменяют исконную единицу *čīd*, сохраняющую культурно-специфическую семантику.

Среди единиц синонимического поля концепта ДОМ именно лексема *čīd* характеризуется наиболее высокой степенью этнографической информативности, что обусловлено исторической ролью традиционного памирского дома в системе обрядов, ритуалов и уклада жизни народов Западного Памира, в том числе шугн.-руш. группы. Пространство такого дома и его архитектурные элементы обладают устойчивой обрядовой значимостью, что отражается в семантике данной лексемы. Заимствованные номинации жилья, напротив, закрепляются в речи носителей в связи с социально-

экономическим развитием и появлением новых типов построек, что определяет специфику их внутренней формы и дифференциальные семантические оттенки. Анализ частотности употребления лексем-синонимов *čīd, xůnā, mālā* на основе данных опросника и результатов поиска по онлайн-словарю Д. Карамшоева позволяет отнести все три единицы к ядерной зоне концепта ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков, при этом доминантное положение в ней занимает исконная лексема *čīd*.

Согласно словарю Д. Карамшоева, слово *čīd* переводится на русский язык как ‘дом; двор’. В словаре также представлен ряд производных языковых единиц с корнем *čīd* ‘дом’: *čīdaki* ‘домосед’, *čidbůn* ‘охраняющий дом’, *čīd(d)ed* ‘новоселье’, *čīd(d)or* ‘имеющий дом’ и др. Тем самым лексикографическая фиксация показывает широту семантических и сочетаемостных возможностей данной основы.

Более развёрнутая в когнитивном плане интерпретация понятия дом представлена в работе Л.Р. Додыхудоевой, где при анализе слова *čīd* ‘дом’ указывается на его многозначность, включающую следующие значения: а) дом с двором, окружённый забором; б) несколько домов под одной крышей; в) дом как пространство семьи; г) ‘своё’ пространство; д) домохозяйство (счётная единица) [126, с. 217]. В системе значений данной лексемы именно значение ‘дом как пространство семьи’ выступает в качестве базового для концептуальной структуры, тогда как для обозначения расширенного значения ‘дом с двором’ в шугн.-руш. группе языков функционирует специальная языковая единица *dar-at palandar* ‘дом и двор’ [228]. Остальные значения отражают семантические сдвиги и приращения, обусловленные изменением бытовых и социальных условий жизни и переосмыслением содержания лексемы *čīd* в языковом сознании шугн.-руш. этнической группы.

Для более полного понимания значения слова в когнитивном аспекте особенно важны толковые словари, поскольку именно они позволяют увидеть не только общее соответствие, но и набор признаков, через которые осмысляется сам объект [60, с. 20–21]. Для языков шугн.-руш. группы таких

словарей пока нет, поэтому анализ когнитивных характеристик слова ‘дом’ приходится дополнять материалом таджикских и русских толковых словарей. Такое сопоставление здесь необходимо не для механического переноса значений, а для того, чтобы яснее увидеть, какие смысловые компоненты оказываются универсальными, а какие принадлежат уже собственно шугн.-руш. языковой картине мира.

В толковом словаре таджикского языка слово дом определяется как:

1. жилище с двором;
2. здание, которое имеет несколько комнат;
3. место пребывания определённых групп людей: *xona-i bachagon* – ‘детский сад’; *xona-i madaniyat* – ‘культурный центр’ [221].

В толковом словаре русского языка приводятся следующие значения:

1. жилое (или для учреждения) здание; строение для житья;
2. своё жильё, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство;
3. место, где живут люди, объединённые общими интересами, условиями существования;
4. династия, род;
5. семейство, семья, хозяева с домочадцами;
6. собир. жильцы какого-н. дома (Весь дом сбежался на крик) [212, с. 9].

Анализ собранного языкового материала показывает, что в шугн.-руш. языковой картине мира семантическое поле концепта ДОМ не охватывает такие значения, как здание для учреждения, династия, а также жильцы какого-либо дома. Определение ‘хозяева с домочадцами’ в языковом сознании шугн.-руш. этнической группы не входит непосредственно в ядерную зону семантического поля концепта ДОМ, однако, будучи соотнесённым с понятием *jamāt* ‘семья’, оно обнаруживает тесную и устойчивую связь с данным концептом. Это находит отражение в значении синтаксической конструкции *čīd-jamāt* букв. ‘дом-семья’ в значении ‘семья’, ‘всё хозяйство с домочадцами’, ‘дом с людьми кровного родства’.

В русском толковом словаре первое значение слова дом интерпретируется как ‘строение для жилья’, тогда как в дефинициях таджикского толкового словаря данное значение отсутствует. Анализ на основе опроса носителей языков шугн.-руш. группы показал, что 85% респондентов домом считают ‘место их проживания и для проживания их семьи’ - дефиницию, которая отсутствует в двуязычном словаре Д. Карамшоева и лишь частично соотносится с третьим значением, представленным у Додыхудоевой Л.Р. В шугн.-руш. языковой картине мира базовой семантикой лексемы *čīd* выступает значение ‘жилое пространство, в котором проживает человек с людьми, находящимися с ним в кровном родстве’, а также пространство, обозначаемое данной лексемой как центр семейного и хозяйственного уклада.

Рассмотрение ядерных лексем концепта ДОМ позволяет перейти к более широкому кругу языковых единиц, относящихся к его ближней и дальней периферии. Именно в этих единицах особенно заметно проявляются дополнительные культурные, оценочные и функциональные оттенки значения, которые не исчерпываются базовыми номинациями дома.

- Экспликаторы концепта ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков

В когнитивно-семантических и лингвокультурологических исследованиях содержание концепта обычно выявляется через совокупность языковых средств, в которых закрепляются его существенные признаки [22; 33; 78]. Помимо ядерных номинаций, важную роль в репрезентации концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков играют экспликаторы, т.е. лексические единицы и синтаксические конструкции, конкретизирующие культурные, оценочные, функциональные, пространственные и хозяйственно-бытовые характеристики жилища. Именно через такие единицы особенно последовательно проявляются представления о доме как о защищённом, обжитом и родовом пространстве. Анализ полевого материала и онлайн-словаря Д. Карамшоева позволил выявить 48 экспликаторов концепта ДОМ,

среди которых имеются как стилистически нейтральные, так и экспрессивно окрашенные номинации. В отличие от базовых лексем *čīd*, *xůnā*, *mālā* ‘дом’, ‘жилище’, большинство этих единиц несут образную, оценочную или эмоционально-экспрессивную нагрузку. Полный список вынесен в Приложение, а в данном разделе рассматриваются наиболее показательные примеры.

Экспериментальные данные позволили уточнить состав ближней и дальней периферии концепта ДОМ. Основанием для разграничения служили два показателя – частотность употребления экспликаторов и степень их узнаваемости среди 82 респондентов, носителей языков шугн.-руш. группы. В ближнюю периферию вошли те единицы, которые сохраняют сравнительно высокую частотность и остаются понятными для носителей, хотя уже не относятся к ядерным номинациям. В дальней периферии оказались лексемы с низкой узнаваемостью, слабой частотностью или частичной утратой в современном узусе. Такое распределение важно не само по себе, а потому, что оно позволяет увидеть, какие способы языкового осмысления дома остаются живыми, а какие постепенно отходят на периферию: *mālabuc* – ‘маленькое помещение, комнатушка/домик’ – 9%, *xůnā–t–kosā* – ‘благоустроенная усадьба, двор; дом со всеми удобствами’ – 8%, *burguc* / *burgucak* – ‘маленький дом, домишко’ – 7,5%, *aft dar–abodůni* – ‘букв. семь дверей благосостояния’ – 6,8%, *dar–at–xůnā* – ‘дом, жилище’ – 5,8%, *dod ʒīngak* – ‘букв. отцовская передняя часть очага’ – 5,6%, *nān ʒīngak* – ‘букв. материнская передняя часть очага’ – 5,6%, *kas–at kū* – ‘букв. род и гора; род и двор’ – 4,5%, *joy–at–makůn* – ‘пристанище, местожительство, дом’ – 4%, *panogo* – ‘укрытие, двор’ – 3,7%, *sarpano* – ‘укрытие, убежище’ – 3,7%, *xůnawodā* – ‘семейство, семья; дом, двор’ – 3%, *bunā* – ‘дом, хозяйство, двор; семейство; прил. состоятельный, зажиточный, богатый’ – 3%, rêʒ – ‘нора, гнездо, логовище’ – 2,5%, *dar–at–palandar* – ‘дом и двор, усадьба; дом со всеми службами, хозяйство’ – 2,5%, *piδīnd* – ‘порог’ – 2%, *qasri* – ‘дворец’ – 2%, *qalā* – ‘крепость’ – 2%, *wužrā*/*wužrāyak* – ‘комната, келья, хижина, лачуга’ – 1,7%, x̌ilā/x̌*ilāyak* –

‘небольшое полуразрушенное помещение; сарайчик, хибара’ – 1,7%, *nêx* – ‘возвышеение вдоль стен; родной дом’ – 1,6%, *werůnā* – ‘развалины, руины; убогое жилище, домишко’ – 1,5%, *dargo* – ‘двор, пространство перед домом; дом’ – 1,5%, *poygā* – ‘основание традиционного дома, пол’ – 1,2%.

Остальные лексемы экспликаторного ряда по показателям узнаваемости были отнесены к дальней периферии и распределены по двум группам. В первую группу вошли лексемы, узнаваемые респондентами с низкой степенью уверенности: *qalā–t–qiblā* – ‘устойчивое сочетание: резиденция; всё имущество, всё имение’ – 1,4%, *maskan* – ‘обиталище, место жительства’ – 1,3%, *awli* – ‘двор, дом, усадьба’ – 1,3%, *awlodā* – ‘род’ – 1,2%, *puxt–at–pano* – ‘букв. предки и убежище’ – 1,2%, *mol–at ol* – ‘хозяйство, имущество вместе с домом’ – 1,2%, *xičīfrêʒ* – ‘букв. нора сурка; перен. тесное помещение, конура, убежище’ – 1,2%, *pigal* – ‘край крыши; перен. двор, дом’ – 1%, *obodi* – ‘благоустройство, благосостояние; дом, помещение’ – 0,2%, *ol–at–awol* – ‘состояние, имущество вместе с домом’ – 0,2%. Во вторую группу вошли лексемы, не узнанные респондентами: *yečā* – ‘гнездо, нора, убежище’ – 0,1%, *xoδ* – ‘дом, двор, усадьба’ – 0,1%, *joy–jigīr* – ‘двор, усадьба, дом’ – 0,1%, *palandari* – ‘местожительство, дом, жильё’ – 0%, *aweli* – ‘дом’ – 0%.

С морфологической стороны лексемы синонимического поля и экспликаторы концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков неоднородны и подразделяются на несколько структурных типов. К первому типу относятся простые существительные, представленные одной корневой основой: *čīd* ‘дом; традиционный памирский дом’, *xůnā* ‘дом, жилище’, *mālā* ‘дом, жилище’, *burguc* ‘маленький дом, домишко’, *pigal* ‘край крыши; перен. двор, дом’, *bunā* ‘дом, хозяйство, двор; семейство’, *piδīnd* ‘порог’), *dargo* ‘двор, пространство перед домом; дом’, *awli* ‘двор, дом, усадьба’, *aweli* ‘дом’, *rêʒ* ‘нора, гнездо, логовище’, *wužrā* ‘комната, келья, хижина, лачуга’, *xilā* ‘небольшое полуразрушенное помещение; сарай, хибара’, *qasri* ‘дворец’, *qalā* (‘крепость’), *nêx* ‘возвышенение вдоль стен традиционного дома; родной дом’, *xoδ* ‘дом,

двор, усадьба’, *yečā* ‘гнездо, нора, убежище’, *maskan* ‘обиталище, место жительства’, *makůn* ‘местожительство’.

Второй тип образуют слова с суффиксальными компонентами: *mālabuc* ‘маленькое помещение, комнатушка’, *burgucak* ‘домишко’, *xůnawodā* ‘семейство, семья; дом, двор’, *palandari* ‘местожительство, дом, жильё’, *panogo* ‘укрытие, двор’, *poygā* ‘основание традиционного дома; пол’, *obodi* ‘благоустройство, благосостояние; дом, помещение’, *wužrāyak* ‘маленькая комната, каморка’, *werůnā* ‘развалины, руины; убогое жилище’, *ǔilāyak* ‘сарайчик, хибара’, *awlodā* ‘род’.

К третьему типу относятся сложные существительные, состоящие из двух значимых компонентов: *xasxůnā* ‘лачуга, домишко’, *sarpano* ‘укрытие, убежище’, *ǔičīfrêʒ* ‘букв. нора сурка; перен. тесное помещение, конура, убежище’.

Четвёртый тип представлен синтаксическими конструкциями, включающими два и более компонентов: *dar-at-palandar* ‘дом и двор; усадьба, хозяйство’, *dar-at-xůnā* ‘дом, жилище’, *joy-jigīr* ‘двор, усадьба, дом’, *qalā-t qiblā* ‘резиденция; всё имущество, всё имение’, *puǔt-at-pano* ‘букв. предки и убежище’, *bob zamīn* ‘букв. дедовская земля’, *dod ʒīngak* ‘букв. отцовская передняя часть очага’, *nān ʒīngak* ‘букв. материнская передняя часть очага’, *kas-at kū* ‘букв. род и гора; род и двор’, *ol-at-awol* ‘состояние, имущество вместе с домом’, *mol-at ol* ‘хозяйство, имущество вместе с домом’, *joy-at-makůn* ‘пристанище, местожительство, дом’, *xůnā-t-kosā* ‘благоустроенная усадьба, двор; дом со всеми удобствами’, *aft dar-abodůni* ‘букв. семь дверей благосостояния’.

Для сопоставления семантических и оценочных особенностей экспликаторов приведём примеры с комментариями, где показываются: (а) какой признак концепта эксплицируется и (б) какая оценка/коннотация проявляется:

(1) Xu *pigal*–ta soyibi–yen, as dast mā–sůd

Надо держать дом, чтобы не потерять его.

В данном контексте лексема *pigal* ‘край крыши/стены’ используется метонимически ‘часть – целое’ и обозначает дом/двор как хозяйство в целом; таким образом, актуализируется пространственно-граничный признак жилища (‘свой предел/граница’) и связанная с ним ценностная установка на сохранение дома.

(2) Tar māš *xasxůnā* yēd yak bor!

Зайди разок в нашу лачугу!

Экспликатор *xasxůnā* маркирует жилище как низкостатусное/бедное, т.е. включает отрицательную оценку по параметру качества и благоустроенности. Одновременно в сочетании с притяжательностью (‘нашу’) и формой приглашения возможна прагматическая ‘смягчённая’ самооценка: сниженная номинация используется как разговорно-ироническая/самоироническая, не отменяя оценочной семантики.

(3) Wuz–ik–ta ar mi *x̌ičīfrêʒ* zindagi na–vārð–īm.

Я же не смогу жить в этой конуре.

Лексема *x̌ičīfrêʒ* букв. ‘нора сурка’ формирует ярко выраженную экспрессивную оценку: жилище представлено как чрезмерно тесное и непригодное для жизни пространство. Здесь работает метафоризация ‘жилище человека’ – ‘нора животного’, что усиливает отрицательную характеристику (уничижительность/дискомфорт) и задаёт эмоционально-экспрессивный фон высказывания.

(4) Šogado māš–and be *kas–at kū*

Наш Шогадо без рода и без дома.

Конструкция *kas–at kū* букв. ‘род и гора’; ‘род и двор’ эксплицирует социально-родовой параметр концепта ДОМ: дом понимается как принадлежность к роду, ‘свой круг’ и закреплённость в сообществе. Оценка носит экзистенциально-негативный характер: отрицательная конструкция (‘без…’) обозначает отсутствие опоры/принадлежности и тем самым актуализирует дом как социальную и ценностную категорию, а не только физическое жилище.

Для систематизации выявленного материала экспликаторы концепта ДОМ были сгруппированы по семантическим признакам, что позволяет наглядно проследить, каким образом различные стороны данного концепта отражаются в языке. Маркированные лексемы со значением дом характеризуются наличием коннотативных компонентов, то есть дополнительных смысловых оттенков, формирующих определённые ассоциации в языковом сознании носителей памирских языков. Так, экспликаторы *pigal*, *xasxůnā́*, *x̌ičīfrêʒ*, употреблённые в приведённых выше контекстах, являются стилистически окрашенными, поскольку, помимо номинации дома, выражают оценочные значения, связанные с представлениями о ‘своём’ пространстве, пренебрежительности, уменьшительности, тесноте, убогости.

На основе семантического анализа экспликаторов концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков далее выделяются несколько устойчивых зон смысловой мотивации (оценочных и функциональных), в рамках которых экспликаторы группируются по доминирующей семе (диминутивность/убогость, защита, состоятельность, семья, заселённость, порог/личное пространство). Одним из продуктивных типов выступают экспликаторы с уменьшительно-оценочной (диминутивной) семантикой, в которых значение ‘дом’ соотносится с представлениями об уменьшенности, тесноте, низком статусе или несостоятельности жилища.

При описании оценочных и экспрессивных характеристик номинаций с семой ‘диминутивность/убогость’ важно учитывать, что в современной лингвистике диминутив понимается не как механически ‘уменьшительное’ значение, а как многофункциональная оценочная категория, в которой размерная семантика взаимодействует с прагматикой и экспрессивностью [91; 171, с. 43–58; 121; 178; 156]. В типологической перспективе диминутивы обнаруживают радиальную организацию значений и устойчивые семантические тенденции: собственно ‘малость’ нередко оказывается лишь одним из компонентов, тогда как в реальном употреблении на первый план

выходят оценочные эффекты и коммуникативные задачи говорящего [178, с. 533–578]. Это согласуется с подходами, рассматривающими диминутивы в составе оценочной и экспрессивной морфологии и подчёркивающими необходимость учитывать их прагматический вклад при интерпретации конкретных употреблений [91, с. 1–2; 171, с. 43–58]. Для русистики также показательно, что диминутивы отличаются высокой продуктивностью и проявляют структурные и функциональные эффекты в узусе, что делает их особенно важными для анализа оценочных смыслов в естественной речи [121, с. 38–56]. При этом исследования оценочных суффиксов специально подчёркивают, что ‘уменьшительность’ не исчерпывает семантики диминутива: в рамках оценочной деривации формируется более широкий круг оценочных оттенков при сохранении специфики сочетаемости и прагматической маркированности [154, с. 5–21; 156, с. 13–22].

К данной группе относятся *mālabuc* ‘маленькое помещение, комнатушка’, *burguc* ‘маленький дом, домишко’, *burgucak* ‘маленький дом, домишко’, *xasxůnā* ‘лачуга, домишко’, *rêʒ* ‘нора, гнездо, логовище’, *x̌ičīfrêʒ* ‘букв. нора сурка; перен. тесное помещение, конура, убежище’, *yečā* ‘гнездо, нора, убежище’, *werůnā* ‘развалины, руины; убогое жилище, домишко’, x̌*ilā*, x̌*ilāyak* ‘небольшое полуразрушенное помещение; сарайчик, хибара’, а также (*w*)*užrā/ujra* ‘комната, келья, хижина, лачуга’. В семантической структуре указанных номинаций актуализируются маркеры уменьшенности и вторичности жилого пространства (комнатушка, домишко, сарайчик), пейоративно-оценочная семантика, связанная с представлениями о низком качестве и социально-статусной сниженности жилища (лачуга, хибара, убогое жилище), а также модель редукции дома до минимальной защитной функции – укрытия/убежища, соотносимого с пространством ‘норы’ или ‘конуры’ (нора, конура, убежище). В совокупности эти лексемы формируют образ тесного, обеднённого, временного или разрушенного жилища и тем самым эксплицируют оценочный компонент восприятия дома в шугн.-руш. языковой традиции.

Отдельную группу образуют экспликаторы, в которых дом концептуализируется через актуализацию семы защитной функции и репрезентируется, прежде всего как пространство укрытия и безопасности. В данную мотивационную зону входят *sarpano* ‘укрытие, убежище’, *panogo* ‘укрытие, двор’, *pigàl* ‘край крыши; перен. двор, дом’, *puxt–at–pano* ‘букв. предки и убежище’, где значение дома смещается от нейтральной номинации жилища к модели ‘защищённого пространства’: *sarpano* и *panogo* прямо номинируют функцию укрытия/убежища, *pigàl* метонимически выводит дом через его конструктивный элемент (край крыши) как физическую границу, обеспечивающую прикрытие и охрану внутреннего пространства, а *puxt–at–pano* дополнительно закрепляет идею защиты в культурно-ценностном измерении, связывая дом с линией предков и устойчивой опорой, гарантирующей сохранность и безопасность.

Значительный пласт экспликаторов связан с представлениями о зажиточности и состоятельности, в рамках которых дом осмысляется как пространство материального благополучия, социального статуса и хозяйственной устойчивости. В данную мотивационную зону входят *xůnā–t kosā* ‘благоустроенная усадьба, двор; дом со всеми удобствами’, *qasri* ‘дворец’, *qalā* ‘крепость’, *palandar* ‘местожительство, дом, жильё’, *dar–at–palandar* ‘дом и двор, усадьба; дом со всеми службами, хозяйство’, *dar–at–xůnā* ‘дом, жилище’, *obodi* ‘благоустройство, благосостояние; дом, помещение’, *awli* ‘двор, дом, усадьба’, *aweli* ‘дом’, *joy–jigīr* ‘двор, усадьба, дом’, *aft dar–abodůni* ‘букв. семь дверей благосостояния’, *ol–at–awol* ‘состояние, имущество вместе с домом’, *mōl–at ōl* ‘хозяйство, имущество вместе с домом’, *qalā–t qiblā* ‘устойчивое сочетание: резиденция; всё имущество, всё имение’, *bunā* ‘дом, хозяйство, двор; семейство; прил. состоятельный, зажиточный, богатый’. Семантическая структура этих номинаций демонстрирует устойчивую ориентацию на признаки полноты, обустроенности и накопленного достатка: лексемы типа *qasri*, *qalā* и *qalā–t qiblā* маркируют высокий социальный статус и представление о доме как

символе власти и прочности; сочетания *dar–at–palandar, ol–at–awol, mōl–at ōl* репрезентируют дом как центр хозяйства и материальных ресурсов; *obodi* и *aft dar–abodůni* концептуализируют жилище через идею благосостояния и жизненной устроенности. В совокупности данные экспликаторы формируют образ дома не просто как места проживания, а как устойчивой, экономически обеспеченной и социально значимой жизненной опоры.

Сема убогости и затруднённого положения актуализируется в лексемах *werůnā* ‘развалины, руины; убогое жилище, домишко’ и *x̌ilā* ‘небольшое полуразрушенное помещение; сарайчик, хибара’, в которых жилище концептуализируется как разрушенное, непрочное или временное пространство: *werůnā* фиксирует модель дома как остатка/руин, то есть как утраченной и обесцененной формы жилья, тогда как *x̌ilā* репрезентирует жилище через признаки малости и полуразрушенности, сближая его с хозяйственной постройкой и временным укрытием, что усиливает пейоративно-оценочный компонент и подчёркивает социально-экзистенциальную уязвимость носителя.

Экспликаторы с семой семьи отражают дом как пространство родства и совместного бытования, в рамках которого жилище концептуализируется, прежде всего как сообщество, а не как материальный объект. К данной зоне относятся *xůnawodā* (руш. *xonawodā*) ‘семейство, семья; дом, двор’, *awlodā* ‘род’, *pux̌t–at–pano* ‘букв. предки и убежище’, *kas–at kū* ‘букв. род и гора; род и двор’, а также *čīd–jamāt* ‘семья, домочадцы; община (домашнее сообщество)’. Семантика этих номинаций демонстрирует смещение от архитектурного понимания дома к социально-родственному: *xůnawodā* напрямую совмещает значения ‘семья’ и ‘дом/двор’, тем самым оформляя дом как единицу совместной жизни; *awlodā* и *kas–at kū* фокусируют идею происхождения и родовой принадлежности, связывая дом с линией родства и коллективной идентичностью; *pux̌t–at–pano* вводит ценностный компонент преемственности, где ‘дом’ поддерживается памятью о предках и воспринимается как их охраняемое пространство. В совокупности данные

экспликаторы закрепляют модель дома как формы родовой и социальной организации, основанной на кровных и социально санкционированных связях.

Значения заселённости и местожительства репрезентируются в лексемах *bunā* ‘дом, хозяйство, двор; семейство; прил. состоятельный, зажиточный, богатый’, *makůn* ‘местожительство’ и *joy–at–makůn* ‘пристанище, местожительство, дом’, в которых дом концептуализируется как место проживания и закреплённости человека в пространстве. Семантика *makůn* и *joy–at–makůn* фокусирует прежде всего локативный параметр ‘обитание/пребывание’ как устойчивую жизненную позицию, где дом выступает точкой жизненного ‘прикрепления’ и постоянства. Лексема *bunā*, сочетая значения ‘дом/двор/хозяйство’ и ‘семейство’, репрезентирует заселённость как факт проживания, а также как оформленную социально-хозяйственную единицу: дом мыслится одновременно как пространство, где живут, и как организованная форма совместного быта, закрепляющая человека (и семью) в конкретной территории.

Наконец, можно выделить особую группу лексем, связанных с представлением о родном пороге и личном пространстве. В них ДОМ осмысляется через границу, ‘своё место’ и принадлежность к нему: *dargo* ‘двор, пространство перед домом; дом’, *poygā* ‘основание традиционного дома, пол’, *pigàl* ‘край крыши; перен. двор, дом’, *piδīnd* ‘порог’, *bob zamīn* ‘букв. дедовская земля’, *dod ʒīngak*, руш. *pi ʒong* ‘букв. отцовская передняя часть очага’, *nān ʒīngak*, руш. *mo ʒong*, бр. *nān ʒingak*, рош. *nan ʒāng* ‘букв. материнская передняя часть очага’.

Особенность этих номинаций состоит в том, что они связывают образ дома с его опорными и пограничными точками. Так, *piδīnd* обозначает порог не только как физическую границу между ‘своим’ и ‘чужим’, но и как знак родного пространства. Лексемы *poygā* и *pigàl* представляют дом через его конструктивные части – основание, пол и край крыши, то есть через то, что очерчивает и защищает внутреннее пространство. Лексема *dargo* переносит

внимание на зону перед домом, которая тоже воспринимается как часть своего, личного пространства.

Сочетания *bob zamīn, dod ʒīngak* и *nān ʒīngak* ещё больше расширяют это значение, выводя его в родовую и ценностную плоскость. Здесь личное пространство соотносится уже не только с самим домом, но и с наследуемой землёй, а также с очагом как центром семейной принадлежности. При этом ‘отцовская’ и ‘материнская’ стороны указывают на символическое распределение домашнего пространства внутри семьи. Характерно и то, что лексема *pigàl* ‘край крыши’ в сочетании *pigàlbůn* получает значение ‘тот, кто присматривает за домом’, то есть хранителя дома. В этом случае идея защиты дома передаётся через метонимический перенос: элемент дома начинает обозначать функцию его охраны. Данная номинация соотносится с лексемами *čīdbůn*, руш., хуф. *čodbůn*, бр. *čödbon*, где первый компонент *čīd* означает ‘дом’, а второй компонент восходит к перс.-тадж. *bon / boni kardan* ‘сторожить’, что закрепляет представление о доме как о личной, охраняемой зоне и о пороге/границе как о месте ответственности и контроля.

Проведённая семантическая группировка показывает, что часть экспликаторов концепта ДОМ не закреплена жёстко за одной мотивационной зоной. Из-за своей многозначности такие единицы могут одновременно включать оценочные, функциональные и социально-родственные компоненты. При этом внутри оценочной семантики важно различать, с одной стороны, значения незначительности и малости, а с другой, значения убогости и неполноценности жилища. В первом случае акцент падает на вторичность, малый объём или пониженную значимость дома, во втором на его ветхость, бедность, разрушенность или непригодность для жизни. Поэтому одна и та же единица может совмещать признаки маленького и плохого дома, соединять семантику родовой принадлежности с защитной функцией или включать хозяйственные значения вместе с указанием на материальный достаток.

Анализ экспликаторов показывает, что номинация жилья в шугн.-руш. группе языков строится по нескольким устойчивым смысловым линиям. Одна

из них связана с оценкой материального состояния и социального положения дома; сюда относятся, например, *burgucak* ‘маленький дом, домишко’, *rêʒ* ‘нора, гнездо, логовище’, *x̌ičīf-rêʒ* букв. ‘нора сурка’; перен. ‘тесное помещение, конура, убежище’, *dar-at-palandar* ‘дом и двор; усадьба, хозяйство’, *aft dar-abodůmi* букв. ‘семь дверей благосостояния’. Другая линия выводит дом в сферу семьи, рода и родного пространства, что особенно ясно видно в таких единицах, как *bob zamīn* букв. ‘дедовская земля’, *dod ʒīngak* букв. ‘отцовская передняя часть очага’, *nān ʒīngak* букв. ‘материнская передняя часть очага’, *čīd-jamāt* ‘семья, домочадцы; община (домашнее сообщество)’, *pux̌t-at-pano* букв. ‘предки и убежище’, *kas-at kū* букв. ‘род и гора’; ‘род и двор’. Наконец, отдельную группу составляют номинации, в которых на первый план выходит защитная функция дома: *sarpano* ‘укрытие, убежище’, *panogo* ‘укрытие, двор’, *pigal* ‘край крыши; перен. двор, дом’. Такое распределение показывает, что метафоризация в именовании жилья здесь не случайна. Она опирается на устойчивые культурные представления, в которых дом осмысляется как родное пространство, как опора семьи и как место защиты.

Для иллюстрации ассоциативных представлений, актуализируемых при употреблении экспликаторов концепта ДОМ в памирских языках, приведём следующие лексемами с диминутивной семой в разных контекстах: *burguc* ‘маленький дом, домишко’, *burgucak* ‘маленький дом, домишко’, *rêʒ* ‘нора, гнездо, логовище’, *x̌ičīf-rêʒ* букв. нора сурка; перен. тесное помещение, конура, убежище’, *yečā* ‘гнездо, нора, убежище’, *werůnā* ‘развалины, руины; убогое жилище, домишко’, которые передают субъективно–оценочные значения малого объёма, убогости или неблагополучия жилья. При этом уменьшительно-оценочный смысл в данных единицах не выражается специальными морфологическими показателями, а закреплён в их семантической структуре:

(5) *wāδ–ik–en mis yi burguc–ak xu–rd mīzd*

Они тоже построили себе (маленький) домик.

(6) *as xu rêʒ–and ačaϑ na–naxtī–zd*

(Он/она) из своего домика вовсе не выходит.

(7) *čīz matlab–tīr–at ik tar mi mu werůnā yaϑč*

Что привело тебя в это моё убогое жилище?

(8) *Yid wistoδ-i xǐčīf-rêʒ tama-rd mīzj xu laki chūγj.*

Мастер вам построил конури и все.

(9) *deδ ar xu yečā xu, niϑ*

Войди в свое убежище да сиди.

Внутренняя форма трёх экспликаторов с семой защитной функции, таких как *sarpano* “укрытие, убежище”, *panogo* “укрытие, двор”, *pigàl* “край крыши; перен. двор, дом” отражает представление о доме как ограждённом и охраняемом пространстве. Из указанных единиц только лексема *pigal* зафиксирована в онлайн-словаре Д. Карамшоева [228]. Экспликаторы *sarpano* и *panogo* являются заимствованными сложными образованиями из таджикского языка: в первом случае от *sar* ‘голова’ и *pano* ‘скрытый’ (ср. в сложном глаголе *pano čīdow* ‘скрывать’), во втором – от *pano* ‘скрытый’ и *go* ‘место’; обе лексемы функционируют в значениях ‘убежище’, ‘место для ночлега’, к примеру, в контексте: *Nur xā̆b-am yu sarpano/panogo xurd divir-ud.* / Найти бы себе сегодня ночью ночлег! Согласно данным словаря, лексема *pigal* в переносном употреблении используется также в значении ‘дом’, что подтверждается следующим примером:

(8) *Magam wi xu pigal xǐbůni kinum, yu werůn ma–sůd*

Я должен присматривать за домом, чтобы он не разрушался.

Экспликаторы концепта ДОМ, репрезентирующие семантику зажиточности и состоятельности, образуют отдельную коннотативную зону, в которой дом осмысляется как пространство материального благополучия и социальной устойчивости. В речи носителей памирских языков данные лексемы передают представление о благосостоянии, хозяйственной обеспеченности и стабильности жизненного уклада. Метафорическое сочетание *aft dar-abodůni* букв. ‘семь дверей благосостояния’ не

зафиксировано в онлайн-словаре Д. Карамшоева, однако в полевом языковом материале данная формула устойчиво ассоциируется с представлениями о богатстве и достатке в доме:

(9) *Wef–and padam aft dar–abodů̊mi*

У них там зажиточная жизнь // У них богатый дом.

Ср. данные онлайн словаря Д. Карамшоева для других экспликаторов данной семантической группы. Так, лексема *awli* в значении ‘двор, усадьба’ функционирует в следующем контексте:

(10) *may awlí lap bašā́nd dēwṓl čūǰák suǰ*

У этого двора (дома) сделан очень хороший забор.

Лексема *obodi* в значении ‘дом, помещение’ также соотносится с представлением об обжитом и обустроенном пространстве:

(11) *Xu obodi–ndi na–niϑ–et!*

Вы не сидите у себя в доме! (букв. в своем обустроенном доме)

Сопоставление ядерных и периферийных единиц позволяет более чётко представить когнитивно-семантическую организацию концепта ДОМ. Его ядро образуют базовые номинации, прежде всего *čīd*, тогда как периферия формируется за счёт культурно, оценочно и метафорически маркированных единиц. Анализ синонимического поля в шугн.-руш. группе памирских языков показывает, что именно *čīd* занимает в нём центральное место, а *xů̊nā* и *mālā* выступают как конкурирующие, но неравноправные номинации ближней периферии. Базовый слой концепта выражается преимущественно прямыми номинациями жилища, тогда как периферийные средства раскрывают дом как семейное, родовое, защитное и ценностно отмеченное пространство. Тем самым лексические экспликаторы показывают, что в языковом сознании носителей шугн.-руш. группы дом мыслится не как изолированный предмет, а как внутренне организованная система пространственных, социальных и культурных значений.

2.2. Концепт ДОМ в структуре лексико–семантического поля шугнано–рушанской группы языков

В когнитивно ориентированной лингвистике концепт рассматривается через совокупность его языковых репрезентаций, организованных в разные типы полей, в том числе лексико-семантические. Лексико-семантическое поле представляет собой систему единиц, объединённых общностью понятийного содержания и отражающих то, как в языковом сознании упорядочиваются фрагменты действительности. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, язык не только называет элементы мира, но и фиксирует способы их осмысления человеком, поэтому семантическая структура слова связана с опытом и формами интерпретации действительности [8, с. 6]. В этом смысле лексико-семантическое поле важно не только как лексическая микросистема, но и как способ языкового оформления значимых для носителя областей мира. Применительно к концепту ДОМ такой подход позволяет рассматривать совокупность наименований жилища как систему, в которой отражаются пространственные, социальные и культурно значимые признаки дома [210, с. 380–381; 72; 161, с. 3–7; 59, с. 22].

Хотя в ряде работ термины семантическое поле и лексико-семантическое поле употребляются как тождественные, в научной традиции между ними проводится различие. Семантическое поле понимается как более широкое образование, охватывающее разные уровни языковой репрезентации, тогда как ЛСП соотнесено непосредственно с лексическим уровнем и объединяет слова на основе их лексико-семантической общности. А. А. Уфимцева подчёркивает, что отказ от термина ‘семантическое поле’ при описании лексических микросистем связан с его размытостью и множественностью трактовок [72, с. 122, 264]. К. А. Кочнова также указывает на родовидовое соотношение между семантическим и лексико-семантическим полем [231].

Лексико-семантическое поле в данном анализе выступает как структурный элемент языковой картины мира, который складывается в

процессе когнитивной деятельности субъекта и отражает антропоцентрический принцип организации значения [58, 22]. Применительно к концепту ДОМ такой подход позволяет рассматривать его и как совокупность номинативных единиц, и как языковую форму репрезентации пространственных, социальных и культурных признаков жилого пространства в сознании носителей шугн.-руш. группы.

Лексико-семантическое поле представляет собой не случайный набор слов, а внутренне организованную систему. Его единицы связаны общей семантической основой, однако занимают в этой системе разное место. В центре находятся наиболее устойчивые и частотные номинации, тогда как по мере ослабления связи с ядром выделяются периферийные зоны. Такое устройство особенно важно для данного исследования, поскольку позволяет учитывать не только наличие тех или иных единиц в поле концепта ДОМ, но и степень их типичности, регулярности и смысловой нагрузки.

С опорой на эти положения структура поля далее рассматривается на материале шугн.-руш. группы памирских языков. Входящие в него единицы связаны с ядром как парадигматически, так и синтагматически, однако в данном разделе основной акцент делается именно на синтагматических отношениях. Это позволяет показать, в каких устойчивых контекстах лексема ДОМ входит в сочетания, связанные с родным пространством, семьёй, предками, хозяйством и другими культурно значимыми сферами. Такой ракурс важен, поскольку он позволяет увидеть не только словарное значение единицы, но и её реальное поведение в системе живых связей.

Лексические единицы шугн.-руш. группы, объединённые архисемой ‘дом’, занимают в поле не одинаковое место. Они различаются по частотности, степени эмоционально-экспрессивной окрашенности, функциональной нагрузке и культурной маркированности. Именно эта неравномерность и формирует внутреннюю иерархию поля. Одни единицы ближе к его центру и выражают наиболее устойчивые представления о доме, другие смещаются к периферии и сохраняют более частные, оценочные или культурно

специфические оттенки. Такой подход позволяет увидеть не просто набор номинаций, а внутренне организованную систему, в которой каждая единица играет свою роль в формировании когнитивного образа дома.

При формировании лексико-семантического поля концепта ДОМ учитываются не слова в целом, а те их лексико-семантические варианты, в которых действительно актуализируется интегральный признак ‘жилое пространство’. Такой подход соответствует положению О. Е. Потаповой о том, что интегральный признак поля может быть представлен не во всех вариантах семантической структуры слова [199, с. 25]. В методическом отношении анализ опирается также на логико-семантический подход Ш. Балли [13, с. 181], согласно которому поле организуется вокруг центральной номинативной единицы. В рамках данного исследования такую функцию выполняет базовая лексема, вокруг которой группируются остальные репрезентанты концепта ДОМ. Поэтому далее рассматриваются не только сами языковые единицы, но и их денотативные, признаковые и функциональные различия, а также их распределение по ядерной и периферийным зонам поля.

Лексико-семантическое поле ДОМ в исследуемых языках формируется за счёт языковых единиц, прямо или опосредованно связанных с концептом жилого пространства. Эти единицы связаны между собой по-разному: через ассоциации, отношения общего и частного, целого и части, а также через синонимию и другие смысловые пересечения. Ассоциативная близость особенно заметна в таких цепочках, как шугн.-руш. *jamāt* ‘семья’, *osoyaǐ* ‘покой’, *barawot* ‘уют’, *čīd* ‘дом’: все они связаны с представлением о проживании, домашнем укладе и внутреннем благополучии. Отношения общего и частного проявляются в том, что более узкие понятия соотносятся с ядерной лексемой *čīd*, а также с обобщёнными названиями *xůnā* и *mālā* ‘дом/жилище’. Связи целого и части особенно ясно видны в названиях элементов традиционного дома: *nêx* ‘возвышенности вдоль стен’, *poygā* ‘основание’, *kicor* ‘очаг и пространство вокруг него’, *čālak* ‘углубление перед очагом внутри дома’ и др. Всё это показывает, что дом в шугн.-руш. языках

осмысляется как внутренне расчленённое, функционально и ритуально организованное пространство.

В результате анализа синонимических связей лексико-семантического поля ДОМ в шугн.-руш. группе языков выявлено 48 лексем, синтаксических конструкций и экспликаторов (см.: Перечень экспликаторов концепта ДОМ в Приложении), среди которых центральное место занимает синонимический ряд *čīd – xůnā – mālā*. На основе опроса носителей языка, данных частотности и степени употребительной яркости в качестве ключевой единицы прототипического ядра определена исконная лексема *čīd*. Лексемы *xůnā* и *mālā* выступают как конкурирующие номинации с обобщённым значением ‘дом/жилище’ и относятся к ближней периферии. Указанные единицы функционируют преимущественно в прямом номинативном значении. В исследуемом материале зафиксированы 33 единицы, связанные с лексемой *čīd*, 39 с *xůnā* и 22 с *mālā*. Периферийные зоны поля формируются за счёт многочисленных лексических единиц и устойчивых сочетаний, связанных с ядром парадигматическими и синтагматическими отношениями; их коллокационные и морфологические особенности подробно рассматриваются в Главе III.

Лексема *čīd* в шугн.-руш. группе памирских языков характеризуется развитой полисемией. По словарным и этнолингвистическим описаниям она охватывает как пространственные значения – ‘дом/двор’, ‘дом с двором’, ‘несколько домов под одной крышей’, – так и социальные: ‘пространство семьи’, ‘своё пространство’, ‘домохозяйство как счётная единица’ [126, с. 217]. Такая семантическая разветвлённость отражает расширение базового номинативного значения за счёт включения пространственных и социальных компонентов.

Вокруг данной лексемы формируется ряд морфологически и семантически соотнесённых единиц: *čīd-ak*, функционирующее как уменьшительное в первичном значении и как пренебрежительное в отдельных контекстах; *čīd-buc-(ak)*, обозначающее небольшой домик с ласкательной

семантикой; *kata čīd*, употребляемое в значении ‘дом предков’. В реальном языковом употреблении носителей шугн.-руш. группы наиболее частотно актуализируются первое, третье и четвёртое значения лексемы *čīd*, причём каждое из них реализуется с соответствующими коннотативными оттенками.

Следующий этап анализа связан с выявлением синтагматических связей, в рамках которых номинация *čīd* ‘дом’ входит в устойчивые и свободные конструкции, репрезентирующие ценностные, эмоциональные и социокультурные параметры концепта. Особый образ жилого пространства формируется в сочетаниях с определительными компонентами, прежде всего с прилагательными, которые несут оценочную информацию и отражают отношение носителей языка к дому. Тем самым атрибутивные элементы участвуют в формировании ценностного профиля концепта ДОМ.

В ходе анализа выявлено 60 синтаксических конструкций с компонентом *čīd* ‘дом’, семантика которых определяется взаимодействием именного, глагольного или наречного компонента. На этой основе выделены три группы конструкций: с позитивным, негативным и нейтральным значением. Их прагматический смысл формируется во взаимодействии денотативного и коннотативного компонентов. Позитивно маркированные конструкции отражают национально-специфические представления о доме как о родовом, благоприятном и социально значимом локусе. К числу 17 таких единиц относятся: *dod čīd* ‘отцовский дом’, *bob čīd* ‘дедовский дом’, *kata čīd* ‘дом предков’ (букв. ‘большой дом’), *bob zamīn* ‘земля деда’ в значении ‘родной дом’, ‘малая родина’, *ba-barakat čīd* ‘благодатный дом’, *buzurg čīd / buzurg joy* ‘значимый, уважаемый дом’, *osoyaǩ / orům čīd* ‘спокойный дом’, *ba-xosiyat / xuš-xosiyat čīd* ‘дом с благоприятной аурой’, *obod čīd* ‘благоустроенный дом’, *piyīl čůɣjin / suδjin čīd* ‘дом, благословлённый словом’, *ba-firiǩtā čīd, ba-nūr čīd* ‘светлый, благодатный дом’, *čīd pur vidow* ‘дом, полный людей’.

Эти конструкции неоднородны по семантической мотивации и образуют несколько устойчивых групп. Родо-генеалогическая группа представляет

ДОМ как пространство рода и законной принадлежности к нему: *dod čīd, bob čīd, kata čīd, bob zamīn*; ср.: *Māš-am xu dod čīd-and.* ‘Мы находимся в своём отцовском доме’. В таких сочетаниях *čīd* обозначает не просто место проживания, а родовое гнездо. Оценочная группа раскрывает дом как источник благой силы и защиты: *ba-barakat čīd, ba-xosiyat / xuš-xosiyat čīd, ba-firiẋtā čīd, ba-nūr čīd*; ср.: *Ba-barakat čīd yam, mu ziryot-en kāl yudand kaš na-suδj.* ‘Это благодатный дом, мои дети здесь ни разу не болели’. Здесь благодать напрямую связывается с жизненным благополучием семьи. Ритуально-экзистенциальная группа связана с передачей дома и сопровождающим её благословением: *piyīl čůɣjin / suδjin čīd*; ср.: *Yam murd piyīl suδjin čīd.* ‘Этот дом завещан (подарен) мне’. В этом случае дом мыслится как пространство, которому для покоя и благополучия необходимо благословение. Социально-статусная группа подчёркивает общественную значимость и открытость дома: *buzurg čīd / buzurg joy, obod čīd, čīd pur vidow*; ср.: *Yam buzurg čīd, mudum mardum yudand pur.* ‘Это уважаемый дом, он всегда полон людьми’. Положительная оценка здесь связана с гостеприимством и постоянным присутствием людей. Наконец, экзистенциально-психологическая группа показывает дом как место покоя и безопасности: *osoyaẍ / orům čīd*. В целом все эти группы показывают, что положительная оценка дома в шугн.-руш. языках складывается из нескольких культурно значимых представлений и не сводится к какому-то одному признаку.

Негативная оценка дома в языковом сознании носителей шугн.-руш. группы чаще всего выражается в сочетаниях с определительным компонентом, где на первый план выходят неблагополучие, утрата благодати, социальная пустота и внутренняя тяжесть пространства. В таких конструкциях дом предстаёт не как нейтральное место проживания, а как пространство с отчётливо выраженной отрицательной оценкой, способное накапливать тревожные эмоциональные и культурные смыслы.

К таким сочетаниям относятся *bebarakat čīd* ‘неблагодатный дом’, *no-soyaẍ / no-orům čīd* ‘неспокойный дом’, *be-xosiyat čīd / bad-xosiyat čīd* ‘дом с

плохой аурой’, *be-soyib čīd* ‘дом без хозяина’, *sabili čīd* ‘заброшенный дом’, *dar-bastā čīd* ‘опустошённый дом’, *čīd dar bastā sidow* ‘дом опустел’, *be-xabes čīd* ‘неблагоприятный дом’, *piyīl no-čůў̌jin / no-suδjin čīd* ‘дом без благословения’, *čīd fìrix̌tā zibuδ-jin* ‘дом, утративший благодать’, *be-nūr čīd* ‘дом без света’, *wazmin čīd* ‘тяжёлый дом’, *čīd xoli vidow / sidow* ‘опустевший дом’, *čīd patewdow / lakčīdow* ‘оставить дом’, *čīd xu pitor zêx̌tow* ‘поднять дом над головой’. Эти конструкции тоже неоднородны и отражают разные ситуации, в которых дом теряет свои основные функции.

Оценочный тип связан с представлением о доме, лишённом благодати и защиты: *bebarakat čīd* ‘неблагодатный дом’; ср.: *Dis be-barakat čīd, mudům yůd-and γām.* ‘Такой неблагодатный дом, всегда здесь траур’. Здесь отрицательная оценка возникает из-за постоянного присутствия несчастий. Экзистенциально-психологический тип выражает отсутствие покоя и устойчивости: *no-orům čīd* ‘неспокойный дом’; ср.: *No-orum čīd wef-and vud, yicay gīr yam-and na-sut.* ‘Неспокойный дом у них был, никто там не задерживался’. В этом случае дом показан как пространство, в котором невозможно долго оставаться. Социально-структурный тип связан с утратой социальной функции дома из-за отсутствия хозяина: *be-soyib čīd* ‘дом без хозяина’; ср.: *Be-soyib čīd ta x̌ilā gārδd.* ‘Дом без хозяина превращается в руины’. Разрушение здесь осмысляется как закономерное следствие социальной пустоты. Пространственно-действенный тип связан с оставлением дома и его последующим превращением в опасное место: *čīd patewdow* ‘оставить дом’; ср.: *Xu čīd patêwdow darkor nist, δewjīc yu garδd.* ‘Дом нельзя оставлять, он превращается в место злых сил’. Эта конструкция отражает традиционное представление о покинутом жилище как о небезопасном пространстве. Наконец, порогово-кризисный тип представлен фраземой *čīd xu pi-tor zêx̌tow* ‘поднять дом над головой’, которая обозначает предельное эмоциональное напряжение. Ср.: *Kūdak-en-en čīd xu pi-tor zox̌t.* букв. ‘Дети подняли дом над головой’, то есть ‘шумно себя вели’; *Wi yax at nān-en čīd xu pi tor zox̌t.* букв. ‘Его мать и сёстры подняли дом над головой’, то есть кричали

и плакали в случае смерти. В этих примерах дом метафорически предстает как пространство, нарушенное криком, тревогой и бедствием.

Во всех приведённых конструкциях негативная оценка мотивируется не столько формальными показателями (в т.ч. элементами отрицания), сколько концептуальным переосмыслением дома как пространства утраты, тревоги, неблагополучия и разрыва жизненных связей, что указывает на неразрывную связь жилища с экзистенциальным опытом человека.

Наряду с этим, в языковом материале широко представлены нейтральные синтаксические конструкции, лишённые экспрессивной окраски и функционирующие в прямом номинативном значении. Они фиксируют пространственные, временные и функциональные параметры дома без аксиологической нагрузки. К данной группе относятся именные сочетания типа: *pomeri čīd* ‘памирский дом’, *torik čīd* ‘тёмный дом’, *γulā čīd* ‘большой дом’, *ʒulik čīd* ‘маленький дом’, *kīna–čīd* ‘старый дом / дом предков’, *naw čīd* ‘новый дом’, *tir / tagov čīd* ‘верхний / нижний дом’, *xušqolib čīd / bad–qolib čīd* ‘хорошо / плохо построенный дом’, *xušrūy / be–zeb čīd* ‘красивый / некрасивый дом’, *fīrox / tang čīd* ‘широкий / узкий дом’.

Указанные определения в составе нейтральных именных сочетаний фиксируют преимущественно денотативные параметры жилища и не предполагают обязательной аксиологической интерпретации. Так, *pomeri čīd* ‘памирский дом’ обозначает традиционный тип жилища, соотносимый с местной архитектурной и планировочной нормой; *torik čīd* ‘тёмный дом’ характеризует недостаточную освещённость помещения (мало света), тогда как *be–nūr čīd* в негативно маркированных конструкциях имеет уже иную, оценочную мотивацию. Пары *γulā čīd* ‘большой дом’ и *ʒulik čīd* ‘маленький дом’ описывают размер жилища в физическом смысле (объём/площадь) и выступают как градуальные характеристики; аналогично *fīrox čīd* ‘широкий дом’ и *tang čīd* ‘узкий дом’ обозначают степень просторности/тесноты внутренних помещений. Пространственная ориентация дома относительно рельефа и позиции говорящего выражается в сочетаниях *tir čīd* / *tagov čīd*

‘верхний / нижний дом’, где ‘верхний’ понимается как расположенный выше (по склону/по уровню местности), а ‘нижний’ - ниже. Временной параметр маркируют *naw čīd* ‘новый дом’ и *kīna-čīd* ‘старый дом’, причём последнее может употребляться и в значении ‘дом предков’ как указание на давность и наследуемость объекта. Наконец, сочетания *xušqolib čīd* / *bad-qolib čīd* ‘хорошо / плохо построенный дом’, *xušrūy čīd* / *be-zeb čīd* ‘красивый / некрасивый дом’ описывают качество постройки и внешнего вида в прямом, наблюдаемом смысле, не обязательно переходя в оценку дома как ‘хорошего/плохого’ в культурном плане.

К нейтральной зоне относятся также глагольные конструкции, фиксирующие последовательные этапы жизненного цикла дома и связанные с ним виды хозяйственной деятельности. Начальный этап репрезентируют конструкции, обозначающие процесс возведения жилища: *čīd mīzdow* ‘строить дом’, *čīd sentow* ‘возводить дом’, *čīd tayor čīdow* ‘закончить строительство’. Далее следуют конструкции, описывающие фазу эксплуатации и ведения хозяйства: *čīd anjīvdow* ‘вести хозяйство’, *čīd soyibi čīdow* ‘хозяйничать’, а также *čīd čidīr δêdow* ‘чистить дом (к Наврузу)’, отражающая регулярные практики ухода за домом. Завершающие этапы жизненного цикла представлены глагольными сочетаниями, фиксирующими утрату целостности и функциональности жилища: *čīd nixiǐtow* ‘ломаться (о доме)’, *čīd čuk δêdow* ‘дом обрушился’, и, как финальная стадия, *čīd pat čīdow* ‘сносить дом’. Такое распределение показывает, что нейтральные глагольные конструкции описывают дом прежде всего как объект хозяйственной деятельности и как пространство, связанное с длительным использованием, без явной оценки и экспрессии.

Таким образом, нейтральные конструкции описывают дом как объект повседневной жизни: его строят, используют, очищают, ремонтируют или сносят. Оценочные сочетания добавляют другой слой смысла: дом может быть благодатным, спокойным, значимым или, наоборот, бедным, пустым, неблагополучным. Поэтому в шугн.-руш. материале ДОМ предстает не только

как жилище, но и как место, по которому судят о достатке, порядке, семейном укладе и общем состоянии жизни.

Семантика единиц данного поля показывает, что архитектурные элементы традиционного дома в сознании носителей языка наделяются особыми функциями и значениями, связанными как с утилитарными характеристиками жилья, так и с представлениями о миропорядке, сакральной защите и божественном устройстве мира. Лексико-семантический анализ также показывает, что в процессе концептуализации жилое пространство регулярно антропоморфизируется: дому приписываются свойства живого существа, способность ‘чувствовать’, ‘сохранять’, ‘переживать’ и ‘реагировать’ на события, происходящие в жизни семьи. В результате он осмысляется не как нейтральный объект материальной среды, а как участник человеческого бытия, обладающий физическими и эмоциональными характеристиками. Такая модель отражает глубинную связь человека с пространством проживания, закреплённую в языковой системе.

Для носителей шугн.-руш. группы характерно восприятие дома одновременно как материального объекта и как включённого в систему человеческих взаимоотношений пространства. Эта особенность наиболее наглядно проявляется в его антропоморфной репрезентации, при которой дому приписываются свойства, состояния и функции живого существа. В языковом материале шугн.-руш. группы памирских языков выделяется несколько устойчивых моделей такого осмысления, представленных следующими типами репрезентации:

Классификация I. Модели антропоморфного осмысления ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков

Дом как антропоморфный образ: Семантика ряда синтаксических конструкций показывает, что как дом в целом, так и отдельные его архитектурные элементы в языковом сознании носителей не воспринимаются как неодушевлённые объекты. Напротив, они осмысляются как носители ‘жизни’, требующие уважительного, бережного и этически

регламентированного отношения. Так, выражение *čīd pat čīdow* ‘сносить дом’ в зависимости от контекста может иметь как нейтральный, так и явно негативный оттенок. В традиционном сознании памирских народов сам акт разрушения дома воспринимается как допустимый лишь в исключительных случаях, поскольку дом мыслится как живой организм. Именно этим объясняется правило: *čīd ta δar as ostůn at korgā mozen* ‘дом строят подальше от остона и кузницы’, которые также наделяются ценностным статусом. Существенное значение имеет и момент времени: *čīd mīzd–and soat at zamūn čīx̌tow* ‘при строительстве дома необходимо определить благоприятный час’; в противном случае пространство дома может ‘впитывать’ негативные воздействия времени.

Даже необходимость сноса дома предполагает соблюдение определённых социальных и ритуальных норм: *katanak–en rozigi pex̌stow* ‘требуется согласие старших членов семьи (при снесении дома)’. Антропоморфность дома проявляется также в коммуникативном поведении: *tar čīd yičay mis na–ved dedow ti ta ukmandaδ salům–en* ‘если в доме никого нет, всё равно следует поздороваться’, при этом приветствие адресуется непосредственно дому и его пяти столбам, которые символически соотносятся с пятью святыми лицами. Главный столб традиционного дома осмысляется через образ человеческого тела: *miyend–visčīn sitan* ‘подпоясанный столб’, что мотивировано традицией ритуального завязывания главного столба, связанной с охранительными представлениями (в том числе с установкой избегать сна под ним) и восходящей к более ранним религиозным практикам, а после завершения строительства ему адресуется пожелание: *Mustākam vi!* ‘будь крепким’ (подробнее см. главу IV, Раздел 4.2.2.). Состояние дома также передаётся через антропоморфно ориентированные глагольные конструкции: *čīd nosoyax̌ čīdow / sidow* ‘сделать дом неспокойным / дом стал неспокойным’, то есть нарушить покой жилища (в результате чьего-либо вмешательства) и тем самым потревожить его обитателей.

Такое языковое оформление демонстрирует устойчивую тенденцию восприятия дома как одушевлённого участника жизненного пространства семьи, включённого в эмоциональные и этические отношения.

Дом как персонифицированный субъект защиты (осмысление дома в функции хранителя и оберега пространства): В языковом сознании носителей шугн.-руш. группы памирских языков дом наделяется выраженной защитной функцией, что проявляется в ряде устойчивых выражений и синтаксических конструкций. Семантика данных единиц показывает, что дом осмысляется как материальное укрытие, способное активно оберегать, защищать обитателей от неблагоприятных воздействий внешнего мира. При этом функция защиты в представлениях носителей языка переносится не только на дом в целом, но и на его отдельные архитектурные элементы, что отражает особую модель ценностного восприятия жилого пространства.

Так, в выражении *pīnʒ sitan–en māš nigābůn* букв. ‘пять столбов оберегают нас’ защитная функция приписывается главным опорным столбам традиционного дома, которые воспринимаются как гаранты устойчивости, безопасности и благополучия семьи. Олицетворение дома как покровителя отчетливо прослеживается и в сочетании *osoyaǩ–at ba–barkat čīd* букв. ‘спокойный и благотворный дом’, где дом наделяется способностью оказывать благоприятное воздействие на жизнь своих обитателей. В речи носителей данная формула используется для объяснения жизненного благополучия семьи, ср.: *Yam dis osoyaǩ–at ba–barkat čīd, mu zuryot–en kāl yůd–and kaš na–suδj* – букв. ‘Этот дом спокойный и благотворный, головы моих детей здесь не болели’, то есть жизнь в этом доме воспринимается как спокойная и защищённая.

В то же время дом может осмысляться и как источник неблагоприятного воздействия. В подобных случаях в речи актуализируются негативные оценочные характеристики: *Yam dis no–osoyaǩ čīd, mu ziryot–en–en mudům tar–ůd kasal* – ‘Этот дом неспокойный, мои дети здесь постоянно болеют’. Особенно показательной является формула обращения к главному столбу в

момент утраты: *Tu–t mu … (puc) xu panoyand nigā na–čūd* – ‘Ты не уберег моего … (сына)!’, где архитектурный элемент дома предстает как субъект, несущий ответственность за судьбу человека. Подобные языковые факты подтверждают, что в шугн.-руш. языковой картине мира дом концептуализируется как живое, действующее и охраняющее пространство.

Дом как деятельная субстанция, реализующая физические и эмоциональные действия (восприятие дома как активного участника событий): В языковом материале шугн.-руш. группы памирских языков дом нередко выступает как деятельный субъект, способный к ‘действиям’, ‘реакциям’ и ‘эмоциональным состояниям’. Подобная концептуализация отражает представление о доме как активном участнике жизненных событий, а не как пассивном объекте материального мира. Осмысление дома в этой функции реализуется через синтаксические конструкции, в которых ему приписываются физические и психологические характеристики живого существа.

Так, в выражении *čīd xu ti yi–či na–lākiẋt* ‘дом в себя никого не пускает’ дому приписывается способность к целенаправленному действию. В формуле *yid čīd–i def kāl fuk xūd* букв. ‘этот дом съел у всех головы’ дом осмысляется как источник трагических событий, ставших причиной гибели его обитателей. Аналогичная модель субъектности реализуется и в ритуальных обращениях, направленных к архитектурным элементам дома. Так, в молитвенной формуле *Yo Xotun–i qiyůmat xu kasabā murd piyīl kin!* ‘О, Госпожа Судного дня, благослови меня на мое ремесло!’ – обращение адресуется столбу очага, который в шугн.-руш. традиции отождествляется с образом Биби Фотимы Захро и обозначается как *kicor–sitan* ‘столб очага’.

Перцепция дома как живого и эмоционально отзывчивого пространства отчетливо проявляется в выражении *Yůdand–am yoc weδd–at čīd mis daraw šīnt sut* ‘как только мы зажгли огонь в очаге, дом начал улыбаться’, где ощущение тепла и уюта концептуализируется как ‘улыбка’ дома. В свою очередь конструкции *čīd–and ta gandā kor na–kin–en* ‘в доме нельзя совершать дурные

поступки’ и *čīd–and ta nimů na–kin–en* ‘в доме нельзя ругаться’ отражают представление о способности дома ‘чувствовать’ внутреннюю атмосферу и реагировать на нравственное состояние жильцов. Нарушение этих норм в языковом сознании интерпретируется как причина утраты благодати и благополучия.

Таким образом, в шугн.-руш. языковой картине мира ДОМ предстаёт как активная, чувствующая и реагирующая субстанция, включённая в систему моральных и эмоциональных координат человеческого существования.

Особо значимый пласт репрезентации концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков формируется во фразеологических единицах, которые не только выполняют номинативную функцию, но и закрепляют культурные смыслы, ценностные установки и элементы мировоззрения носителей языка. Идиомы, устойчивые выражения, формульные конструкции, пословицы и поговорки выступают специфическими средствами хранения и передачи коллективного опыта, отражая разные уровни концептуализации действительности. В рамках лингвокультурологического подхода такие единицы рассматриваются как структуры знания, в которых закрепляются универсальные и этноспецифические представления о мире.

С точки зрения культурной семантики в подобных единицах выделяются жизненно важные, социальные, религиозные, моральные и эстетические ценностные ориентиры [181]. Включение компонента дом или наименований архитектурных элементов дома в состав фразеологических единиц способствует актуализации сразу нескольких уровней этих ценностей.

Применительно к языковому материалу шугн.-руш. группы анализ фразеологических единиц с компонентом дом, наименованиями частей дома и другими экспликаторами данного концепта позволяет выделить три основные группы: жизненно важные, религиозно-обрядовые и морально-эстетические. При этом в семантике значительной части таких выражений ценностные компоненты не изолируются, а накладываются друг на друга, формируя

многослойную структуру значений. На основе такого подхода предлагается следующая классификация:

Классификация II. Ценностно-смысловые группы фразеологических единиц, репрезентирующих концепт ДОМ в шугн.-руш. группе языков

Жизненно важные смыслы: В данную группу входят фразеологические формулы, в которых дом осмысляется как пространство продолжения жизни и рода. Так, выражение *δud mā–zidorδd* букв. ‘дым не оторвался/не погас’ и сочетание *δud naxtīdow* букв. ‘дым выходит’ в языковом сознании носителей обозначают не просто физическое наличие огня, а символизируют устойчивость жизнедеятельности семьи, непрерывность существования дома и сохранность рода. Отсутствие дыма, напротив, интерпретируется как знак угасания жизни в доме. ср.: *bašānd sůd yiči δūd ma-zidorδd at tar baor xu firêpam* ‘Хорошо бы, чтобы ни у кого не погас дым, и чтобы мы дожили до весны’, а также *as wef růʒ-and δud naxtīzd, xu čīd-ard-en pas.* ‘Из их окна на крыше дым выходит, значет они дома’.

Религиозно–обрядовые смыслы: Фразеологические единицы данной группы отражают смыслообразующие стороны дома и его архитектурных элементов. Формула *Mustākam vi!* ‘Будь крепким’ произносится как обращение к главному столбу после завершения строительства дома, что подтверждает его статус как защитного центра. Выражение *miyend–viščīn sitan* букв. ‘подпоясанный столб’ тоже несёт символику устойчивости и опоры. Обрядовая формула *čīd čidīr δêdow* ‘очищение дома’ связана с праздником Навруз и передаёт представление об обновлении жизненного пространства. Выражение *ʒīngak daryeftow* ‘оказывать почесть выступу очага’ показывает, что очаг воспринимается как сакральный центр дома.

Морально-эстетические смыслы. В эту группу входят фразеологические единицы, в которых дом включается в сферу нравственных, эмоциональных и эстетических представлений. Так, формула *Tu–t mu … (puc) xu panoyand nigā na–čūd* ‘Ты не уберег моего … (сына)!’ представляет собой обращение к главному столбу в момент утраты близкого человека и отражает веру в его

защитную силу. Молитвенная формула *Yo Xotun–i qiyůmat xu kasabā murd piyīl kin!* ‘О, Мис Киямат, благослови меня на ремесло!’ обращена к столбу очага, который воспринимается как значимый посредник. Выражения *čīd pat čīd* ‘сносить дом’, *piyīl suδjin čīd* ‘благословенный дом’, *kata-čīd* ‘дом предков’, *boboyi čīd* ‘дедовский дом’ репрезентируют ценностное отношение к дому как к пространству памяти, преемственности и родовой истории. При этом глагольная конструкция *čīd pat čīd*, ранее охарактеризованная как нейтральная, в составе фразеологических и контекстуально обусловленных употреблений может приобретать аксиологическую нагрузку, поскольку разрушение дома интерпретируется не как хозяйственное действие, а как утрата родового и нравственного основания.

Таким образом, фразеологические единицы и устойчивые выражения с компонентом дом и его экспликаторами в шугн.-руш. группе памирских языков образуют значимый слой репрезентации концепта ДОМ. В них закрепляются жизненно важные, религиозно-обрядовые и морально-эстетические смыслы, что подтверждает многослойный характер данного концепта.

Особую группу в языковой репрезентации концепта ДОМ образуют сочетания лексемы *čīd* ‘дом’ с личными местоимениями, поскольку именно в них наиболее отчётливо актуализируется эмоционально-ценностное восприятие жизненного пространства. В шугн.-руш. группе памирских языков формы *mu* ‘мой’ и *māš* ‘наш’ в сочетаниях *mu čīd*, *māš čīd*, а также *mu joy-at makůn*, *māš joy-at makůn* выражают не только принадлежность, но и личную вовлечённость, чувство сопричастности к семье, дому и родовой памяти. В этих конструкциях дом осмысляется как ‘своё’ пространство в экзистенциальном и культурном смысле.

В структуре лексико-семантического поля концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков выделены ядерная зона, ближняя, дальняя и крайняя периферии. К ближней периферии отнесены 48 лексем и синтаксических конструкций, функционирующих в качестве экспликаторов концепта. Дальняя

периферия представлена устойчивыми синтаксическими образованиями, идиомами, речевыми оборотами и метафорическими выражениями, в которых дом осмысляется через эмоционально-оценочные и культурные признаки. Крайнюю периферию образуют паремии и фразеологизированные формулы, наиболее ярко фиксирующие религиозные, моральные и мифологические компоненты концепта. Обобщённое представление о внутренней организации лексико-семантического поля концепта ДОМ в шугн.-руш. языках отражено в следующей таблице.

Таблица 2

Обобщенная структура лексико-семантического поля концепта ДОМ

№	Зона ЛСП	Основные единицы	Примеры	Характеристика	Объем материала
1	Ядро	*Čīd*	*čīd* ‘дом’, *čīd–ak* ‘домик’, *kata čīd* ‘родовой дом’	Базовая номинация дома, прямое значение	1 доминанта + 32 деривата
2	Ближняя периферия	Конкурирующие номинации обобщённого значения ‘дом/жилище; конкретизация функций и аспектных значений	*xůnā* ‘дом’, *mālā* ‘дом’ *burguc* ‘домишко’, *joy–jigir* ‘двор’, ‘дом’	Синонимы ядра; Конкретизация функций, оценочность	39 дериватов с *xůnā*, 22 дериватов с *mālā* 48 экспликаторов
3	Дальняя периферия	устойчивые конструкции	*obod čīd* ‘благоустроенный дом’, *bebarakat čīd* ‘неблагодатный дом’	Эмоционально–оценочные оттенки	60 конструкций
4	Крайняя периферия	паремии, идиомы	*Mustākam vi!* ‘Будь устойчивым!’, *Tu–t mu … xu panoyand nigā na–čūd* ‘Ты не уберег моего … ‘	Культурные, религиозные, метафорические смыслы	15 паремий и идиом

*** Составлено автором на основе результатов исследования**

На основе проведённого анализа лексико-семантического поля концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков можно сформулировать следующие выводы.

Лексико-семантическое поле концепта ДОМ характеризуется упорядоченной внутренней организацией, включающей прототипическое ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии. Прототипическое ядро концепта ДОМ образует лексема *čīd*. Лексемы *xůnā* и *mālā* входят в ближнюю периферию как конкурирующие номинации со значением ‘дом, жилище’, отличающиеся от ядерной единицы семантическим объёмом и сферой употребления. Периферийные зоны поля формируются за счёт различных экспликаторов концепта, устойчивых словосочетаний, синтаксических конструкций, фразеологических единиц и паремий, в семантике которых актуализируются оценочные, культурные, религиозные и символические признаки дома.

Связи между элементами поля, включая ассоциативные, гипер-гипонимические, партитивные и синонимические отношения, отражают особенности языковой концептуализации дома в шугн.-руш. языках.

Таким образом, лексико-семантическое поле концепта ДОМ в шугн.-руш. материале строится не вокруг одного значения ‘жилище’, а вокруг нескольких взаимосвязанных смысловых зон. В него входят названия дома, его частей, внутреннего пространства, хозяйства, родовой принадлежности и границы между своим и чужим. Поэтому описание этого поля показывает, как предметная лексика постепенно переходит в область социальных, ценностных и культурно закреплённых представлений о доме.

2.3. Макро– и микрополевая организация концепта ДОМ

По наблюдению М.Б. Давлатмировой, ‘для выявления и определения структуры концепта важен лексикографический анализ, так как материал толковых, этимологических, частотных словарей и словаря синонимов даёт возможность установить значение ключевого слова, выражающего конкретный концепт, а также определить его ядро и периферию’ [195, с. 10]. С этой точки зрения моделирование полевой структуры концепта ДОМ требует сложной аналитической работы и обращения к разнородному языковому материалу, в котором отражены его номинативный и

ассоциативно-культурный потенциал. В когнитивном исследовании такой материал служит эмпирической основой для выявления внутренней организации концепта, его компонентного состава и взаимодействия ядерных и периферийных смыслов [200, с. 9–10; 167, с. 17–26; 149, с. 63–65].

В настоящем разделе концепт ДОМ рассматривается как многоуровневое когнитивное образование, репрезентированное в шугн.-руш. языках на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. На основе привлечённого материала предлагается авторская когнитивно-семантическая модель его внутренней структуры, включающая ядро, приядерную зону, ближнюю и дальнюю периферию, а также систему макро- и микрополей. Такой подход соотносится с общими принципами структурирования концепта, разработанными в когнитивной лингвистике, включая представления о его многоуровневой организации [219, с. 40–43], образно-понятийно-ценностной структуре [33, с. 118], полевой модели [201, с. 39] и интерпретационно-когнитивный подход З.Д. Поповой и И.А. Стернина [56, с. 79–80], но опирается на собственное основание моделирования.

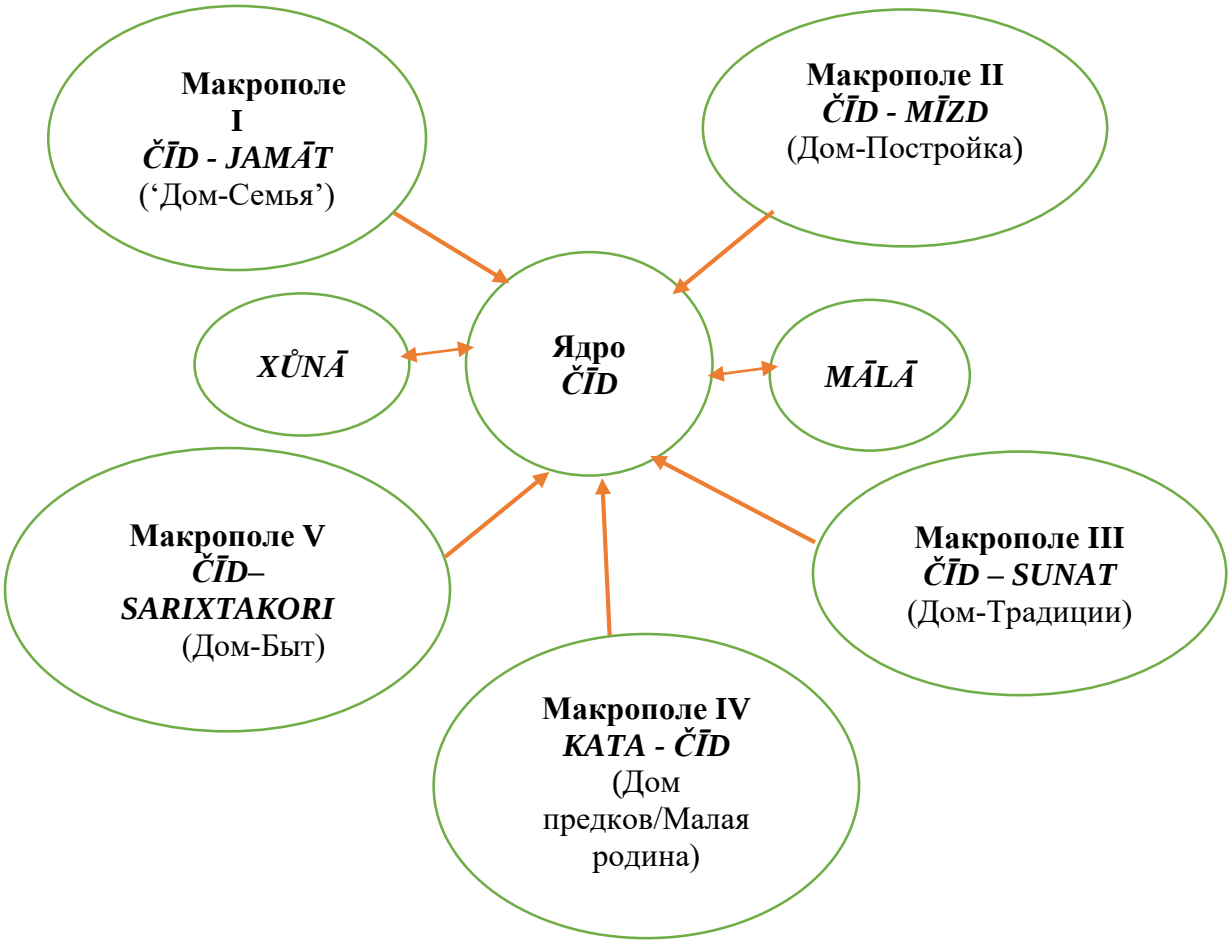
Во второй главе систематизируются языковые репрезентанты концепта ДОМ, распределённые по пяти макрополям (см. Схема 1.), и даётся их последовательное когнитивно-семантическое описание. В основном тексте рассматриваются наиболее репрезентативные примеры, которые позволяют выявить устойчивые закономерности внутри каждой семантической категории, тогда как табличные материалы обобщают количественные и структурные параметры анализа. Далее модель раскрывается по единой аналитической процедуре: для каждого макрополя реконструируется его внутренняя организация с распределением единиц по микрополям и зонам поля, а также даётся количественное описание релевантных семантических признаков.

Анализ концепта ДОМ в шугн.-руш. языках выявляет сочетание универсальных доменных смыслов с этноспецифическими наслоениями. Его содержание раскрывается через языковые единицы, в которых закреплены

представления о защите, сакрализации домашнего пространства, связи с предками, духовной преемственности и значимости архитектурных элементов жилища. Согласно авторской модели структуры концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков, далее анализ конкретизируется на материале пяти макрополей ближней периферии, доминирование которых обусловлено их культурной значимостью и функциональной ролью в традиционной системе мышления носителей языка. Первым из них выступает макрополе *Čīd–Jamāt* ‘Дом–Семья’, в рамках которого дом осмысляется как центр родовой, социальной и духовной организации жизненного пространства (см. Схема 1.).

Схема 1.

Когнитивно–семантическая модель концепта ДОМ в шугн.-руш.группе памирских языков



***Когнитивно-семантическая модель концепта ДОМ составлена автором на основе собственной классификации и анализа языкового материала шугн.-руш. группы**

Лексема *čīd* функционирует как прототипическое обозначение дома, объединяющее физические и социально-экзистенциальные аспекты. Лексемы

xůnā и *mālā* находятся с ней в отношениях частичного пересечения значений и выступают как конкурирующие номинации обобщённого значения ‘дом/жилище’, преимущественно ориентированные на прямую номинацию физического объекта.

В рамках представленной концептуальной модели каждое макрополе, включающее набор микрополей, организуется по принципу выделения ядерной зоны и периферийных уровней: ближней и дальней периферии. Анализ языковых репрезентантов макрополей и их ценностных компонентов позволяет выявить их относительную иерархию по степени концептуальной значимости и частотности функционирования, что отражает функциональную нагрузку и культурную релевантность соответствующих смыслов в репрезентации концепта ДОМ в языковой картине мира носителей шугн.-руш. группы. Далее следует анализ макрополей в установленном порядке:

– Макрополе *Čīd–Jamāt* – ‘Дом–Семья’

В структуре когнитивно-семантической модели концепта ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков в качестве первого и приоритетного выделяется макрополе *Čīd–Jamāt* ‘Дом–Семья’. Его приоритетность обусловлена тем, что в традиционной культуре носителей этих языков дом осмысляется прежде всего как пространство проживания семьи и продолжения рода. Соответственно, в данной языковой картине мира он выступает не как абстрактное обозначение жилища, а как категория, непосредственно связанная с семейными, родовыми и социальными отношениями.

Рассмотрение концепта ДОМ через призму категории ‘Дом–Семья’ выявляет его многокомпонентный характер. В рамках данного макрополя дом соединяет материальные и социально-эмоциональные характеристики, выступая одновременно как место физического проживания и как пространство формирования, сохранения и воспроизводства семейных связей, норм и ценностей. Тем самым он приобретает статус ключевого социального

пространства, в котором наиболее последовательно проявляется взаимосвязь бытового, культурного и эмоционального начал.

Типологическое изучение терминологии родства имеет устойчивую традицию в антропологии и лингвистике. Начиная с классических работ Л.Г. Моргана [184], в которых была показана системная организация родственных терминов и их связь с социальной структурой общества, исследования родства рассматривают данные номинации как элементы целостной когнитивной и культурной модели. В дальнейшем типология родства получила развитие в трудах Дж. П. Мёрдока [92] и А. Рэдклифф-Брауна [95], где подчёркивалась функциональная и структурная обусловленность родственных систем. В отечественной науке вопросы типологии родства и семейных структур разрабатывались С.А. Токаревым [69] и Ю.И. Семёновым [61]. В российской лингвистике термины родства преимущественно рассматриваются в рамках этнолингвистики и лингвокультурологии [68; 162, с. 210–225; 163, с. 145–162], где они анализируются как элементы культурно-языковой системы. В связи с этим в настоящем исследовании в качестве типологической рамки используются классические антропологические модели родства, адаптированные к задачам когнитивно-семантического анализа языкового материала.

Базовым источником для анализа макрополя *Čīd–Jamāt* ‘Дом–Семья’ выступают полевые и эмпирические материалы автора: анкетирование, контекстные употребления и фиксация узуальных предпочтений носителей. Лексикографические и текстологические источники привлекаются на этапе верификации форм, уточнения словарных дефиниций и сопоставления со смежными идиомами шугн.-руш. группы. В качестве справочного инструмента использовался онлайн-лексикографический ресурс Pamiri.online [228], агрегирующий данные нескольких источников и в ряде случаев содержащий определения для других языков шугн.-руш. группы. Кроме того, были учтены фундаментальные лексикографические и текстологические издания по памирским языкам: ‘Этимологический словарь ваханского языка’

И.М. Стеблина-Каменского [218], ‘Рушанские и хуфские тексты и словарь’ и ‘Бартангские тексты и словарь’ В.С. Соколовой [216; 213], ‘Шугнанские тексты и словарь’ И.И. Зарубина [206], а также ‘Сарыкольско-русский словарь’ Т.Н. Пахалиной [213]. Совокупность этих материалов обеспечивает надёжность атрибуции единиц и репрезентативность данных для выявления семантических и культурно-концептуальных особенностей макрополя ‘Дом–Семья’.

Распределение лексических единиц по макро- и микрополям показывает, что их группировка по семантическим параметрам формирует систему полей различного уровня, различающихся по концептуальной значимости и частотности функционирования в шугн.-руш. языках. Это позволяет реконструировать структуру концепта ДОМ в пределах исследуемой языковой общности и установить, что соответствующие единицы отражают не только предметно-пространственные характеристики дома, но и его культурные, символические и функциональные параметры.

В рамках данной когнитивно-семантической модели доминирующее макрополе *Čīd–Jamāt* структурируется четырьмя микрополями: *mardīnā* ‘мужчина’, *kaxoy* ‘женщина’, *qawm* ‘родственник’ и *digayen* ‘другие лица’. Внутри микрополя *digayen* дополнительно выделяется подсегмент единиц, фиксирующих совместность и включённость человека в домовое пространство, то есть лексемы и конструкции со значением единства, совместного пребывания и коллективного действия.

Совокупный состав данного макрополя включает 116 уникальных лексических единиц и устойчивых сочетаний, выделенных на основе сводного массива эмпирического материала; при подсчёте каждая единица учитывалась однократно и закреплялась за одним микрополем по доминирующему когнитивно-семантическому признаку. Несмотря на сравнительно меньшее количество терминов родства, устойчивых сочетаний и глагольных конструкций, непосредственно связанных с семейными отношениями, именно это макрополе является доминантным в зоне ближней периферии концепта

ДОМ, поскольку в культуре носителей исследуемых языков дом осмысляется, прежде всего как пространство семьи. Возведение жилища и его внутренняя планировка изначально ориентированы на разграничение мужской, женской и детской сфер, что отражает пространственную организацию дома и закрепляет его статус как базового института семейной и социальной жизни.

Таблица 3

Обобщённая когнитивно–семантическая структура макрополя *Čīd–Jamāt* ‘Дом–Семья’

№	Микрополе	Количество лексических единиц	Когнитивная функция в структуре концепта
1	Mardīnā (мужчина)	32	Репрезентация авторитета, защиты, ответственности, символ опоры и устойчивости дома
3	Kaxoy (женщина)	22	Хранение домашнего пространства, очага, обеспечение внутреннего уюта и жизненного уклада
3	Qawm (род, родственники)	41	Репрезентация родственного единства, преемственности поколений и социальной структуры семьи
4	Digayen: другие лица; подсегмент: принадлежность к дому / вне-домовая сфера	21	Социальное окружение дома: ролевые/профессиональные/соседско–бытовые связи и внешние по отношению к дому лица
Всего		**116**	

*** Составлено автором на основе полевого и лексикографического материала**

С учётом обобщённой структуры макрополя *Čīd–Jamāt* ‘Дом–Семья’, представленной в настоящем разделе, данное макрополе может быть интерпретировано как многоуровневая когнитивно–семантическая модель, включающая четыре самостоятельных смысловых сегмента – микрополя, каждое из которых обладает собственной функциональной и семантической спецификой. Среди указанных сегментов ключевую позицию занимает микрополе *mardīnā* ‘мужчина’, что обусловлено глубинными когнитивными и

культурно–семантическими факторами организации семейного пространства у носителей шугн.-руш. языков.

Микрополе *mardīnā* представлено 32 терминами родства и устойчивыми лексико–синтаксическими сочетаниями, отражающими статус мужской фигуры в семейной и родовой структуре у носителей шугн.-руш. языков. В состав данного микрополя входят номинации, репрезентирующие различные аспекты мужской идентичности и внутрисемейных связей. Так, лексема *mardīnā* обозначает ‘мужчину’, а *čorik* и *čor* функционируют как синонимичные обозначения мужчины или мужа. Понятие отцовства выражается через *dod* и *tāt*, при этом *dod–ej* уточняет значение ‘отчим’. Родовые связи представлены лексемами *bob* ‘дед’, *kata–bob* ‘прадед’, *virod* ‘брат’, *virod–ej* ‘сводный брат’, *virod–dor* ‘имеющий брата’, *boγi–virod* ‘сводный брат’. Лексемы, обозначающие потомство, включают *puc* ‘сын’, *puc–ej* ‘сводный сын’, *puc–dor* ‘имеющий сына’, *nibos* ‘внук’.

Особое место в микрополе занимают формульные синтаксические конструкции, функционирующие как социально-нормативные индикаторы в отношении женщины/девушки в традиционном дискурсе. Выражения *dod–at–virod* ‘отец и брат’, *dod–at–virod–dor* ‘имеющая отца и брата’, *dod–at puc* ‘отец и сын’, *dod–at puc–dor* ‘имеющая отца и сына’ не исчерпываются фиксацией родства: они индексируют включённость референта в мужскую линию поддержки и одновременно активируют рамку общественной оценки поведения. В типичных контекстах употребления эти формулы имплицируют, что поступки женщины интерпретируются как потенциально затрагивающие семейное имя (*nům*) и статус домохозяйства/общины (*jamāt*), то есть могут быть оценены как ‘позорящие/не позорящие’ ближайших мужских родственников. Тем самым данные единицы кодируют родственные отношения и социально-оценочную рамку, в которой ответственность распределяется на коллектив (семью/домохозяйство), что позволяет включать их в структуру макрополя *Čīd–Jamāt* - ‘Дом–Семья’.

В рамках микрополя *mardīnā* мужчина концептуализируется как структурообразующий элемент семейной и родовой организации, определяющий устойчивость, социальный статус и целостность дома как когнитивного и культурного пространства. Это представление выражается в устойчивых метафорических и синтаксических конструкциях, где мужчина прямо соотносится с несущей опорой дома: *mardīnā sutuni xůnā* ‘мужчина – столб дома’, *dod x̌āsitan* ‘отец – царь-столб дома’. Потеря мужчины в таких выражениях осмысляется не просто как семейное горе, а как утрата самой основы дома. Именно это видно в сочетании *wef x̌āsitan as miyen sut* ‘их царь-столб ушёл из жизни’, где смерть главы семьи понимается как исчезновение главной опоры домашнего пространства. Социальный статус мужчины проявляется и в номинациях типа *mardīnā buzurg* ‘великий мужчина’, которые подчёркивают его высокий авторитет и его значение для репутации дома в коллективном сознании. Таким образом, в шугн.-руш. языках мужское начало устойчиво связывается с образом дома и его опорных элементов.

В рамках микрополя *kaxoy*, репрезентирующего категорию ‘женщина’, выявлено 22 лексические единицы, что указывает на развернутую систему языкового представления женского начала в структуре дома. В отличие от микрополя *mardīnā*, здесь отсутствуют устойчивые сочетания, прямо закрепляющие за женщиной статус символической опоры дома, однако наблюдается широкая представленность родственных и социальных функций. Синонимический ряд, вербализующий понятие ‘женщина’, представлен следующими единицами: *kaxoy* ‘женщина’, *awratīnā* ‘женщина’, *kaxoy–bačā* ‘девушка, девочка, молодая женщина’, *γinik* ‘женщина’. В системе родственных отношений женская линия обозначается через лексемы: *γin* ‘жена’, *nān* ‘мать’, *mūm* ‘бабушка’, *kata–mūm* ‘прабабушка’, *nān–eʒ* ‘мачеха’, *rizīn* ‘дочь’, *rizīn–eʒ* ‘сводная дочь’, *rizīn–dor* ‘имеющая дочь’, *yax* ‘сестра’, *yax–eʒ* ‘сводная сестра’, *yax–dor* ‘имеющая сестру’, *boγi–yax* ‘сводная сестра’, *nibês* ‘внучка’. Совокупность этих единиц образует разветвлённую

семантическую систему, отражающую многообразие семейно–родственных ролей женщины в структуре дома и семьи у носителей шугн.-руш. языков.

Подобно микрополю *mardīnā*, в данном сегменте функционируют оппозиционные сочетания, такие как *yax at nān* ‘сестра и мать’, *yax at nān–dor* ‘имеющая сестру и мать’, *rizīn–dor* ‘имеющая дочь’, *yax–dor* ‘имеющая сестру’. Эти конструкции не ограничиваются фиксацией родственных связей, а выполняют функцию культурно–семантических маркеров, отражающих нормы уважительного отношения к женщине в пределах дома и семьи. Женщина в рамках данного микрополя осмысляется как носитель родовой преемственности, эмоциональной устойчивости и внутренней организации домашнего пространства, что подтверждается системой родственных номинаций (*nān* ‘мать’, *mūm* ‘бабушка’, *kata–mūm* ‘прабабушка’, *rizīn* ‘дочь’, *nibês* ‘внучка’), а также пространственно маркированными единицами типа *nān ʒīngak* ‘материнская часть очага’, фиксирующими связь женской фигуры с очагом и внутренним устройством дома. Через данные языковые средства женщина концептуализируется как ключевая фигура семейного очага, обеспечивающая воспроизводство родовых связей и эмоциональную целостность домашнего пространства.

В данном контексте представление об уважении к женщине приобретает комплексный характер, поскольку соотносится с почитанием матери и сестры как значимых фигур семейного пространства. Это определяет включённость соответствующих синтаксических конструкций в состав макрополя *Čīd–Jamāt* ‘Дом–Семья’ и их связь с концептом ДОМ в языковой картине мира носителей шугн.-руш. группы. Тем самым данные конструкции входят в систему ценностных ориентиров, в рамках которой дом и семья выступают основой социальной и моральной идентичности.

Таким образом, микрополе *kaxoy* характеризуется развернутой системой номинаций, отражающих родственные, социальные и статусные функции женщины в структуре дома и семьи. В отличие от микрополя *mardīnā*, в данном сегменте отсутствуют устойчивые языковые конструкции, напрямую

приписывающие женщине функцию символической опоры дома, что указывает на иную модель концептуализации женского начала. Женщина в языковом сознании носителей шугн.-руш. языков осмысляется прежде всего как носитель родовой преемственности, эмоциональной устойчивости и нормативного порядка семейного пространства. Такая асимметрия в репрезентации мужского и женского начал фиксирует культурно обусловленное распределение функциональных ролей внутри макрополя *Čīd–Jamāt* ‘Дом–Семья’.

В рамках лингвокультурного анализа микрополя *qawm* ‘родственник’ выявлена система из 41 лексической единицы и устойчивых сочетаний, репрезентирующих различные типы родственных связей и способы их языкового обозначения. Базовая номинация родственности передается лексемой *qawm*, используемой в обобщенном значении. Близость и родственная поддержка в системе дома и семьи передаются через несколько групп слов. Лексема *kasot* означает ‘близкий человек’, ‘защитник’, ‘опора’, а форма *kasot-dor* указывает на человека, у которого есть такие близкие связи. Понятие рода выражается словом *zot*, а более широкое представление о роде, поколении и родственной общности передается словом *awlod*. Потомки обозначаются лексемой *awlodā*, а наличие родни формой *awlod-dor*. Коллективное единство семьи и рода передаёт лексема *jamāt*, которая подчёркивает, что в структуре макрополя Дом–Семья родство понимается прежде всего как связь людей между собой.

Духовная сторона родства выражена лексемами *arwo* и *arwo-gůn*: первая обозначает душу умершего родственника, вторая души ушедших членов семьи. Эти слова показывают, что родственные связи мыслятся как продолжающиеся и после смерти. Поэтому в пределах макрополя *Čīd–Jamāt* родство охватывает не только живых членов семьи, но и память о предках, сохраняющуюся в доме.

Наряду с этим в системе родства есть слова *rakīkat* и *kasot* ‘родственник’, ‘близкий человек’, а также формы *rakīkat-dor* и *kasot-dor*, которые указывают

на наличие у человека близкого окружения. В отличие от *arwo* и *arwo-gůn*, эти единицы относятся к живым людям, которые дают реальную физическую, социальную и психологическую поддержку. Таким образом, в микрополе *qawm* сосуществуют два уровня защитной функции дома: духовный, связанный с предками (*puxt, wūvd puxt, arwo, arwo-gůn*), и жизненный, связанный с живой роднёй и ближайшим окружением (*qawm, kasot, rakīkat*).

Основу семейной структуры в составе макрополя *Čīd–Jamāt* передаёт лексема *dod-at-nān*, обозначающая отца и мать, а также конструкция *dod-at-nān-dor*, которая указывает на человека, у которого есть оба родителя. Эти единицы показывают, что полная семья воспринимается как нормальная и устойчивая форма дома. В языковом сознании носителей шугн.-руш. группы наличие обоих родителей связывается с гармонией, целостностью и устойчивостью домашнего пространства.

Важное место в этой системе занимает и группа слов со значением ‘ребёнок’: *ziryot, bāč-kac, buc-balā*. Наличие нескольких номинаций показывает, что эта зона лексики внутренне расчленена. Лексема z*iryot* заимствованное слово с общим значением потомства без указания на пол и возраст, тогда как слово b*āč-kac* восходит к таджикскому источнику и обозначает ребёнка как часть семейной общности. Единица *buc-balā* представляет собой исконную двучленную номинацию; при этом компонент *buc* может обозначать младшего потомка и детёнышей животных, что указывает на более широкое значение ‘маленький’, ‘младший’. Различия между этими словами связаны с их происхождением, значением и употреблением.

Представление о ребёнке в структуре ДОМа раскрывается и в метафорических выражениях. Так, формула *savʒa-yi Xuδoy* ‘зелень божья’ в выражении *ziryot yid savʒa-yi Xuδoy* ‘дети – это зелень божья’ показывает, что ребёнок воспринимается как источник жизни и обновления. Напротив, выражение *kūdak sado wef cīd-and nist* ‘в их доме нет голоса ребёнка’ связывает

отсутствие детей с утратой внутренней наполненности и душевного равновесия дома.

Образ предков передаётся через лексему *puǩt* ‘предки’ и сочетание *wūvd puǩt* ‘семь поколений предков’. Эти единицы выражают идею непрерывности рода и межпоколенной преемственности. Человек в этой системе осмысляется не изолированно, а как часть своей родовой линии, связанной с конкретным домом и более широкой семейной общностью.

Межсемейные и межродовые связи, возникающие через брак, обозначаются специальными терминами *xisur* и *xīǩ* - тесть/свёкор и тёща/свекровь. Эти слова показывают, что после брака человек включается в новую родовую среду. Ту же функцию выполняют лексемы *qudā* и *qud-gůn*, обозначающие взаимное родство родителей супругов. Через них брак осмысляется не только как союз двух людей, но и как связь двух домов и двух родов.

Дополнительный культурный смысл имеют фразеологизмы *xu bulod-and ǩac čīdow* букв. ‘полить воду в фундамент дома’ и *xůnā nosoyaǩ čīdow* букв. ‘беспокоить дом’. Оба выражения связаны с нарушением внутреннего равновесия дома из-за неправильного поведения по отношению к родственникам со стороны супругов. В традиционной культуре носителей шугн.-руш. языков конфликт с родителями мужа или жены воспринимается как то, что может нарушить устойчивость брака и ослабить связь между двумя родовыми домами. Метафора ‘фундамент дома’ в данном случае отражает представление о браке как основании семейной структуры: его разрушение влечет за собой дестабилизацию всего родового пространства. Тем самым рассматриваемые фразеологические единицы концептуализируют брак как системообразующий элемент макрополя ‘Дом–Семья’ и подчеркивают приоритет гармоничных межсемейных отношений в структуре традиционного мировосприятия.

Таким образом, микрополе *qawm* в структуре макрополя *Čīd–Jamāt* ‘Дом–Семья’ демонстрирует не перечневую, а системную организацию

родственных номинаций, в рамках которой родство концептуализируется как неотъемлемый компонент дома. В языковой картине мира носителей шугн.-руш. группы дом включает в себя одновременно живых членов семьи, будущие поколения и умерших предков, что отражается в сосуществовании лексем социального (*qawm, kasot, rakīkat*), генеалогического (*awlod, awlodā, puxt*) и сакрального (*arwo, arwo–gůn*) уровней. Такое наложение физических, социальных и духовных связей формирует представление о доме как о непрерывной родовой системе, выходящей за пределы индивидуального жизненного цикла. Конструкции, связанные с брачными и межродовыми отношениями, дополнительно подтверждают, что устойчивость дома осмысляется как результат гармонии между родами, а нарушение этих связей концептуализируется как дестабилизация фундамента домового пространства. Микрополе *qawm* показывает особый способ включения родства в концепт ДОМ: дом здесь понимается не только как место проживания, но и как пространство, в котором сохраняются и воспроизводятся родовые, социальные и духовные связи.

Завершающим компонентом лексической системы макрополя *Čīd–Jamāt* ‘Дом–Семья’ выступает микрополе *Digayen* ‘другие’ (другие лица; подсегмент: совместность / включённость в дом), включающее 21 лексическую единицу. В него входят обозначения социальных ролей и статусов людей, которые связаны с домом и семейным пространством, но не принадлежат к ближайшему кругу родства. Тем самым это микрополе помогает увидеть границу между внутренним семейно-родовым кругом и внешним социальным окружением дома.

Лексема *soibxůnā* обозначает владельца дома и выражает представление о праве собственности и личной ответственности за домашнее пространство. Понятие старшинства в рамках бытовой и семейной иерархии выражается лексемой *katanak* ‘старший/старшая’, обозначающей статус главенствующего старшего члена домашней общности (прежде всего взрослого родственника, проживающего в доме). Конкретизация статуса как старшего в пределах дома

представлена сочетанием *katanaki xůnā* ‘старший/старшая дома’, которое акцентирует управленческую и регулирующую функцию данного лица. В референции *katanak* не является строго гендерно маркированной лексемой: при наличии взрослого мужчины в доме она прототипически соотносится с ним как с принимающим решения, тогда как при его отсутствии может употребляться по отношению к женщине (матери) как к старшей в доме.

Внутрисемейные отношения, возникающие в ситуации многожёнства, репрезентированы лексемой *abīn*, обозначающей жену мужчины, имеющего несколько жён (по отношению к его другим жёнам). Данная номинация фиксирует специфику статуса женщины в полигинной семье и маркирует особый тип отношений внутри домашней общности, т.е. взаимодействие между жёнами одного мужа. В языковой картине мира носителей шугн.-руш. языков данный термин характеризуется устойчивой негативной оценочной семантикой, что отражает восприятие подобной фигуры как потенциального источника дестабилизации внутреннего порядка дома. Ср.: *tamá-ta abīnṓrǰ dastṹr δédēt* ‘Вы ссоритесь, точно жены одного мужа’ [206]. Производная форма *abīn–orj*, описывающая взаимное положение жены и бывшей жены, фиксирует наличие особого типа конфликтных межличностных отношений, выходящих за пределы нормативной структуры Дом–Семья.

Тем самым микрополе *Digayen* завершает модель макрополя *Čīd–Jamāt*, формируя периферийный социальный слой, через который концепт ДОМ соотносится с внешними по отношению к семье субъектами и социальными ролями.

Социальное взаимодействие за пределами семьи, но в пределах локального сообщества, репрезентируется лексемой *amsoyā* ‘сосед’, отражающей пространственную и социальную близость обитателей одной местности села. Внутрисемейная совместность и коллективная организация быта в пределах дома выражаются глагольной конструкцией *sarjam sidow* ‘собираться вместе’, а также наречной единицей *yakjo* ‘вместе’, обозначающими состояние совместности действий членов семьи и

ближайших родственников. Иерархическое устройство внутридомовых отношений фиксируется выражением *katanak niɣiĭtow* ‘слушаться старшего’, что указывает на нормативно закрепленную модель подчинения и распределения авторитета внутри семейного пространства.

Ремесленно–технологический аспект формирования жилища представлен лексемой *wistoδ*, обозначающей мастера–строителя, что отражает значимость профессионального труда в создании и поддержании дома как материального объекта. Функциональная дифференциация обязанностей внутри домашнего пространства репрезентирована лексемой *mardi–kor* ‘прислуживающий’, что указывает на наличие специализированных ролей в структуре бытовой организации.

В составе микрополя *Digayen* выделяются единицы, репрезентирующие внешность по отношению к дому и родовой общности. Лексемы *begūnā* (руш. *bīgonā*) ‘чужой, посторонний, безродный’ и *paraj* ‘чужеземец, незнакомый’ обозначают лицо, не включённое в систему родственных связей и домовой общности. Аналогичную семантику выражают *ɣayr* и *ɣayrīyā* ‘чужой, чужбина, посторонний’, которые актуализируют представление о внешнем пространстве по отношению к дому. Тем самым данные единицы дополняют микрополе *Digayen*, маркируя границу принадлежности к семейно-родовой среде.

Таким образом, микрополе *Digayen* выполняет в структуре макрополя *Čīd–Jamāt* разграничительную и регулятивную функцию, фиксируя пределы домового и семейного пространства. Все представленные в нем номинации соотносятся с домом не напрямую, а через степень включенности или воздействия на его внутреннюю устойчивость, порядок и социальный баланс. Включение фигур соседей, мастеров, старших и конфликтных персонажей отражает представление о доме как о центре социальной координации, по отношению к которому выстраиваются как нормативные, так и потенциально дестабилизирующие роли. Тем самым микрополе *Digayen* завершает концептуальную модель *Čīd–Jamāt*, задавая внешнюю границу семейно–

родового мира и одновременно подтверждая дом как ключевую точку социального и культурного отсчета.

В рамках анализа макрополя *Čīd–Jamāt* ‘Дом–Семья’ установлена его прямая связь с концептом ДОМ. На метафорическом уровне эта связь репрезентируется выражениями *mardīnā xůnā ǎāsitan* ‘мужчина главный столб дома’, фиксирующим представление о мужчине как структурной опоре семейного пространства; *ziryot–en–en dawlat–i xůnā* ‘дети – богатство дома’, подчёркивающим ценность потомства для существования дома; *katanak barakat–i xůnā* ‘старшие – благодать дома’, отражающим морально-этическую значимость старших членов семьи. В этом же ряду находится конструкция *māš tāt māš ǎāsitan* ‘наш отец – наш царь-столб’, которая подчёркивает символическую роль отца в устройстве домашнего пространства.

На лексическом уровне связь между концептом ДОМ и категорией семьи особенно ясно проявляется в сложной лексеме *Čīd–Jamāt*, объединяющей значения ‘дом’ и ‘семейная общность’. Эта единица обозначает и само жилище, и людей, которые живут в нём одной семьёй. Тем самым в ней соединяются материальная и социальная стороны дома в шугн.-руш. языковой картине мира. В более широком значении ‘вся семья’ она охватывает детей и других домочадцев, что показывает её смысловую многослойность.

Связь рода и дома выражается и в лексеме *kata čīd* ‘дом предков’, которая подчёркивает преемственность поколений и связь человека с местом его происхождения. Близкую функцию выполняет и лексема *buc–balā*, употребляемая в значениях ‘дети’, ‘семья’, ‘домочадцы’; через неё особенно хорошо видно, что члены семьи воспринимаются как неотделимая часть целостного образа дома. Родственные термины входят и в устойчивые сочетания, например, *kata–bob čīd* ‘дом предков’ (букв. ‘дом прадеда’), где дом прямо связывается с родовой идентичностью.

Социальные и культурные нормы наследования получают языковую репрезентацию в выражении *čīd fištīr puc-and* ‘дом принадлежит младшему

сыну’, фиксирующем традиционную модель передачи отцовского дома внутри семьи, подтверждаемую полевыми свидетельствами и данными анкетирования. Эта конструкция отражает устойчивый механизм распределения семейного имущества и подчёркивает роль младшего сына в сохранении родовой преемственности.

Таким образом, приведённые языковые единицы показывают, что в шугн.-руш. языковой картине мира категории дома, семьи и рода концептуализируются как взаимосвязанные. Единицы макрополя *Čīd–Jamāt* отражают включённость человека в дом не только как в физическое пространство, но и как в систему родовой памяти, социальной ответственности и культурной идентичности.

Ниже представлена таблица ‘Количественный анализ по семантическим категориям’, составленная на основе ранее описанного массива эмпирического материала макрополя *Čīd–Jamāt* ‘Дом–Семья’, включающего 116 языковых единиц различного уровня (лексемы, устойчивые сочетания и синтаксические формулы). В таблице фиксируется не количество лексем как таковых, а частотность актуализации выделенных семантических признаков в пределах микрополей. В связи с этим одна и та же языковая единица может быть учтена в нескольких семантических категориях, если в её употреблении реализуется более одного когнитивно–ценностного признака. Различие между общим объёмом материала (116) и суммарным показателем таблицы (102) обусловлено тем, что часть единиц не актуализирует ни один из выделенных признаков и функционирует преимущественно на номинативном уровне; такие единицы в количественный подсчёт не включались.

Таблица 4

Количественный анализ по семантическим категориям макрополя *Čīd–Jamāt* – ‘Дом–Семья’

Микрополе	Опора и защита	Продолжение рода	Социальная сплоченность	Связь с предками	Гендерная ценность	Всего

***Mardīna* – Мужской род**	6	5	4	2	5	**22**
***Kaxoy* – Женский род**	4	3	4	0	7	**18**
***Qawm* – Род, родственники**	5	3	7	6	2	**23**
***Digayen* – Другие**	3	6	4	0	0	**13**
Устойчивые выражения	7	5	6	4	4	**26**
Всего	**25**	**22**	**25**	**12**	**18**	**102**

*** Составлено автором на основе собственной классификации и подсчета**

Согласно данным Таблицы 4, в микрополе *Mardīnā* ‘Мужской род’ (22 единицы) наибольшую представленность имеет семантическая категория *опора и защита* (6 единиц), что соответствует традиционной когнитивной модели, в рамках которой мужчина осмысляется как основная опора дома. Это находит прямое выражение в единицах *mardīnā sutuni xůnā* ‘мужчина – столб дома’ и *dod ǎāsitan* ‘отец – главный столб’, где мужская фигура репрезентируется как носитель защитной, опорной и организующей функции.

Семантическая категория *продолжение рода* (5 единиц) актуализируется через ценностное осмысление сына как будущего наследника дома и рода. Так, единица *puc–dor* ‘имеющий сына’ обозначает факт отцовства и одновременно социально значимый статус продолжателя мужской линии. Аналогичную функцию выполняет выражение *dod–at puc* ‘отец и сын’, репрезентирующее идею межпоколенной преемственности, при которой дом осмысляется как непрерывная линия мужского родства.

Категория социальной сплоченности (4 единицы) репрезентируется номинациями устойчивых внутримужских связей рода, в частности *dod–at–virod* ‘отец и брат’. В данной формуле профилируется связка ‘старший носитель авторитета – младший союзник/помощник’, то есть структурированная модель внутрисемейной кооперации. Производная форма *dod-at-virod-dor* ‘имеющая/имеющий отца и брата’ переносит фокус с самой связи на наличие у референта встроенности в эту сеть поддержки; в женских референциях она регулярно коррелирует с рамкой общественной оценки, где социальная защищенность мыслится через присутствие мужской линии.

Категория *связь с предками* (2 единицы) представлена ограниченно, что объясняется тем, что культ предков в данной традиции чаще реализуется через род в целом, а не через отдельную мужскую фигуру. Показательной здесь является единица *kata–nům* ‘большое имя’, называющая ребенка в честь предка и символизирующая передачу силы, чести и родовой памяти по мужской линии.

Семантическая категория *гендерная ценность* (5 единиц) отражает специфическое осмысление мужского начала как социально значимого. Так, единица *mardīnā buzurg* ‘великий мужчина’ акцентирует не физическую силу, а статус, авторитет и моральную значимость фигуры мужчины в доме. Выражение *wef ǩāsitan as miyen sut* ‘их главный столб ушел из жизни’ метафорически кодирует смерть главы семьи как утрату основной опоры дома. В обоих случаях мужчина осмысляется как носитель порядка, стабильности и защиты.

Согласно данным Таблицы 4, в микрополе *Kaxoy* ‘Женский род’ (18 единиц) ведущую позицию занимает семантическая категория *гендерная ценность* (7 единиц). Это отражает традиционное представление о женщине как о носительнице благополучия, уюта и внутреннего порядка дома. Данную установку ярко репрезентирует единица *zidůn barakat as kaxoy* ‘благодать кладовой от женщины’, в которой достаток и хозяйственное благополучие дома напрямую соотносятся с деятельностью женщины. Сходную когнитивную нагрузку несет выражение *kaxoy joy pi kicor* ‘место женщины у очага’, где очаг символизирует центр жизненной энергии, тепла и духовного единства семьи. Тем самым женская фигура осмысляется как ключевой носитель внутренней гармонии дома.

Семантическая категория *опора и защита* (4 единицы) в данном микрополе связана прежде всего с функцией женщины как хранительницы очага. Та же единица *kaxoy joy pi kicor* актуализирует защитную функцию опосредованно: поддержание огня, пищи и порядка интерпретируется как форма защиты жизненной устойчивости дома. Вместе с тем выражение *yax at*

nān dor ‘имеющий сестру и мать’ репрезентирует обратный аспект защитной модели: женщина, выступая хранительницей очага, одновременно сама нуждается в защите со стороны мужских родственников. Данная единица содержит выраженный нравственно–нормативный компонент: защита женщин рассматривается как коллективная обязанность мужской линии рода.

Категория *социальная сплоченность* (4 единицы) реализуется через лексемы, отражающие объединяющую роль женщины в семье. Единица *nān* ‘мать’ репрезентирует центр внутрисемейной консолидации, вокруг которого формируется эмоциональное и социальное согласие домочадцев. Лексема *kata–nān* ‘бабушка’ переносит эту функцию на межпоколенный уровень, обеспечивая передачу традиций, норм и ценностей, тем самым укрепляя преемственность и устойчивость родовых связей.

Семантическая категория *продолжение рода* (3 единицы) в микрополе *Kaxoy* актуализируется через осмысление дочери как носительницы чести рода, в частности с помощью единицы *rizīn–dor* ‘имеющий дочь’. В традиционном сознании наличие дочери связано с биологическим продолжением семьи и с будущими брачными связями, через которые осуществляется расширение родственных и социальных контактов между домами.

Отсутствие единиц в категории *связь с предками* (0) закономерно и объясняется тем, что ритуально–родовая преемственность в большей степени репрезентируется через мужскую линию или коллективные формы родовой идентификации.

Наибольший количественный показатель фиксируется в микрополе *Qawm* ‘Родственники’ (23 единицы), что отражает высокую значимость родственных связей в структуре концепта ДОМ. Доминирующей семантической категорией в данном микрополе выступает *социальная сплоченность* (7 единиц). Лексемы *kasot* ‘родственник; близкий человек’ и *rakīkat* ‘родственник, близкий человек’ репрезентируют родственников как сеть взаимной поддержки, в рамках которой помощь, участие и забота

воспринимаются как естественная норма родового взаимодействия. Эти единицы показывают, что дом воспринимается как пространство общей устойчивости, которое держится на солидарности и взаимной ответственности.

Семантическая категория связи с предками (6 единиц) представлена прежде всего лексемами *arwo* ‘дух предка’ и *arwo-gůn* ‘духи предков’. В традиционном мировоззрении предки продолжают символически присутствовать в доме и сохраняют защитную функцию. Это видно и в ритуальной практике, обозначаемой выражением *ba numi arwo ziwestow* ‘принести жертву во имя духа предка’. Через такие единицы дом осмысляется как пространство, которое объединяет живых и умерших членов рода.

Категория опоры и защиты (5 единиц) в микрополе *Qawm* связана с представлением о роде как о надёжной поддержке. Лексемы *awlod-dor* ‘имеющий род’ и *jamāt* ‘род, семейная общность’ показывают, что принадлежность к роду даёт человеку чувство защищённости и социальной устойчивости. В когнитивном плане данные единицы связывают дом с образом прочного социального фундамента, на который индивид может опереться в сложных жизненных ситуациях.

Семантическая категория *продолжение рода* (3 единицы) репрезентируется как через позитивные, так и через отрицательные значения. Лексемы *kasot* и *rakīkat* актуализируют идею наличия рода и его продолжения, тогда как единицы *bekasot* ‘не имеющий близких родственников’ и *bekasoti* ‘одиночество, сиротство’ репрезентируют противоположное состояние – утрату родовых связей. Эти единицы формируют бинарную когнитивную оппозицию ‘род – отсутствие рода’, в рамках которой наличие родственников осмысляется как норма и ценность, а их отсутствие – как социальная и духовная уязвимость.

Категория *гендерная ценность* (2 единицы) в микрополе *Qawm* связана преимущественно с нормативной регламентацией поведения женщины как носительницы чести рода. Лексема *γac–bačā* ‘девушка’ функционирует в

составе предписывающих конструкций: *ɣac–bačā ta dis na–kiẋt* ‘девушка не должна так себя вести’, *ɣac–bačā ta xaẋ na–šůnt* ‘девушка не должна громко смеяться’, *ɣac–bačā ta kalbisxud xu na–kiẋt* ‘девушка не должна ходить с непокрытой головой’. Эти единицы в традиционном дискурсе активируют социально-оценочную рамку, в которой поведение женщины соотносится с семейным именем и статусом домохозяйства/рода; соблюдение принятых поведенческих ожиданий представляется как способ минимизации риска публичного порицания для семьи.

Согласно данным Таблицы 4, в микрополе *Digayen* ‘Другие’ (13 единиц) доминирующей семантической категорией является *продолжение рода* (6 единиц). Это закономерно, поскольку в шугн.-руш. культурной традиции дети воспринимаются как главный символ будущего дома и гарант продолжения родовой линии. Лексемы *kūdak* ‘ребёнок’ и обобщающая единица *bāc–kač* ‘дети’ репрезентируют базовое представление о том, что именно присутствие детей делает дом ‘живым’ и наполненным. Метафорическое выражение *savʒayi Хuδoy* ‘божья зелень, божья благодать’ подчёркивает восприятие детей как дара свыше, приносящего счастье, благополучие и надежду на будущее. В когнитивном плане дети осмысляются в категориях биологического продолжения рода и источника жизненной энергии дома. Это усиливается выражением *kūdak sado wef čīd–and nist* ‘в их доме нет детского голоса’, в котором отсутствие детей интерпретируется как признак утраты полноты и жизненности дома.

Семантическая категория *опора и защита* (3 единицы) связана с восприятием детей как будущей опоры семьи. Лексема *farzand* ‘дети’ в ценностном употреблении подчёркивает их роль как защиты родителей в старости. Метафорическая единица *jigār* ‘печень’ в значении ‘родной, любимый ребёнок’ фиксирует представление о ребёнке как жизненно важной части родителя. На уровне концептуализации данные единицы показывают, что образ детей встраивается в модель дома через функции продолжения рода

и поддержания семейной устойчивости, включая эмоциональную и социальную поддержку.

Категория *социальная сплоченность* (4 единицы) реализуется через жёсткое противопоставление ‘свой – чужой’. В традиционной картине мира принадлежность к роду осмысляется как основа защиты, доверия и взаимной поддержки, тогда как чужой лишён этой системы связей. Лексемы *begūnā*, руш. *bīgonā* ‘чужой, посторонний, безродный’ и *paraj* ‘чужеземец, незнакомый’ маркируют отсутствие родственных связей и подчёркивают уязвимость человека, находящегося вне системы дома и рода. Аналогичную функцию выполняют единицы *ɣayr* и *ɣayrīyā* ‘чужой, чужбина, посторонний’, усиливающие оппозицию ‘внутреннего’ и ‘внешнего’ пространства дома. В когнитивной перспективе данные единицы подтверждают, что социальная сплочённость строится на идее внутреннего родового единства и противопоставляется состоянию изоляции.

Семантическая категория *связь с предками* (0) в микрополе *Digayen* отсутствует, поскольку дети в шугн.-руш. традиции воспринимаются прежде всего как символ будущего, а не как носители связи с ушедшими поколениями. В отличие от микрополя *Qawm*, где акцент делается на ритуальном почитании предков, в данном микрополе доминирует временная направленность вперёд – на продление жизни дома.

Категория *гендерная ценность* (0) также отсутствует, так как в данном микрополе пол ребёнка не является смыслообразующим признаком. Здесь дети осмысляются, прежде всего как дар, продолжение рода и объединяющее звено семьи независимо от гендерной принадлежности. В отличие от микрополей *Mardīnā* и *Kaxoy*, где гендерная маркированность принципиальна, в микрополе *Digayen* гендерная дифференциация вторична.

В семантическом поле микрополя *Устойчивые выражения* (26 единиц) наиболее выраженными являются категории *опора и защита* (7), а также *социальная сплоченность* (6). Это подтверждается устойчивыми фразеологическими единицами, регулирующими семейные и родственные

отношения. Так, выражение *xu bulod–and ǯac čīdow* ‘букв. влить воду в фундамент дома’ обладает выраженной метафорической семантикой и имеет предостерегающее значение. В шугн.-руш. культурной традиции эта единица обозначает любые действия, которые могут ослабить родственные связи: чрезмерное вмешательство, конфликты или отсутствие взаимной поддержки в семье. В отношениях между домами жениха и невесты эта метафора подчёркивает, насколько важны уважение и чувство меры: любое неосторожное поведение может подорвать доверие и вызвать разлад между родами. Тем самым фразеологизм показывает, что родственные отношения воспринимаются как хрупкая связь, которую нужно постоянно поддерживать.

Семантическая категория продолжения рода (5) представлена единицами, которые связывают наличие детей с будущим семьи. Так, *puc-dor* ‘имеющий сына’ соотносится с укреплением дома и продолжением мужской линии рода, а *rizīn-dor* ‘имеющий дочь’ с сохранением чести семьи и расширением круга родственных связей.

Категория связи с предками (4) выражена устойчивыми единицами, которые показывают участие ушедших членов рода в жизни семьи. Так, выражение *ba nůmi arwogůn xuδoyi čīdow* ‘принести жертвоприношение во имя духов предков’ говорит о важном месте почитания предков в традиционном укладе. Такие ритуальные действия помогают сохранять семейное благополучие и поддерживать связь поколений. В этом плане предки воспринимаются как часть родовой памяти, а дом как пространство, где эта память сохраняется и передаётся дальше.

Семантическая категория гендерной ценности (4) отражает представления о положении мужчины и женщины в семье. Например, выражение *tu-t mis yax at nān dor* ‘ты тоже имеешь сестру и мать’ выполняет нравственно-назидательную функцию и напоминает мужчине о необходимости уважительного отношения к женщинам. Эта формула закрепляет культурную норму, по которой уважение к женщине рассматривается как признак чести рода и социальной зрелости мужчины. Тем

самым такие выражения передают гендерные ценности, связанные с общей моделью дома.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы по данному разделу:

– Макрополе *Čīd–Jamāt* ‘Дом–Семья’ представляет собой доминантный компонент ближней периферии концепта ДОМ, поскольку именно через него в языках шугн.-руш. группы репрезентируется базовое представление о доме как центре родовой, семейной и социальной организации;

– Лексические единицы и устойчивые выражения, входящие в состав микрополей, фиксируют такие ключевые ценностные категории как уважение, авторитет, родовую преемственность, социальную ответственность и статус, что подтверждает тесную связь концепта ДОМ с нормативно–ценностной системой традиционного общества;

– Анализ макрополя *Čīd–Jamāt* показал, что семейные и родовые связи в языковой картине мира носителей исследуемых языков концептуализируются неразрывно с домом как физическим, культурно значимым пространством, обеспечивающим сохранение традиций, идентичности и социальной устойчивости;

– Установлено, что концепт ДОМ выходит за пределы лексико–семантической категории и выступает когнитивно–культурным механизмом, формирующим устойчивые ментальные модели родства, дома и рода в сознании носителей шугн.-руш. языков;

– Количественный анализ по семантическим категориям показал неоднородность распределения когнитивных признаков (опора и защита, социальная сплоченность, связь с предками, гендерная ценность) в различных микрополях, что свидетельствует о различной степени акцентуации культурных смыслов в структуре макрополя;

– Сопоставление количественных данных с когнитивными интерпретациями выявило, что значительная часть языковых единиц функционирует на пересечении нескольких семантических категорий, что

отражает многослойность и полифункциональность представлений о доме и его роли в социальной, родовой и духовной жизни носителей исследуемых языков.

2.4. Когнитивно–семантическая структура других макрополей концепта ДОМ в шугнано–рушанской группе языков

В текущем разделе рассматриваются другие макрополя концепта ДОМ, выявленные в шугн.-руш. группе языков, а именно: *Kata čīd* – ‘Малая родина’, *Čīd–Sunat* – ‘Дом–Традиция’, *Čīd–Mīzd* – ‘Дом–Постройка’ и *Čīd–Sarixtakori* – ‘Дом–Хозяйство’. Их анализ направлен на выявление специфики когнитивно–семантической организации указанных макрополей, установление их функциональной роли в структуре концепта ДОМ и определение тех культурных смыслов, которые они репрезентируют в языковой картине мира носителей шугнано–рушанских языков.

Однако сфера концептов, то есть все то, что человек способен осмыслить и о чем может мыслить, значительно шире круга тех концептов, которые получают непосредственную языковую репрезентацию, поскольку языковая картина мира формируется номинативными, функциональными и образными средствами языка, что обусловливает различные способы концептуализации действительности [10, с. 14–16]. Данная диспропорция между объемом концептосферы и языковыми средствами ее репрезентации особенно отчетливо проявляется при анализе лингвокультурных концептов, в рамках которых вербализация отражает лишь часть глубинных ментальных содержаний.

– Макрополе *Kata-Čīd* – ‘Малая Родина’

Продолжая анализ структуры концепта ДОМ, представленного в предыдущих разделах данной главы, в настоящем подразделе рассматривается одно из ключевых макрополей шугн. *Kata-čīd,* руш., хуф., барт. *Kona–Čod* букв. шугн. ‘большой дом’, руш., хуф., барт. ‘старый дом’, в значении

‘дедовский дом’, ‘дом предков’, ‘Малая родина’. Данное макрополе занимает особое место в системе лексико–семантических репрезентаций исследуемых языков, поскольку отражает пространственно–бытовое и символическое осмысление дома как центра родового и культурного бытия. В общей системе макрополей оно функционирует как звено, связывающее физическое пространство дома с его культурно–ментальной интерпретацией как части родной земли. В рамках концепта ДОМ данное макрополе репрезентирует не только локус проживания, но и устойчивую эмоционально–культурную привязанность, выходящую за пределы буквального пространственного значения. С когнитивно–лингвистических позиций макрополе ‘Малая родина’ отражает связь пространства проживания с коллективной памятью и родовой идентичностью носителей языка.

Данное макрополе характеризуется высокой степенью метафоризации понятий, репрезентирующих концепт ДОМ, прежде всего через синтаксические единицы, выражающие значения ‘родной край’, ‘малая родина’, ‘место детства’. Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоризация в сознании играет ведущую роль в организации абстрактной части концептов путем переноса семантических структур [42, с. 25–26]. Указанный перенос семантических структур наглядно проявляется в семантике лексемы, обозначающей само макрополе: шугн. *kata čīd,* руш. *kona–čod* ‘дом предков’, ‘дедовский дом’, представляющей собой исконную единицу.

Первая часть данных лексем шугн. *kata–* ‘большой’ и руш. *kona–* ‘старый’ в составе анализируемых словосочетаний реализует не прямое количественно–временное значение, а семантику ‘истоков’, ‘происхождения’, ‘рода’, что актуализирует когнитивное содержание концепта Малой родины. В данной синтаксической конструкции понятие ‘дом’ осмысляется как родовое пространство, противопоставленное заимствованным из перс.-тадж. языков понятиям шугн.-руш. *ɣarībi* и шугн.-руш. *ɣayr* ‘чужбина’. Такое противопоставление демонстрирует глубинные когнитивные механизмы в

восприятии пространства и подчеркивает культурную значимость родного края.

Противопоставление выражения шугн.-руш. *as ɣayr yaϑčin* (руш. *yiϑčin*) ‘пришедший из чужбины’, ‘чужой’ и фразы *kas mi čīd–and–am naxtīc*, руш. *kas may čod–andir–am nixtayǰ* ‘из этого дома мы вышли’, то есть ‘выходцы из одного рода’, показывает, что дом в коллективном сознании носителей шугнано–рушанских языков наравне с материальной постройкой функционирует как центр, объединяющий родовое прошлое, культурную память и чувство принадлежности к Малой родине.

Синтаксическая конструкция шугн. *kata čīd*, руш. *kona–čod* буквально переводится как ‘большой дом’, однако в речи она не используется для номинации крупных жилых построек. Данная лексема может применяться к домам различного размера, прежде всего старой постройки, при этом ее основная нагрузка заключается в символическом значении ‘дома предков’, откуда берет начало происхождение человека и рода. Именно эта семантика формирует установки почитания истоков, уважения к роду и следования этическим нормам, закрепленным в культуре. В связи с этим лексема шугн. *kata čīd*, руш., хуф., барт. *kina–čod*, выступает как единица с широким коннотативным потенциалом, отражающим связь поколений и культурно–нормативный статус родового дома.

Ядро рассматриваемого макрополя образовано лексемами шугн. *kata čīd*, руш. *kina–čod* ‘дедовский дом’, шугн.-руш. *watan* ‘родина’, шугн.-руш. *diyor* – ‘селение’, ‘страна’, ‘округ’, ‘родина’, шугн.-руш. *ǰoydod* – ‘местожительство’, ‘родные места’, ‘родина’. Примеры из онлайн-лексикографического ресурса по памирским языкам наглядно демонстрируют коннотативное функционирование этих лексем как в значении ‘дом’, так и в значении ‘малая родина’: бадж. *mi xu watanum lap žīwǰ* ‘я очень люблю эту свою родину’; шугн. *wāδ–en xu ǰoydod–and firīpt* ‘они добрались до родного края (до дома)’; шугн. *firīpt–en tar xu diyor* ‘они прибыли в свой край’ [226].

Несмотря на то, что часть ядерных единиц, активно используемых в речи, представлена заимствованиями из перс.–тадж. языка (*watan* ‘родина’, *diyor* ‘край’), данные лексемы демонстрируют полноценную интеграцию в семантическое поле концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков. Лексемы ядерной зоны, различающиеся по типу референции, начиная от обозначения конкретного физического объекта (*kata čīd* ‘дедовский дом’) до абстрактных понятий (*watan* ‘родина’, *diyor* ‘край’, *ǰoydod* ‘родные места’), объединяются общими когнитивными признаками: чувство принадлежности, безопасность, начало жизненного пути, родовые корни, уют и защищенность. Тем самым ядерная зона отражает целостную концептуальную область, в которой дом, родной край и происхождение человека осмысляются как единое смысловое пространство.

Приядерная зона макрополя расширяется за счет включения архитектурных терминов, обозначающих различные элементы традиционного дома. При этом в рамках данного макрополя анализируются лишь те архитектурные единицы, которые в той или иной мере отражают значение родного края, дома предков и пространственной привязанности к месту происхождения. В более расширенном виде архитектурная терминология рассматривается в составе отдельного макрополя ‘Дом – Постройка’. Эти единицы, формируя приядерную зону, отражают многомерность содержания концепта ДОМ и демонстрируют устойчивую связь его материального и абстрактного планов. В языковом сознании носителей исследуемых языков дом осмысляется одновременно как физическое укрытие и как символ родной среды, включающий значения уюта, защищенности и эмоциональной привязанности к месту происхождения.

Несмотря на то, что по сравнению с другими макрополями, входящими в структуру концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков, данное макрополе представлено относительно небольшим количеством языковых единиц и насчитывает 41 единиц разных языковых уровней, именно в нем категория дома начинает функционировать как особый микрокосм. В этой связи

представляется обоснованным утверждение К. Крамша о том, что даже небольшой объем речевого материала способен аккумулировать значительный массив знаний в случае его включенности в многогранный культурно–исторический контекст [181, с. 30–55]. В рамках лингвокультурного направления ряд исследователей указывает, что концепт в традиционном осмыслении может выходить за пределы своего денотативного значения, приобретая развернутый коннотативный смысл и символическую функцию. При этом вся совокупность составляющих концепта отражает коллективный опыт сообщества и формирует представление об идентичности [56, с. 206–208].

В целях анализа структура макрополя *Kata čīd* – ‘Малая Родина’ была деструктурирована и представлена в виде трех микрополей: 1) архитектурные элементы, связанные с идеей ‘малой родины’; 2) лингвокультуремы, выражающие значение ‘малой родины’; 3) коллективные понятия. Семиотические особенности и культурная специфика данных микрополей не получили самостоятельных наименований в исследуемых языках, что обусловило наличие лексических лакун. Подобное языковое явление соответствует положению о том, что не все понятийные области получают равную степень закрепленности в языке в силу различной степени их коммуникативной актуальности. Согласно Муравьеву В.Л., ‘не все способы выражения понятий закреплены в равной степени в языке’ [48, с. 5]. Это указывает на то, что один и тот же концепт в одном языке может быть представлен развернутым набором языковых средств, тогда как в другом языке отдельные его характеристики могут оставаться невыраженными.

В целях обобщения результатов анализа и представления внутренней организации макрополя *Kata čīd* – ‘Малая родина’ ниже приводится его обобщённая семантико–когнитивная структура, отражающая распределение лексических единиц по ядерной зоне и микрополям.

Таблица 5

Когнитивно–семантическая структура макрополя
***Kata čīd* – ‘Малая родина’**

№	Микрополе	Количество единиц	Описание	Примеры
1	Архитектурные элементы со значением малой родины	9	Лексемы, отражающие материальные и пространственные аспекты родины	*kicor* – очаг, *piδīnd* – порог *ʒīngak* – выступ очага
2	Коллективные понятия	9	Лексемы, обозначающие коллективные явления и групповые понятия	*tabāq* – несколько домов *qišloq* – село, *ǰamoat* – джамаат *Pomīr* – Памир
3	Выражения с семантикой малой родины	23	Лексемы и выражения, подчеркивающие эмоционально–ценностное содержание	*dod čīd* – отчий дом *kata čīd* – дедовский дом *mi čīd–and nof čūǰin* – родился в этом доме
Всего		**41**		

***Составлено автором на основе собственной когнитивно–семантической классификации и количественного анализа. Полный перечень лексических единиц см. Таблица 5(а) в Приложении.**

В соответствии с выбранным методом структурирования, выделенные три самостоятельные микрополя позволяют в расширенном виде отразить материальные, эмоционально–эстетические и общественно–коллективные аспекты концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков. В границах микрополя ‘Архитектурные элементы со значением малой родины’ выявлено 9 лексических единиц и синтаксических конструкций, обозначающих элементы традиционного дома; в рамках данного макрополя они репрезентируются как компоненты постройки и как символы родного пространства. К числу таких единиц относятся: шугн. *kicor*, руш. *kacúr*, барт. *arδōn, raδōn* ‘очаг’; шугн. *ʒīngak,* руш. *ʒong*, хуф. *ʒaeng*, бр. *ʒing, ʒingak,* рош. *ʒāng* ‘передний выступ очага’; шугн.-руш. *sitan–en* ‘столбы’; шугн.-руш. *pīnʒ sitan* ‘пять столбов’; шугн. *nêx,* руш., хуф. *nōx*, бр. *nöx* ‘возвышения вдоль стен традиционного дома’; шугн. *pigàl*, руш., хуф., бр. *sarpagal* ‘край крыши’; шугн. *dupeča*, бр., рош. *darbuča* ‘узкий коридор от основания до двери’; шуг. *poyga*, руш., бр., рош. *payga*, хуф. *pōgā* ‘основание традиционного дома’. Данные культурно маркированные лексемы, как в автономном употреблении, так и в составе синтаксических конструкций, репрезентируют символическое осмысление

пространства, тесно связанное с понятием ‘малой родины’, и формируют выраженную оценочно–эмоциональную коннотацию в речевой практике носителей исследуемых языков.

В рамках лингвокультурного анализа важно отметить, что в культурах исследуемых народов осмысление понятий ‘дом’ и ‘малая родина’ формируется уже на этапе строительства жилища. Одним из ключевых архитектурных элементов традиционного дома является *kicor*, который выступает конструктивной осью дома и символическим пространством жизненной энергии, уюта, тепла и продолжения жизни. Особое значение имеет его передний выступ – шугн. *ʒīngak*, функционирующий как ритуальная зона, где совершаются основные ритуальные действия.

Архитектурные элементы *kicor* и *ʒīngak*, обладая закреплёнными в историко–культурном опыте дополнительными смысловыми значениями, осмысляются как метафорические символы истоков, точек возвращения и пространства детства. Значение ‘малой родины’, ‘родного края’ реализуется в составе синтаксических конструкций *dod ʒīngak*, руш. *ped ʒong* ‘отцовский выступ очага’, *nān ʒīngak*, руш. *mod ʒong* ‘материнский выступ очага’. В данных сочетаниях лексемы *dod / ped* ‘отец’ и *nān / mod* ‘мать’, актуализируя родственные связи, усиливают пространственно–культурное значение родного дома как коллективного маркера происхождения, принадлежности и идентичности носителей исследуемых языков.

Маркером ‘малой родины’ в шугн.-руш. группе языков также выступает метафорическое выражение *pīnʒ sitan* ‘пять столбов’ (шугн., руш., хуф., бр., рош. *sitan*, сар. *s(ы)tan*, перс.–тадж. *sutun* ‘столб’, ‘колонна’). На когнитивном уровне образ ‘пяти столбов’ соотносится с представлением о доме как закреплённом месте происхождения и возвращения, связанном с ощущениями защищённости, устойчивости и укоренённости в родной земле. Экспрессивная формула *Mustākam vi!*, руш. *Mustākam vaw!* ‘Будь устойчивым (крепким)!’, произносимая мастером при завершении строительства с обращением к главному столбу [115, с. 163], в данном контексте актуализирует не столько

общую символику дома, сколько идею прочной связи жилища с родным пространством и родовой территорией.

В структуре анализируемых лексических единиц со значением Малой Родины значимое место занимает лексема *nêx*, обозначающая невысокое возвышение вдоль стены традиционного дома, используемое для сидения и сна. В прямом значении данная лексема называет элемент внутреннего пространства жилища; вместе с тем её функционирование в составе ряда синтаксических конструкций демонстрирует переход от конкретно-предметной номинации к метафорически осмысленному значению. К таким конструкциям относятся: шугн. *mu nêx*, руш. *mo nox*, бр., рош. *nöx* ‘мои возвышения’; шугн. *xu nêx tir*, руш. *xo nox tur*, бр., рош. *nöx* ‘на своих возвышениях’; шугн. *tar xu nêx*, руш. *tar xo nox*, бр., рош. *tar xo nöx*) ‘до своих возвышений’. В указанных сочетаниях фиксируется семантический сдвиг от обозначения физического объекта к репрезентации персонализированного пространства принадлежности.

Существенную роль в формировании данного сдвига играют притяжательные местоимения шугн. *mu*, руш., бр., рош. *mo* ‘мой’ и возвратные притяжательные *xu* (руш., бр., рош. *xo*) ‘свой’, которые маркируют обозначаемое пространство как субъективно соотнесённое с говорящим. В результате *nêx* в данных контекстах наравне с архитектурный элемент дома репрезентирует индивидуализированную зону внутреннего жилого пространства, связанную с переживанием ‘своего места’.

Эмпирический материал шугн.-руш. языков показывает, что данная лексема активно участвует в формировании устойчивых метафорических выражений, соотносящих физическое пространство дома с абстрактным представлением о родине. Так, в выражении шугн. *tar xu nêx xu firêptow*, руш. *tar xo nox xu fireptow* букв. ‘дойти до своего возвышения вдоль стены’ реализуется значение ‘вернуться в родной край’; в выражении шугн. *xu nêx ti xu rost čīdow*, руш. *xo nox tur xu rost čigow* букв. ‘лечь на своё возвышение вдоль стены’ со значением ‘находиться у себя дома’; аналогично, шугн. *xu nêx ti xu*

роδ-еп аϑêrtow, руш. *хо пох тг хи роδ-еп аϑirtow* букв. ‘выпрямить ноги на своём возвышении вдоль стены’ употребляется в значении ‘вернуться в родной дом, на родную землю’. Во всех приведённых случаях телесно-пространственное действие, связанное с внутренним элементом дома, переосмысливается как возвращение к месту происхождения и устойчивой жизненной принадлежности.

Таким образом, в рамках макрополя ‘Малая родина’ лексема *nêx* выступает источниковым доменом для метафорической концептуализации родины как ‘внутреннего пространства дома’. Реализуемые при этом переносы соотносятся с механизмами концептуальной метафоры, описанными в Главе 1, и основаны на корреляции телесного опыта пребывания в доме с переживанием родной земли как пространства защищённости и принадлежности.

Согласно И.Ф. Туану, восприятие пространства формируется в единстве его физической и культурно-психологической сторон: само по себе пространство не обладает дополнительными смыслами, но приобретает символическое содержание в результате коллективного опыта и эмоциональной вовлечённости носителей культуры. В этом смысле дом выступает не просто строением, а ‘полем заботы’, в котором аккумулируются воспоминания, чувства и личная история; таким пространством может быть не только жилище, но и родной город или родина [99, с. 137–138, 140–144].

Сходным образом К. Крамш связывает языковые выражения с общими когнитивными моделями культуры, рассматривая их как средство фиксации коллективного опыта [181, с. 30–55]. Это позволяет рассматривать язык как важнейший механизм закрепления и передачи культурных значений.

В соответствии с данным подходом материал микрополя ‘архитектурные элементы с оттенком значения малой родины’ показывает тесную связь между архитектурными частями традиционного дома и осмыслением родного края. Ряд таких элементов, наделённых коннотативной нагрузкой значения ‘малой родины’, передаёт культурно обусловленные

смыслы и участвует в формировании специфической модели восприятия пространства в рамках концепта ДОМ. Результаты анализа подтверждают, что в этом микрополе дом осмысляется как ‘малая родина’, где материальное и эмоционально-культурное начала соединяются в единой системе смысловых связей.

Микрополе ‘Коллективные понятия’ характеризуется наименьшим количественным составом и включает 9 лексико–синтаксических единиц. Несмотря на ограниченное количество, данные единицы обладают высокой лингвокультурной значимостью как маркеры концептов единства, сплоченности и родовой идентичности. В состав данного микрополя входят такие лексемы и синтаксические конструкции, как *tabāq* – несколько домов, совместно решающих бытовые и социальные вопросы; *qišloq* – село; *ǰamoat* – административное объединение, включающее несколько сел; *diyor* – селение, страна, край, родина; *ǰoydod* – местожительство, родные места; *Pomīr* – Памир; *māš ǰamoat* – ‘наш джамаат’; а также конструкции *mu diyor*, *māš diyor*, обозначающие коллективную принадлежность к определенной территории. Совокупность этих единиц позволяет рассматривать данное микрополе в качестве лингвокультурного репрезентанта макрополя ‘Малая родина’.

Единицы микрополя ‘Коллективные понятия’ отражают устойчивые формы социального устройства, типичные для традиционных сообществ, где ключевую роль играет коллективная форма жизни. Например, шугн.-руш. *tabāq* как объединение домов представляет собой бытово-социальную категорию и одновременно укоренённую модель взаимосвязи и взаимодействия обитателей этих домов. Единицы, входящие в данное микрополе, выражают чувство соотнесённости с родным местом, идентификацию с определённой территорией или социальной группой (*māš ǰoydod* ‘наше место’, ‘наш край’, *mu diyor* ‘мой край’), что указывает на глубинную лояльность и устойчивую социальную идентичность. Ср.:

Māš-am xu joydod-and firīpt.

Мы добрались до родного края

Mu diyor murd sar šīrīn.

Мой край для меня всех слаше.

Приведённые высказывания демонстрируют, что единицы *māš ǰoydod* и *mu diyor* функционируют не как нейтральные топонимические обозначения, а как средства концептуализации ‘родного пространства’ в системе координат ‘свой - чужой’. В первой конструкции ‘родной край’ осмысляется как конечная точка движения и возвращения, что указывает на его статус опорного и центрального пространства жизненного мира говорящих, связанного с коллективной идентичностью. Во втором высказывании принадлежность к территории выражается через оценочно-эмотивную характеристику, в рамках которой ‘свой край’ выступает объектом предпочтения и положительной ценности. Данные языковые употребления фиксируют локализацию субъекта в пространстве, в то же время показывают устойчивую установку на принадлежность к определённому сообществу и территории, что позволяет интерпретировать данные единицы как маркеры социальной и территориальной идентичности.

Семантика таких единиц, как *tabāq* - социально организованная группа домовладений, объединённых территориальной близостью и обязательствами взаимной поддержки при проведении коллективных и ритуально значимых мероприятий и *jamoat* - объединение, охватывающее несколько сел пронизаны идеей коллективной взаимопомощи, совместного решения общих проблем, что отражает традиционные формы кооперации, основанные на доверии и общности интересов. Ср.:

As tabāq-at xu ðar di čūd, tu-ta radi mārakā-yen.

Если будешь сторониться *tabāq*, то тебя отсронят от общества.

Jamoat jām suðj tu niγiχtow

Люди (из разных сел) собрались послушать тебя.

В приведённых данных *tabāq* и *ǰamoat* репрезентируют разные типы коллективности, соотнесённые с домохозяйственной и более широкой социокультурной организацией. Первое высказывание демонстрирует, что

tabāq функционирует как локальная сеть взаимных обязательств между домами/хозяйствами: дистанцирование от *tabāq* в языке оформляется как социально значимое нарушение и влечёт санкцию (исключение), что указывает на нормативный характер данной формы кооперации и её роль в поддержании включённости индивида в ‘своё’ окружение.

Во втором высказывании единица *ǰamoat* обладает ситуативно широкой интерпретацией. В зависимости от коммуникативного и культурного контекста она может соотноситься как с совокупностью людей, собравшихся для совместного публичного действия, так и с общностью, объединённой религиозной принадлежностью. Такая семантическая неопределённость не является недостатком, а отражает специфику концептуализации социальной общности в традиционной культуре, где границы между территориальной, коммуникативной и конфессиональной идентичностью часто не проводятся жёстко. В итоге *ǰamoat* функционирует как обобщённый маркер коллективной общности и актуализирует совместное присутствие, согласованность действий и единство разделяемых ценностей вне зависимости от того, определяется ли эта общность местом, событием или религиозной принадлежностью.

Указанные признаки позволяют отнести данное микрополе к лексико-семантической реализации концепта ДОМ в лингвокультурной парадигме исследуемой языковой группы. Актуализация в семантике этих единиц значений коллективной взаимопомощи и объединения усилий во благо сообщества выводит их за рамки сугубо бытового взаимодействия. В лингвокультурной картине мира шугн.-руш. этнической группы дом предстает как символ общности, безопасности, поддержки и привязанности к месту. Для раскрытия культурной нагрузки репрезентантов концепта ДОМ в рамках данного микрополя со значением ‘малой родины’ необходимо учитывать внутренний культурный и когнитивный багаж носителей – знания, накопленные через опыт, традиции, язык и коллективную память [36, с. 165]. В этом контексте лексемы *tabāq* и *ǰamoat* проявляются как расширенная модель дома, в которой ряд родственных и соседствующих домов, а шире – и

поселений, образуют единую ячейку, функционирующую на основе доверия и взаимной поддержки.

Микрополе ‘Выражения с семантикой малой родины’ представляет собой наиболее объёмный сегмент в структуре исследуемого макрополя, поскольку включает 23 устойчивых выражения и фразеологические единицы. Каждая из них актуализирует эмоционально-ценностный аспект осмысления концепта ДОМ в исследуемой группе языков. Как отмечает В.Н. Телия, системный анализ такого материала ‘позволяет выявить глубинные культурные смыслы, зафиксированные во фразеологическом фонде языка, и в полной мере отразить ценностные ориентиры носителей’ [66, с. 14–17]. Единицы данного микрополя в большинстве своём представлены стереотипными выражениями, которые уподобляются фразеологизмам, отличаются устойчивостью, воспроизводятся в готовом виде и сохраняют стабильные грамматические формы. В различных лингвистических традициях подобные единицы обозначаются как ‘фразеологические выражения’, ‘формулы речи’ и т.п. [123, с. 57–60].

Анализ устойчивых выражений и синтаксических конструкций позволяет выявить дополнительные смысловые компоненты концепта и тем самым точнее раскрыть его ценностные характеристики. Такой подход к исследованию когнитивной структуры макрополя *Kata čīd* ‘Малая родина’ создаёт основу для выявления семантических связей и ассоциативных признаков, формирующих устойчивые представления, закреплённые за данным объектом. Как отмечает Н.Н. Больдырев, ‘именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для ее передачи’ [16, с. 84]. С этой точки зрения синтаксические конструкции и фразовые выражения данного макрополя в шугн.-руш. группе памирских языков аккумулируют значительный объём концептуальной информации.

Фразовые конструкции с компонентом *nêx*, рассмотренные выше в рамках теории концептуальной метафоры, в данном микрополе могут интерпретироваться как маркеры малой родины. Эти выражения

репрезентируют дом как освоенное и ценностно значимое пространство и одновременно допускают расширительное прочтение, при котором ‘свой дом’ метонимически соотносится с родовым и территориальным пространством. В таком случае возвращение к *nêx* и утверждение автономности ‘у себя’ интерпретируются не только в пределах отдельного жилища, но и как указание на принадлежность к ‘своей земле’ и локальному сообществу.

В лингвокультурной парадигме шугн.-руш. группы языков понятие ‘дом’ выходит за пределы его буквального значения как жилища и приобретает устойчивое символическое наполнение. Об этом свидетельствуют стереотипные и формульные выражения, такие как *dod čīd*, *ped čod* ‘отцовский дом’, *boboyi čīd*, *boboyi čod* ‘дом предков’, *dod zamīn*, *ped zamīn* ‘отцовская земля’, *bob zamīn*, *bůb zamīn* ‘земля предков’. Частотность их употребления указывает на их закрепленность в коллективном языковом сознании как маркеров родового происхождения, исторической преемственности и ценности истоков. В семантике данных единиц репрезентируются устойчивые культурные и социальные представления, связанные с понятием дома как значимого пространства рода.

Таким образом, макрополе ‘Малая родина’ в структуре концепта ДОМ расширяется за счет осмысления дома не только как функционального пространства проживания, но и как символа происхождения, духовных ориентиров и эмоциональной привязанности к родному месту. Стереотипные выражения типа *dod čīd* и *boboyi čīd* фиксируют ценностный статус родового очага и отражают устойчивое уважительное отношение к отцовскому дому и дому предков, играя ключевую роль в формировании представлений о происхождении, традиции и родовой идентичности.

С позиции лингвокультурной парадигмы макрополе шугн. *kata čīd,* руш. *kona–čod* – ‘Малая родина’ в семантико–когнитивной структуре концепта ДОМ формируется как результат накопления в сознании носителей шугн.-руш. группы языков представлений о доме как о родной земле, родном крае, родовой преемственности и связи поколений. В этом отношении данное

макрополе функционирует как системообразующий компонент ценностной сферы, проявляющийся как внутри самого поля ‘Малая родина’, так и в общей структуре концепта ДОМ. Стереотипное наполнение данного макрополя проецируется, в частности, в негативно маркированное значение глагольной конструкции шугн. *čīd pat čīdow*, руш. *čod pat čegow* – ‘сносить дом’. В коннотативном плане данная единица отражает нежелательное разрушение сложившихся культурных сценариев, связанных с почитанием семейного очага и родного пространства. Семантика этого глагола соотносится с традиционным представлением о том, что нарушение родового гнезда и прерывание связи поколений воспринимается как ценностно значимая утрата для сообщества.

В ситуации, когда родовой дом все же подлежит сносу, в традиционной культуре предписывается проведение специального обряда, направленного на умиротворение духа предка, что отражается в формуле шугн.–руш *ba nůmi arwogůn xuδoyi čīdow* – ‘жертвование во имя духа предка’. Данный обряд представляет собой устойчивый лингвокультурный сценарий, включающий вербальные формулы обращения к усопшему, а также ритуальные действия, связанные с жертвоприношением и угощением у могилы предка, которому принадлежал дом. Таким образом, в культуре народов Западного Памира формируется целостная модель символического взаимодействия с миром предков, обеспечивающая согласование действий живых с культурной сферой родовой памяти.

Этнографические источники, в частности работа К. С. Васильцова о традиционном памирском доме, подробно описывают обряд, который сопровождал снос родового дома. Перед этим приглашали старейшин и халифа, готовили ритуальные блюда, у могилы предка приносили жертву, читали молитву и просили разрешения снести дом. После этого зажигали светильник и оставляли его на несколько дней [115, с. 150–179]. Этот обряд показывает, что носители шугн.-руш. языков воспринимали дом не просто как жилище, а как пространство, связанное с памятью рода и миром предков.

Поэтому снос дома они понимали не как обычное хозяйственное действие, а как шаг, который требовал молитвы, уважения и символического обращения к предкам. Через такой ритуал семья благодарила предка за защиту, благополучие и сохранение домашнего очага.

В выражения *dod ʒīngak* букв. ‘отцовский выступ очага’ и *nān ʒīngak* букв. ‘материнский выступ очага’ входит лексема *ʒīngak* ‘выступ очага’. Вероятно, выражение *nān ʒīngak* является более поздним образованием, однако его высокая частотность свидетельствует о прочном усвоении в языковом сознании носителей. Указанные словосочетания реализуются в контекстах утверждения и отрицания принадлежности: *xu dod ʒīngak ti-yum nūšč* ‘я нахожусь в своем отцовском доме’; *yam na tu dod ʒīngak* ‘это не твой отцовский дом’. При этом во втором типе употреблений отрицание принадлежности в типичных коммуникативных ситуациях может получать имплицитную деонтическую интерпретацию, выступая как нормативное ограничение поведения адресата в ‘не-своём’ пространстве. В культуре носителей шугн.-руш. группы очаг и его выступ устойчиво коррелируют с представлениями о ‘родном доме’ и ‘малой родине’, тогда как сам очаг традиционно осмысливается как центр семейного пространства. В коллективном сознании лексемы *čīd* ‘дом’, *kicor* ‘очаг’, *ʒīngak* ‘выступ очага’ соотносятся с понятиями отцовского дома, родной земли, порога, семьи и рода.

Выражения шугн. *xu pigal ta soyibi–yen* букв. ‘смотреть за краем своей крыши’ в значении ‘быть хозяином своего дома, земли, родины’; шугн. *x̌ā́b–at x̌em* ‘приют’, ‘свой угол’; шугн. *wi–nd na x̌ab–at na x̌em* ‘без дома, без пропитания’ [228]; шугн. *xu nān ʒīngak ti xu is čīdow* букв. ‘чувствовать себя на материнском выступе очага’ в значении ‘чувствовать себя как дома’, ‘испытывать комфорт и радость от пребывания в родном крае’ формируют устойчивый пласт языковых репрезентаций ‘малой родины’. Указанные единицы придают концепту ДОМ значение глубокой пространственно–

эмоциональной причастности человека к месту проживания и детства, отражая устойчивую связь личности с родной землёй.

Логическая взаимосвязь между иерархическими слоями макрополя шугн. *kata čīd,* руш., хуф., барт. *kona–čod* и конценптом ДОМ проявляется в формировании единой когнитивной модели, в рамках которой материальные и эмоционально–ценностные компоненты объединяются в целостное многомерное представление. В этом контексте ДОМ воспринимается как пространство проживания семьи, одновременно выступая символом родной земли, с которой соотносится личностная идентичность человека. В содержание данного пласта входят представления о принадлежности, исторической памяти и эмоциональной связи с местом рождения. Указанное понимание особенно значимо для традиционной культуры шугн.-руш. этнической группы, где устойчивость связи с родным селением или долиной играет ключевую роль в формировании идентичности.

Высказывания типа шугн. *māš–ām kaz di čīd–and ǰudo sat* ‘мы вышли из этого дома’ и шугн. *uz–um yik di čīd–and nof čuǰin* ‘я родился в этом доме’ (букв. ‘мне вот в этом доме пупок отрезали’) в первом случае актуализируют генеалогическое происхождение, а во втором случае, символику перехода из материнского лона в пространство дома, где начинается жизненный путь человека. Через генеалогическую интерпретацию дом наравне с временностью жилища предстает как историко–социальная модель, формирующая общность людей. В свою очередь, концептуализация момента рождения соотносит дом с материнским началом, поскольку именно он метафорически предстает как источник жизни, питания и кровного родства.

Для реконструкции когнитивной структуры макрополя ‘Малая родина’ был использован количественный способ анализа, основанный на распределении языковых единиц по основным семантическим параметрам. Такой подход позволяет определить степень представленности архитектурной символики, эмоционально–ценностного компонента, связи с предками и истоками, признаков принадлежности и идентичности, а также социальной

сплочённости. Полученные соотношения отражают внутреннюю иерархию смысловых доминант в пределах данного макрополя. Итоговые данные анализа представлены в таблице ниже.

Таблица 6

Количественный анализ по семантическим категориям макрополя *Kata čīd* – ‘*Малая родина*’

Микрополе	Принадлежность/ идентичность	Архитектурная символика	Связь с предками и истоками	Социальная сплоченность	Эмоционально–ценностный аспект	Всего
Архитектурные элементы, отражающие малую родину	3	7	5	0	4	**19**
Оппозиция ‘родной край – чужбина’	5	0	3	1	4	**13**
Коллективные понятия родного пространства	4	0	2	5	3	**14**
Выражения с семантикой малой родины	4	3	5	2	7	**21**
Всего	**16**	**10**	**15**	**8**	**18**	**67**

*** Составлено автором на основе собственной классификации и подсчета**

Проведённый количественный анализ показывает, что в структуре макрополя ‘Малая родина’ наиболее репрезентированы признаки архитектурной символики и эмоционально-ценностного отношения. Это указывает на устойчивое восприятие традиционных элементов дома как знаковых ориентиров, связанных с истоками, привязанностью к родному краю и переживанием его как ‘своего’ пространства. В этом ряду *piδīnd* ‘порог’ маркирует одновременно границу дома и точку соотнесения человека с родным локусом, за пределами которого начинается чужая среда. Сходную функцию выполняет словосочетание *pīnʒ sitan* ‘пять столбов (традиционного дома)’, где элементы конструкции наделяются философско-религиозной

семантикой и интерпретируются как символы устойчивости и родовой опоры. Так в языковом сознании носителей шугн.-руш. группы архитектурные детали дома начинают обозначать не только само жилище, но и малую родину.

Эмоционально-ценностный аспект показывает, насколько прочно носители языка связывают родной край с уютом, любовью и чувством защищённости. Так, выражение *xu nān ʒīngak ti xu is čīdow* ‘чувствовать себя на материнском выступе очага’ передаёт состояние внутреннего покоя и безопасности, а фраза *tar xu nêx xu weδdow* ‘дойти до своих нар’ метафорически выражает возвращение в родное пространство как восстановление глубокой связи с домом и малой родиной. Такие единицы передают представление о родном пространстве как о месте душевной устойчивости и гармонии.

Категория связи с предками и истоками занимает важное место в смысловой организации макрополя, потому что через неё малая родина предстает как пространство памяти, происхождения и родовой преемственности. Лексема *dod čīd* ‘отцовский дом’ репрезентирует родовое пространство, связанное с идеей преемственности поколений. Аналогичную семантическую нагрузку несёт выражение *kazed-and-am fuk naǎtoyd* ‘оттуда мы вышли’, в котором дом предков осмысляется как точка происхождения рода. Обе единицы задают трактовку малой родины как культурно-духовного источника.

Признак принадлежности и идентичности представлен прежде всего формальными средствами посессивности и рефлексивности, маркирующими соотнесённость пространства с говорящим или коллективом. Так, в выражении *mu watan* ‘моя родина’ притяжательное местоимение *mu* ‘мой’ указывает на индивидуальную отнесённость обозначаемого пространства к субъекту речи. Аналогичным образом в конструкции *xu nêx ti xu rost čīdow* ‘вытянуться на своё возвышение вдоль стен’ рефлексивное местоимение *xu* ‘свой’ закрепляет принадлежность пространства субъекту действия. В обоих

случаях грамматическая маркировка создаёт языковую основу для концептуализации родного пространства как ‘своего’.

Семантический признак социальной сплочённости также занимает заметное место в структуре макрополя. Лексема *jamoat* ‘джамаат, община’ обозначает не только административную единицу, но и социальную общность, основанную на взаимной поддержке и разделении ответственности. Через её употребление малая родина осмысляется как пространство совместной жизни, обеспечивающее устойчивость сообщества. Коллективный характер принадлежности актуализируется и в выражении *māš qišloq* ‘наше село’, где притяжательное местоимение *māš* ‘наш’ подчёркивает общую территориальную идентификацию. В данном случае малая родина предстаёт как общее пространство, в котором индивидуальное ощущение дома связано с коллективной идентичностью.

Таким образом, макрополе ‘Малая родина’ в шугн.-руш. языковой картине мира представляет собой систему взаимосвязанных признаков, в которой родное пространство осмысляется не как чисто географический локус, а как символически и эмоционально значимая среда. В его структуре объединяются архитектурно-символический, эмоционально-ценностный, идентификационный и коллективный аспекты концептуализации, раскрывающие связь дома с памятью предков, переживанием принадлежности и опытом совместной жизни.

– Макрополе *Čīd–Sunat* – ‘Дом–Традиция’

Концепт ДОМ в языковой картине мира шугн.-руш. этнической группы получает наиболее полное выражение в макрополе *Čīd–Sunat* - ‘Дом–Традиция’. В его рамках дом осмысляется как пространство, в котором сосредоточены нормы поведения, обряды и символические действия, обеспечивающие передачу социального опыта и культурных моделей внутри общины. Тем самым он выступает не только местом проживания, но и средой воспроизводства традиционного уклада и ценностного порядка.

А.К. Байбурин, описывая традиционные формы освоения жилищного пространства в восточнославянской культуре, подчёркивает, что ‘…в традиционной культуре именно обряды являлись основным средством передачи культурных образцов, социального опыта во времени’ [11, с. 3–4]. Этот подход позволяет рассматривать дом как пространство, в котором повседневные действия и ритуальные нормы образуют единую систему, обеспечивающую преемственность поколений. Для шугн.-руш. традиции это особенно существенно, поскольку дом выступает средоточием духовной и культурной непрерывности.

С.Б. Адоньева, рассматривая народную культуру как целостное ценностно-символическое пространство, отмечает: ‘Народный язык, говоры, народные обряды, представления и вся народная культура вкупе с элементами включенной в нее материальной культуры представляет собой единое целое… Ценностно-символическая среда в традиционной культуре является отражением всех реалий бытия в народном сознании через символы, образы и знаки…’ [104, с. 47–74]. Эта позиция позволяет описывать шугн.-руш. дом как локус формирования и воспроизводства символического кода общины, в котором обряды, нормы и бытовые практики закрепляют смысловые структуры традиции.

Особое место в функционировании данного макрополя занимает коллективная взаимопомощь, актуализируемая, в частности, в контексте возведения дома, что отражается в употреблении лексических единиц *kiryār čīdow* ‘призывать на помощь’ и *kiryār sidow* ‘идти на помощь’. Эти выражения обозначают помощь в широком смысле и могут относиться к различным трудоёмким работам, однако строительство дома выступает одним из наиболее социально значимых сценариев их употребления. В подобных контекстах взаимодействие приобретает частично ритуализованный характер: участие соседей становится маркером социальной солидарности, взаимной ответственности и общинных ценностей. Тем самым дом осмысляется как

пространство пересечения материальной практики, социальной организации и ритуальной традиции.

На теоретическом уровне значим подход П. Бойера и П. Лиенарда, трактующий ритуалы как когнитивные механизмы, обеспечивающие устойчивость культурных систем. Согласно их концепции, ритуалы структурируют поведение через нормативные сценарии, усиливают социальную сплочённость, формируют ощущение контроля в ситуациях неопределённости и создают связь с духовной сферой [169]. В системе представлений о традиционном памирском доме эта модель помогает понять, как ритуальные практики поддерживают традицию и воспроизводят социально значимые формы поведения.

Если соединить подходы Бойера и Лиенарда, Байбурина и Адоньевой, можно выстроить удобную аналитическую основу для интерпретации макрополя *Čīd–Sunat* ‘Дом–Традиция’. Когнитивный ракурс показывает общие механизмы устойчивости ритуала, этнографический описывает его локальные формы, а символический объясняет, как дом становится носителем культурных и ценностных смыслов.

Эмпирический материал показывает, что ритуалы, связанные со строительством традиционного памирского дома, действительно опираются на основные когнитивные механизмы ритуального поведения. Так, обряд *qurbůni čīdow* ‘жертвоприношение при закладке фундамента’ включает строго заданную последовательность действий: заклание барана и соприкосновение его крови с основанием дома. В ритуале участвуют члены семьи и соседи, поэтому он носит явно коллективный характер. Само жертвоприношение связывается с защитой будущего жилища. Постоянство формы, обязательность слов и действий закрепляют за этим обрядом особое место в традиции.

Как отмечают Хобсан и др., ритуалы опираются на культурную норму, и любое отклонение от установленного порядка воспринимается как нарушение, которое подрывает доверие к участнику ритуала. Авторы пишут,

что ритуалы отличаются устойчивым набором физических действий, которые обычно организованы жёстко, формально и повторяются, а потому сохраняют неизменность в исполнении [177, с. 135]. Этот принцип хорошо виден и в шугн.-руш. обряде *pis murδā-yaϑ žīr ole čīdow* ‘катить камень в след покойнику’. Действие совершают в строго определённый момент, а нарушение порядка воспринимают как оставление ‘дороги смерти’ открытой.

Тем самым, материал шугн.-руш. языков показывает, что ритуальное поведение здесь подчиняется тем же устойчивым законам, которые исследователи описывают как универсальные. Практики, связанные с ритуальным освоением и охранением домашнего и околодомового пространства, поддерживают устойчивость традиции и воспроизводят её нормы, формируя содержательное ядро макрополя *Čīd–Sunat* - ‘Дом–Традиция’.

Макрополе *Čīd–Sunat* – ‘Дом–Традиция’, представленное 146 языковыми единицами различных уровней, формирует один из ключевых компонентов концепта ДОМ в шугн.-руш. языковой группе. Оно интерпретируется как когнитивная область, в рамках которой дом выступает носителем традиционного культурного опыта. В исследовании выделены пять микрополей, отражающих специфические ритуально–бытовые практики, связанные с основными этапами жизненного цикла. Отбор эмпирического материала осуществлялся с учётом того, что каждая единица в той или иной форме репрезентирует роль дома, его архитектурных элементов и их функциональное значение в укладе жизни человека. Систематизация количественных показателей, семантических характеристик и иллюстративных примеров, представленная в таблице, позволяет детализировать когнитивную структуру макрополя *Čīd–Sunat*. Традиции и паремии распределены по микрополям с акцентом на их когнитивные, семантические и культурные функции.

Таблица 7

Обобщённая когнитивно–семантическая структура макрополя *Čīd–Sunat* ‘Дом–Традиция’

№	Микрополе	Количество лексических единиц	Когнитивная функция в структуре концепта
1	*Čīdmīzd sunat–en* (традиции постройки дома)	26	Репрезентация ритуальной регламентации начала строительства: сакрализация основания дома, коллективная поддержка и символическая защита жилища как пространства безопасности
2	*Tawalud sunat–en* (традиции рождения ребёнка)	13	Репрезентация дома как охранного пространства появления новой жизни: включение ребёнка в домашний мир через ритуальные действия и закрепление защитной функции жилища
3	*Cirowpiδid sunat–en* (традиции похоронной обрядности)	22	Репрезентация дома как лиминальной границы между ‘своим’ и ‘иным’ мирами: семиотизация элементов дома (порог, очаг и др.) как маркеров перехода и сакральных ограничений
4	*Diga sunat–en* (другие обряды и поверья)	40	Репрезентация повседневной ритуальной охраны и обновления дома: очищение, профилактическая защита, календарное/праздничное обновление жилищного пространства
5	Паремии разного уровня	45	Репрезентация нормативно–ценностного измерения дома: закрепление правил поведения, ритаульных запретов и ценностных установок, регулирующих отношения человека с домом и внутри дома
Всего		**146**	

***Составлено автором на основе собственной когнитивно–семантической классификации и количественного анализа. Полный перечень лексических единиц см. Таблица 6а в Приложении.**

Согласно данным Таблицы 7, макрополе *Čīd–Sunat* ‘Дом–Традиция’ структурируется на ряд микрополей, отражающих разные направления ритуально–нормативного осмысления дома в шугн.-руш. языковой картине мира. Выделение микрополей позволяет описать внутреннюю организацию данного макрополя и соотнести распределение единиц с их когнитивной функцией в структуре концепта.

Микрополе *Čīdmīzd sunat–en* ‘традиции постройки дома’ (26 единиц) репрезентирует дом как сакрализуемый объект, начало формирования которого подлежит специальной обрядовой регламентации. Единицы этого микрополя фиксируют, во-первых, ориентацию на выбор благоприятного времени начала строительства (*soat–at zamůn fāmtow* ‘определить время’), во-

вторых, коллективный характер строительных действий как форму поддержания и укрепления общинных связей (*kiryār čīdow* ‘пригласить на помощь’, *kiryār sidow* ‘идти на помощь’), в-третьих, апотропейную (охранительную) направленность ритуальных практик, обеспечивающих защиту и благополучие жилища (*qurbůni čīdow* ‘приносить в жертвоприношение’, *as arwogůn ijozan zêx̌tow* ‘просить разрешение у духа предков’). В совокупности данные признаки задают когнитивную функцию микрополя как репрезентацию сакрализации основания дома и ритуально обеспечиваемой коллективной защиты жилищного пространства.

Микрополе *Tawalud sunat–en* ‘Традиции рождения ребёнка’ (13 единиц) репрезентирует дом как охранное и поддерживающее пространство, в котором рождение и ранняя социализация ребёнка осмысляются через систему ритуально маркированных действий. В когнитивно–семантическом плане данный фрагмент макрополя фиксирует включённость ключевых элементов жилища в сценарий появления новой жизни и их функциональную связь с представлениями о защите, тепле и жизненной устойчивости.

Ряд практик соотносит архитектурные локусы дома с охранительными и жизнеобеспечивающими функциями: *kūdak x̌āsitan xez–and ar γůk weδ–en* ‘первое укладывание младенца около главного столба’, *kicor–gāl–ti gārm–and nofirīpt bačā nigā čīdow* ‘согревание недоношенного младенца у края очага’, *sari čālak vīdow* ‘рожать у края *čālak*–а (углубление перед очагом)’. Тем самым дом моделируется как пространство, где опорные элементы (столб, очаг и прилегающие зоны) выступают носителями защитной и поддерживающей семантики.

Наряду с этим в микрополе представлены запретительно–охранительные регламентации и апотропейные действия, маркирующие границы безопасного пространства для новорождённого: *růʒ–va kūdak ziwêstow* ‘выносить ребёнка через потолочное отверстие’, *to čil rūz ta kūdak růʒ bīr–va na–naў̌ʒimb–en* ‘запрет до сорока дней переносить новорождённого под окно на крыше дома’, а также использование защитных предметов,

размещаемых в определённых точках дома: *růʒ–ti x̌īn šūδ ribīdow* ‘класть ветку облепихи на продухе дома’, *rūšt tult divi dastā–ra wêδdow* ‘класть красную ткань на двери дома’, *bučkiγīj ti lajům ribīdow* ‘класть уздечку коня на перекладине’. В подобных случаях элементы жилища и связанные с ними предметные маркеры интерпретируются как средства символического ‘перекрытия’ доступа неблагоприятным воздействиям; ритуал *růʒ–va kūdak ziwêstow* в традиционном объяснении соотносится с ситуациями повторяющихся младенческих смертей и функционирует как профилактическое, охранительное действие.

Отдельный компонент микрополя образуют переходные практики, сопровождающие становление ребёнка в рамках дома, в частности *xůnāsūr čīdow* ‘обрезание’. Данный ритуал встраивается в общий жизненный цикл и актуализирует дом как пространство, в котором фиксируются социально значимые этапы жизни и воспроизводится религиозно–культурная преемственность. В итоге микрополе *Tawalud sunat–en* показывает, что дом воспринимается как особое охранное пространство, где новорождённого защищают и постепенно вводят в семейный и общинный мир.

Микрополе *Cirowpiδid sunat–en* ‘традиции похоронной обрядности’ (22 лексические единицы) включает обряды, которые прямо связаны с домом и показывают его как пространство перехода. В этом случае дом становится местом, где особенно остро ощущается граница между миром живых и миром предков, а отдельные части жилища получают особое ритуальное значение.

Такие элементы дома, как *kicor* ‘очаг’, *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’, *ʒīngak* ‘выступ очага’, *piδīnd* ‘порог’, занимают в этих обрядах важное место. Именно через них выстраивается связь с памятью о покойном и с миром предков. Об этом говорят такие действия, как *cirowpiδid* ‘зажигание свечи’, *madoxůni* ‘поминальное песнопение’, *murϑā bāx̌ ʒīngak ti ribīdow* ‘возложение доли покойного на выступ очага’. Все они показывают, что очаг и пространство вокруг него воспринимаются как сакральная часть дома.

Отдельную группу образуют обряды, связанные с порогом: *piδīnd–and mêx juktow* ‘забивание гвоздя в порог’, *mayit ara tov piδīnd ti firêptow* ‘прикосновение покойника к порогу’, *žīr tar piδīnd taraf ole čīdow* ‘катание камня в сторону порога вслед за покойником’. В этих действиях порог выступает как граница, на которой стараются символически закрыть путь между двумя мирами и защитить живых от возможной опасности. С этим связано и представление о том, что *rū ta růʒ–va naǰtīzd xu tīzd* ‘душа покидает дом через потолочное окно’. Такой мотив ещё сильнее подчёркивает особую роль отдельных частей дома как переходных точек между жизнью и смертью.

Таким образом, микрополе *Cirowpiδid sunat–en* показывает, что в похоронной обрядности дом осмысляется как центр памяти о предках, место охранительных действий и пространство, где ритуал регулирует границу между жизнью и смертью.

Микрополе *Diga sunat–en* ‘другие традиции’ (40 лексических единиц) объединяет языковые единицы, относящиеся к ритуально–традиционным практикам, не включённым в ранее выделенные микрополя, но функционально значимым для реконструкции макрополя *Čīd–Sunat* ‘Дом–Традиция’. В когнитивно–семантическом плане данный сегмент репрезентирует многокомпонентное осмысление дома как маркированного пространства, в котором совмещаются охранительные, очистительные, благословляющие и нормативно–регулятивные функции.

Семантическая организация микрополя показывает, что ритуальные действия соотносятся с ключевыми локусами жилища и закрепляют за ними устойчивые функции в структуре концепта. Центральный столб *ǰāsitan*, очаг *kicor* и выступ очага *ʒīngak* выступают опорными точками, вокруг которых концентрируются действия, направленные на поддержание благополучия и символическую защиту дома и домочадцев. В составе микрополя представлены апотропейные практики, использующие предметные и вещественные маркеры как средства ‘перекрытия’ нежелательных воздействий, ср.: *qurbůni xūn* ‘жертвенная кровь’, *naxčīr δoǰc δud čidow*

‘зажигать шерсть архара’, *piδīnd–and nol juktow* ‘вбить подкову на пороге’. Подобные единицы фиксируют дом как пространство, подлежащее постоянной ритуальной поддержке и охранительной ‘герметизации’ его границ.

Отдельную группу образуют календарные и праздничные обряды, через которые в годовом цикле выражается идея обновления и сакрализации домашнего пространства, ср.: *Xidīr ayům* ‘Навруз’, *kiloγuzγuz* ‘праздничный обряд на Навруз’. Наряду с этим, в микрополе представлены формы домашней духовной и коммуникативной активности, показывающие дом как центр культурной и религиозной жизни: *dāfsoz* ‘песнопение на бубнах на свадьбе жениха’, *sůg lůvdow* ‘рассказывать сказки, собравшись вокруг очага’, *as růʒ duo čīdow* ‘вознесение молитв через окно на крыше’.

Таким образом, микрополе *Diga sunat–en* показывает, что дом в традиционной культуре выступает пространством, где ритуал упорядочивает повседневную жизнь. Материальные части жилища включаются в обрядовые действия и получают охранительный, очистительный и благословляющий смысл, поддерживая устойчивый жизненный уклад.

Микрополе ‘паремии разного уровня’ (45 единиц) включает устойчивые формулы, такие как пословицы, поговорки и речевые выражения, в которых закрепляется ценностная и нормативная сторона макрополя *Čīd–Sunat* ‘Дом–Традиция’. С точки зрения когнитивной семантики эти паремии выступают средством вербализации канонов поведения и запретительных установок, регулирующих действия человека в пространстве дома и тем самым фиксирующих его значимость как центра социальной и духовной организации. В составе микрополя отчётливо проявляется семиотизация ключевых элементов традиционного жилища, прежде всего центрального столба *x̌āsitan*, который в паремийных формулах концептуализируется как опора устойчивости и защиты, ср.: *x̌āsitan bīrand x̌êvdow wazmin* ‘спать около главного столба тяжело’, *x̌ā–sitan anjīvdow* ‘держать главный столб’. Устойчивые выражения такого типа закрепляют представление о духовной

функциональности опорных элементов дома и их значимости в ситуациях угрозы или напряжения.

Нормативно–ценностная интерпретация также реализуется через паремии, связывающие архитектурные локусы с благодатью и духовной силой, ср.: *panj tani pok* ‘пять святых’, *barakati zêx̌tow* ‘взять благодать (отцовского дома)’. Отдельный пласт микрополя составляют высказывания, фиксирующие необходимость почтительного отношения к предкам и учёт их присутствия в доме: *arwogůn qār kinen* ‘духи предков рассердятся’, *arwogůn–um zox̌t xu yat–um* ‘я взял духом предков и пришёл (с прошением)’. Наряду с этим, формулы поведения при входе в дом, ср.: *tar čīd–en di ded salům ta kin–en yičāy mis ca na–ved* ‘войдя в дом нужно здороваться, даже если никого нет’, актуализируют трактовку дома как одушевлённого пространства, требующего соблюдения коммуникативных и ритуальных норм.

Существенное место занимают паремии, в которых окна и порог осмысляются как границы между внутренним и внешним мирами и, следовательно, как зоны табуирования и ритуальной регламентации: *barakati Xuδoy ta růʒ–va ar xůnā deδd* ‘благодать божья входит в дом через окно на крыше’, *as piδīnd ti ta na–aϑêr–en* ‘нельзя давать (что–либо) с порога’, *piδīnd–ti mā–niϑ* ‘нельзя сидеть на пороге’. В ряду устойчивых формул представлены также социально–регулятивные и наследственно–правовые установки, ср.: *čīd ʒulik puc–and* ‘(отцовский) дом принадлежит младшему сыну’, *yu čīd xu ti yičiyaϑ nalākix̌t* ‘дом в себя никого не пускает’.

В целом микрополе паремий реализует когнитивную функцию нормативной фиксации традиционной модели дома: через запреты, предписания и оценочные формулы оно конструирует образ жилища как культурно насыщенного пространства, где соблюдение установленных норм обеспечивает воспроизводство устойчивого порядка и символическую согласованность отношений между людьми, предками и высшими силами.

В данном структурировании прослеживается логическая взаимосвязь между макрополем и его микрополями, что позволяет проследить, как

традиционные элементы, характерные для культурного мировоззрения носителей шугн.-руш. группы памирских языков, интегрируются в концепт ДОМ. Такой синтез придает данному концепту глубокое смысловое наполнение, отражающее не только структурное единство традиций, но и подчеркивающее важность культурной идентичности и исторической преемственности в их мировоззрении.

Для более глубокого понимания когнитивных особенностей макрополя *Čīd–Sunat* – ‘Дом–Традиция’, все единицы были распределены по семантическим категориям, таким как защита, сакрализация, социальная сплоченность, связь с предками, очищение/обновление, магия. Эти категории отражают ключевые функции дома в традиционной культуре и отражены в следующей таблице:

Таблица 8

Количественный анализ по семантическим категориям макрополя *Čīd–Sunat* – ‘Дом–Традиция’

Микрополе	**Защита**	**Сакрализация**	**Социальная сплоченность**	**Связь с предками**	**Очищение/ Обновление**	**Магия**	**Всего**
Čīdmīzd sunat–en	5	6	4	2	0	4	**21**
Tawalud sunat–en	3	4	1	1	0	2	**11**
Cirowpiδid sunat–en	6	5	0	5	2	3	**21**
Diga sunat–en	13	7	4	4	11	7	**46**
Паремии	9	5	4	5	2	4	**29**
Всего	**36**	**27**	**13**	**17**	**15**	**20**	**128**

***Составлено автором на основе собственной классификации и подсчета**

Согласно данным таблицы, в микрополе *Čīdmīzd sunat-en* – ‘Традиции постройки дома’ – выявлена 21 единица, что подтверждает восприятие строительства дома в шугн.-руш. традиции как ценностно значимого процесса, сопровождаемого специальными ритуальными действиями. Доминирующими

семантическими категориями выступают сакрализация (5 единиц) и защита (6 единиц), что проявляется в обрядах шугн. *soat-at zamůn fāmtow* ‘выбор благоприятного времени строительства’, шугн. *хиδoyi čidow* ‘жертвоприношение во имя Бога’ и шугн. *cavor kunji bilod-and tīn ribīdow* ‘закладка монет в углы фундамента’. Семантическая категория социальной сплочённости, представленная 4 единицами, выражается в практике коллективного строительства, например, в единице *kiryār čīdow* ‘призыв на помощь’, где участие общины укрепляет внутренние связи. Категория связи с предками проявляется в двух ритуалах, связанных со сносом старого дома, в частности в обряде шугн. *as arwogůn ijozan zêx̌tow* ‘просить разрешение у духов предков (на снос дома)’. Для данного микрополя характерно отсутствие единиц со значением очищения/обновления, поскольку новый дом не требует очистительных действий. Магический аспект представлен 4 единицами, направленными на создание защитного поля жилища, в том числе шугн. *s(i)traxm weδdow* ‘зажечь благовонье (анафалис)’ для защиты места постройки от злых сил и шугн. *bilod-and čax̌bandi čīdow* ‘положить (написанную на клочке бумаги молитву) в фундамент’ для охраны дома от сглаза и порчи.

В микрополе *Tawalud sunat-en* – ‘Традиции рождения ребёнка’, представленном 12 единицами, доминируют значения сакрализации (4 единицы) и защиты (3 единицы). Особое значение приобретают ритуально маркированные практики, связанные с охраной дома в период рождения ребёнка. Выражения *růʒ-ti x̌īn šūδ ribīdow* ‘класть колючую ветку на продухе дома’, *rūšt tult divi dastā-ra wêδdow* ‘завязывать красную тряпку на дверной ручке’ и *bučkiγīj ti vorj lajům ribīdow* ‘класть уздечку коня на брусе между двумя столбами при входе’ показывают, что дом в этой традиции воспринимается как первое пространство защиты жизни. В таких обрядах отдельные части дома служат точками охраны матери и новорождённого, то есть тех, через кого продолжается род. Поэтому дом осмысляется как начало жизненного пути и как место сохранения родовой общности. Категория связи с предками представлена единицей шугн. *kata-nům čīdow* ‘назвать в честь духа

предка’, где имя связывает ребёнка с родовой линией и одновременно выполняет охранительную функцию. Категория социальной сплочённости проявляется в обряде шугн. *kūdak růž-va ziwêstow* ‘вынести младенца через окно на крыше’, в котором участвуют родственники и соседи; через этот обряд сообщество разделяет ответственность за сохранение новой жизни. Магический аспект (3 единицы) реализуется, в частности, в ритуале *rūšt tult divi dastā-ra wêδdow*, где красная тряпка наделяется охранительной силой и маркирует границу дома как защитный барьер. Категория очищения/обновления в данном микрополе отсутствует, поскольку рождение ассоциируется с чистотой и началом жизни.

В микрополе *Cirowpiδid sunat-en* – ‘Традиции похоронной обрядности’ – 21 единица, что подтверждает важную роль дома как медиатора между миром живых и мёртвых. Семантические категории защиты (6 единиц) и сакрализации (5 единиц) выражаются в обрядах, где очаг, порог и выступ очага функционируют как ритуально значимые объекты: шугн.-руш. *murϑā bāx ʒingak ti ribīdow* ‘возложение доли покойного на выступе очага’, шугн.-руш. *piδīnd-and mêx juktow* ‘забивание гвоздя на пороге (после выноса покойного из дома)’ и др. Категория связи с предками (5 единиц) представлена ритуалами, направленными на умиротворение духов, например, шугн.-руш. *tar xok puxtā yêdow* ‘отнесение жертвенного блюда на могилу (предка при сносе дома)’, совершаемым для получения разрешения и предотвращения гнева духов. Категория очищения/обновления (2 единицы) выражается в действиях, направленных на устранение следов смерти и восстановление порядка в доме. К ним относятся ритуал шугн.-руш. *cirowpiδid* ‘зажигание свечи по усопшему’, где свет свечи символически очищает пространство и освещает путь душе умершего, а также обряд шугн. *čīd pis mayit-aϑ zidīdow* ‘подметание дома вслед покойнику’ выражает стремление очистить дом и убрать из него след смерти – не только в физическом, но и в символическом смысле. Магический аспект проявляется и в послепохоронных обрядах защиты дома, например, в единице шугн.-руш. *čorxůna-ndīr gulmêx δedow* ‘вбивание гвоздя

в потолочную балку’ и в ритуале шугн. *žīr tar piδīnd taraf ole čīdow* ‘катание камня в сторону порога вслед за выносом покойного’.

Наконец, микрополе Diga sunat-en ‘Другие обряды и поверья’ является самым объёмным и включает 44 единицы. Особенно заметны здесь категории защиты (13 единиц) и очищения/обновления (12 единиц), что показывает: дом в этой традиции воспринимается как пространство, о котором нужно постоянно заботиться с помощью ритуала. Так, обряды шугн.-руш. Xidīr ayům ‘Навруз’ сопровождаются генеральной уборкой – шугн.-руш. čidīr δêdow ‘чистка сажи’, нанесением узоров и ритуальным украшением дома – шугн.-руш. būn δêdow ‘ритуальное нанесение муки на балках дома’. Все эти действия передают идею обновления домашнего пространства.

Семантическая категория сакрализации (9 единиц) представлена ритуалами, связанными с главным столбом и очагом. Так, в обряде шугн. *niwenc luq x̌āsitan garginūx̌ā neγdow* ‘(троекратное) обведение свадебной одежды невесты вокруг главного столба’ главный столб наделяется символическим статусом источника защиты и благословения брака. Магическое значение числа три усиливает ритуальный эффект, а сама процедура обведения свадебной одежды осмысляется как очищение и переход к новому этапу жизни.

Семантическая категория связи с предками (3 единицы) проявляется, в частности, в поклонении очагу – шугн.-руш. *ʒīngak daryov čīdow* ‘поклониться очагу’, где очаг выступает связующим звеном между поколениями, символом родового огня и жизненной преемственности. Ритуал закрепляет представление о том, что уважение к очагу равнозначно уважению к родовой линии и связано с благополучием дома.

Категория социальной сплочённости (4 единицы) выражена в домоцентричных ритуальных практиках, предполагающих участие нескольких домохозяйств и открытость дома для членов общины. В дни Навруза обрядовые действия осуществляются непосредственно в пределах дома, который временно включается в общинное взаимодействие. Совместная

уборка – *čīdīr δêdow*, ритуальное нанесение муки на потолочные балки и столбы – *būn δêdow*, а также вставка стеблей пшеницы в щели между брёвнами – *kaǎt xušā-yen wūs-and δêdow* – реализуются как синхронизированные действия, выполняемые во всех домах селения. В этот же период сельчане посещают дома друг друга и участвуют в обряде *kiloγuzγuz* ‘бросание платков через окно на крыше’, что поддерживает междомовые связи и подчёркивает коллективный характер ритуала.

Семантическая категория магии (5 единиц) представлена обрядами, в которых уздечка, благовония, подковы и шерсть архара наделяются защитной силой. Так, в обряде шугн. *vorǰ lajům buč-kaγīǰ-ti ribīdow* ‘класть конскую уздечку на поперечную доску между двумя столбами’ уздечка осмысляется как средство отвращения злых духов, а в обряде шугн. *naxčīr δoǎc δud čīdow* ‘зажигание шерсти архара в доме’ дым воспринимается как очищающее и охранительное средство. Оба обряда закрепляют представление о способности материальных объектов воздействовать на невидимый мир и обеспечивать защиту жилища.

Количество паремий (28 единиц) в микрополе ‘Паремии разного уровня’ подчёркивает их роль как языковых хранителей норм поведения. Семантическая категория защиты (9 единиц) представлена табуированными формулами, в том числе шугн.-руш. *piδīnd-ti mā-niϑ, tůmat kínen* ‘нельзя сидеть на пороге, будут сплетни’ и шугн.-руш. *as piδīnd ti ta na-aϑêr-en* ‘с порога не передают (что-либо)’, связанными с восприятием порога как сакральной границы дома. С когнитивной точки зрения порог осмысляется как уязвимая зона, через которую могут проникнуть злые силы, поэтому нарушение табу воспринимается как ослабление защиты дома. Семантически эти выражения закрепляют норму поведения, предупреждая о возможных неблагоприятных последствиях её нарушения.

Семантическая категория сакрализации (5 единиц) представлена выражениями, связанными со священными элементами дома, такими как шугн.-руш. *panj tani pok* ‘пять святых’ (о столбах дома) и шугн.-руш. *barakati*

Xuδoy ta růʒ-va ar xůnā deδd ‘благодать Божья в дом входит через окно в крыше’. В традиционных представлениях носителей шугн.-руш. языков пять основных столбов дома соотносятся с пятью святыми фигурами, а продух в крыше – с источником благодати и связью с небесами. Тем самым опорные элементы дома наделяются религиозно-символическим статусом и охранительной функцией. В данной категории сакральным смыслом наполняются не только части дома, но и действия, совершаемые в его пределах.

Категория связи с предками (4 единицы) представлена высказываниями о духах предков, в том числе шугн.-руш. *arwogůn qār kinen* ‘духи предков обидятся’, отражающим представление о постоянном присутствии предков рядом с домом и их влиянии на жизнь семьи. Это высказывание показывает, что предки продолжают участвовать в жизни рода и требуют уважения к традициям и обрядам. Если человек нарушает ритуальные нормы, это может, по представлениям носителей, привести к несчастью.

Категория социальной сплочённости (3 единицы) проявляется в формулах гостеприимства, например, в шугн.-руш. *bār-and nêδdow* ‘усадить на почётное место’. Такой жест показывает уважение к гостю и открытость хозяев. Эти единицы ясно передают мысль о том, что гостеприимство занимает важное место в жизни общины и помогает сохранять связи между людьми.

Семантическая категория очищения и обновления (2 единицы) связана прежде всего с ритуальной чистотой. Так, ритуал шугн. *pičirůmčvirix̌*t ‘вход хозяина в дом после чистки дома’, как и другие обряды Навруза, символизирует начало нового жизненного цикла дома. Особый вход хозяина после очищения жилища показывает, что обряд завершён и дом снова стал безопасным и благословенным пространством. Здесь идея обновления прямо связана с очищением.

Семантическая категория магии (5 единиц) объединяет выражения, в которых носители видят силу слова и ритуального действия. Так, шугн. *δust*

juktow / ʒingak ti δust juktow ‘наносить удары рукой по выступу очага’ и шугн.-руш. piδīnd-and sêr čīdow ‘класть под порог заговор (письменный колдовской)’ показывают, что магическое воздействие возникает через соединение словесной формулы и действия. В первом случае очаг воспринимается как сакрально сильное место, которое усиливает действие проклятия. Во втором случае заговор, положенный под порог, связывается с воздействием на невидимые силы. Так слово, особенно если его сопровождает ритуальное действие или материальный знак, получает силу влиять на судьбу дома и его обитателей.

Анализ материала показывает, что в шугн.-руш. традиции дом понимается как особое пространство, тесно связанное с духовной и культурной жизнью общины. Рассмотренные языковые единицы и ритуальные практики показывают, что с домом связываются защита, передача традиции, связь с предками и поддержание социального единства.

Выделенные микрополя раскрывают разные стороны этого представления. Строительные ритуалы показывают, что возведение дома носит коллективный характер и получает сакральный смысл. Обряды, связанные с рождением ребёнка, подчёркивают защитную функцию дома и его роль в принятии нового члена в общину. Похоронная обрядность показывает дом как границу между миром живых и миром мёртвых, а другие обряды и поверья связывают его с очищением, обновлением и защитой от негативного воздействия. Паремии, в свою очередь, закрепляют нормы поведения и традиционные запреты и тем самым подтверждают особый статус дома в системе культурных представлений.

Таким образом, макрополе *Čīd–Sunat* ‘Дом–Традиция’ образует важную когнитивную область, в которой дом соединяет материальное и духовное и отражает традиционное мировоззрение народов Западного Памира.

– Макрополе *Čīd–Mīzd* – ‘Постройка Дома’

Концепт ДОМ в шугн.-руш. языковой картине мира проявляется и в материально-предметной сфере, что отражено в макрополе *Čīd–Mīzd.* Это макрополе включает четыре специализированных микрополя, каждое из которых связано с отдельной стороной устройства жилища и действий, связанных с ним. Когнитивно–семантическая структура макрополя *Čīd–Mīzd*, представленная 91 единицей, фиксируется в следующей таблице.

Таблица 9

Обобщённая когнитивно–семантическая структура макрополя *Čīd–Mīzd* ‘Постройка дома’

№	Микрополе	Количество лексических единиц	Когнитивная функция в структуре концепта
1	*Čīd–mīzd injům* (подготовка к строительству)	16	Репрезентация материально–ресурсной базы строительства: обозначение строительных материалов и предпосылок формирования жилища как предметного объекта
2	*Čīd qismaten* (части дома)	42	Репрезентация архитектурной организации жилища: номинация конструктивных элементов, задающих функциональную структуру дома и его пространственную оформленность
3	*Čīd–mīzd* (постройка дома)	26	Репрезентация процессуального сценария строительства: фиксация действий и этапов возведения дома как целенаправленной деятельности, включающей технологические и организационные компоненты
4	*Mozījen* (участники)	7	Репрезентация социального измерения строительства: обозначение ролей участников и коллективного характера возведения дома
Всего		**91**	

***Составлено автором на основе собственной когнитивно–семантической классификации и количественного анализа. Полный перечень лексических единиц см. Таблица 7а в Приложении.**

Собранный материал показывает, что процесс постройки дома в шугн.-руш. традиции репрезентируется как комплекс действий, объединяющий технологическую организацию строительства и ритуально-нормативную регламентацию его ключевых этапов. С когнитивно-семантической точки зрения дом в шугн.-руш. традиции понимается не только как материальный объект, который человек строит своими руками, но и как пространство, чьё становление сопровождают символически значимые действия: выбор места, благословение и охранительные обряды. Поэтому макрополе *Čīd–Mīzd* ‘Постройка дома’ рассматривается через несколько микрополей, связанных со

строительными материалами и подготовительными действиями, архитектурным устройством дома, самим процессом строительства и кругом его участников.

Микрополе шугн.-руш. *Čīd–mīzd injům* ‘Подготовка к постройке’ (16 единиц) передаёт и практическую, и ритуально значимую сторону начального этапа строительства. В него входят названия материалов, которые используют при возведении дома: древесины для балок шугн. *wūs*, руш. (*w*)*us*, бр., рош. *ūs* ‘балка’; поперечных жердей и стропил шугн. *sipoxčej,* руш., хуф. *sipōxčīj*, бр., рош. *s*(*i*)*poxčīj*; разных видов глины шугн. *ɣůragil* ‘глина с комками как стройматериал’, шугн. *šarϑk*, руш. *šāp*, сар. *saɣaz* ‘строительная глина’. Сюда же относятся названия элементов, которые готовят или устанавливают уже на начальной стадии: шугн. *jufta*-pūl ‘две парные балки (над очагом и над нарами)’, шугн., руш. *arar*, сар. *s*(*ы*)*pɛɣ-d/tarak* ‘тополь (пирамидальный)’, шугн. *zīr-tayori*, руш., барт. *žēr tayori* ‘подготовка камня’.

Особое место занимают лексемы, связанные с выбором места – шугн.-руш. *joy intixob čīdow* ‘выбрать место (для постройки дома)’, а также с благословением строительства и жертвоприношением – шугн.-руш. *qurbůni čīdow* ‘приносить жертвоприношение’. Тем самым подготовка к постройке осмысляется как начало нового жизненного цикла жилища, требующее соблюдения пространственных, временных и обрядовых норм.

В шугн.-руш. традиции подготовка к постройке дома рассматривается как принципиально значимый этап, поскольку нарушение установленных норм на этой стадии интерпретируется как источник потенциального неблагополучия. Данное представление фиксируется в единице:

шугн.: *nās soat–and čīd mīzdow*

В неблагополучный час построить дом.

С когнитивно-семантической точки зрения эта единица показывает, что время в традиционной картине мира имеет особое значение. Строительство дома связывается с выбором ‘правильного’ момента, который должен соответствовать календарным и обрядовым правилам. Если дом начинают

строить в *nās soat-and*, это воспринимается как нарушение установленного порядка и как возможная причина неблагополучия для будущего жилища и его обитателей. Тем самым время выступает важным условием благополучного начала строительства.

Во время постройки дома, особенно при закладке фундамента, вместе с мастером участвуют *xalīfā*, старейшины и соседи. Этот этап сопровождают ритуальные действия, среди которых особое место занимает *qurbůni čīdow* ‘жертвоприношение под первый камень фундамента’, обычно под порогом. Обряд проводят в строго назначенное время, которое определяет *xalīfā*. В него входят молитва, заклание жертвенного животного и символическое освящение фундамента его кровью.

Все эти действия показывают, что строительство дома воспринимается не просто как хозяйственное дело. Люди связывают его с ритуалом, а соблюдение этого порядка с будущим благополучием дома. Тем самым ДОМ осмысляется как материально организованное и духовно значимое пространство, а подготовка к его возведению как средство согласования человеческих действий с природным, социальным и сакральным порядком.

Микрополе *Čīd qismaten* ‘Части дома’ является наиболее объёмным и насчитывает 42 единицы, охватывающие конструктивные, функциональные и символические элементы традиционного памирского дома. В его составе выделяются номинации разновидностей балок, таких как шугн. *wiδům* ‘потолок’, шугн. *sipoxč* ‘поперечные жерди, стропила’, шугн. *peχčūb* ‘бревно для потолочного отверстия’; единицы для именования столба и разновидностей столбов – шугн. *sitan* ‘столб’, шугн. *χāsitan* ‘главный столб’, шугн. *poygāsitan* ‘столб у входа с правой стороны’; кровельных частей – шугн. *čorxůnā* ‘четырёхступенчатая конструкция потолка’, шугн. *pigàl* ‘край крыши’; и настилов шугн. *kilandak* ‘настил’. Тем самым микрополе фиксирует внутреннюю архитектурную организацию жилища через систему номинаций его основных элементов.

Наряду с этим в микрополе представлены единицы, в которых конструктивные элементы получают символическую интерпретацию. Так, центральный столб *x̌āsitan* ‘главный столб’ осмысляется как опорная ось дома, а отдельные балки шугн. *daroz-sipox̌čen* ‘длинные балки’, располагающиеся параллельно друг другу над очагом и главными нарами, соотносятся с пророческой традицией. Возвышения вдоль стен традиционного памирского дома также подразделяются на типы с закреплёнными космогоническими значениями: *čalaknêx* ‘возвышение перед очагом’, расположенный непосредственно перед очагом, соотносится с царством минералов (‘алам-и джамадāт); *voγznêx* ‘удлинённые нары’ – с царством растений (‘алам-и набатат); *bārnêx* – с царством животных и человека (‘алим-и хайван ва инсан). Поскольку *čalaknêx* символизирует мир минералов, его уровень ниже по сравнению с двумя другими нарами.

Тем самым микрополе *Čīd qismaten* ‘Части дома’ репрезентирует дом как структурно дифференцированное пространство, в котором элементы жилища выполняют конструктивные и символические функции. Терминология данного микрополя фиксирует разграничение внутренних и внешних зон, главных и второстепенных частей, отражая многослойность репрезентации ДОМа.

Микрополе шугн. *Čīd-mīzd* ‘Процесс постройки’ представлено 26 единицами и охватывает основные этапы возведения дома – от закладки фундамента до отделочных работ. Ключевыми являются номинации начальных строительных действий: шугн. *bulod weδd*, руш. *bilōd wīδd*, бр. *bunlod wīδd*, рош. *bunlad wiδd* ‘возведение фундамента’; шугн. *ar bulod yičīz ribīdow* ‘закладывать что-либо в фундамент’; шугн. *qurbůni čīdow* ‘совершить жертвоприношение’; далее единицы, обозначающие возведение конструкции: шугн. *dewol čīdow* ‘возводить стены’, шугн. *sitan weδdow* ‘возвести столб’, шугн. *sipox̌črůni* ‘процесс покрытия верхней части дома балками’; а также отделочные процессы: шугн. *lawāk čīdow* ‘облицовка глиной’, шугн. *gilmola-čīd* ‘обмазывать глиной’, шугн. *x̌irn čīdow* ‘штукатурить’.

Отдельный пласт микрополя связан с социальной организацией строительства. Лексема шугн. *kiryār*, *koryar*, руш., бр., рош. *karyār* ‘приглашение на помощь’, ‘взаимопомощь’, ‘помочь’ фиксирует коллективную поддержку в процессе возведения дома. Выражение шугн. *wistoδ aq dakčīdow* обозначает обряд вознаграждения мастера: после завершения строительства ему преподносят дары – традиционно шугн.-руш. *sartapo* ‘комплект одежды’, шугн. *mayˌ* овцу, зерно, хлеб, масло – как форму признательности, а окончание строительства маркируется благопожелательной формулой шугн. *Mustākam vi!* ‘Будь прочным’. Тем самым строительство репрезентируется как процесс, в котором технологические действия сочетаются с социально и ритуально значимыми практиками.

Микрополе *Mozījen* ‘Участники постройки’ содержит 7 единиц и отражает социальную организацию строительного процесса. В его составе представлены обозначения главного инициатора – шугн.-руш. *soyibxůna* ‘хозяин дома’, духовного посредника – шугн.-руш. *xalīfā* ‘халифа’, мастера – шугн., руш., барт. *wistōδ*, сар. *wustuδ* ‘мастер (по постройке дома)’, специалистов по отдельным видам работ – шугн.-руш. *dewolgār* ‘мастера по возведению стен’, а также помощников из числа соседей – шугн.-руш. *kiryargār-en* ‘помочане’ – и женщин, обеспечивающих питание строителей, – шугн.-руш. *puxtāngār*. Эта лексическая группа фиксирует коллективный характер строительства и распределение ролевых функций между участниками.

Таким образом, макрополе *Čīd-Mīzd* объединяет структурные, процессуальные и социально-регулятивные аспекты постройки дома и позволяет описать материальное воплощение ДОМа как нормативно организованный и культурно значимый процесс.

Следующая таблица отражает максимально полную и детализированную репрезентацию микрополя *Čīd–mīzd* ‘Постройка дома’. В ней фиксируются все лексемы и устойчивые выражения, выявленные в

корпусе, с учётом контекстуального употребления и вариативности значений. Такое представление материала обеспечивает системное описание микрополя и позволяет выявить как базовые номинации этапов постройки, материалов и участников процесса, так и дополнительные формы, и варианты, функционирующие в живой речи и формирующие многослойную систему наименований, соотнесённую с процессом возведения традиционного дома.

Таблица 10

Количественный анализ по семантическим признакам макрополя *Čīd–Mīzd* – ‘Постройка Дома’

Микрополе	Материалы и конструкции	Этапы постройки	Символика и сакральные элементы	Социальная организация	Магические практики	Всего
***Čīd–mīzd injům* – Подготовка к постройке**	5	6	4	3	3	**21**
***Čīd qismaten* – Части дома**	42	0	0	10	0	**52**
***Čīd–mīzd* – Процесс постройки**	12	14	3	4	4	**37**
***Mozījen* – Участники постройки**	0	2	1	5	0	**8**
Всего	**59**	**22**	**8**	**22**	**7**	**118**

*** Составлено автором на основе собственной классификации и подсчета**

Следует отметить, что итоговое количество единиц в таблице (118) отражает суммарную представленность единиц по семантическим признакам, а не число уникальных лексем макрополя. Это связано с тем, что одна и та же языковая единица в ряде случаев соотносится сразу с несколькими признаками и поэтому при категориальном подсчёте учитывается более одного раза.

Микрополе *Čīd–mīzd injům* ‘Подготовка к постройке’, представленное 21 единицей в количественном распределении по семантическим признакам, репрезентирует разветвлённую терминологическую систему, связанную с начальными этапами домостроительства. Уже на этой стадии единицы

группируются по ряду признаков, отражающих подготовку материалов, конструктивных элементов и ритуально значимых действий.

В языках шугн.-руш. группы фиксируется развитый пласт наименований, связанных с деревом как ключевым строительным материалом. Так, *wūs* ‘балка’ в шугнанском и *ūs* ‘балка’ в рошорвском обозначают балки для каркаса кровли, а производное шугн. *wūsweδd* ‘укладывать балки’ номинирует процесс их укладки. Лексема шугн.-руш. *wūsej* ‘древесина для балки’ указывает на древесину, предназначенную именно для изготовления балки, демонстрируя функционально-целевую спецификацию материала ещё до начала стройки. Наряду с этим шугн.-руш. *sipox̌č* ‘поперечные жерди, стропила’ и производное *sipox̌čej* ‘древесина для поперечных жердей, стропил’ отражают технологическую дифференциацию элементов кровли. К этому же ряду относятся единицы, обозначающие части перекрытий и балочных систем: шугн.-руш. *daroz-sipox̌čen* ‘длинные балки’, шугн.-руш. *pex̌čūb* ‘бревно для потолочного отверстия’, шугн.-руш. *x̌ādaxt* ‘царь-тес’, шугн.-руш. *omurzā / marza* ‘брус, балка вдоль стены’, шугн. *owāx̌k* ‘подбалки, подпорки’, шугн. *čigas* ‘балка в проходной части дома’. Эти наименования показывают, что древесина осмысляется не как недифференцированное сырьё, а как материал, распределённый по конкретным функциям.

Отдельный пласт составляют номинации, связанные с глиной и операциями её обработки. Лексема шугн.-руш. *ɣůragil* ‘глина с комками как стройматериал’ фиксирует глину, используемую как строительный материал, а шугн.-руш. *šarϑk* ‘строительная глина, глиняная обмазка’ обозначает строительную глину и обмазку. Глагольные образования шугн.-руш. *lawāk čīdow* ‘заглаживать, заравнивать глину; облицовывать, штукатурить’, *šarϑk-δêd* ‘вымазывать глиной’, *gilmola-čīd* ‘обмазывать глиной’, *ɣůragil čīdow* ‘заготовлять глину; покрывать глиной’, *šarϑk-kori čīdow* ‘обмазывать глиной’ отражают разные стадии работы с глиной – от подготовки материала до его нанесения. К этому ряду относятся и единицы, связанные с внутренней отделкой значимых элементов дома: *kicor mīzdow* ‘возводить очаг’, шугн.-руш.

jirāy ‘особая разновидность глины для очага’, шугн.-руш. *x̌irn čīdow* ‘полировать, штукатурить’, *andowā čīdow* ‘штукатурить, обмазывать глиной’, *andowā* ‘штукатурка, обмазка из глины’. Тем самым глиняный компонент репрезентируется как функционально важный ресурс домостроительства.

Существенную группу образуют лексемы, обозначающие конструктивные элементы дома и предварительную подготовку. Так, шугн.-руш. *rūzdāxt* ‘крышка для окна в крыше’ и *rūzδorg* ‘жердь для крышки продуха’ фиксируют элементы системы продуха; к этому же ряду примыкают *čorxůnā* ‘ступенчатая конструкция потолка’, *omurzā / marza* ‘брус, балка вдоль стены’, *owāx̌k* ‘подбалки, подпорки’, *čigas* ‘балка в проходной части дома’. Значимое место занимают и наименования вертикальных опор, формирующих каркас традиционного дома: *sitan* ‘столб’, *x̌āsitan* ‘главный столб’, *voɣʒnêxsitan* ‘столб у удлинённых нар’, *poygāsitan* ‘столб у входа с правой стороны’, *bārnêxsitan* ‘столб у главных нар’, *kicorsitan / kampīrsitan* ‘столб у очага’. Такая дифференциация отражает пространственную маркированность конструктивных элементов и их распределение по функциональным зонам дома.

Характерным признаком микрополя является прозрачная морфологическая организация части единиц. Суффикс принадлежности *-ej / -ij* формирует связь типа ‘сырьё – элемент дома’, а в сложных номинациях второй компонент уточняет конструктивное назначение объекта.

Количественный анализ микрополя *Čīd–mīzd injům* по семантическим критериям даёт такую картину: материалы и конструкции – 5 единиц, этапы постройки – 6, символика и сакральные элементы – 4, социальная организация – 3, магические практики – 3. Больше всего здесь единиц, связанных с практической стороной строительства. Вместе с тем заметная часть лексики относится к сакральным и коллективным аспектам. Это показывает, что в начальный этап строительства уже включаются обрядовые нормы и представления о правильном порядке действий.

Таким образом, микрополе *Čīd–mīzd injům* передаёт подготовку к постройке как особый и самостоятельный этап. На этой стадии материалы и действия уже соотносятся с их будущей функцией в доме. Люди воспринимают подготовку не просто как техническую работу, а как упорядоченный процесс, где важно соблюсти и строительные, и закреплённые традицией правила.

Микрополе *Čīd qismaten* ‘Части дома’ (52 лексемы) отражает архитектурное и функциональное устройство традиционного памирского жилища. Оно включает названия элементов конструкции дома, а также единицы, которые показывают пространственное, социальное и хозяйственное деление внутреннего и прилегающего пространства.

Самую большую подгруппу составляют конструктивные элементы дома (42 единицы). Сюда входят опорные части: *sitan* ‘столб’, *x̌āsitan* ‘главный столб’, *voɣʒnêxsitan* ‘столб у нар напротив входа’, *poygāsitan* ‘столб у входа в дом’, *bārnêxsitan* ‘столб у основания главных нар’, *kicorsitan / kampīrsitan* ‘столб очага’. Сюда же относятся потолочные и кровельные элементы: *wiδům* ‘потолок’, *čorxůnā* ‘четырёхступенчатая конструкция потолка’, *pigàl / sarpigal* ‘край крыши’. Внутреннее пространство представляют *kicor / arδōn* ‘очаг’, *ʒīngak* ‘выступ очага’, *darūnčālák* ‘внутреннее углубление перед очагом’, *tīrčālák* ‘верхнее углубление перед очагом’, *nêx* ‘нары’ и их разновидности: *čalaknêx* ‘возвышение перед очагом’, *voɣʒnêx* ‘возвышение вдоль стен напротив входа’, *bārnêx* ‘возвышение вдоль стен с левой стороны главного входа’, *nêxak* ‘возвышение за дверью’, *qūšxůnā nêxak* ‘возвышение вдоль стен в гостевой’. К этой же группе относятся и утилитарные элементы: *obx̌īn* ‘углубление для стока воды’, *obx̌īn žīr* ‘камень для покрытия углубления для стока воды’, *dupeča* ‘узкий коридор от входа до двух столбов дома’, *piδīnd* ‘порог’. Все эти названия показывают, что дом мыслится как чётко организованное пространство, где каждая часть имеет своё место и свою функцию.

Вторая подгруппа отражает социальное устройство традиционного дома (10 единиц). В неё входят названия помещений и зон, связанных с бытовой и хозяйственной жизнью: *qušxůnā* ‘гостевая’, *wužrā / ujra* ‘келья’, *zidůn* ‘помещение для хранения провизии’, *dālīz* ‘сени’, *darūndalīz* ‘внутренняя веранда’, *peǩwoz* ‘открытая веранда’, *boloxůnā* ‘летняя надстройка’, *dakůn / dakůnak* ‘элементы во дворе’, *manjān* и *tapčān* ‘дополнительные конструкции для отдыха и хранения’. Эта подгруппа показывает, что дом в шугн.-руш. традиции выступает не только как постройка, но и как социально организованное пространство, где каждая зона связана с устойчивым укладом жизни.

Категория ‘этапы постройки’ в микрополе *Čīd qismaten* отсутствует, потому что здесь собраны названия частей дома, а не обозначения самого строительного процесса. Анализ ритуальных, нормативных и символических значений этих элементов приводится в других разделах. В данном случае меня интересуют прежде всего материально-конструктивная и социально-пространственная стороны дома.

Микрополе *Čīd–mīzd* ‘Процесс постройки’ включает 36 лексем и устойчивых выражений, связанных с возведением, отделкой и завершением традиционного памирского дома, а также с обрядами, которые сопровождают эти действия. Это микрополе показывает, что строительство дома в шугн.-руш. традиции имеет чёткую структуру: здесь соединяются практическая работа и ритуально закреплённый порядок.

Слой, связанный с материально-конструктивной стороной строительства (12 единиц), передаёт разные виды работ. Так, шугн.-руш. *bulod weδd* ‘возведение фундамента’ обозначает закладку основания дома; *sipoǩčrůni* ‘процесс покрытия верхней части дома балками’ и шугн. *wūswēδd* ‘укладка основных балок’ – устройство потолочных балок и перекрытие кровли; *têǩiʒ čīdow* ‘обтёсывать древесину’ – обработку дерева; *lawāk čīdow* ‘заглаживать глиной’, *šarϑk-δêd* ‘обмазывать глиной’, *gilmola-čīd* ‘обмазывать глиной’, *ɣůragil čīdow* ‘покрывать глиной’, *andowā čīdow* ‘штукатурить’, *ǩirn*

čīdow ‘полировать стены’ – разные виды отделочных работ. К этой же группе относится *arar garδentow* ‘заготовка древесины’, главным образом тополя, из которого делают столбы и перекрытия. Все эти единицы показывают, что каждая стадия строительства имеет своё закреплённое название.

Большой пласт микрополя связан с последовательными этапами возведения дома (14 единиц) – от выбора места до отделки. Так, *joy intixob čīdow* ‘выбрать место для постройки дома’ обозначает выбор участка; *as ostůn δar vidow* ‘не строить вблизи маркированных мест’ передаёт соблюдение пространственных запретов; *mīzdow* ‘строить’ и *bino čīdow* ‘возводить здание’ называют сам процесс строительства; *bulod weδd* ‘возведение фундамента’ и *dewol čīdow* ‘возводить стены’ – закладку основания и поднятие стен; *čor sitan čīdow* ‘устанавливать четыре столба’ и *sitan weδdow* ‘возводить столб’ – установку опор; *sipoxčrůni* ‘укладка поперечных балок’ и *wūswēδd* ‘укладка основных балок потолка’ – монтаж потолочных конструкций; *kicor mīzdow* ‘возводить очаг’ – устройство очага; *lawāk čīdow* ‘облицовывать’, *xirn čīdow* ‘заглаживать’, *andowā čīdow* ‘штукатурить’ – завершающую отделку. Последовательность этих единиц ясно показывает, что строительство осмысляется как поэтапный и хорошо организованный процесс.

Отдельную группу образуют единицы, связанные с выбором времени начала строительства (3 единицы). Лексемы *yakšanbi* ‘воскресенье’ и *jumā* ‘пятница’ называют благоприятные дни, а выражение *soat-at zamůn* ‘счастливый час’ указывает на нормативно значимый выбор времени. Эти единицы показывают, что время в сценарии строительства имеет не вспомогательное, а обязательное значение: дом нужно начинать строить в правильный день и в правильный час.

Социальная сторона строительства представлена 4 единицами. Выражение *kiryār* ‘приглашение на помощь, взаимопомощь’ обозначает обязательную помощь соседей и закрепляет норму совместного труда. Лексемы *žīrtayori* букв. ‘камень готовить’, т.е. ‘коллективная подготовка камней’ и *arar garδentow* букв. ‘тополь переворачивать’, т.е. ‘заготовка

древесины’ указывают на совместный характер работ, связанных с заготовкой и переносом строительных материалов. Выражение *kala-yi dast čīdow* ‘рукопожатие мастера и хозяина’ отмечает признание труда мастера и укрепляет социальные связи между участниками строительства. Эти единицы показывают, что строительство дома в традиции носит не только хозяйственный, но и коллективный характер.

Особое место в микрополе *Čīd–mīzd* занимают магико-ритуальные действия (5 единиц), которые сопровождают строительство. Выражение *soyibi xůna awal čůnt* ‘первый должен копать хозяин дома’ указывает на обязательное участие хозяина в самом начале работ как на условие будущего благополучия. Шугн.-руш. *qurbůni čīdow* ‘приносить жертвоприношение’ обозначает сам обряд жертвоприношения, а *ar bulod yičīz ribīdow* ‘класть что-либо под первый камень фундамента’ – помещение под первый камень ценностно отмеченных предметов. Завершают этот ряд три удара по главному столбу с упомянутой формулой *Mustākam vi!* ‘Будь непоколебим!’ и выражение *wistoδ aq dak čīdow* ‘отблагодарить мастера’, которое отмечает ритуально значимое завершение строительства. Все эти единицы показывают, что постройка дома в шугн.-руш. традиции соединяет технологический порядок и ритуальное действие.

Микрополе *Mozījen* ‘Строители’ самое небольшое по объёму. Оно включает 8 лексем и устойчивых выражений, которые называют участников строительства, их роли и функции. Несмотря на компактность, это микрополе хорошо показывает социальную организацию строительного процесса: в нём пересекаются профессиональные, бытовые и ритуально значимые роли.

Центральное место здесь занимают шугн.-руш. *xalīfā* ‘представитель духовенства’ и шугн.-руш. *wistoδ* ‘мастер по постройке дома’. *Xalīfā* отвечает за ритуально-нормативную сторону строительства: он помогает выбрать благоприятное время и сопровождает начало работ молитвой и благословением. *Wistoδ* выступает профессиональным центром строительного процесса: он руководит возведением дома и распределяет обязанности между участниками.

Важную роль в этом микрополе играет и лексема шугн.-руш. *arwogůn* ‘духи предков’. Она показывает, что представления о предках прямо входят в сценарий постройки дома. Перед сносом старого жилища и началом строительства нового люди совершают действия, с помощью которых просят разрешения и защиты. Таким образом, благословение предков воспринимается как необходимое условие успешного завершения строительства.

Социальный пласт микрополя отражает распределение ролей в совместном труде и практики взаимопомощи. Шугн.-руш. *soyibxůna* ‘хозяин дома’ обозначает инициатора и организатора строительства; *kiryargār-en* ‘соседи-помощники’ называет тех, кто участвует в коллективной помощи; *puxtāngār* ‘готовящий пищу’ показывает поддерживающую роль человека, который обеспечивает общую работу едой. Всё это ещё раз подтверждает, что строительство дома в шугн.-руш. традиции понимается как общее дело, в котором каждый участник имеет своё место и свою обязанность. Тем самым постройка дома в шугн.-руш. традиции осмысляется как коллективная практика, основанная на распределении функций между участниками.

В микрополе *Mozījen* отсутствуют единицы, относимые к категории ‘материалы и конструкции’, поскольку оно описывает участников строительного процесса, а не элементы дома. Категория ‘магические практики’ также не выделяется здесь как самостоятельная, поскольку магико-ритуальные действия в рамках *Mozījen* не функционируют автономно, а входят в более широкий символико-сакральный контекст строительства.

Таким образом, микрополе *Mozījen* фиксирует социально значимый и ритуально-нормативный компонент строительства, показывая, что возведение жилища репрезентируется не только как технический, но и как коллективно организованный акт.

Проведённый анализ макрополя *Čīd–Mīzd* ‘Постройка дома’ и входящих в его состав микрополей (*Čīd–mīzd injům* ‘Подготовка к постройке’, *Čīd qismaten* ‘Части дома’, *Čīd–mīzd* ‘Процесс постройки’, *Mozījen* ‘Участники

постройки’) позволяет реконструировать целостную модель концептуализации традиционного жилища в шугн.-руш. языковой картине мира. Материал показывает, что строительство дома репрезентируется как многоуровневый процесс, в котором соотносятся утилитарные, социальные и сакральные компоненты.

Микрополя охватывают номинации материалов и подготовительных действий, элементов конструкции и внутренней организации пространства, этапов возведения, участников и ритуально маркированных процедур. Различия в итоговых количественных показателях таблиц обусловлены различием принципов подсчёта: в одном случае фиксируется количество уникальных единиц макрополя, в другом – их суммарная представленность по семантическим признакам, допускающая многократный учёт одной и той же единицы при её соотнесении с несколькими категориями. В целом макрополе *Čīd–Mīzd* репрезентирует ДОМ как центр материального устройства, социальной организации и нормативно-ритуального порядка в традиционной культуре носителей шугн.-руш. группы.

– Макрополе *Čīd–Sarix̆takori* – ‘Дом–Хозяйство’

Макрополе *Čīd–Sarix̆takori* – ‘Дом–Хозяйство’ занимает значимое место в шугн.-руш. языковой картине мира, поскольку репрезентирует дом как центр повседневной жизнедеятельности семьи, в котором материальные практики соотносятся с нормативно-ценностными установками. Лексемы данного макрополя фиксируют представление о доме как о фокусе хозяйственной организации, вокруг которого выстраиваются формы семейного взаимодействия, распределение обязанностей и поддержание жизненного уклада.

В традиционной культуре памирцев дом осмысляется как пространство, объединяющее заботу о близких, сохранение имущества, поддержание порядка и соблюдение закреплённых норм. Ведение хозяйства представлено как комплекс действий и знаний, включающий уход за домом и

прилегающими постройками, заботу о скоте, хранение и распределение продуктов, приготовление пищи, поддержание чистоты и другие повседневные практики, связанные с хозяйственным циклом дома.

Через лексику данного макрополя раскрывается когнитивно-семантическая организация концепта ДОМ как многомерного феномена. Лексемы и устойчивые выражения не только номинируют предметы и действия, но и фиксируют способы концептуализации домашнего пространства как среды, в которой поддерживаются безопасность, порядок и устойчивость жизненного уклада. Единицы, соотносимые с порогом, очагом, чистотой кладовой и уходом за животными, репрезентируют нормативно значимые аспекты хозяйственной практики и актуализируют представления о благополучии, гармонии и распределённой социальной ответственности в пределах дома.

Анализ макрополя выполнен на основе около 200 основных лексических единиц. Объём выборки обусловлен тем, что концепт ДОМ охватывает широкий пласт лексики, полностью представить который в рамках одного исследования затруднительно. Макрополе *Čīd–Sarixtakori* ‘Дом–Хозяйство’, как и другие макрополя структуры концепта ДОМ, ограничено по количеству единиц, что обеспечивает сопоставимость описания и позволяет провести системную проработку материала в рамках выбранной модели анализа.

Таким образом, макрополе *Čīd–Sarixtakori* ‘Дом–Хозяйство’ показывает, что в шугн.-руш. традиции дом понимается как организующий центр жизненного уклада, объединяющий хозяйственную деятельность, социальные взаимодействия и ценностные установки. Через хозяйственные практики и их языковую репрезентацию выявляется картина мира, в которой труд, порядок, бережливость и уважительное отношение к дому закрепляются как условия устойчивости и благополучия семьи и рода.

Для макрополя *Čīd–Sarixtakori* ‘Дом–Хозяйство’, как и для других макрополей, разработана семантико-когнитивная модель на основе

охваченного массива лексических единиц; ниже приведена её обобщённая версия, тогда как полная таблица представлена в Приложении (таблица 8).

Таблица 11

Обобщённая семантико–когнитивная структура макрополя *Čīd–Sarixtakori* - ‘Дом–Хозяйство’

№	Микрополе	Количество лексических единиц	Когнитивная функция в структуре концепта
1	Хозяйственные постройки и сооружения	46	Репрезентация хозяйственного пространства дома как системы локусов хранения, содержания и распределения ресурсов; фиксация благоустроенности и статуса семьи через пространственную организацию хозяйства.
2	Бытовая утварь и предметы хранения	55	Репрезентация материальных инструментов хозяйственного цикла (вместимость, мера, хранение, освещение) как средств поддержания порядка, контроля ресурсов и ритуально маркированных бытовых практик.
3	Домашние работы и связанные с ними обряды	52	Репрезентация сценариев повседневного труда и регламентов ведения хозяйства (уход, уборка, ремонт, приготовление пищи) как механизма воспроизводства порядка и благополучия; включение обрядовых действий в хозяйственный цикл.
4	Основные животные и лексика ухода	47	Репрезентация животноводства как опоры устойчивости дома: статус, выживание и достаток; фиксация норм ухода, ответственности и сакрально–ритуальных установок, сопровождающих взаимодействие с домашними животными.
Всего		**200**	

*** Составлена автором на основе собственной классификации и подсчёта**

Семантико-когнитивная структура макрополя *Čīd–Sarixtakori* ‘Дом–Хозяйство’, согласно проведённой классификации, включает четыре микрополя, каждое из которых репрезентирует отдельный аспект хозяйственного уклада и восприятия дома как социокультурного пространства.

Микрополе ‘Хозяйственные постройки и сооружения’ (46 единиц) отражает архитектурно-пространственную организацию хозяйственного пространства и фиксирует систему наименований объектов, формирующих дом, двор и зоны хранения. Лексемы данного микрополя обозначают хозяйственные локусы и сооружения, связанные с размещением, сохранением

и распределением ресурсов, например,: *dar-at palandar* ‘всё хозяйство’, *zidůn* ‘кладовая’, *žīv* ‘углубления вдоль стен кладовой для продуктов’, *žīzdůn* ‘место для дров’. Тем самым дом репрезентируется как многофункционально организованное пространство, в котором хозяйственная инфраструктура соотнесена с устойчивостью семейного уклада, а отдельные элементы получают функциональную и нормативную маркированность.

Ключевыми являются лексемы шугн. *dar-at palandar*, руш., барт. *dar-at-dargad*, сар. *čeddiver* ‘двор с хозяйственными постройками’, указывающие на структурированность пространства; шугн. *sarix̌tākori*, руш. *sarix̌takori* ‘аккуратность’, ‘бережливость’, ‘хозяйственность’; шугн. *sarix̌tākor* ‘бережливый человек’; шугн. *xůnadori*, руш., барт. *xonadoray* ‘хозяйство, ведение хозяйства’; шугн. *xůnānix̌īn*, руш., барт. *xonanex̌īn* ‘домохозяйка’; шугн. *pigàlbůn*, руш., барт. *pigalbon* ‘тот, кто присматривает за домом’; шугн. *čīdbůn*, бр., рош. *čödbon* ‘охранник дома’, ‘надсмотрщик за хозяйством’; шугн. *γijīdrāw* ‘человек, который выполняет основную работу в хлеву’.

Значимую группу составляют обозначения кладовых и хозяйственных помещений: шугн. *zidůn*, руш. *werϑ*, рош. *jedon* ‘кладовая’; шугн. *žīv*, руш. *xiδůn*, бр. *žöv*, рош. *žöv*, сар. *žev* ‘яма-закром’; *žīzdůn* ‘помещение для дров’; *x̌ūv(d)jīc* ‘хранилище молочных продуктов’; шугн. *γijīd*, сар. *γыjed*, руш., хуф. *yūst*, бр., рош. *yōst* ‘хлев’, ‘крытый загон’; руш. *suturyūst* ‘хлев для крупного рогатого скота’; шугн. *wārgjīc*, руш. *molyūst* ‘хлев для мелкого скота’; шугн. *wox̌důn*, бр. *wax̌čiδon*, рош. *wux̌ton* ‘амбар для сена’; шугн. *pasak*, руш., хуф. *pasāk*, бр., рош., сар. *pesōk* ‘стойло, летняя конюшня’; шугн. *oxur*, руш., хуф. *oxurča*, хуф. *rīzoxur*, рош. *öxurča* ‘кормушка’; шугн. *winīr*, бр. *wenir* ‘ясли’; шугн. *qūšxůnā*, руш., хуф. *qūšxonā*, бр., рош. *qušxona* ‘комната для гостей’; шугн. *wužrā / wujrā*, руш., хуф. *(w)užrā*, рош. *ujra*, сар. *ыj(ы)ro / ůj(ů)ro* ‘помещение для приготовления пищи’.

Семантика этих лексем показывает, что носители шугн.-руш. языков воспринимают дом как хозяйственно организованное пространство, где у каждого места есть своя функция, свои правила и свои запреты. Так, *zidůn*

‘кладовая’ связывается прежде всего с хранением запасов. Люди поддерживают там чистоту, соблюдают определённые запреты, а полную кладовую соотносят с достатком семьи. Вход в неё может сопровождаться формулой *bismilloyi rāmoni rāim* ‘Во имя Бога милостивого и милосердного’, и это показывает, что даже хозяйственное пространство встраивается в религиозно-этический порядок. Лексема *qūšxůnā* ‘комната для гостей’ отсылает к нормам гостеприимства и уважительного приёма, а вместе с тем указывает и на статус семьи. Помещения типа *wužrā / wujrā* ‘худжра’, выделенные для приготовления пищи, тоже показывают, что внутри дома функции чётко разграничены и что порядок здесь поддерживают не случайно, а в соответствии с устойчивыми нормами.

Названия ниш и углублений в стенах, такие как *toq* ‘углубление в стене для полок’ и шугн. *tirāk* ‘полка’, ‘ниша для хранения посуды и утвари’, показывают, что внутреннее пространство дома тщательно организовано и ориентировано на хранение вещей. Домашнюю утварь – например, шугн.-руш. *čib* ‘деревянные ложки’, шугн.-руш. *piyōlā* ‘пиалы’, шугн.-руш. *γidōrā* ‘глиняные миски’ – хранят в специально отведённых местах, и это подчёркивает ценность порядка в повседневной жизни. Важную роль играют и хозяйственные пристройки: шугн. *γijīd* ‘хлев’, руш., барт. *suturyūst* ‘хлев для крупного рогатого скота’, шугн. *wārgjīc*, руш., барт. *molyūst* ‘хлев для мелкого скота’. Эти названия прямо связаны с хозяйственной состоятельностью семьи. С ними соседствуют и другие элементы внешнего хозяйственного пространства: шугн. *woxˇdůn* ‘амбар для сена или соломы’, шугн. *pasak* ‘стойло, летняя конюшня’, шугн. *oxur* ‘кормушка’. Через них дом связывается с сезонным трудом и с внешним кругом хозяйственных работ.

Лексемы, связанные с аккуратностью и бережливостью, – *sarixˇtākori* ‘аккуратность, хозяйственность’ и *sarixˇtākor* ‘бережливый человек’ – показывают, что порядок в доме понимается не только как практическая необходимость, но и как ценность. Люди связывают его с достатком и благополучием семьи. В этом же ряду стоит шугн. *xůnaduzd* ‘вор дома’, то есть

человек, который скрывает часть урожая, дохода или прибыли от других членов семьи. Эта единица уже показывает обратную сторону хозяйственного уклада: нарушение доверия и отказ от общего распределения ресурсов.

Названия ролей и обязанностей тоже ясно показывают, как устроено домашнее хозяйство. Шугн.-руш. *xůnadori* ‘ведение хозяйства’, шугн.-руш. *xonanex̌īn* ‘домохозяйка’, шугн.-руш. *pigàlbůn* ‘тот, кто присматривает за домом’ передают распределение функций внутри дома. Лексема шугн. *γijīdrāw* ‘человек, который выполняет основную работу в хлеву’ подчёркивает важность ухода за скотом в общем хозяйственном укладе. В целом эти единицы показывают дом как пространство согласованной работы, где благополучие семьи зависит от того, насколько чётко распределены обязанности и насколько люди соблюдают общий порядок.

Таким образом, микрополе ‘Хозяйственные постройки и сооружения’ показывает дом как систему разграниченных локусов, где каждая часть связана с определённой функцией. Пространственная организация дома и распределение ролей внутри него не только описывают быт, но и передают представление о доме как о нормативно устроенном пространстве.

С когнитивно-семантической точки зрения дом в этом фрагменте выступает как центр хозяйственной жизни семьи. Архитектурные и хозяйственные локусы соединяют здесь экономический и социальный смысл, а отдельные части дома получают ещё и ценностную нагрузку. Так, наличие шугн.-руш. *zidůn* ‘кладовой’, наполненной зерном и другими продуктами, связывается с достатком и устойчивостью семьи, тогда как отсутствие запасов воспринимается как признак неблагополучия. Наряду с этим, шугн. *žīv*, руш. *xiδůn*, бр., рош. *žöv*, сар. *žev* ‘закрома’, устроенные вдоль стен кладовой, показывают, как семья заботится о надёжном хранении провизии. Их значение усиливает и традиция помещать в углубления или в потолочную часть кладовой Коран или другие религиозные тексты, чтобы привлечь благословение и изобилие. Доступ к кладовой тоже регулируется: чаще всего запасы контролирует старшая женщина семьи. Такая практика подчёркивает

иерархию ответственности и показывает, что кладовую воспринимают как пространство, к которому нужно относиться с уважением.

Шугн.-руш. *qūšxůnā* ‘комната для гостей’ обозначает особую зону дома, где особенно заметны нормы гостеприимства и поддержания традиций. Хлева – шугн. *γijīd, wārgjīc,* руш., барт. *suturyūst, molyūst* – отражают важную роль животных в хозяйстве и показывают, что забота о них напрямую связана с устойчивостью семьи. Ниши шугн. *tirāk* ‘полка, ниша для хранения посуды и утвари’ и шугн.-руш. *toq* ‘углубление в стене для полок’ подчёркивают бережливость и рациональное устройство внутреннего пространства. Шугн. *woxˇdůn* ‘амбар для сена’ и шугн.-руш. *kadůn* ‘сеновал’ показывают, что хозяйство строится с расчётом на сезонный цикл и заранее готовится к зиме.

В традиционном восприятии носителей шугн.-руш. языков дом – это центр семейного уклада, где хозяйственные действия, порядок и соблюдение закреплённых норм образуют единую систему. Поэтому отдельные помещения, предметы и действия получают не только практическое, но и нормативное значение.

Внутри микрополя ‘Бытовая утварь и предметы хранения’ важное место занимает лексика, связанная с формой и вместимостью. Часть предметов помогает осмыслить меру и количество через конкретные материальные ёмкости. К таким единицам относятся, например, шугн. *wisərn* ‘большой глиняный сосуд для зерна’, *kāfč* ‘мерка для зерна’ и *pemůnā* ‘чаша’, ‘пиала’. Лексема *kāfč* употребляется и как название меры. Это хорошо видно в выражении *yi kāfč yogj / kaxˇ* ‘один ковш муки / зерна’, где название предмета одновременно обозначает и единицу измерения. Здесь видно, что контроль над запасами закреплён в самой лексике.

Похожим образом работает и шугн. *pemůnā* ‘пиала’, ‘чаша’ (деревянная), руш., бр. *pītōnā*, рош. *pīrmōnā*. Это слово употребляется не только буквально, но и переносно, когда речь идёт о мере жизни и её наполненности. Выражения *pemůnā pur sidow* ‘чаша жизни подходит к концу’ и *pemůnā virixˇtow* ‘чаша жизни разбилась’ показывают, как свойства сосуда переносятся на

представление о жизненной энергии. Такие случаи ясно показывают, что идеи вместимости, наполненности и исчерпания служат важной опорой в осмыслении опыта. Предметы, которые выполняют роль мерила, – *tafsīn* ‘мерило для масла’, *kāfč* ‘мерило = 5 кг зерна’, *sêrdoϑj* ‘мерило для сыпучих тел = 10–15 кг’ – тоже важны не только practically. Через них люди связывают точное измерение с разумностью, справедливостью и хозяйственной бережливостью. В этом же ряду *pemůnā* продолжает работать как знак полноты или, наоборот, исчерпанности жизненного пути.

Разные типы сосудов – шугн. *big* ‘глиняный кувшин’, шугн.-руш. *kuzā* ‘кувшин’, шугн., руш. *anjīc* ‘закопанный кувшин с сухофруктами’, шугн., хуф. *γůx̌cak* ‘кувшин для дойки скота’, шугн., руш. *kuščak* ‘бетон’ и др. – показывают, насколько тщательно в доме разграничены функции вещей. Каждый сосуд имеет своё назначение: для воды и дойки скота используют *γůx̌cak*, для хранения продуктов – шугн., руш. *xum,* для сбивания масла – шугн., руш., барт. *paɣ̌nīʒ*. Особенно показателен случай с лексемой *anjīc*. Это слово обозначает сосуд для сухофруктов только тогда, когда выполнены два условия: кувшин наполнен сухофруктами и закопан в землю в одном из углов дома. Если тот же сосуд пустой или не закопан, его так уже не называют. Внутренняя форма слова связана с глаголом *anjivdow* ‘держать, содержать’, и это показывает, что номинация строится не по форме и не по материалу, а по функции хранения и накопления. В целом лексика этого микрополя показывает, что хозяйственная практика внутри дома строго организована: у каждой вещи есть своё место и своё назначение, а правильное обращение с предметами напрямую связывается с устойчивостью и благополучием семьи.

С когнитивно-семантической точки зрения лексемы, обозначающие средства освещения, репрезентируют свет как значимый компонент домашнего пространства и как условие организации повседневных действий. Так, шугн. *lux̌kak* ‘лучина’ и шугн.-руш. *pilak* ‘свеча’ фиксируют утилитарный аспект освещения: данные предметы обеспечивали свет в ночное время и сопровождали хозяйственные процессы, напр.: шугн. *pi lux̌kak-i mu bob māš-*

ard kitob x̌êyd – ‘при свете лучины дедушка нам читал книгу’. Указанные единицы тем самым соотносятся с представлениями о порядке и безопасности как необходимом условии продолжения деятельности в тёмное время суток.

Одновременно в лексическом массиве отражено ценностное измерение света. Так, шугн. *cirow*, руш., хуф. *cirůw*, бр., рош. *ciraw*, сар. *сырɛw, cirawj* обозначает светильник, керосиновую лампу, а уменьшительная форма шугн. *cirowak* в шугн.-руш. группе языков обозначает ‘лучинку’ и относится к ритуально-обрядовой лексике. *Cirowak* изготавливают к определённым календарным или ритуальным дням, включая Курбан, когда её зажигают в честь духа предка, и в таком контексте она функционирует как знак ритуального действия, соотносимый с очищением, благословением и поддержанием родовой связи. Для именования подсвечника к основе *cirow* присоединяется суффикс: шугн. *cirowdůn*, руш., хуф. *cirůwdon*, бр. *cirawδon*, сар. *сырɛdonʒ*, что профилирует функциональный признак предмета. Лексемы в составе сложных образований, например, шугн. *cirowpiδid*, руш., хуф. *cirůwpaδid*, бр., рош. *cirawpaδid* ‘обряд зажигания свечи на третью ночь после похорон’, а также шугн. *čaroɣrawx̌an*, руш., рош. *čiroɣrux̌an* ‘освещённая лучина’, актуализируют свет как семиотически значимый элемент ритуального пространства. В траурном контексте зажигание ритуальной лучинки (*cirowak*) получает символическую интерпретацию: светильник соотносится с сердцем человека, масло – со знанием о Боге и духовным постижением, горение – с путём души; интенсивность света при этом интерпретируется как показатель ‘чистоты’ пути усопшего, формируя устойчивую модель, где яркость горения индексирует степень духовного благополучия умершего [50].

Другие ритуальные формы освещения также соотносятся с ценностной интерпретацией света. Так, шугн., бр. *dalīlák* и рош. *dalīl* обозначают обрядовую свечу, которую зажигали в первую ночь в доме покойника. Наряду с этим фиксируется шугн. *têrcirow*, руш., хуф. *tercirůw*, бр. *torciraw* ‘лучина из растения x̌inč, покрытого овечьим или коровьим помётом’, где первый

компонент *têr* (руш., хуф. *ter*, бр. *tor*) означает ‘чёрный’ [50]. В когнитивно-семантическом плане данные единицы репрезентируют свет как ритуально маркированный знак: материал, способ изготовления и контекст употребления включают освещение в сценарий поминальной практики и тем самым задают его нормативно-символическое прочтение.

Лексема шугн. *tůγ / toγ* демонстрирует семантическую полифункциональность, в которой пересекаются сферы обрядового света и ‘священного дерева’. По данным Д. Карамшоева, *tůγ* соотносится со значением ‘священный светильник’, что помещает данную единицу в поле ценностной символики, связанной с освещением, чистотой и духовным знанием [226]. Зарубин И.И., в свою очередь, фиксирует *toγ* в значении ‘дерево верба, растущее в жарких странах и идущее на выделку чёток’ (*toγ yid yi diraxt, yā xubaϑ gārm joy-and růy δed; as wam tubbi kinen* ‘toγ – это дерево, которое растёт в жарких странах; из него делают чётки’). Такое соотнесение двух значений показывает, что в зависимости от контекста единица может обозначать либо источник света, либо материал ритуального предмета, сохраняя при этом общую связь с религиозно-ритуальной сферой [206]. С когнитивной точки зрения это указывает на устойчивую модель, где сакральный светильник и материал для чёток объединяются общей идеей святости и духовного пути. В данном контексте лексема *tůγ / toγ* выступает как культурный концепт, интегрирующий представления о свете, чистоте, духовном знании и материальных объектах религиозного быта.

Таким образом, освещение в доме репрезентируется и как функциональный элемент быта, и как важный компонент символического пространства, связывающий мир повседневного труда с культурным опытом.

Микрополе ‘Домашние работы и процессы’ представлено 52 лексико-семантическими единицами исследуемой языковой группы. Такой объём оправдан тем, что микрополе должно репрезентировать хозяйственный цикл, уход за домом и маркированность повседневных практик. Вместе с тем включённые единицы отражают как практическую, так и символическую

стороны хозяйственных процессов, что позволяет реконструировать целостную когнитивную модель традиционного дома.

Группа лексем, связанных с земледельческим циклом и обработкой земли, репрезентирует основные этапы аграрного труда, связывая дом с землёй и урожаем как основой выживания. Так, шугн.-руш. *čêriʒ čīdow* ‘вспахивать землю’ обозначает базовое действие земледельца, которое сопровождается обрядом шугн.-руш. *x̌īj ziwêst* ‘вывод быков’ на поле, сопровождаемым короткими молитвами и фразами, направленными на обеспечение плодородия. В когнитивном плане пахота осмысляется как ‘пробуждение земли’, то есть как включение природного цикла в человеческую хозяйственную деятельность. Лексема шугн. *x̌ůj čīdow*, руш. *x̌awj čêgow* ‘пропалывать поле’, выполнявшаяся преимущественно женщинами и детьми, а при больших объёмах работ сопровождавшаяся созывом соседей – шугн.-руш. *kiryār čīdow* ‘призывать на помощь’ – фиксирует коллективный характер труда и взаимопомощь. К данному ряду относятся и шугн. *δī(d)-tīžd*, руш. *δīg-težd* ‘вывозить навоз в поле’, а также шугн., руш. *δīd-čaў-čīd* ‘распределять навоз по бороздам’. Процессы удобрения полей имеют как практический, так и духовный аспект: правильное распределение навоза соотносится с представлениями о будущем урожае и благословении земли. В целом земледельческие лексемы репрезентируют дом как центр трудового и ритуального цикла.

Дом не мыслился без скота, поэтому лексемы животноводства и заготовки кормов фиксируют заботу о животных и подготовку запасов. Единицы данного ряда репрезентируют заботу о скоте как основу выживания семьи, хозяйственную предусмотрительность и цикличность труда, а также ценностно-нормативное отношение к животным как источнику достатка и благополучия дома: шугн. *δůʒdow*, руш. *δawdow*, сар. *δāwdāw* ‘доить’; шугн. *wix̌ten δêdow* ‘складывать сено’; шугн. *xix̌ůb δedow*, руш. *tipok paktow* ‘сушить навоз, кизяк’. В традиции доение коров сопровождалось молитвенными формулами шугн.-руш. *Bismilloyi rāmoni rayim* ‘Во имя Бога милостивого и

милосердного’, шугн.-руш. *Yo Bibi Fotmayi Zāro barakat δā mu δust-and!* ‘О госпожа Фатима, ниспошли благодать моим рукам’, что соотносилось с ожиданием изобилия молока и достатка еды в доме. Заготовка сена и кизяка осмыслялась как условие уверенности и спокойствия в холодный сезон. В совокупности данные лексемы репрезентируют предусмотрительность и ответственность, когда действия со скотом, кормами и топливом соотносятся с сохранением устойчивости хозяйства и защищённостью домашнего пространства.

Ряд других лексем относится к обработке продуктов питания и отражает хозяйственные процессы внутри дома, связанные с приготовлением и хранением пищи: шугн. *maska mīzd*, руш. *maska wiroxtow* ‘готовить масло’, букв. ‘строить масло’; шугн. *xamer xextow*, руш. *xayla čigow* ‘замешивать тесто’; шугн. *qoq čīdow*, руш. *qoq čigow*, сар. *ziyawld* ‘сушить фрукты’; шугн., руш., барт. *kaxt pok čīdow / čigow* ‘чистить зерно’; шугн. *yīdow*, руш. *īxtow*, барт. *yextow* ‘молоть зерно’. Эти процессы могли сопровождаться короткими молитвами, фразами и женскими песнями, что придаёт повседневному труду духовно окрашенную рамку. В пределах данного ряда концепт ДОМ проявляется через идею ‘полного дома’ с запасами зерна, муки, масла и сушёных фруктов как маркерами достатка и благополучия.

Домашнее производство тканей и одежды имело важное хозяйственное и эстетическое значение. Лексемы этой группы фиксируют утилитарные аспекты изготовления тканей и одежды и одновременно передают ценностно-символическое наполнение данной деятельности. В когнитивном плане они репрезентируют дом как пространство, где труд, красота и результаты труда образуют единый комплекс: шугн., руш. *žebiʒ čīdow* ‘прясть пряжу’; шугн.-руш. *wūrγ* ‘пряжа для носков’; шугн. *piδūγʒ* ‘пряжа для паласов’; шугн.-руш. *rang čīdow* ‘красить шерсть, ткани, кожу’; шугн.-руш. *wīftow / weftow* ‘вязать’. Пряжу для носков женщины пряли сами, а материал для паласов готовили мужчины. Женщины также красили шерсть, тогда как мужчины обрабатывали и окрашивали кожу. Вязание тоже подчинялось этому распределению труда:

люди по-разному работали с разными материалами и разными изделиями. Эта группа лексем показывает эстетическую сторону хозяйства: труд здесь не только кормит семью, но и формирует облик домашнего пространства.

Особое место занимают лексемы, которые связывают чистоту дома с его ценностью и с общим состоянием домашней гармонии: шугн., руш. *zidāriʒ* ‘подметать’ и шугн. *čidīrδêd*, руш., барт. *čadwůrδed* ‘чистка сажи’. Перед праздником шугн.-руш. *Xidīr ayům* люди убирают дом не просто ради порядка. Они воспринимают уборку как обновление и защиту домашнего пространства, как подготовку дома к благословению и как защиту от нечистой силы. То же самое видно и в повседневных нормах. Так, в выражении шугн., руш. *tar piδīnd taraf-ta bijīn na-zidār-ēn* ‘не мести мусор к порогу’ порог выступает как значимая граница. Похожие представления отражают и формулы шугн., руш. *tar čīd ta ẋelak nakinen* ‘не свистеть в доме’ и шугн., руш. *tar čīd ta čapak naδen* ‘не хлопать в ладоши’. Носители связывают шум и свист с риском ‘спугнуть ангела-хранителя дома’, а вместе с ним – утратить изобилие и благодать. Через такие единицы дом выступает как ценностный центр, где порядок и чистота напрямую связаны с защитой и благополучием семьи.

Особую группу образуют символические выражения о доме, в которых закрепились представления о благополучии и неблагополучии, богатстве и бедности. Так, шугн. *pur čīd*, руш. *ўак čod* ‘полный дом (людей)’ связывается с изобилием, счастьем и семейной гармонией. Напротив, шугн. *xoli γijad-en* ‘пустые хлева’ воспринимается как знак бедности и утраты благодати. Выражение шугн. *as růʒ rūγanin δud* ‘масляный дым из окна’ метафорически передаёт достаток и крепкое хозяйство, в котором тепло и уют стали нормой жизни. В то же время шугн., руш. *kūdak sado wef čīd-and nist* ‘нет детского голоса в доме’ подчёркивает, что отсутствие детей люди связывают с пустотой и отсутствием будущего. Эти выражения показывают дом как центр жизненного уклада, где представления о благополучии зависят не только от материального состояния, но и от духовных и семейных ценностей.

Таким образом, микрополе ‘Домашние работы и процессы’ показывает дом сразу в нескольких измерениях: как хозяйственный, социальный и духовный центр.

Микрополе ‘Основные животные и лексика ухода’ показывает, какое место животноводство занимает в экономической и социальной устойчивости памирской семьи в горных условиях. Оно включает 47 ключевых единиц и даёт достаточно полную картину лексики, связанной с домашним хозяйством в пространстве дома.

Лексемы, связанные с учётом скота и контролем его количества, показывают, насколько важен точный подсчёт животных для порядка, достатка и устойчивости семьи: шугн.-руш. *sar žow* ‘единица измерения голов крупного рогатого скота’ и шугн.-руш. *sar mol* ‘единица измерения голов мелкого рогатого скота’. Эти единицы показывают дом как центр учёта и контроля, а сам подсчёт скота – как практическое действие и как признак статуса семьи.

Отдельный ряд лексем показывает крупный рогатый скот как одну из главных опор хозяйственного уклада. Эти слова передают материальную ценность животных как источника молока, мяса и рабочей силы и одновременно связывают их с достатком и благополучием дома: шугн.-руш. *žow* ‘корова’ – основной источник молока и один из ключевых маркеров благополучия семьи; шугн. *zêc-žow / cīg-žow* ‘отелившаяся корова’; шугн. *bakalak / šīg / šīgbuc* ‘телёнок’; шугн.-руш. *x̌īj* ‘бык’; шугн. *nůbandak* ‘молодой бычок’. Уход за коровой осмыслялся как нормативно значимая обязанность, а первая дойка после отёла могла сопровождаться благословением. В традиционной шугн.-руш. культуре молоко отелившейся коровы в первые три дня, как правило, скрывали от посторонних; этот обычай соотносился с представлениями о вероятности сглаза и необходимостью защитить корову, телёнка и благополучие всего хозяйства. В когнитивном плане это демонстрирует сакрализацию молочных продуктов как жизненно важного ресурса. Поверье шугн. *cīg žow ca kaɣi, diga mayā-ti tu cem na-δed* ‘если

зарежешь отелившуюся корову, скота больше тебе не видать’ фиксирует ритуальный запрет на нарушение естественного цикла. Через данные номинации отражается связь ухода за животными с поддержанием порядка, достатка и благополучия дома.

Лексемы для обозначения мелкого рогатого скота также отражают его ключевую роль в хозяйственном укладе традиционного дома. Шугн. *mol*, руш. *mol*, сар. *mul* ‘мелкий рогатый скот’ является основным ресурсом для питания, одежды и обмена; шугн.-руш. *wārg* ‘ягнёнок’ символизирует увеличение поголовья и процветание семьи; шугн. ж. *maγ*, м. *miγīj*, руш. ж. *mew*, м. *mawuj* ‘овца / баран’ выступают обрядовыми животными и играют важную роль в жертвоприношениях; шугн. *bučag / bučagk*, руш. *giy* ‘козлёнок’ и шугн. *guj / gujbucak* ‘козочка’ ассоциируются с заботой и вниманием младших членов семьи.

Ряд лексем объединяет названия домашних животных, значимых для хозяйственного уклада и символической организации пространства дома: шугн.-руш. *čaǩ* ‘курица’, шугн.-руш. *čuǩ* ‘петух’, шугн. *markāb*, руш. *šar*, сар. *šer / angi* ‘осёл’, шугн. м. *vorj*, ж. *vêrʒ*, руш. *vůray* ‘конь, лошадь’, шугн. *piš* ‘кошка’. Выражение шугн. *markab dastūr kor čīdow* ‘работать как осёл’ фиксирует метафорическое осмысление осла как символа тяжёлого, рутинного и неутомимого труда. Лошадь осмысляется как рабочее и одновременно статусное животное: владение ею соотносится с высоким социальным положением. Кошка в традиционных представлениях описывается как шугн. *ǩojǰůn* ‘животное, чьё присутствие в доме выполняет защитную функцию’; обижать её запрещалось, что закреплено в формуле шугн. *piš xu půst-and zar zêzd* ‘кошка возьмёт в объёме своей кожи золота (в возмещение за причинённую ей боль)’.

Лексемы, обозначающие процессы ухода и взаимодействия с животными, отражают повседневные хозяйственные действия и их культурно значимые интерпретации. Единицы шугн. *rivor čīdow* ‘давать молоко (о скоте)’ и шугн. *rīvdow* ‘сосать молоко (о детёнышах)’ фиксируют цикличность двора

и устойчивость хозяйственного уклада. Действия шугн. *wox̌ weδdow* ‘кормить скот’, шугн. *bizīdow* ‘загонять скот’, шугн. *bijīn weδdow* ‘подстилать мякину под скот’ профилируют ответственность хозяев и норму поддержания порядка и заботы о животных. Коллективная организация труда представлена лексемами шугн., руш. *poc weδdow* ‘устанавливать очередность пасти скот’ и шугн., руш., барт. *poc pêydow* ‘пасти скот по очереди’, которые закрепляют практику согласованных действий внутри общины и модель взаимной ответственности.

В ряд лексем с выраженной символической нагрузкой входят следующие единицы: шугн. *layār* ‘домашний скот, домашние животные’, где скот выступает обобщённым маркером дома и хозяйственного благополучия; шугн. *layār-dor* ‘человек, имеющий домашний скот’, которое указывает на связь владения скотом с социальным статусом; шугн., руш. *naxčīr* ‘архар’, соотносимый с чистотой и духовным началом; шугн.-руш. *kud* ‘собака’, концептуализируемая как защитник дома и стада; выражение шугн., руш. *yi bêγījaϑ wefand nist* ‘у них даже одной овцы нет’, репрезентирующее крайнюю бедность; шугн. *xoli γijad-en* ‘пустые хлева’, метафорически кодирующее запустение и утрату благополучия.

Социальная сторона хозяйственной жизни тоже хорошо видна в устойчивых выражениях. Так, шугн., руш., барт. *markab dastūr kor čīdow* ‘работать как осёл’ метафорически передаёт тяжёлый и изнурительный труд как обычную часть сельского быта. Выражение шугн. *mol yast ol yast* ‘есть мелкий рогатый скот, есть и положение’ прямо связывает наличие скота с общественным статусом. В свою очередь, фраза шугн. *boy-and no-tiwůn-ti yi pīs mol qārʒ* ‘нищий всегда должен имущему один кусок скота’ отражает устойчивое представление о социальной и хозяйственной иерархии.

Все эти единицы вместе показывают двор как пространство, где забота о животных связана не только с хозяйством, но и со статусом, ответственностью и правилами социальной жизни. Анализ лексики этого микрополя показывает, что животных воспринимают как основу

благосостояния и как признак устойчивости дома: *žow* ‘корова’ связывается с достатком, *wārg* ‘ягнёнок’ с приумножением хозяйства, а *naxčīr* ‘архар’ с сакральными представлениями о чистоте и с запретами, которые регулируют охоту. Уход за животными в шугн.-руш. традиции концептуализируется как часть поддержания порядка дома, где нормативное обращение с живыми существами связывается с гармонией и стабильностью семьи и сообщества.

Для макрополя *Čīd–Sarixtakori* ‘Дом–Хозяйство’ составлена таблица семантических признаков, отражающая основные направления концептуализации хозяйственного пространства: трудовая и хозяйственная функция, социальный статус, коллективная кооперация, ритуальные аспекты, чистота и порядок, уют и эстетика. Ниже приводится указанная таблица со статистическим и семантическим анализом.

Таблица 12

Количественный анализ по семантическим признакам макрополя *Čīd–Sarixtakori* - ‘Дом–Хозяйство’

Микрополе	**Труд/хозяйственная функция**	**Социальный статус и престиж**	**Коллективная кооперация**	**Сакральные и ритуальные аспекты**	**Чистота/порядок**	**Уют и эстетика**	**Всего**
Хозяйственные постройки и сооружения	14	9	3	8	8	4	**46**
Бытовая утварь и предметы хранения	18	7	4	7	10	9	**55**
Домашние работы и процессы	20	4	5	9	10	4	**52**
Основные животные и лексика ухода	15	10	7	8	4	3	**47**
Всего	**67**	**30**	**19**	**32**	**32**	**20**	**200**

*** Составлено автором на основе собственной классификации и подсчета**

Комплексный анализ таблицы показывает, что в макрополе *Čīd–Sarixtakori* – ‘Дом–Хозяйство’ наибольший объём лексики связан с трудовой и хозяйственной функцией (67 единиц). Это отражает концептуализацию дома как центра экономической деятельности, где ведение хозяйства выступает

базовой ценностью. В рамках данного признака лексемы показывают хозяйственный труд как совокупность повседневных действий, от которых зависит устойчивость семейного уклада и его продолжение. Так, *xůnadori* ‘ведение хозяйства’ и *čīd anjīvdow* ‘держать дом, заботиться о быте’ охватывают работу, связанную с уходом за скотом, приготовлением пищи, уборкой и поддержанием повседневного порядка. В таком контексте труд воспринимается не просто как набор практических обязанностей, а как важная часть семейной ответственности и устойчивости дома.

Показатель ‘социальный статус и престиж’ (30 единиц) показывает, что положение семьи в общине во многом зависит от состояния её хозяйства. Если дом содержат в порядке, если в нём есть запасы и хозяйственные зоны хорошо устроены, это воспринимается как признак благополучия и уважения. Например, выражение *aft dar-abodůni* ‘богатое хозяйство’ прямо связывает дом с достатком, а выражение *as rūʒ rūγanin δud tīzd* ‘из окна (на крыше) идёт масляный дым’ метафорически передаёт изобилие и устойчивость хозяйства. С этим же рядом связаны единицы, в которых социальная оценка опирается на наличие скота: *laγār-dor* ‘человек, имеющий домашний скот’ обозначает состоятельного хозяина, тогда как выражение *yi bêγījaϑ wefand nist* ‘у них даже одной овцы нет’ передаёт крайнюю бедность.

Показатель ‘коллективная кооперация’ (19 единиц) показывает, что хозяйственную деятельность в шугн.-руш. традиции люди понимают как общее дело, основанное на взаимопомощи и распределении обязанностей. Например, выражение *poc weδdow* ‘устанавливать очередность пасти скот’ передаёт норму согласования действий внутри общины, а лексема *poc pêydow* ‘пасти скот по очереди’ отражает устойчивую практику коллективного ухода за стадом, когда ответственность делят между собой несколько человек.

В рамках признака ‘чистота и порядок’ (32 единицы) лексемы показывают, что чистоту дома и хозяйственных построек в шугн.-руш. культуре связывают не только с практической необходимостью, но и с благополучием семьи. Так, *zidāriʒ* ‘подметать, выметать’ обозначает

регулярную уборку в жилом и хозяйственном пространстве, а лексема *čidīrδêd* ‘чистка сажи’ связана с обрядовой уборкой на *Xidīr ayům* ‘Навруз’. Через неё очищение дома входит в новый календарный цикл и связывается с ожиданием благополучия.

Признак ‘уют и эстетика’ (20 единиц) показывает, что дом воспринимается как пространство гармонии, где чувство уюта возникает благодаря порядку и обжитости внутренней среды. Лексема *luǰkak* ‘лучина’ связывает свет с домашним уютом и с возможностью продолжать вечернюю работу в безопасной обстановке. Лексема *cirow* ‘светильник, подсвечник’ обозначает не только источник света, но и важную часть домашней атмосферы: свет делает пространство обжитым и входит в систему культурно закреплённых домашних практик.

В результате анализа таблиц семантических признаков макрополя *Čīd–Sariǰtakori* – ‘Дом–Хозяйство’ выявляется, что лексика данного поля конструирует целостную когнитивную модель традиционного дома в шугн.-руш. языковой картине мира. Дом осмысляется как центр хозяйственной деятельности, социальной оценки, кооперации, порядка и уюта, а соответствующие семантические признаки в совокупности формируют многослойное представление о нём как об организующем центре жизненного мира.

Выводы по главе

Анализ семантического пространства концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков показал, что его содержание не сводится к обозначению жилища. В центре поля находится дом как место жизни семьи, хозяйства и повседневного уклада, однако вокруг этого ядра группируются более широкие значения, связанные с родовой принадлежностью, порядком, защитой, достатком и ритуальной нормой. Эти смыслы выражаются не только отдельными лексемами, но и устойчивыми сочетаниями, морфологическими моделями и повторяющимися способами описания домашнего пространства.

Анализ ядерной зоны показал, что центральный номинативный контур поля формируют *čīd*, *xůnā* и *mālā*, при этом исконная лексема *čīd* выступает как наиболее этнографически информативная и концептуально нагруженная единица, обозначающая не только жилище, но и родовое пространство, центр семьи и точку преемственности. Заимствованные *xůnā* и *mālā* функционально расширяют номинацию дома, отражая контактные процессы, вариативность типов жилища и бытовых практик.

Исследование периферийных экспликаторов показало, что периферия концепта отличается высокой семантической плотностью и включает оценки и нормативы, маркирующие достаток и недостаток, ‘правильность’ ведения дома, защищённость, благополучие и родовую принадлежность. В рамках когнитивно-семантического подхода выявлены устойчивые признаки – диминутивность, принадлежность, защитность и аксиологичность, – формирующие вторичные когнитивные модели и закрепляющие ценностные ориентации носителей языка.

Важным результатом главы стала реконструкция когнитивно-семантической модели концепта ДОМ, основанной на полевой организации его содержания. Она включает ядерную, приядерную и периферийные зоны, а ближняя периферия структурируется системой макро- и микрополей, репрезентирующих семейные, хозяйственные, ритуальные, пространственные и социальные аспекты домашнего мира.

Анализ макрополей показал, что в шугн.-руш. языковой картине мира дом осмысляется не только как пространство семьи, традиции, постройки и хозяйства, но и как малая родина. В макрополе *Kata-Čīd* он получает метафорическую и культурно значимую интерпретацию как родовое и территориальное пространство, соотнесённое с коллективной памятью, происхождением и идентичностью носителей языка.

Синтагматические модели с компонентом *čīd* демонстрируют аксиологическую вариативность и фиксируют культурно значимые категории покоя, благодати, уважения к предкам, семейного единства и социального

порядка. Позитивно маркированные сочетания, такие как *dod čīd, ba-barakat čīd, osoyaǎ čīd*, конституируют идеал ‘правильного’ дома, тогда как нейтральные и негативные номинации, например, *werůnā, ǎičīf-rêž*, отражают оценочные и прагматические нюансы, связанные с реальными условиями быта и жизненного опыта.

Существенный слой репрезентации концепта образуют паремии, фразеологические единицы и ритуально маркированные выражения, в которых закрепляются нормы поведения, запреты, ценностные установки и культурные сценарии. Именно этот пласт наиболее отчётливо выявляет связь семантики дома с представлениями о защите, сакральности, родовой памяти, порядке и благополучии.

Таким образом, концепт ДОМ в шугн.-руш. группе языков предстаёт как иерархически организованный когнитивный конструкт, репрезентируемый средствами разных языковых уровней. Полученная модель задаёт основу для дальнейшего рассмотрения морфологических, коллокационных, фреймовых и метафорических интерпретаций концепта в последующих главах.

ГЛАВА III. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И КОЛЛОКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТА ДОМ

Морфологические и коллокационные характеристики лексем, репрезентирующих концепт ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков, позволяют точнее описать, как эта категория организуется в языке. В центре внимания в данной главе находятся устойчивые лексические и морфологические коллокации, то есть регулярные паттерны сочетаемости, связанные с опорными лексемами *čīd, malā* и *xůnā* ‘дом’, и их соотнесённость со структурной организацией концепта и его семантическими проекциями в языковом сознании носителей. Анализ строится на эмпирическом материале, собранном автором, и охватывает повторяющиеся сочетания с определёнными морфемами, служебными элементами и клитиками, занимающими промежуточное положение между морфологическими и лексическими единицами. Такое описание позволяет выявить наиболее устойчивые модели сочетаемости и проследить, какие смысловые признаки оказываются наиболее активными в системе номинаций. В результате уточняются закономерности концептуализации категории ДОМ как многослойного культурно-языкового феномена, объединяющего материальное, социальное и символическое измерения. При разграничении устойчивых коллокаций и фразеологических единиц учитываются подходы русскоязычной традиции [15].

3.1. Коллокационные модели и морфологические паттерны при опорных лексемах *čīd, xůnā* и *mālā*

Материал данного раздела уже частично представлен в публикациях автора [140], однако в настоящей диссертации он дан в переработанном и расширенном виде. Основной акцент перенесён на устойчивые лексические и морфологические коллокации, то есть на паттерны сочетаемости, связанные с опорными лексемами *čīd, xůnā* и *mālā*. Одновременно расширен эмпирический материал и уточнена когнитивно-семантическая интерпретация рассматриваемых единиц.

Такой поворот анализа требует обратиться к тем уровням языковой системы, где значение проявляется не случайно, а в устойчиво повторяющихся моделях. В данном случае речь идёт прежде всего о морфологических средствах и паттернах сочетаемости. Именно они позволяют увидеть, как в языке закрепляются номинации элементов традиционного жилища и как внутри доменной лексики разграничиваются признаки, которые регулярно актуализируются в типовых контекстах.

Морфологические средства и устойчивые паттерны сочетаемости важны для данного анализа потому, что именно в них значение получает регулярное языковое оформление. Повторяющиеся модели употребления показывают, какие признаки оказываются для носителей существенными и как они закрепляются в доменной лексике. Поэтому далее в центре внимания находятся устойчивые лексические, морфологические и лексико-морфологические паттерны сочетаемости опорных лексем, в том числе их сочетания со словоизменительными, служебными и клитическими показателями, занимающими промежуточное положение между лексическим и морфологическим уровнями. Такой ракурс позволяет описывать не отдельные формы изолированно, а повторяющиеся способы языкового выражения значений, связанных с концептом ДОМ.

Анализ паттернов сочетаемости показывает, что употребления опорных лексем складываются не в случайный набор примеров, а в систему, где формальные и смысловые связи воспроизводятся достаточно последовательно. В эмпирическом материале регулярно повторяются как сочетания с определёнными лексемами, так и комбинации с морфемами, служебными элементами и клитиками, за счёт которых внутри лексики дома разграничиваются отдельные смысловые признаки [15]. В качестве основной единицы описания в разделе принимается совокупность устойчивых лексических и морфологических коллокаций, то есть паттернов сочетаемости, формирующихся вокруг опорной лексемы. Это даёт возможность увидеть не только внешние формальные соответствия, но и внутреннюю смысловую

организацию материала, которая проявляется именно в повторяемости моделей употребления. Группировка данных вокруг опорной лексемы, напоминающая описания ‘гнездового’ типа в ряде работ, используется здесь лишь как способ систематизации эмпирического материала, тогда как предметом анализа остаются сами коллокационные модели и морфологические паттерны сочетаемости [127, с. 33–41]. Устойчивость отдельных моделей может соотноситься с большей значимостью соответствующих объектов в традиционной картине мира, однако основной акцент в настоящем исследовании сделан на описании наблюдаемых языковых паттернов и их семантической дифференциации.

В этом подразделе рассматриваются модели употребления, связанные с лексемами *čīd, xůnā* и *mālā*, и то, как в них соотносятся форма и значение. В шугн.-руш. группе памирских языков все три единицы участвуют в номинациях со значениями ‘дом’, ‘жильё’, ‘здание’, однако их распределение по контекстам неодинаково. Это различие видно и в наборе типичных сочетаемостных моделей, и в тех морфологических форматах, в которых данные лексемы регулярно появляются.

В дальнейшем анализе опорными выступают лексемы со значением ‘дом/жилище’, прежде всего, *čīd, xůnā/xona, malā* – ключевые номинации ядерной зоны концепта ДОМ и другие близкие единицы в шугн.-руш. группе языкво. Рассматриваются их коллокационные профили, то есть устойчивые лексические и морфологические паттерны сочетаемости, включая конструкции с клитиками. Такой ракурс позволяет увидеть не только сами номинации, но и то, в каких повторяющихся моделях употребления раскрываются их смысловые возможности.

Далее рассматриваются повторяющиеся формально-семантические модели разных типов: аффиксальные и композитные образования, устойчивые сочетания, а также конструкции со служебными элементами и клитиками. Для шугнанского материала это особенно важно, поскольку клитики занимают промежуточное положение между морфологией и синтаксисом и потому

должны учитываться как часть устойчивых моделей употребления. Именно в этом качестве далее рассматриваются, например, *čīd–aϑ* ‘с домом / у дома’, *xůnā–va* ‘в дом / к дому’, *mālā–ga* ‘для дома / к дому’.

Такой подход позволяет сопоставить основные способы, которыми значение ДОМа разворачивается в речи. Один из них связан с пространственными отношениями и распределением: *čīd–ec* ‘до дома’, *xůnā–rd* ‘к дому’, *mālā–yard* ‘по направлению к дому’; *čīd tar čīd* ‘от дома к дому’, *xůna tar x̌ůnā* ‘из дома в дом’, *mālā tar mālā* ‘от жилища к жилищу’. Другой проявляется в событийно-функциональных и структурных номинациях, таких как *yām–xůnā* ‘траурный дом’, *kasal–xůnā* ‘больница’, *qūš–xůnā* ‘гостевая комната’. Отдельно выделяются оценочные и приватативные формы: *čīd–ak* ‘домик’, *xůnā–yak* ‘небольшой дом’, *mālā–yak* ‘маленькое жилище’; *be–čīd* ‘бездомный / без дома’, *be–xůnā* ‘без жилища’, *be–mālā* ‘лишённый дома’. К этой же системе относятся и социально-родовые композиты, например, *kata čīd* ‘дом предков’, *čīd–jamāt* ‘дом-семья’, ‘домашняя общность’. При этом одни модели допускают сравнительно свободную взаимозаменяемость опорных лексем, особенно в пространственных конструкциях, а другие, напротив, закрепляют за *xůnā, čīd* или *mālā* собственную смысловую перспективу. Полная систематизация единиц и их распределение по типам моделей сочетаемости для *čīd, xůnā* и *mālā* ‘дом’ приведены в Таблицах 9–11 Приложения.

Рассмотрение профиля сочетаемости опорной лексемы *čīd* показывает, что здесь представлены разнородные модели: аффиксальные и композитные образования, а также устойчивые конструкции, в которых *čīd* сочетается со служебными элементами и клитиками. При этом часть присоединяемых элементов не образует новой номинации, а выполняет грамматическую функцию: маркирует синтаксические отношения и оформляет локативно-реляционные значения в составе высказывания.

Профиль сочетаемости *čīd* охватывает несколько групп моделей, за которыми стоят разные смысловые зоны ДОМ-а. С одной стороны, это

оценочные и диминутивные формы, с другой, социально-родовые композиты, ср. *kata čīd*. Отдельное место занимают пространственные и дистрибутивные конструкции, где *čīd* выступает ориентиром при выражении локативных и направительных отношений. Наряду с этим фиксируются устойчивые паттерны со служебными элементами и клитиками. Они не меняют предметную отнесённость слова *čīd*, а показывают, как эта лексема включается в типовые синтаксические схемы.

Особо стоит остановиться на образованиях с формантом *-i*. В собранном материале они встречаются регулярно и в основном тяготеют к двум группам: к именным единицам со значением процесса или действия и к адъективным образованиям со значением признака. Их систематизация по моделям сочетаемости и примеры употребления приведены в Таблице 9 Приложения. Именно этот материал позволяет сопоставить данные по *čīd, xůnā* и *mālā* на уровне повторяющихся паттернов, включая конструкции со служебными элементами и клитиками.

Материал по *čīd* показывает, что среди аффиксальных моделей особенно заметны две зоны. Первая связана с оценочно-диминутивной семантикой: наряду с нейтральным обозначением жилища здесь встречаются формы, которые передают значение малого размера и субъективной оценки. Вторая группа объединяет номинации лиц, действий и состояний, связанных с домом, охрану, строительство, ведение хозяйства и другие. Это показывает, что в употреблении значение *čīd* выходит за пределы предметного смысла ‘дом’ и переходит в сферу практических и функциональных значений. Заметное место занимают композитные модели, включая *kata čīd* букв. ‘большой дом’, в значении ‘дедовский дом’. В таких образованиях значение *čīd* уточняется за счёт присоединяемого определяющего компонента; особенно ясно это проявляется в номинациях родового/семейного дома.

В материалах с *čīd* заметно представлены устойчивые пространственные модели: формы и конструкции, выражающие локативные и направительные отношения (в/к/из дома, движение ‘из дома в дом’, распределение ‘по домам’

и т.п.). В этом смысле *čīd* функционирует как типичная точка пространственной отнесённости, как и во многих языках, где дом служит естественным ориентиром. Специфика для данного описания заключается не в самом факте ‘ориентирности’, а в наборе закреплённых паттернов и в участии служебных элементов/клитик, которые оформляют такие значения в шугнанском. Композитные номинации *kata čīd* ‘дедовский дом/дом предков’ и *čīd–jamāt* ‘семья’ показывают, что в моделях с *čīd* регулярно актуализируется социально-родовой компонент значения. Диминутивно-оценочные формы, в свою очередь, вводят оценочную перспективу (малый размер/ласкательность), не изменяя базовую референцию ДОМ (см.: Таблица 9, Приложение).

Далее рассматриваются модели сочетаемости, связанные с базовой номинацией *xůnā*, что позволяет сопоставить смысловые акценты при другой ключевой единице поля ДОМ в шугн.-руш. группе. В материалах с *xůnā* особенно выделяются композитные номинации событийно-функционального типа, часто совпадающие с перс.–тадж. моделями и функционирующие как готовые заимствованные единицы: *γām–xůnā* ‘дом, где объявлен траур’, *sūr–xůnā* ‘дом, где свадьба’, *kasal–xůnā* ‘больница’, *qūš–xůnā* ‘гостевая комната’ и др. В пространственных и дистрибутивных конструкциях *xůnā* в целом сопоставима с *čīd* и *mālā*, тогда как событийно-функциональные композиты менее свободно допускают такую замену и закрепляют иную перспективу интерпретации ДОМ. Полный перечень единиц и их группировка по типам моделей сочетаемости приводятся в Таблице 10 (Приложение).

Важно подчеркнуть, что представленные модели сочетаемости с *xůnā* частично пересекаются с моделями, зафиксированными для *čīd* и *malā*, однако степень взаимозаменяемости этих номинаций неоднородна. В пространственных и дистрибутивных конструкциях (*xůnā–ec, xůna tar x̌ůnā*) *xůnā* функционально сопоставима с *čīd* (ср. *čīd–ec, čīd tar čīd*). В композитных номинациях по схеме ‘событие/функция + дом’ (*γām–xůnā, sūr–xůnā, kasal–xůnā*) замена на *čīd* или *malā* не фиксируется либо приводит к изменению

значения. Тем самым *xůnā* тяготеет к моделям, в которых ДОМ осмысляется как место ситуации, события или функционально специализированного пространства, тогда как *čīd* и *malā* чаще реализуют предметно-родовую и оценочную перспективы. В пространственных моделях с *xůnā* наблюдается фонетическое усечение гласного в составе присоединяемых элементов: *xůnā–rd* (< *–ard*), *xůnā–nd* (< *–and*), а также *xůnā–ʒ* (< *–aʒ*). Эти формы оформляют локативные и реляционные значения и регулярно реализуются в составе устойчивых конструкций.

Систематизация материала по *xůnā*, представленная в Таблице 10, показывает, что аффиксальные образования в этом ряду в основном связаны с социально-ролевыми и оценочными характеристиками, ср. ‘владелец дома’, ‘домашний’, состояния благополучия или разорения. Иной характер имеют композитные номинации: именно они последовательно закрепляют событийно-функциональное осмысление ДОМ-а как места практики, ситуации или внутренне организованного пространства с выделенными помещениями и пристройками.

Лексема *mālā* функционирует как одна из базовых номинаций поля ДОМ и в обобщённом употреблении может выступать в роли синонимической замены *čīd* и *xůnā*. По материалу для *mālā* фиксируется компактный набор моделей сочетаемости, прежде всего в пространственной и оценочной зоне: ср. *mālā–ec* ‘до дома’, *mālā–yard* ‘в доме’, *mālā tar mālā* ‘из дома в дом’, а также диминутивные формы типа *mālā–yak* и приватативные образования типа *be–mālā*. Конструкции со служебными элементами/клитиками (*mālā–yaʒ, mālā–va, mālā–ga*) дополняют профиль употребления и подтверждают включённость *mālā* в устойчивые паттерны на стыке морфологии и синтаксиса. Полный перечень единиц и их группировка по типам моделей сочетаемости приводятся в Таблице 11 Приложение.

Обобщение моделей сочетаемости для *mālā* (см. Таблицу 11 в Приложении) показывает, что их набор в целом сопоставим с теми направлениями номинации, которые фиксируются для *čīd*, однако в материале

особенно заметны пространственные реализации. В частности, представлены локативно-направительные формы (*mālā–ec*, *mālā–yard*, *tar/pi/ar mālā–yāj*, *tar/pi/ar mālā–yāj–aϑ*) и дистрибутивные конструкции типа *mālā tar mālā* и *mālā pis mālā*, оформляющие движение и распределение относительно дома. Таким образом, в употреблении *mālā* ДОМ выступает как ориентир при описании локативных и направительных отношений.

Аффиксальные модели с *mālā* в основном распределяются между двумя зонами: оценочной и деятельностной. Диминутивные формы *mālā–yak* ‘домик’, *mala–buc* ‘маленький дом’, *mala–buc–ak* ‘совсем маленький дом / домик’ передают оценочное восприятие жилища. Напротив, единицы типа *mala–mīzd* ‘строительство дома’ и *mālā–mīzd–ow* ‘строить дом’ выводят на первый план деятельностный аспект, связанный с возведением жилища. Приватативные образования *be–mālā* ‘без дома’, *be–māla* ‘бездомный / без жилища’, *be–māla–gi* ‘состояние отсутствия дома’, *be–māla–āϑ* ‘без дома / вне дома’ формируют противопоставление ‘наличие дома – отсутствие дома’, а *mala–(d)or* ‘имеющий дом, домовладелец’ выражает признак обладания жилищем. Материал с *mālā* не даёт увеличительных номинаций; в оценочной зоне здесь преобладают именно уменьшительные и ласкательные формы. В целом *mālā* прежде всего поддерживает базовые такие проекции ДОМ-а как пространственные отношения, строительство и обладание или необладание жилищем. Событийно-функциональные номинации чаще тяготеют к *xů̊nā*, а социально-родовые расширения к *čīd*. Обобщённые данные и полный перечень единиц приведены в Таблице 11 (Приложение).

Чтобы сопоставить модели, связанные с *čīd* ‘дом’, *xů̊nā* ‘дом, жилище’ и *mālā* ‘дом, жилище’, материал был дополнительно рассмотрен с точки зрения формальной сложности образований. При этом учитывались одношаговые и двухшаговые структуры, то есть модели типа ‘базовая лексема + один формальный элемент’ и ‘базовая лексема + два формальных элемента’, а также устойчивые конструкции со служебными элементами и клитиками. Такой ракурс не заменяет коллокационный анализ, а помогает точнее увидеть, какие

модели чаще всего повторяются при репрезентации ДОМа: пространственные, событийно-функциональные, социально-ролевые и оценочные.

По результатам описания видно, что подавляющая часть единиц реализует простые модели (одношаговые образования), двухшаговые встречаются существенно реже, а более длинные цепочки единичны либо не подтверждаются материалом. Это согласуется с тем, что основная масса зафиксированных моделей строится на аффиксации, композиции и устойчивых сочетаниях с клитиками без развертывания длинных формальных цепочек.

В материале по *čīd* преобладают простые (одношаговые) образования; двухшаговые структуры встречаются эпизодически и, как правило, строятся на базе уже сформированных единиц. Показателен пример *čīd-mīzd* ‘постройка дома’, от которого фиксируются дальнейшие развертывания: *čīd-mīzd-ow* (переоформление номинации в глагольную) и *čīd-moz-īj* (актуализация значения лица). В таких случаях хорошо видно, что формальные расширения соотносятся с типовыми смысловыми зонами ДОМ прежде всего с деятельностными и агентными интерпретациями, а также с регулярными пространственными моделями, где *čīd* участвует как ориентир в локативно-направительных конструкциях (см. Таблица 9 в Приложении).

Для *xůnā* наблюдается сходная картина: основной массив единиц реализует простые модели, а развернутые (двухшаговые) образования фиксируются ограниченно и обычно связаны с внутренней структурой композитов. Так, *qūš-xůnā* выступает базой для дальнейших номинаций типа *qūš-xůnā-dor* и *qūš-xůnā-niǐn*, что отражает способ наращивания значения через уточнение функционального/социального статуса. В целом при *xůnā* акцент смещён в сторону “горизонтального” расширения: формируются серии композитных номинаций, описывающих ДОМ как функционально специализированное пространство (помещения, роли, ситуативные локусы), без развертывания длинных цепочек формальных преобразований (см. Таблица 10 в Приложении).

Материал по *mālā* в целом строится на простых моделях: особенно заметны пространственные и дистрибутивные реализации, а также конструкции со служебными элементами/клитиками. Развернутые (двухшаговые) образования фиксируются эпизодически и, как правило, развивают базовые смысловые зоны, связанные со строительством, обладанием или отсутствием дома (см. Таблица 11 в Приложении). В этом отношении *mālā* функционирует, прежде всего как обобщающая номинация ДОМ, поддерживающая “базовый” набор моделей употребления.

Сопоставление материала по *čīd, xůnā* и *mālā* показывает, что принципиально разные способы образования здесь не возникают, однако сами модели распределены неравномерно. Для *čīd* особенно характерны деятельностные и социально-родовые расширения. Для *xůnā* более типичны композитные и событийно-функциональные номинации. *Mālā*, напротив, чаще поддерживает пространственные и обобщающие реализации. За этим различием стоит и разный способ языковой репрезентации ДОМа в шугн.-руш. группе: через социальные связи, через функциональную специализацию пространства и через базовые пространственные отношения.

Сопоставление моделей сочетаемости, связанных с *čīd*, *xůnā* и *mālā*, позволяет выделить несколько повторяющихся смысловых зон, через которые разворачивается значение ДОМ. Речь идёт не о “полных списках” единиц, а о типовых направлениях номинации, которые по-разному представлены при каждой опорной лексеме.

1. Диминутивность и (часто) оценочная перспектива. Для *čīd* и *mālā* фиксируются диминутивные формы (ср. *čīd–ak, mālā–yak*), тогда как при *xůnā* эта зона представлена более ограниченно (ср. *xůnā–yak*). При этом диминутивность типологически не обязательна оценочна, однако в рассматриваемом материале она, как правило, тяготеет к субъективной интерпретации.
2. Приватативная зона (‘отсутствие дома’). Во всех трёх рядах регулярна модель с приватативным показателем (ср. *be–čīd*, *be–xůnā*, *be–mālā*), что

задаёт устойчивое противопоставление ‘наличие/отсутствие жилища’ в рамках поля ДОМ.

3. Социально-ролевые и хозяйственные номинации. Для *čīd* и *xůnā* представлены модели, связывающие ДОМ с ролями и хозяйственной сферой (ср. *čīd–(d)or, xůna–dor*), при *mālā* эта зона фиксируется более компактно (ср. *mala–(d)or*).
4. Деятельностная зона (строительство и связанные действия) В материале с *čīd* и частично с *mālā* представлены единицы, относящиеся к строительству (ср. *čīd–mīzd, mala–mīzd*), тогда как при *xůnā* соответствующие модели практически не фиксируются; это отражает различия в распределении функций номинаций внутри поля ДОМ.
5. Семейно-родовая перспектива. У *čīd* выделяются модели, связывающие ДОМ с родовой/семейной сферой (ср. *kata čīd, dod–čīd, čīd–jamāt*). Для *xůnā* и *mālā* сопоставимые композиты в представленном материале не подтверждаются, что указывает на асимметрию распределения этой смысловой зоны между опорными лексемами.
6. Событийно-функциональные и структурные номинации (прежде всего при *xůnā*). Для *xůnā* характерны композитные модели, в которых ДОМ интерпретируется через событие/функцию или через внутреннюю организацию пространства (ср. *γām–xůnā, sūr–xůnā, kasal–xůnā, qūš–xůnā, bolo–xůnā*). Для *čīd* и *mālā* такие номинации в материале представлены существенно слабее, что согласуется с различием смысловых акцентов этих базовых обозначений.
7. Пространственные и реляционные модели, включая конструкции с клитиками. Для всех трёх лексем системно значимы пространственные и реляционные паттерны (ср. *čīd–ec, xůnā–rd, mālā–yard*), а также конструкции со служебными элементами/клитиками (ср. *čīd–aϑ, xůnā–va, mālā–ga*). Эти модели не столько “создают новые номинации”, сколько обеспечивают регулярное включение базовой лексемы в

типовые синтаксические схемы выражения локативности, направленности и выделения.

Частеречная и формальная организация моделей, связанных с *čīd*, *xůnā* и *mālā*, включает несколько структурных типов. Наряду с аффиксальными и композитными образованиями в материале выделяются устойчивые конструкции с служебными элементами и клитиками. Такие элементы не формируют новой номинации, а оформляют грамматические значения и задают отношения единицы к другим компонентам высказывания; в настоящем описании они учитываются как часть устойчивых паттернов сочетаемости.

А. Аффиксальные и композитные типы

1. Композиты типа ‘существительное + существительное’
   ср. *čīd–jamāt*, *xůna–důmod*, *γām–xůnā*, *sūr–xůnā*, *qūš–xůnā*, *kasal–xůnā*, *mala–joy*.
2. Образования с суффиксальным оформлением (в т.ч. диминутивные и признаковые)
   ср. *čīd–ak*, *čīd–buc–ak*, *čīd–bůn*, *xůna–gi*, *mālā–yak*.
3. Образования типа ‘основа + показатель лица/абстрактного значения’
   ср. *čīd–(d)or* / *čīd–(d)or–i*, *xůna–dor* / *xůna–dor–i*, *xůna–niχīn* / *xůna–niχīn–i*.
4. Развёрнутые композиты (многочленные структуры)
   ср. *qūš–xůnā–dor*, *qūš–xůnā–niχīn*, *bolo–xůnā–dor*, *čīd–ič–ak–bozi*.
5. Привататиные образования с префиксом *be-*
   ср. *be–čīd*, *be–xůnā*, *be–mālā*, *be–čīd–i*, *be–māla–gi*.

Б. Паттерны с грамматическими показателями, служебными элементами и клитиками

1. Формы типа ‘основа + грамматический показатель’
   (локативность/направленность/выделение и др.)

ср. *čīd–ec*, *čīd–ard*, *čīd–aϑ*, *čīd–va*, *xůnā–rd*, *xůnā–nd*, *xůnā–ga*, *mālā–yard*, *mālā–yand*.

2. Дистрибутивные конструкции и устойчивые схемы с предлогами/служебными элементами
   ср. *čīd tar čīd*, *čīd pis čīd*, *xůna tar x̌ůnā*, *xůna pis xůnā*, *mālā pis mālā* (в т.ч. варианты с усилительно-выделительным элементом *–aϑ* / *–yaϑ*).

Выделенные структурные типы паттернов сочетаемости ещё раз показывают, какими формальными средствами в шугн.-руш. группе оформляются разные проекции ДОМа. Морфемный разбор в этом разделе не является самостоятельной целью, поэтому далее часть единиц, связанных с *čīd, xůnā* и *mālā*, рассматривается в составе предложений с поморфемным переводом и пояснением значения. Такой способ подачи нужен для того, чтобы на конкретных примерах было видно, какие компоненты конструкции реально работают в употреблении и какие значения при этом актуализируются. Оценка употребительности отдельных единиц при этом опирается на полевые наблюдения и интуиции носителя, без количественной оценки и статистических подсчётов.

В материале с *čīd*, *xůnā* и *mālā* диминутивные значения выражаются с помощью суффиксов *–ak* / *–ik*, *–ič*, *–buc*, наличие и функционирование которых в шугнанском языке описаны в грамматических и описательных работах [32; 93, с. 154–158]. Распределение диминутивных форм по трём базовым номинациям неравномерно: при *xůnā* фиксируется единичный пример, при *mālā* ограниченное число форм, тогда как при исконной лексеме *čīd* диминутивные образования представлены наиболее последовательно.

Типологически диминутивы не обязательно несут оценочную нагрузку; однако в рассматриваемом материале они, как правило, интерпретируются в оценочной перспективе (уменьшительность / ласкательность / экспрессивность), при сохранении базовой референции ДОМ. Возможные оттенки значения (в том числе иронические или пренебрежительные) зависят от контекста и интонации, ср. шугн. *čīd–ak*, руш. *čud–ik*.

Показательно, что в шугн.-руш. материале морфологическая диминутивность сосуществует с аналитическими средствами выражения размерной характеристики (ср. сочетания типа *kata čīd*, ‘большой дом’, а также ‘маленький дом’), однако последние не образуют словообразовательных оппозиций и не рассматриваются как аугментативные формы. Это подчёркивает различие между морфологическими и лексико-синтаксическими способами спецификации значения ДОМ.

Далее приводятся контекстные примеры, иллюстрирующие употребление диминутивных форм в составе высказывания; при необходимости сопоставления показывается замена диминутива базовой номинацией *čīd*, *xůnā* или *mālā*.

Приводятся контекстные примеры с поморфемным переводом, иллюстрирующие употребление диминутивных форм. В параллельных строках показаны варианты с *čīd*, *xůnā* и *mālā*; помета “редко” указывает на ограниченную употребительность соответствующего варианта в полевом материале (без количественной оценки).

(1) *Wāδ –en mis yi čīd–ak xurd mīzd*
Wāδ –en mis yi xůnā–yak xurd mīzd (редко)
Wāδ –en mis yi mālā–yak xurd mīzd
DЗ.PL ЗPL ALSO ONE HOUSE–DIM REFL.BEN BUILD–PST
Они тоже домик себе построили.

(2) *Yi čīd–ak wev–and vud fuk nixuǩčin*
Yi xůnā–yak wev–and vud fuk nixuǩčin (редкл)
Yi mālā–yak wev–and vud fuk nixuǩčin
ONE HOUSE–DIM DЗ.PL– LOC BE–PST ALL BROKEN
Был у них домик весь сломанный (в значении какой–то, незначительный).

Примеры (1)–(2) демонстрируют, что диминутивные формы типа *čīd–ak* / *xůnā–yak* / *mālā–yak* в нейтральных контекстах обозначают ‘дом небольшого размера’, при этом оценочная интерпретация (ласкательность,

пренебрежение) зависит от ситуации и интонации, а не задаётся “обязательно” самой формой.

Диминутив *čīd–buc* (суф. *–buc*) в материале преимущественно реализует описательную уменьшительность, соотносимую с физическим размером объекта, без устойчивого смещения в экспрессивную зону. Ср.:

(3) *Wev –and ʒul–aϑ čīd–buc vud*

Wev –and ʒul–aϑ mālā–buc vud (ред.)

DЗ.PL.O LOC SMALL–ADV HOUSE–DIM BE–PST

У них был маленький дом.

Сложная форма *čīd–buc–ak* с двойной суффиксацией (*-buc* + *-ak*) усиливает значение малости и в ряде контекстов допускает более выраженную субъективную окраску. Однако в примере (4) эта форма по-прежнему соотносится с реальным жилым пространством: Ср.:

(4) *Māš čīd–buc–ak–and–en δu jamāt zindagi čūd*

Māš māla–buc–ak–and–en δu jamāt zindagi čūd

1PL HOUSE–DIM–DIM–LOC–ЗPL TWO FAMILY LIFE DO–PST

В нашем маленьком домике жили две семьи.

В то же время в контекстах, где значение задаёт игровая ситуация или сам субъект действия, диминутивная форма может переосмысливаться уже как ‘игрушечный домик’, ср. (5):

(5) *Wāδ kūdak–en–en čīd–ič–ak xurd mīzd*

DЗ.PL CHILD–PL–ЗPL HOUSE–DIM–DIM REFL.BEN BUILD–PST

Дети построили себе (игрушечный) домик.

Полевой материал показывает, что игровая ситуация типа (5) подтверждается именно с опорной лексемой *čīd*; сопоставимые употребления с *mālā* или *xůnā* не зафиксированы.

Таким образом, диминутивные модели при *čīd* допускают разные интерпретации. Сочетание формантов *-buc, -ak* и *-ič* в зависимости от контекста может передавать и нейтральную уменьшительность, и субъективные оттенки: ласкательность, экспрессивность, а также игровую

перспективу. В рамках поля ДОМ это проявляется как различение “размерного” и “прагматически-оценочного” прочтения диминутива на уровне употребления.

В модели *kata čīd* букв. ‘большой дом’, в значении ‘дедовский дом’ компонент *kata* ‘большой’ может реализовывать два чтения: (i) буквальное ‘большой дом’ и (ii) устойчивую социально-родовую интерпретацию ‘родовой/предковый дом’, не сводимую к реальному размеру строения. Лексикографическая фиксация буквального значения представлена у Д. Карамшоева: *kattā čīd fištīr virod–ard firopt* ‘большой дом достанется младшему брату’ [209, с. 97]. В полевом материале и в традиционно обусловленных контекстах сочетание *kata čīd* употребляется также как номинация дома рода/нескольких поколений; в этом случае ‘большой’ интерпретируется, прежде всего как маркер статуса дома в социально–родовой системе (см.: Глава I).

Сопоставимый смысловой акцент отмечается и в других памирских языках: на материале ишкашимского З. Назарова описывает ‘старый дом’/‘дом предков’ как культурно значимую единицу и приводит примеры типа *xon–i kata* (в связи с представлениями о благодати), а также *boboy–i xon–en* ‘дедовский дом, дом предков’ [137, с. 48–56.]. В рамках Главы III этот материал привлекается как иллюстрация устойчивой модели спецификации ДОМ через компонент ‘большой/старый’ в составе композита/аналитического сочетания (а не как “аугментативная” морфология).

Пример (6) иллюстрирует устойчивую социально-родовую интерпретацию модели *kata čīd* в контексте, где речь идёт о доме нескольких поколений:

(6) *Di* *kata čīd –and–am* *cavor* *virod* *xu*
D2.M.SG.O BIG–HOUSE–LOC–1PL FOUR BRATHER REFL
buc–balā *qatīr* *vad*
CHILDREN WITH BE–PST
В этом дедовском доме мы – четыре брата жили со своими детьми.

Далее рассматриваются модели с приватативным префиксом *be-* и связанные с ними номинации. В материале фиксируются формы *be–čīd, be–xůnā, be–mālā*, которые реализуют значение ‘без дома’ и образуют ряд близких по смыслу обозначений. При добавлении суффикса абстрактного значения (*–i* /*–gi*) формируются существительные типа *be–čīd–i, be–mālā–gi*, обозначающие состояние ‘бездомность’ (номинализация признака ‘без дома’). Ср.:

(7) *Be–čīd–aϑ–en* *yi* *umri* *zindagi* *čūd*

Be–xůnā–ϑ–en *yi* *umri* *zindagi* *čūd*

Be–mālā–ϑ–en *yi* *umri* *zindagi* *čūd*

WITHOUT–HOUSE–ADV–3PL ONE LIFE LIVE DO–PST

Без дома прожили всю жизнь.

Be–čīd–i *wazmin* *kor*

Be–mālā–gi *wazmin* *kor* (редко)

WITHOUT–HOUSE–LESS HARD WORK

Бездомность тяжело (Быть бездомным тяжело).

Отдельно представлена номинация лица по функции охраны: *čīd–bůn* ‘охранник дома’, образованная от *čīd* с отыменным суффиксом *–bůn* (лицо по выполняемой роли). В конкретном контексте возможна дополнительная диминутивная модификация (*–ak*), ср.:

(8) *Māš–and* *māš* *čīd–bůn–ak* *yi ku*

1PL–LOC 1PL HOUSE–GUARD–DIM D3.M

Нашим охранником дома является он.

Рассмотрим ещё одну единицу, оформляемую аффиксальным способом. Лексема *čīd–aki* ‘одомашниваться’ образована с помощью суффикса *–aki*. В представленном материале этот суффикс не относится к числу высокопродуктивных; в трёхтомном шугнано–русском словаре Д. Карамшоева соответствующая форма в явном виде не фиксируется. В шугн.-руш. употреблении *čīd–aki* описывает изменение поведенческой установки: склонность оставаться дома, ограничение активности вне дома; как правило, речь идёт о человеке.

С тем же суффиксом соотносится и лексема шугн. *bīrej–aki* ‘больной; человек, лежащий из-за болезни’, которая также употребляется по отношению к человеку. Ср.:

(9) *Yā* *ar–čīz–ca–ga* *čīd–aki* *sic*

D3.F.SG (H)AR–THING–SUBD–MORE HOUSE–SUF–*aki* BECOME.PF.F/PL

Что–то она одомашнилась (не выходит).

Aro yu yima cūnd waxt birej–aki tar čīd reϑj

ADR D3.M.SG D1 SOME TIME BED–SUF–*aki* EQ HOUSE STAY–PF

Ну, он вот которое время дома лежит в постели (болеет).

Наряду с этим в материале представлены сложные и сложносоставные номинации, связанные с тематикой дома, которые формируются посредством сложения основ (и, в отдельных случаях, с последующей аффиксацией), ср. *čid–(d)ed–i* ‘новоселье’, *čīd–mīzd* ‘постройка дома’, *čīd–jamāt* ‘семья’, *čīd–(d)or* ‘имеющий дом’, *čīd–(d)or–i* ‘ведение хозяйства’. Ниже приводится контекстный пример:

(10) *Čīd–ded–i–yam* *bašānd* *naγʒimt*

HOUSE–ENTER–ADJ–1PL GOOD PASS–PST

Мы хорошо провели новоселье.

Среди единиц, связанных с тематикой строительства, выделяется модель с основой *mīzd* ‘строительство/постройка’ и глагольной формой *mīzd–ow* ‘строить’. На этой базе фиксируются номинации процесса и лица: *čīd–mīzd* ‘постройка дома’, *čīd–mīzd–ow* ‘строить дом’, *čīd–moz–īj* ‘строитель’ (лицо по действию, с суффиксом деятеля *–īj*). Вариативность основы (*mīzd* vs *moz*) отражает разные глагольные формы/основы и не меняет тематической привязки к ‘строительству дома’. Ниже приводится контекстный пример.

(11) *Aro dis ta lův–en yu bašand ustoϑ, bašand čid – moz –ij.*

Aro dis ta lův–en yu bašand ustoϑ, bašand mālā – moz –ij.

ADR SUCH IRR SAY–3PL D3.M.SG GOOD MASTER GOOD HOUSE–BUILD–SUF.*ij*

Ну, говорят, что он хороший мастер, хороший строитель дома.

Сложная единица *čīd–ič–ak–bozi* объединяет диминутивную форму *čīd–ič–ak* (последовательная суффиксация *–ič* и *–ak*) и существительное *bozi* ‘игра’, формируя номинацию детской практики, связанной с построением условных ‘домиков’. Ср.:

(12) *ʒulk–ind–am mudům čīd–ič–ak–bozi čūd*

SMALL–LOC–1PL ALWAYS HOUSE–DIM–DIM–PLAY DO–PST

В детстве мы всегда играли в постройку домиков.

Далее рассматриваются устойчивые лексико-морфологические паттерны, в которых опорные лексемы *čīd, xůnā* и *mālā* сочетаются со служебными элементами и клитиками (послелогами, постпозитивными частицами и др.). Такие показатели не образуют новой номинации, а оформляют грамматико-синтаксические значения (локативность, направленность, предельность, дистрибутивность, выделение и т.п.), поэтому в рамках настоящей главы они описываются как часть коллокационного профиля указанных лексем. Описание данных моделей соотносится с имеющимися грамматическими описаниями шугнанского языка [в т.ч. 32; 94].

–aϑ – постпозитивная усилительно–выделительная частица; в приведённом контексте актуализирует значение ‘даже’:

(13) *čīd–aϑ mis wind nist.*
xůnā–ϑ mis wind nist
mālā–ϑ mis wind nist
HOUSE–INT ALSO D3.M.SG.O–LOC BE.NEG

Даже дома у него нет.

–ec – послелог предельного значения; в данном контексте выражает предел в пространстве и передается как ‘до’:

(14) *wi čid–ec–am wi firêpt*
wi xůnā–yec–am wi firêpt (ред.)
wi māla–yec–am wi firêpt
D3.M.SG.O *house*–LIM–1PL D3.M.SG.O *lead*–PST

Проводили его до его дома.

–ard / –rd – послеложный показатель, входящий в несколько устойчивых моделей сочетаемости. В материале он реализует, по меньшей мере, два типа контекстных значений: (1) локативное (нахождение в пределах/у соответствующего пространства) и (2) косвенно-объектное, включая адресатно-/бенефактивную интерпретацию (‘для’). Поэтому в глоссах ниже целесообразно использовать нейтральное обозначение POST, без чрезмерного сужения значения.

В локативной модели:

(15) *Čīd–ard* *be–kor–aϑ* *reδj*
xūnā–rd *be–kor–aϑ* *reδj* (ред.)
mālā–rd *be–kor–aϑ* *reδj* (ред.)
HOUSE– POST WITHOUT–WORK–ADV STAY–PF
(Он/она) сидит дома без работы.

(16) *Tu* *čīd–ard–am* *xasxor* *zoǩt*
Tu *xůnā–rd–am* *xasxor* *zoǩt* (ред.)
Tu *mālā–rd–am* *xasxor* *zoǩt*
2SG HOUSE– POST–1PL THING–PL TAKE–PST
Мы купили для твоего дома вещи.

–and / –nd – послелог, который в материале шугн.-руш. группы реализует два основных типа контекстных значений: (a) принадлежность/наличие и (b) локативность (место, местонахождение). Ниже приводятся примеры для обоих употреблений.

a) Значение принадлежности/наличия:

(17) *Čīd–and* *barakat* *Čīd–and* *pīnʒ* *sitan*
HOUSE–LOC BLESSING HOUSE–LOC FIVE COLUMN
Дом имеет благодать В доме пять столбов.

b) Значение места, местонахождения:

(18) *Māš* *čīd–and–en* *barjoy sat*
Māš *xůnā–nd–en* *barjoy sat*

Māš mālā–nd–en barjoy sat

1PL HOUSE–LOC–3PL SETTLE DOWN–PST

Они засели в нашем доме.

Xu čīd–and poδ aϑêr xu niϑ

Xu xůnā–nd poδ aϑêr xu niϑ

Xu mālā–nd poδ aϑêr xu niϑ (ред.)

REFL HOUSE–LOC FOOT STRETCH–3SG–IMP AND SIT–3SG–IMP

букв. Растяни дома ноги и сиди (в значении: отдыхать).

–va – послелог, который в данном контексте используется для обозначения направления движения ‘вдоль / через (мимо) / над’ (в зависимости от конкретной ситуации и типа ориентира). Ср.:

(19) *Samalot māš čīd–va naɣjād*

Samalot māš xůnā–va naɣjād (ред.)

Samalot māš mālā–va naɣjād (ред.)

PLANE OBL1PL HOUSE–PROL PASS–PST–3SG.F

Самолет пролетел над нашим домом

–ga – энклитическая частица со значением ‘ещё / ещё один / другой (дополнительный)’, которая присоединяется к основе и оформляет добавочное (аддитивное) значение. Ср.:

(20) *Čīd–ga –yen xurd mīzd xu toyd–en*

Xůnā–ga –yen xurd mīzd xu toyd–en (ред.)

mālā–ga –yen xurd mīzd xu toyd–en (ред.)

HOUSE–MORE–3PL REFL–LAT BUILD–PST AND GO–3PL–PST

Построили еще себе домик и уехали.

Согласно словарю Д. Карамшоева, предлог *tar* имеет несколько значений [207, с. 30–31]. В составе устойчивых коллокаций *čīd tar čīd* данный предлог реализует пространственное значение направленности (как правило, по горизонтали) и оформляет представление о перемещении/распределении ‘между объектами одного типа’. В словарной статье в качестве параллельной модели приводится пример: *... x̌ār tar x̌ār* – из города в город, по городам.

Следовательно, словосложение *čīd tar čīd* соотносится со значением ‘по домам / из дома в дом’.

Аналогичным образом оформляется и конструкция *čīd pis čīd*. Согласно тому же словарю, предлог *pis* также многозначен, однако в данной синтаксической модели он выражает распределение действия по ряду объектов в пространстве и передается значением ‘по’. В словарной статье приводится соответствующий пример [208, с. 422–423].

(21) *Di γiδā qati–yen čīd pis čīd nêў̌d*
Di γiδā qati–yen xů̊na pis xů̊nā nêў̌d
Di γiδā qati–yen xů̊na pis xů̊nā nêў̌d
D2.M.SG.O BOY COM–3PL HOUSE ... HOUSE ROAM
Они вместе с этим мальчиком ходили по домам

Морфологический и коллокационный материал по *čīd, xů̊nā* и *mālā* показывает, что развитие этих рядов подчинено одному общему принципу. Основной массив номинаций и употреблений складывается в пределах базовых и наиболее устойчивых паттернов сочетаемости, включая суффиксальные и лексико-морфологические модели. Дальнейшее усложнение таких моделей встречается гораздо реже и носит точечный характер: для *čīd* и *xů̊nā* в отдельных моделях сочетаемости, для *mālā* главным образом в пределах уже существующих базовых схем. Тем самым видно, что коллокационный профиль концепта ДОМ расширяется прежде всего за счёт типовых моделей суффиксации, словосложения и сочетания со служебными показателями.

Сопоставление материала по *čīd*, *xů̊nā* и *mālā* показывает, что каждая из этих опорных лексем тяготеет к своему набору моделей. *Čīd* как исконная номинация особенно активно участвует в выражении базовых оценочных и социально-референтных смыслов, в том числе в диминутивных образованиях и в сочетаниях, связанных с домашним кругом. *Xů̊nā* чаще входит в более сложные лексико-морфологические паттерны, где дом осмысляется через событие, ситуацию или функциональную организацию пространства. Ряд *mālā* выглядит менее разветвлённым и в большей степени поддерживает модели

пространственной ориентировки, в которых дом выступает как точка локализации и направления. Тем самым различия между этими тремя рядами проявляются не только на формальном уровне, но и в самом способе языковой репрезентации ДОМа в шугн.-руш. группе.

Анализ контекстов употребления показывает, что суффиксы, служебные элементы, клитики и другие морфологические показатели систематически актуализируют значимые признаки концепта ДОМ, в том числе оценочность, пространственную ориентировку, социальную маркированность и сценарную соотнесённость. Тем самым морфологические и коллокационные паттерны связывают формальную организацию материала с реконструкцией содержания концепта ДОМ в шугн.-руш. языковом материале.

Таким образом, в данном разделе показано, что морфологические и лексико-морфологические паттерны при опорных лексемах *čīd*, *xůnā* и *mālā*, а также их сочетания со служебными элементами и клитиками, закрепляют ключевые признаки концепта ДОМ, начиная от пространственной ориентировки до оценочности и событийной соотнесённости. Далее в разделе 3.2 этот коллокационный и морфологический профиль уточняется на уровне содержательной организации: рассматривается, какие элементы внутреннего пространства жилища и связанные с ними практики получают устойчивую номинацию, в каких моделях сочетаемости они представлены и как распределяются в структуре концепта ДОМ.

3.2. Морфологические механизмы и лексико-морфологические модели в формировании концепта ДОМ

Для раздела 3.2 важно исходить из того, что в когнитивных подходах язык рассматривается как система, связанная с процессами категоризации и концептуализации опыта. В этом смысле морфологические факты и устойчивые схемы их употребления могут рассматриваться как один из способов языковой репрезентации значения. Именно в таком ключе Рональд Лангакер, говоря о тесной взаимосвязи уровней языка, подчёркивает, что

“лексикон, морфология и синтаксис образуют континуум, полностью сводимый к совокупности символических структур” [90, с. 15]. Для настоящего раздела это положение существенно потому, что оно позволяет описывать морфологические и лексико-морфологические средства, включая модели с клитиками и служебными элементами, как формальные носители тех признаков, через которые в языке профилируется концепт ДОМ. При этом сохраняется и общая методическая связка, заявленная в Главе 1: морфолого-деривационный и семантико-когнитивный анализ при опоре на когнитивную грамматику как вспомогательную рамку.

Под ‘моделью’ в данном разделе понимается устойчивый формально-семантический паттерн, закреплённый в употреблении и организующий выражение доменной семантики. В таком понимании модель представляет собой устойчивую схему соотнесения формы и значения. Общая идея описания значения через набор структурированных представлений обсуждается уже в ранних работах по формальной семантике [179, с. 170–210]. Позднее этот подход был распространён и на грамматические и морфологические структуры: повторяющиеся формально-семантические паттерны стали рассматриваться как средство организации и репрезентации знания, лежащего в основе языкового значения [41, с. 187]. Грамматические и морфологические формы при этом задают концептуальный каркас интерпретации, структурируя типовые значения и отношения [97, с. 21]. В рамках настоящего раздела к таким моделям относятся, с одной стороны, морфологически оформленные образования – аффиксальные и композитные, с другой, лексико-морфологические и синтаксически оформляемые конструкции, в которых опорные лексемы типа *čīd*/*čod* и другие элементы поля ДОМ взаимодействуют со служебными компонентами, в том числе с клитиками, задавая интерпретации локативности, направленности, распределения, выделения и т.п. В прикладном плане это означает, что повторяющиеся формально-семантические паттерны могут описываться как модели, связывающие форму с типовым способом концептуализации

соответствующего фрагмента опыта [24, с. 5–6]. Поэтому аффиксация, композиция, а также устойчивые конструкции со служебными элементами и клитиками важны здесь не сами по себе, а постольку, поскольку они сопровождаются регулярным профилированием определённых смысловых компонентов [55, с. 4]. Когнитивная интерпретация этих моделей строится через анализ их формальной организации и семантики: описывается, какие признаки концепта ДОМ регулярно профилируются соответствующими паттернами и как они соотносятся с повторяющимися способами языкового оформления.

В разделе 3.2 морфологические и лексико-морфологические модели рассматриваются с точки зрения того, какие признаки концепта ДОМ регулярно выделяются в повторяющихся формально-семантических паттернах. В качестве исходной эмпирической базы используется массив примерно из 300 единиц, собранных по шугн.-руш. материалам и распределённых по тематико-семантическим зонам поля ДОМ; этот материал нужен для общего очерчивания номинативного поля. Однако подробный анализ в данном разделе строится на более узкой выборке единиц, отобранных по двум признакам: по прямой соотнесённости с жилищем как пространством проживания и с его пространственными и структурными параметрами, а также по наличию прозрачной формальной модели – аффиксации, композиции или устойчивых конструкций со служебными элементами и клитиками. Поэтому основной материал здесь организован как совокупность устойчивых морфологических и лексико-морфологических паттернов. Номинации бытовых и хозяйственных предметов, не образующие показательных моделей для описания концепта ДОМ, рассматриваются лишь как периферийный фон и в развернутый анализ не включаются.

К опорным единицам относятся базовые номинации, непосредственно обозначающие элементы традиционного жилища и связанные с ним компоненты: *čīd, mālā, xůnā* ‘дом’, *kicor* ‘очаг’, *poygā* ‘основание традиционного дома’, *nêx* ‘нары’, *pigal* ‘край крыши’, *sitan* ‘столб’, *piδīnd*

‘порог’, *žīv* ‘яма-закром’ и др. Эти единицы рассматриваются далее как “точки сборки” доменной семантики: в сочетании с аффиксами, вторыми компонентами композита и/или служебными элементами (включая клитики) они формируют устойчивые модели номинации и описания ситуаций, связанных с ДОМ.

В последующем анализе выделяются следующие группы моделей: (1) аффиксальные образования; (2) композитные образования типа “основа + основа”; (3) лексико-морфологические и синтаксически оформляемые конструкции (номинативные и предикативные), где опорная лексема доменной зоны задаёт рамку интерпретации, а служебные элементы/клитики оформляют значения локативности, направленности, распределения, выделения и др. Сводная систематизация моделей приведена в Таблице 13.

Классификация проводится по совокупности формальных критериев: степени слитности компонентов, наличию/отсутствию внутреннего грамматического оформления, а также устойчивости воспроизведения в речи. Пограничные случаи (например, конструкции, допускающие трактовку как композит или как синтаксически оформляемое сочетание) отнесены к типу по преобладающему признаку. Фонетическая и диалектная вариативность формантов (шугн. *–důn*, руш., хуф., барт. *–don*, сар. *–donʒ*; шугн. *–ej*, руш., хуф., барт. *–ij*, шугн. *–ak* / руш., хуф., барт. *–ik*) по языкам шугн.-руш. группы учитывается как единый тип при совпадении функции и сопоставимой семантики.

Интерпретация каждой модели формулируется через её вклад в репрезентацию признаков ДОМ: указывается, какой аспект доменной семантики системно выражается соответствующим паттерном (конструктивный/структурный, пространственный, функциональный, оценочный, социальный, ритуальный) и какие элементы формы отвечают за эту регулярную спецификацию значения.

Таблица 13

Морфологические и лексико-морфологические модели (паттерны) репрезентации концепта ДОМ в шугн.-руш. языках (по эмпирическому материалу)

№	Тип модели	Формальная схема (показатели/примеры)	Профилируемый аспект ДОМ	Примечание
1	**Простые (непроизводные) номинации доменной зоны**	Без формантов: шугн. *wužrā* // *wujrā*, руш., хуф. (*w*)*užrā*, рош. *ujra*, сар. *ыj*(*ы*)*ro* // *ůj*(*ů*)*ro* – комната, келья, хижина; шугн. *růz/ʒ* // *rūʒ*, хуф., руш. *rūz*, бр., рош. *rūzm*, сар. *rezn* ‘окно на крыше’	базовые элементы структуры жилища / части дома	Опорные номинации для дальнейшего моделирования (в 3.2 - как “точки сборки” доменной семантики)
2	**Суффиксальные модели “помещение /вместилище”**	Показатели: *–důn* / *–don* *–důn*, *–don*: шуг. *žīzdůn*, руш., хуф. *žozδon*, бр. *žözδon*, рош. *žözδon* ‘помещения для хранения дров’; шуг. *woxdůn*, руш. *woxdon*, бр. *woxčiδon* ‘амбар, для хранения соломы’	Функциональная организация пространства (вместилище/ хранилище)	Диалектные варианты форманта учитывать как один тип при совпадении функции
3	**Суффиксальные модели “материал /относимость”**	Показатели: *–ej* / *–ij*: шуг. *wūsej*, руш., бр., хуф., рош. (*w*)*ūsij*, сар. *wысɛyj* ‘древесина для приготовления балки; шугн. *sipoxčej*, руш., хуф. *sipoxčīj* ‘бревно для поперечной жерди’	Параметр материала /свойства элемента дома	Модель задаёт параметр семантической классификации (материал / принадлежность / относимость).
4	**Агентно-деятельностная номинация**	Показатели: *–īj*, *–ej*: шугн.-руш. *mozij*, ‘строитель дома’, шугн. *šarδkδāδīj*, ‘мастер по штукатурке’	Участники /роли в практиках, связанных с домом	Регулярная модель номинации лица по действию (агентивная/деятелъная деривация)
5	**Диминутивные модели (размер / оценка контекстно)**	Показатели: *–ak/–ik*: шуг. *zīn–xůn–ak*, руш., хуф. *zin–xonak* ‘домик для седла’, ‘ниша в стене дома’; шуг. *nêx–ak* ‘маленькое возвышение у очага’	Параметр размера; оценочная/экспрессивная интерпретация по контексту	Базовый семантический параметр – размер; оценочная/экспрессивная интерпретация возможна и определяется контекстом употребления
6	**Пространственные конструкции с послелогами /клитиками (устойчивые паттерны)**	Показатели: послелоги/частицы, дистрибутивные конструкции: шугн.-руш. *čīd tar čīd* ‘из дома в дом’	Локативность /направленность/распределение относительно дома	Лексико-морфологическая модель; формирует синтаксически оформляемый паттерн, а не новую лексему.

7	**Композитные образования**	Схема: “основа + основа” (или “компонент + дом”): шуг. *čid–(d)ed–i*, руш., хуф. *čod–indayd* обряд новоселья; шуг. *čor–xůnā* ‘ступенчатая конструкция потолка’	Событийные /структурные уточнения значения ДОМ	Часть композитов представляет собой заимствованные /калькированные номинации; происхождение отмечается при примерах
8	**Синтаксически оформляемые модели (предикативные /номинативные)**	Схема: сочетания типа “дом + глагол/предикат”: шуг. *čīd mīzdow*, руш. *čod mezdow* ‘строить дом’; шугн.-руш. *čīd pat čīdow* ‘сносить дом’	Дом как участник типовых ситуаций (строительство/разрушение и т.п.)	Модель описывает типовые ситуации/предикации, в которых ДОМ выступает участником (строить/сносить и т.п.); интерпретация ограничивается ситуационной семантикой
9	**Модели функциональных помещений**	Показатели: + *jīc* / *jæc*: шуг. *xŭ̄v*(*d*)*jīc*, руш., хуф. *xŭvdjæc*, бр., рош. *xŭvdjec* ‘помещение для молочных продуктов’; шуг. *woxǰīc*, руш., хуф. *waxǰæc*, бр., рош. *waxǰec*, ‘помещение для сена’	Внутренняя функциональная сегментация пространства	Высоко регулярная формально-морфологическая модель; специализирована для номинаций функциональных помещений.

***Составлено автором на основе собственной классификации**

В Таблице 13 единицы распределены по типам моделей, отражающим разные способы формальной и семантической организации доменной зоны: простые номинации, модели с суффиксами, в том числе со значениями 'помещение / вместилище' и 'материал / относимость', агентно-деятельностные номинации, диминутивные формы, композиты, пространственные конструкции с послелогами и клитиками, синтаксически оформленные модели и модели функциональных помещений. Такой способ представления материала позволяет описывать его через опорные лексемы и их профили сочетаемости, а не через иерархию словообразовательных отношений.

Эмпирический массив исследования, около 300 единиц, используется здесь как основа для выделения и сопоставления регулярных моделей внутри номинативного поля концепта ДОМ. В данный раздел включены прежде всего единицы, непосредственно связанные с жилищем как пространством проживания и культурно значимым объектом: наименования архитектурных

элементов, частей дома, внутренних зон, функциональных помещений, а также типовых пространственных и предикативных паттернов, в которых дом выступает опорным участником ситуации. Периферийные номинации хозяйственно-бытовой сферы привлекаются выборочно, только в тех случаях, когда они позволяют точнее определить модель сочетаемости или семантический параметр.

Материал Таблицы 13 организован по морфолого-коллокационному принципу. Для каждой модели учитываются её формальные признаки – аффиксация, композиция, наличие клитик и послелогов, тип синтаксической схемы, а также тот аспект концепта ДОМ, который через неё системно выражается. Поэтому единицы распределяются не по общей схеме ‘морфологический / когнитивный / культурно-семантический критерий’, а по типу паттерна, его формальному устройству и тому признаку, который он профилирует. В этой логике отдельно рассматриваются простые номинации, суффиксальные модели, агентно-деятельностные образования, диминутивные формы, композиты, конструкции с клитиками и послелогами и синтаксически оформленные модели. Смешанные случаи разграничиваются по преобладающему признаку: конструкции с клитиками и послелогами отделяются от аффиксальных моделей, а синтаксически оформленные паттерны от собственно лексемных номинаций. Диминутивные формы при этом трактуются как модели с базовым параметром размера, тогда как оценочный компонент определяется не автоматически, а контекстом. Дальнейший анализ строится как сопоставление формального устройства единицы и того признака концепта ДОМ, который она выражает: морфологический анализ описывает форму, а семантико-когнитивная интерпретация позволяет объяснить функции и распределение моделей в соответствующей доменной зоне.

Далее важен уже не просто перечень формальных типов, а то, как структурная схема соотносится с тем признаком концепта ДОМ, который она выражает. Для суффиксальных моделей это обычно параметры

функционального назначения, размера, материала или относимости. Для конструкций с клитиками и послелогами на первый план выходят пространственные отношения и локативные конфигурации. Для синтаксически оформленных моделей существенны типовые ситуации, в которых дом выступает как объект, место или ориентир. Культурная интерпретация в этом разделе специально не выделяется в отдельный критерий и привлекается только там, где она действительно подтверждается специфическим шугн.-руш. материалом.

Простые номинации образуют в данной системе исходный слой доменной лексики. Это формально немаркированные единицы, от которых далее разворачивается описание морфологических и лексико-морфологических моделей сочетаемости. К этому кругу относятся наименования основных элементов жилища и его внутренней структуры: *čīd* ‘дом’, *malā* ‘дом’, *xůnā / xona / xuna* ‘дом’, ‘жилище’, *kicor* ‘очаг’, *poygā* ‘основание дома’, ‘пол’, *nêx* ‘возвышение вдоль стен’, *pigal* ‘край крыши’, *sitan* ‘столб’, *piδīnd* ‘порог’, *žīv / žöv / žev* ‘яма-закром’, *wužrā / wujrā* ‘келья’, ‘кухонная комнатушка’, *rêx̌ / rox̌* ‘ниша’, *(w)ūs* ‘балка’, *waδem* ‘потолок’. Именно эти единицы задают базовые ориентиры описания жилища и служат опорой для последующего анализа моделей, в которых уточняются пространственные, структурные и функциональные характеристики ДОМ-а.

Базовые лексемы, репрезентирующие концепт ДОМ в шугн.-руш. языках, образуют исходный слой номинаций и выступают опорными единицами доменной зоны. Они задают основные ориентиры описания жилища и служат основой для последующего анализа морфологических и лексико-морфологических моделей сочетаемости.

Единицы *čīd*, *malā* и *xůnā / xona / xuna* обозначают дом в родовом значении и фиксируют наиболее общий уровень номинации жилища. В морфолого-коллокационном описании именно эти лексемы образуют исходную группу, от которой далее распределяются наименования частей дома, внутренних зон и функционально связанных пространств.

Лексема *kicor* 'очаг' обозначает внутренний центр дома, *piδīnd* 'порог' маркирует границу между внутренним и внешним пространством, а *nêx* 'возвышение вдоль стен традиционного дома' и *wužrā / wujrā* 'кухонная комнатушка' называют внутренние участки жилища, связанные с отдыхом и повседневной домашней жизнью. Эти базовые номинации передают основные элементы внутреннего устройства ДОМа и образуют опорный пласт для дальнейшего анализа моделей с суффиксами, композитов, а также конструкций с клитиками и послелогами.

Лексемы *pigal* 'край крыши', *(w)ūs* 'балка' и *wiδům* 'потолок' обозначают элементы верхней части жилища и передают конструктивно значимые части его внутреннего устройства. В сочетании с наименованиями нижнего и опорного уровней они позволяют увидеть вертикальное членение дома как упорядоченного пространства, в котором каждая часть связана с определённой функцией, опорой, перекрытием или разграничением внутреннего объёма.

Вертикальная организация жилища последовательно выражается через ряд *poygā* 'основание дома', 'пол', *sitan* 'столб', *wiδům* 'потолок'. В этой последовательности *poygā* обозначает нижний уровень и опорную основу, *sitan* называет несущий вертикальный элемент, *wiδům* указывает на верхний уровень внутреннего перекрытия. Такое распределение показывает, что базовые номинации репрезентируют не только отдельные части дома, но и устойчивую пространственно-конструктивную схему, значимую для описания концепта ДОМ в шугн.-руш. языках.

Модели с формантом *-důn / -δon / -don / -donʒ* уже рассматривались в разделе 3.1 как морфологические паттерны номинации со значением 'помещение', 'место хранения' в пределах концепта ДОМ. Их функция связана с обозначением функционально выделенных участков домашнего и придомового пространства. Фонетическая вариативность этого форманта отражает межъязыковые соответствия в шугн.-руш. ареале и не меняет его основного значения; в историческом плане он соотносится с иранским *-dān* 'вместилище', 'сосуд'.

В классических описаниях шугнанского языка [52] суффиксы типа *-don / -dun* фиксируются как словообразовательные форманты. В данном исследовании, с учётом морфолого-коллокационной рамки и опоры на грамматические описания [32; 93], они рассматриваются прежде всего как показатель моделей, обозначающих функциональные локусы в структуре ДОМ.

К этому пласту относятся следующие номинации: *woxdůn* (шугн.), *woxdon* (руш.), *woxčiδon* (бр.) 'сарай', 'помещение для хранения соломы'; *zidůn* (шугн.) и *jedon* (рош.) 'кладовая', 'чулан для хранения припасов, одежды и т. п.'; *žīzdůn* (шуг.), *žozδon* (руш., хуф.), *žözδon* (бр., рош.) 'место для хранения дров'; *ϑīrdůn* (шуг.), *aϑīærδon* (хуф.), *aϑerδon* (руш., бр., рош.), *ϑerdonʒ* (сар.) 'место для хранения золы'. Последняя номинация обозначает хозяйственный участок или помещение при доме, а иногда и при хлеве, где зимой хранили золу, чтобы весной использовать её как удобрение.

В таких единицах производящая основа указывает на содержимое или хозяйственное назначение, а формант *-důn / -δon / -don / -donʒ* передаёт значение места хранения. Тем самым закрепляется устойчивый способ называния функционально разграниченных зон, связанных с ДОМ, и один из регулярных морфологических способов организации доменной лексики.

Номинации с суффиксами *-ej / -ij*, передающие значение материала и функциональной отнесённости, образуют в шугн.-руш. языках отдельный морфологический паттерн. К этому типу относятся *sitanej* (шугн.), *sitanīj* (руш., хуф., бр., рош.) 'древесина для изготовления столба'; *wūsej* (шугн.), *(w)ūsij* (руш., хуф., бр., рош.), *wысεyj* (сар.) 'древесина для изготовления балки'; *sipox̌čej* (шугн.), *sipox̌čīj* (руш., хуф.) 'бревно для поперечной жерди'. Эти единицы объединяет значение заготовки, материала для конкретной конструктивной детали: производящая основа соотносится с элементом дома, а суффиксальное оформление передаёт значение материальной и функциональной принадлежности. Таким образом, модели на *-ej / -ij* отражают

регулярный способ номинации материальной основы конструктивных компонентов ДОМ.

Другую группу составляют агентно-деятельностные номинации с суффиксом *-ij*, связанные не с материалом, а с участником профессионального действия. К этому типу относятся *mozij* (шугн., руш.) 'строитель дома', *šarδkδāδīj* (шугн.-руш.) 'мастер по штукатурке' и *têx̌īj* (шугн., руш.) 'резчик по дереву'. Эти лексемы обозначают специалистов, чья деятельность связана с возведением, отделкой и обработкой деревянных элементов жилища. В пределах концепта ДОМ данный пласт номинаций передаёт деятельностный аспект доменной зоны: дом выступает не только как пространственно организованный объект, но и как результат специализированных трудовых практик.

Среди единиц с формантом *-ij* в материале раздела 3.1 выделяется одна предметная номинация архитектурного элемента традиционного дома: шугн. *bučkiɣ̌īj*, руш., хуф. *biškawoj,* бр., рош. *bučkawöj* 'горизонтальный брус при входе в дом'. Эта лексема исторически мотивирована и сохраняет связь с более ранней хозяйственной практикой. В морфологическом и семантическом отношении слово соотносится с корнем *buč-* 'козел' и основой *kiɣ̌- / kaɣ̌-* < *kix̌tow* 'резать, закалывать животное'. Формант *-īj / -oj* оформляет предметное значение, связанное с действием. Тем самым структура лексемы отражает модель, в которой предмет обозначается через действие и его функциональный контекст. В пределах концепта ДОМ данная единица фиксирует входную зону как функционально выделенный участок дома. Её семантическая мотивация указывает на связь входного элемента с хозяйственной практикой; в современном употреблении эта номинация сохраняет исторический след такой связи независимо от степени сохранности исходной функции.

Диминутивные модели с формантами *-ak / -ik* образуют в разделе 3.1 отдельный морфологический паттерн, связанный прежде всего с параметром размера в пределах концепта ДОМ. В этих единицах выражается

уменьшенность жилища, его части или функционального участка; оценочный компонент возможен, но не обязателен и определяется контекстом употребления. В рассматриваемом материале это поле представлено девятью единицами.

К данному типу относятся: шуг. *jīcak*, руш., хуф. *jecak*, бр. *jec* 'небольшое помещение при доме', 'маленький хлев или пристройка'; шуг. *xůn-ak*, руш., хуф., бр., рош. *xonak* 'маленький домик', 'жилище небольшого размера'; шуг. *zīn-xůn-ak*, руш., хуф. *zin-xonak* 'домик для седла', 'ниша в стене дома'; шуг. *čīd-ak*, руш., хуф. *čodak*, бр., рош. *čödak* 'небольшой дом'; шуг. *nêx-ak* 'маленькое возвышение у очага'; шуг. *malā-yak*, руш., хуф. *mālāk*, бр. *malak* 'небольшое жилище'; шуг. *tir-āk* 'полка, ниша'; шуг. *pičor-ak* 'помещение для хранения молочных продуктов'; шуг. *čāl-ak* 'углубление у очага'.

Перечисленные единицы показывают, что диминутивные модели в зоне ДОМ охватывают как общие номинации жилища, так и обозначения внутренних участков и функциональных локусов. Следовательно, форманты *-ak / -ik* выступают регулярным средством морфологической маркировки уменьшенного формата объекта и образуют устойчивую группу моделей, связанных с параметром размера.

Анализ диминутивных единиц в шугн.-руш. языках показывает, что формы с суффиксами *-ak / -ik* в зоне ДОМ прежде всего выражают параметр размера. В ряде контекстов такие формы могут получать оценочный оттенок, однако он не является обязательным и определяется употреблением. Для номинаций типа *čīd-ak, malā-yak, xůn-ak* основным остаётся значение уменьшенного формата жилища или его части; таким образом, диминутивные модели образуют самостоятельную группу в пределах данного типа.

Композитные и лексико-морфологические модели уточняют значение ДОМ через второй компонент, который может задавать пространственный, функциональный, ролевой и иной признак. В данном массиве представлены как собственно композиты, так и смешанные модели, в том числе композитно-

суффиксальные; в дальнейшем анализе они разграничиваются по формальному типу.

К этому пласту относятся: шуг. *čīd-(d)or* 'имеющий дом'; шуг. *čīd-(d)or-i* 'ведение хозяйства'; шуг. *čid-(d)ed-i*, руш., хуф. *čod-indayd* 'обряд новоселья'; шуг. *čor-xůnā*, руш., хуф., барт. *čor-xůnā* 'ступенчатая конструкция потолка' (букв. 'четыре дома'); шуг. *qūš-xůnā*, руш., хуф., барт. *qūš-xůnā* 'гостевая комната' (букв. 'примыкающий дом'); шуг. *dar-at-palandar*, руш. *dar-at-dargad*, сар. *čed-diver* 'дом', 'двор', 'жильё' со всеми помещениями (букв. 'дверь-и-дом'); шуг. *xůna-duzd* 'домушник' (букв. 'вор дома'); шуг. *divi-zibō* 'пространство за дверью' (букв. 'дверь + зад'); шуг. *du-peča* 'коридор у входа'; шуг. *bār-nêx* 'почётное место у *nêx*'; шуг. *voǰʒ-nêx*, руш., хуф. *luš-nōx*, барт., рош. *lūš-nůx* 'возвышение вдоль стен напротив главного входа'; шуг. *voǰʒ-nêx-sitan*, руш., хуф. *loš-nōx-sitan*, барт. *löš-nöx-sitan* 'столб у возвышения вдоль стен'; шуг. *bārnêxsitan*, руш. *bārnoxsitan* 'столб у *nêx*, расположенных у главного возвышения вдоль стен'; шуг. *poygāsitan*, руш., бр., рош. *paygasitan*, хуф. *pōgāsitan* 'столб у основания дома'; шуг. *kicor-sitan*, руш. *arδōn-sitan* 'столб по правую руку от входа, расположенный у очага'; шуг. *buč-kiγīj*, руш. *biš-kawōj*, бр. *biš-kawöj*, хуф. *bis-kawoj*, рош. *buč-kawöj* 'перекладина между двумя столбами при входе в главное помещение традиционного памирского дома'; шуг., руш., хуф. *obx̌īn*, бр., рош., сар. *obx̌in* 'углубление у основания дома для мытья рук, головы и других бытовых нужд'; шуг., руш., хуф. *rāraw* 'широкая доска вдоль *nêx*'; шуг. *zīn-xůn-ak* 'углубление в стене для седла'; шуг. *gow-xůnā*, руш., хуф. *gō-xona* 'телятник'; шуг. *rūz-δōrg* 'жердь продуха традиционного дома'; шуг. *peх̌-čūb*, руш., хуф., бр., рош. *pīх̌-čūb* 'бревно, балка в потолочном отверстии традиционного памирского дома'; шуг. *darak-divi*, руш. *kidiverak* 'калитка', 'дверца'; шуг. *jufta-pūl*, руш., хуф., бр., рош. *jufta-pōl, joftapōl* 'двойная балка', 'сдвоенный брус' в потолочной конструкции дома; шуг. *čīd-bůn*, руш., хуф. *čod-bon* 'охранник дома'; шуг. *čīd-joy* 'место для постройки дома'; шуг. *čīd-jamāt* 'семья', 'домашнее сообщество'.

Этот материал показывает, что композитные и смешанные модели в зоне ДОМ последовательно уточняют базовую номинацию через признаки функции, локализации, конструктивной роли и социально-хозяйственной отнесённости. Тем самым они образуют развернутый пласт лексико-морфологических паттернов, который дополняет простые и модели с суффиксами при описании внутренней структуры жилища и придомового пространства.

Композитные и лексико-морфологические номинации шугн.-руш. языков, обозначающие элементы традиционного дома, уточняют базовые наименования через второй компонент и тем самым передают конструктивные, пространственные, функциональные и социально-ролевые признаки ДОМ. В ряду *bārnêxsitan, poygāsitan, voγʒnêxsitan* опорный компонент *sitan* 'столб' конкретизируется через соотнесённость с определённой зоной дома; *juftapūl* обозначает парную конструкцию потолочного элемента; *qūš-xůnā* называет функционально выделенное гостевое помещение; *xůna-duzd* обозначает участника действия, направленного на дом; *obx̌īn* соотносится с обслуживающей зоной у основания дома; *rūz-δōrg* и *peх̌-čūb* обозначают элементы верхней части жилища. В совокупности эти номинации показывают, что композитные модели последовательно членят дом по локусам, функциям и связанным с ними действиям.

Отдельную группу составляют единицы с компонентом *jīc / jæc*, обозначающие функциональные помещения и хозяйственные участки. В этих номинациях второй компонент выступает регулярным показателем локуса, а первый задаёт тип содержимого или хозяйственную функцию. Тем самым модели с *jīc / jæc* передают практическое разграничение домашнего и придомового пространства на специализированные зоны.

К данному типу относятся: шуг. *x̌ūv(d)jīc*, руш., хуф. *x̌uvdjæc*, бр., рош. *x̌uvdjec* 'помещение для хранения молочных продуктов'; шуг. *wox̌jīc*, руш., хуф. *wax̌jæc*, бр., рош. *wax̌jec* 'помещение для сена'; шуг. *čax̌jīc*, руш., хуф. *čax̌jæc*,

бр., рош. *čaxǰec* 'курятник'; шуг. *wārgjīc*, руш., хуф., бр., рош. *wargjæc* 'хлев для ягнят'; шуг. *δīdjīc*, руш., хуф. *δīgjæc*, бр. *δigjec*, рош. *δegjec* 'хлев для навоза'.

Указанные единицы образуют устойчивый лексико-морфологический паттерн, в котором компонент *jīc / jæc* передаёт значение помещения, а первый компонент задаёт его функциональную специализацию. Поэтому такие номинации могут рассматриваться как регулярный способ обозначения хозяйственно значимых локусов в зоне ДОМ.

Поле синтаксически оформленных моделей включает 47 единиц, связанных с действиями, состояниями, предписаниями и устойчивыми сочетаниями, соотнесёнными с ДОМ. В отличие от лексемных и моделей с суффиксами, здесь опорная лексема *čīd* и другие доменные номинации входят в состав предикативных, именных и послеложно-клитических конструкций. Это позволяет фиксировать не отдельный объект, а типовые ситуации, функции и правила, связанные с домом.

1. Глагольные конструкции (процессуальные и событийные предикации): шуг. *čīd mīzdow*, руш. *čod mezdow* 'строить дом'; шуг. *čīd lākčīdow*, руш. *čod lakčegow* 'оставлять дом'; шугн-руш. *čīd pat čīdow* 'сносить дом'; шугн-руш. *čīd čuk δêdow* 'дом обрушился'; шугн-руш. *čīd anjīvdow* 'заниматься хозяйством' (букв. 'держать дом'); шугн-руш. *čīd soyibi čīdow* 'заниматься хозяйством', 'вести хозяйство'; шугн-руш. *čīd sentow* 'возводить дом'; шугн-руш. *čīd tayor čīdow* 'закончить (строительство) дома'; шугн-руш. *čīd nixiǰtow* 'дом ломается'; шугн-руш. *čīd čidīr δêdow* 'чистка дома (на праздник Навруз)'; шугн-руш. *čīd pur vidow* 'дом полон людей'. Эти конструкции оформляют процессуальный профиль ДОМ: строительство, разрушение, эксплуатацию, хозяйственное ведение и состояние дома.
2. Именные словосочетания (номинативные конструкции): шугн-руш. *puǰt-at-pano* 'род' (букв. 'предки и убежище'); *qalā-t qiblā* (устойч. сочет.) 'всё имущество', 'всё имение'; шугн. *joy-at-makůn*, руш., барт., хуф. *joy-at-makon* 'пристанище', 'местожительство'; шугн-руш. *kas-at kū* 'род', 'родственники' (букв. 'род и гора'); шугн-руш. *ol-at-awol* 'состояние', 'имущество со всем

домом'; шугн-руш. *mol-at ol* 'хозяйство', 'имущество вместе с домом'; шугн. *xůnā-t-kosā* 'дом со всем имуществом', 'благоустроенный дом'; шугн-руш. *pīnʒ sitan* 'пять столбов'. В этой группе доменная зона представлена через сочетания, связывающие дом с родом, имуществом, местом проживания и опорными элементами жилища.

3. Сложные синтаксические конструкции с обстоятельственными и отрицательными элементами (предписания и практики): шуг. *čīd kunj-en-and dāf δêdow* 'в углах дома играть на бубне, очищать, оберегать дом'; шуг. *čid-and rabob niwêzdow* 'в доме играть на рубабе'; шуг. *as růʒ duo čīdow* 'возносить молитву с окна дома'; шуг. *čīd be odam no-lakčīdow* 'не оставлять дом безлюдным'; шуг. *růʒ x̌āb yet no-lakčidow* 'не оставлять окно на потолке дома открытым ночью'; шуг. *tar čīd sado biland na-kin-en* 'в доме не повышают голос'; шуг. *čīd-mīzd tayor čīd-and ustoδ-ard bašand poytāxc dāk-čīdow* 'завершать постройку дома с вознаграждением мастера, чтобы в доме был покой'; шугн-руш. *sipānd δud čīdow* 'окуривать гармалу'; шугн-руш. *šūδ růʒ-ti ribīdow* 'класть колючий кустарник на окне (в крыше дома) в защитных целях'; шугн. *sīr as arsoxti xalīfā tamor bidi* 'чеснок лучше тумара всякого халифа'. Эти конструкции фиксируют устойчивые действия и запреты, связанные с домом как пространством повседневной и обрядовой регуляции.
4. Именные словосочетания определительного и качественно-оценочного типа оформляют принадлежность, статус и характеристику дома в составе синтаксически устойчивых моделей. В эту подгруппу входят, например, шуг. *dod-čīd*, руш., хуф., бр., рош. *ped čod / ped čöd* 'отцовский дом' (принадлежностная характеристика), шугн-руш. *obod čīd* 'благоустроенный дом' (качественная характеристика), шуг.-руш. *be-čīd* 'бездомный' (отсутствие дома как социально значимого признака). Такие сочетания фиксируют не конструктивные элементы жилища, а его социально-родовую и оценочную квалификацию в пределах ДОМ.

5. Послеложные, клитические и наречные конструкции (в том числе с локативным значением): шуг. *čīd-ga* 'еще дом'; шуг. *čīd-aϑ* 'даже, только дом'; шуг. *čīd-ec* 'до дома'; шуг. *čīd-ard* 'в доме'; шуг. *čid-and* 'у дома, в доме'; шуг. *čīd tar čīd* 'из дома в дом'; шуг. *čīd pis čīd* 'по домам'; шуг. *tar čīd āj* 'в сторону дома'; шугн-руш. *čīd-aki* 'домашний'. Данная группа оформляет пространственные, направительные и атрибутивные отношения, в которых опорная лексема *čīd* входит в регулярные модели сочетаемости. Особого внимания заслуживает устойчивая формула приглашения *tar čīd-aϑ sawam* ‘пойдем(те) в дом, домой’, букв. ‘в дом-*aϑ* идем’, широко употребительная в речи носителей как приглашение в дом, в гости, на чай. В этой конструкции клитика *-aϑ* не имеет значения ‘даже’, а функционирует как элемент устойчивой приглашительной формулы. Существенно, что в данной позиции не используются другие номинации дома - *xůnā* и *mālā*: их употребление здесь либо крайне редко, либо воспринимается носителями как нежелательное.

Синтаксически оформленные модели образуют особый пласт описания доменной зоны ДОМ. Они передают не названия отдельных частей жилища, а типовые действия, состояния, правила и пространственные отношения, связанные с домом. В этой группе опорная лексема *čīd / čod* входит в устойчивые предикативные, именные и послеложно-клитические сочетания, через которые выражаются значения строительства, обитания, ведения хозяйства, состояния дома и норм поведения в домашнем пространстве.

Семантическая организация этого пласта строится вокруг устойчивых паттернов сочетаемости с *čīd / čod*. В глагольных конструкциях дом выступает как объект действия или носитель состояния: *čīd mīzdow* 'строить дом', *čīd čuk δêdow* 'дом обрушился', *čīd anjīvdow* 'заниматься хозяйством' (букв. 'держать дом'), *čīd pur vidow* 'дом полон людей'. В именных и послеложно-клитических сочетаниях выражаются принадлежностные, оценочные и локативные характеристики дома, а также устойчивые модели пространственной соотнесённости. Особую подгруппу составляют конструкции, связанные с

ритуально и нормативно маркированными действиями в доме, например *čīd čidīr δêdow* 'чистка дома (на праздник Навруз)', где дом представлен как место предписанных практик.

Таким образом, синтаксически оформленные модели дополняют лексемные и морфологические паттерны и показывают, что ДОМ в шугн.-руш. языках репрезентируется также через устойчивые способы описания действий, состояний и отношений, связанных с домашним пространством.

В глагольных конструкциях действие или состояние прямо соотносится с ДОМом, поэтому *čīd / čod* выступает здесь смысловым центром высказывания. Это особенно ясно видно в сочетаниях *čīd mīzdow* 'строить дом', *čīd tayor čīdow* 'закончить строительство дома', *čīd nixiǐtow* 'дом ломается', *čīd be odam no-lākčīdow* 'не оставлять дом безлюдным'. В таких моделях ДОМ входит в предикативную структуру как объект строительства, использования, сохранения и контроля его состояния.

Именные сочетания передают устойчивые связи типа 'дом и род', 'дом и имущество', 'дом и место проживания': *dod-čīd, bobingi čīd* 'отцовский', 'родовой дом'; *mol-at ol, ol-at-awol* 'имущество вместе с домом'; *joy-at-makon* 'пристанище', 'местожительство'. Эти конструкции не называют части жилища, а показывают, как ДОМ соотносится с родом, собственностью, наследованием и семейным кругом.

В качественно-оценочных сочетаниях ДОМ получает характеристику по своему состоянию и статусу: *ba-barakat čīd* 'благодатный дом', *buzurg čīd / buzurg joy* 'значимый дом', *osoyaǐ / orům čīd* 'спокойный дом'. Здесь синтаксическая модель служит не для называния части дома и не для указания места, а для его оценки.

Пространственные значения передаются в послеложных и наречных моделях: *čīd-ard* 'в доме', *čīd tar čīd* 'из дома в дом', *čīd pis čīd* 'по домам', *čīd-aki* 'домашний'. В этих сочетаниях *čīd* служит опорной лексемой для выражения локализации, направления, перемещения и атрибутивной связи.

Именно таким образом описание ДОМ-а дополняется пространственным измерением.

Анализ морфологических, лексико-морфологических и синтаксических моделей показывает, что концепт ДОМ в шугн.-руш. языках выражается не только через отдельные названия жилища. Важную роль играют суффиксальные образования, композиты, сочетания с компонентом *jīc / jæc* ‘хлев’, ‘курятник’, а также послеложно-клитические, именные и предикативные конструкции. Через эти модели описываются разные стороны домашнего пространства: его части, хозяйственные зоны, места хранения, принадлежность, оценка дома и нормы поведения внутри него.

Материал показывает устойчивую соотнесённость между типом модели и тем признаком ДОМ, который она выражает: пространственными и локативными отношениями, зонами хранения, материалом и функциональной принадлежностью, деятельностными ролями, качественно-оценочными характеристиками, а также нормативно и ритуально отмеченными практиками. Модели на *-důn / -δon / -don / -donʒ* оформляют номинации локусов хранения; модели на *-ak / -ik* прежде всего передают параметр размера, иногда с контекстной оценочностью; композитные и смешанные модели, включая единицы с *jīc / jæc*, уточняют структуру дома через локализацию и назначение помещения. Синтаксически оформленные конструкции, в свою очередь, задают типовые сценарии действий, состояний и отношений, в которые включён дом.

По распределению материала наиболее многочисленны синтаксически оформленные конструкции, 47 единиц, и композитные и смешанные модели, 28 единиц, тогда как отдельные серии моделей с суффиксами представлены меньшими, но функционально более специализированными группами. Такое соотношение показывает, что ДОМ в шугн.-руш. языках активно репрезентируется как через номинацию его частей и внутренних зон, так и через устойчивые модели действий, статусов и правил, связанных с домашним пространством.

Полученные результаты показывают, что суффиксальные, композитные, лексико-морфологические и синтаксически оформленные модели выступают в шугн.-руш. языках как регулярные способы репрезентации доменной зоны ДОМ. Через эти модели язык фиксирует и упорядочивает представления об устройстве жилища, функциональном разграничении его внутренних и придомовых участков, распределении домашних ролей, нормах поведения и устойчивых характеристиках дома.

Тем самым концепт ДОМ предстаёт как структура, в которой конструктивные и пространственные признаки жилища последовательно соотносятся с социальными, хозяйственными и нормативно значимыми аспектами домашнего пространства. Проведённый анализ также показывает, что разграничение морфологических, лексико-морфологических и синтаксически оформленных паттернов позволяет описывать материал через опорные лексемы и профилируемые признаки.

Процедура выделения типов аффиксов, композитных и синтаксически оформленных моделей в данном разделе опирается на морфологический и семантико-когнитивный анализ, заявленные в Главе I; когнитивная грамматика при этом используется как вспомогательная рамка для описания способов выражения признаков концепта ДОМ.

3.3. Интерпретативно-семантическая разметка концепта ДОМ: морфологические и локативные маркеры в шугнано-рушанской группе языков

В данном разделе внимание сосредоточено не на повторном перечислении морфологических моделей, а на их интерпретативно-семантической функции в репрезентации концепта ДОМ. Анализ направлен на то, как морфологические и локативные маркеры участвуют в смысловой разметке домашнего пространства: выделяют внутренние и пограничные зоны, задают функциональную специализацию, маркируют оценочные характеристики и закрепляют нормативно значимые признаки. В этой

перспективе формальные элементы рассматриваются как средства выражения признаков концепта ДОМ, а не только как показатели формального типа.

Исходной точкой для такого описания служат опорные лексемы *čīd, malā, xůnā* ‘дом’, вокруг которых в шугн-руш. языках формируются устойчивые морфологические, лексико-морфологические и синтаксически оформляемые паттерны. Однако в центре настоящего анализа находится не структура моделей как таковая, а их семантическая нагрузка: каким образом через суффикс, композитный компонент, локативный показатель или устойчивое сочетание в языке фиксируются представления о доме как о пространстве проживания, хозяйственной организации, социальной принадлежности и нормативного порядка.

Для настоящего раздела принципиально важно, что значение формального элемента рассматривается через его повторяющуюся интерпретативно-семантическую функцию. В материале шугн.-руш. языков морфологические и локативные маркеры в единицах с опорными лексемами *čīd, malā, xůnā* выполняют функцию смысловой разметки ДОМа. Они не только оформляют номинацию, но и задают направление её интерпретации, выделяя те или иные признаки домашнего пространства.

Основное внимание привлекают те форманты, компоненты и служебные показатели, которые регулярно повторяются в этой семантической зоне и соотносятся с типичными признаками ДОМ-а. Прежде всего речь идёт о принадлежности, защите, локализации, разграничении внутреннего и внешнего пространства, а также о социально значимых характеристиках дома. Поэтому такой анализ не сводится к повторному описанию формальной структуры слов: он выявляет устойчивые смысловые эффекты, которые закрепились за повторяющимися маркерами.

Такой подход показывает, что семантическую разметку ДОМ-а в шугн.-руш. языках поддерживает не только значение опорной лексемы, но и система регулярных формальных средств: суффиксальных, композитных, лексико-морфологических и локативно-синтаксических. Именно они последовательно

маркируют функциональные, пространственные, оценочные и нормативные параметры домашнего пространства.

На основе полевого материала была выполнена сводная систематизация регулярных формальных показателей, участвующих в интерпретативно-семантической разметке концепта ДОМ в шугн-руш. языках. В обобщённом виде эти данные представлены в Приложении (Таблица 12), где зафиксированы повторяющиеся суффиксальные, композитные, лексико-морфологические и локативно-синтаксические паттерны, а также типы признаков ДОМ, которые они регулярно маркируют в анализируемом материале. В дальнейшем изложении используются те позиции Таблицы 14, которые непосредственно релевантны для описания пространственных, функциональных, оценочных и нормативно маркированных моделей.

С опорой на данные, представленные в Приложении (Таблица 12), формальные показатели в данном разделе рассматриваются с точки зрения их семантической функции в репрезентации концепта ДОМ. В анализ включаются суффиксальные, композитные, лексико-морфологические и локативно-синтаксические показатели, поскольку в материале они регулярно участвуют в маркировании одних и тех же параметров домашнего пространства: принадлежности, локализации, функциональной специализации, оценки и статуса. Такой ракурс позволяет описывать повторяющиеся формальные элементы как устойчивые средства смысловой фокусировки в зоне ДОМ.

Одним из наиболее показательных формальных средств в этом отношении выступает диминутивный формант *-ak / -ik* (с позиционным вариантом *-yak* после гласных). В рядах с опорными лексемами *čīd*, *malā* и, в меньшей степени, *xůnā* он регулярно маркирует уменьшенный формат жилища или его части. При этом его функция не сводится к обозначению размера: оценочный эффект в таких образованиях возможен, но определяется контекстом употребления и интонационной рамкой. Иначе говоря, для

данного форманта в зоне ДОМ первичным является параметр уменьшенности, тогда как оценочность выступает как контекстно реализуемый компонент.

В нейтральных и положительно окрашенных контекстах формы типа *čīd-ak* ‘домик’, *malā-yak* ‘небольшой дом’, *čīd-buc-ak* ‘домишко’ обозначают малый формат жилища и могут сопровождаться значением близкого, ‘своего’ пространства. Здесь диминутивная маркировка соотносится с представлением о компактности и внутренней близости, не выходя за пределы обычной номинации жилища или его уменьшенного варианта.

Вместе с тем в конкретных высказываниях интерпретация форманта смещается в зависимости от синтаксического окружения и коммуникативной установки. Так, в примере *yi čīd-ak-en xurd mīzd at xu sar-en pano čūd* ‘построили себе домик и укрылись там’ возможна как нейтральная, так и сниженно-ироническая интерпретация. В высказывании *yi čīd-ak-en xurd mīzd at xalos-en as bejoyi sat* ‘построили себе домик и избавились от бездомья’ та же форма сохраняет положительную перспективу. В конструкции *yi čīd-ak-aʕ wef-and nist* ‘даже домика у них нет’ диминутивный формант взаимодействует с показателем *-aʕ* и в контексте отрицания актуализирует значение нехватки и социально значимой недостаточности. Тем самым формы на *-ak / -ik* в материале шугн-руш. языков демонстрируют устойчивую связь между формальной маркировкой уменьшенности и контекстно задаваемой оценочной интерпретацией.

Формант *-ak / -ik* (с позиционным вариантом *-yak* после гласных) в рассматриваемом материале выступает как регулярный показатель интерпретативно-семантической разметки ДОМ (см. Приложение, Таблица 12). Его основная функция связана с маркированием уменьшенного формата объекта или участка домашнего пространства, однако в конкретном употреблении эта формальная маркировка может сопровождаться оценочным эффектом. Тем самым в зоне ДОМ данный формант задаёт не только параметр размера, но и контекстно обусловленную перспективу восприятия: нейтральную, ласкательную или сниженно-оценочную.

Особенно показательно сочетание *-ak / -ik* с другими экспрессивными формантами, прежде всего с *-ič* и *-buc*, в структурах типа *čīd-ič-ak* и *čīd-buc-ak*. В таких образованиях усиливается не ‘малость’ как физический признак, а экспрессивная маркированность формы. Так, *čīd-ič-ak* соотносится с более выраженной ласкательно-игровой перспективой, что наглядно проявляется в сочетании *čīd-ič-ak-bozi* 'игра в домики'. Здесь последовательное наслоение формантов оформляет не новую предметную номинацию, а особый способ интерпретации дома как близкого и эмоционально освоенного пространства.

Формант *-ak / -ik* распространяется не только на наименования жилища как такового, но и на номинации внутренних элементов дома и предметов домашнего обихода: *nêx-ak* 'малое возвышение у очага', *zīn-xůn-ak* 'ниша в стене (домик для седла)', *ʒīng-ak* 'передний выступ очага', *sitan-ak* 'столбик', *toq-ak* 'небольшая ниша в стене, полка', *x̌ilāy-ak* 'небольшое полуразрушенное помещение', *wužrā-yak* 'комнатушка'. Такая сочетаемость показывает, что формант участвует в разметке широкого круга домашних локусов и предметов, то есть действует в пределах всей внутренней организации ДОМ, а не только в названиях жилища.

Интерпретативно-семантический эффект форманта *-ak / -ik* зависит от синтаксического и прагматического окружения. В одних случаях он поддерживает значение близости, освоенности и внутренней сопричастности дому, в других – особенно при сочетании с отрицанием, ограничительными или контрастными элементами – может передавать недостаточность, уязвимость или пониженный статус. Поэтому в рассматриваемом материале этот формант следует описывать как средство двойной направленности: сохраняя основное значение уменьшенности, он регулярно участвует и в контекстной оценке ДОМа и его внутренних зон.

Среди формальных средств, которые участвуют в интерпретативно-семантической разметке ДОМа в шугн.-руш. языках, особое место занимает суффикс вместилища *-důn / -don / -donʒ* (см. Приложение, Таблица 12). В прямом значении он обычно обозначает ‘помещение’ или ‘место хранения’,

однако в данном случае важнее его повторяющаяся функция: через такие образования в материале последовательно выделяются специализированные хозяйственные локусы, связанные с внутренней и придомовой организацией пространства.

В этой группе формант передаёт не действие, а тип локуса по его функции хранения. Это хорошо видно в формах *žīz-dům / žoz-don* ‘место для хранения дров’, *ϑīr-dům / ϑer-donʒ* ‘место для хранения золы’, *woǩ-dům* ‘сарай для соломы’, *zi-dům / je-don* ‘кладовая’. Во всех этих случаях производящая основа называет содержимое, а суффикс указывает на помещение или участок, предназначенный для его хранения. Таким образом, *-dům / -don / -donʒ* выступает как регулярное средство обозначения функционально разграниченных зон дома и хозяйственного пространства.

Смысл этой модели состоит в том, что она показывает дом не только как место проживания, но и как пространство упорядоченного распределения ресурсов. Особенно показателен ряд, связанный с дровами, золой, соломой и припасами: такие номинации прямо соотносятся с повседневным обеспечением дома – топливом, запасами и сезонной подготовкой. Поэтому формы на *-dům / -don / -donʒ* целесообразно рассматривать не просто как обозначения ‘вместилища’, а как маркеры функциональной организованности и сохранности в пределах ДОМа.

В системе формальных показателей, которые участвуют в интерпретативно-семантической разметке ДОМа в шугн.-руш. языках, отдельное место занимает материально-принадлежностный формант шугн. *-ej*, руш., хуф., бр., рош. *-ij*, сар. *ɛyj* (см. Приложение, Таблица 12). В анализируемом материале он регулярно обозначает вещественную основу или заготовку для конструктивного элемента дома: *sitanej / sitanīj* ‘древесина для столба’, *wūsej / (w)ūsij* ‘древесина для балки’, *sipoǩčej / sipoǩčīj* ‘бревно для поперечной жерди’. Тем самым формант называет не готовую деталь, а материал, уже соотнесённый с её будущей функцией.

Семантическая значимость этой модели состоит в том, что она устойчиво связывает материал с его назначением в пределах доменной зоны ДОМа. В таких образованиях язык выделяет не оценку предмета, а его конструктивную роль: формант показывает, какой именно ресурс предназначен для определённой части жилища. Благодаря этому номинации с *-ej / -ij / εyj* передают переход от природного материала к элементу дома и дополняют ряды, где уже названы сами конструктивные части – *sitan, (w)ūs* и другие.

Для настоящего раздела принципиально, что в формах типа *sitanej, wūsej, sipox̌čej* материальный признак становится регулярным интерпретативным параметром: через него в языке последовательно маркируется материальная обеспеченность конструкции ДОМ. Если в локальной традиции отдельные элементы дома получают дополнительную ритуально значимую интерпретацию, то в рамках данной модели это проявляется не как самостоятельное значение форманта, а как последующее культурное осмысление уже названного материала. Поэтому формант *-ej / -ij / εyj* целесообразно описывать, прежде всего как показатель материально-функциональной соотнесённости в структуре домашнего пространства.

В интерпретативно-семантической разметке ДОМ заметную роль играет агентно-инструментальный формант: шугн. *-ījˑ*, руш. *-ōj*, бр., рош. *-öj*, хуф. *-oj* (см. Приложение, Таблица 12). В анализируемом материале он оформляет номинации деятеля или предмета, функционально связанного с действием, ср.: *moz-ij* ‘строитель дома’, *šarδkδād-ījˑ* ‘мастер по штукатурке’, *jocwiš-ījˑ* ‘кочерга’. Для зоны ДОМ этот ряд важен тем, что последовательно маркирует деятельностный параметр домашнего пространства: строительство, отделку и обслуживание жилища.

В формах типа *moz-ij* и *šarδkδād-ījˑ* формант фиксирует профессиональную роль участника, связанного с созданием и оформлением дома; в предметных номинациях типа *jocwiš-ījˑ* он маркирует инструмент по его функции. Тем самым ряд на *-ījˑ / -ōj / -öj / -oj* задаёт в материале устойчивую

разметку действия и функциональной роли, дополняя пространственные и предметные характеристики ДОМ.

Отдельный ряд образуют префиксальные образования с шугн. *pi-*, руш., хуф., бр. *pa-* со значением ‘на / над’. В анализируемом материале этот показатель регулярно связан с верхней, покровной или пограничной локализацией в структуре дома. Формально он маркирует пространственное отношение, а в интерпретативно-семантическом плане – функционально значимые зоны, связанные с прикрытием и границей. Это видно в формах *pi-gal* ‘край крыши’, *pi-doδ* ‘место для ночёвки крупного скота’, *pi-δīnd / paδend* ‘порог’. В лексеме *pi-gal* префиксальный компонент выделяет верхнюю часть конструкции; в ряде контекстов форма может обозначать кровлю или дом через его покровную часть, ср. *xu pigal ta soyibi-yen* ‘о кровле/доме своём надо заботиться’. В таком употреблении пространственный показатель участвует и в нормативной разметке, поскольку через обозначение кровли актуализируется обязанность поддерживать дом.

Таким образом, формы с *pi-* / *pa-* в данном материале выполняют функцию пространственно-функциональной разметки ДОМа: они указывают на верхние и пороговые зоны домашнего пространства и в ряде контекстов связываются с защитой, переходом и контролем границы между внутренним и внешним.

Особый ряд в интерпретативно-семантической разметке ДОМа образуют композиты с компонентом шугн. *jīc*, руш., хуф., бр., рош. *jæc / jec* ‘помещение’, ‘хлев’ (см. Приложение, Таблица 12). Их формальная структура и модели сочетаемости уже были рассмотрены выше; здесь важнее их повторяющаяся функция в материале. Через компонент *jīc / jæc / jec* язык регулярно выделяет специализированные микрозоны домашнего и придомового пространства. Это хорошо видно в формах *woǎjīc / waǎjæc / waǎjec* ‘помещение для сена’, *čaǎjīc / čaǎjæc / čaǎjec* ‘помещение для курицы’, *wārgjīc* ‘хлев для ягнят’, шугн.-руш. *δīdjīc, δīgjæc, δigjec, δegjec* ‘хлев для навоза’, *δīr-jīc* ‘хлев для золы’. В таких номинациях модель ‘место для X’

передаёт не просто нейтральное название, а устойчивый способ обозначения хозяйственно значимых участков по типу ресурса, животного или продукта хозяйственного цикла.

Для данного раздела принципиально, что композиты с *jīc / jæc / jec* фиксируют не просто наличие помещения, а принцип функционального разведения зон внутри доменной сферы. Тем самым в языке последовательно маркируется домашнее пространство как организованная система микролокусов, где каждому типу содержимого или хозяйственной функции соответствует свой участок. По сравнению с формами на *-důn / -don / -donʒ*, которые обозначают локус хранения, ряд с *jīc / jæc / jec* сильнее акцентирует внутреннюю сегментацию и распределение функций. В интерпретативно-семантическом плане это позволяет описывать данные композиты как показатель упорядоченности и поддерживаемого порядка в пределах ДОМ.

Отдельную группу формальных показателей составляют образования с компонентами *dor / kor* и суффиксом *-i* (см. Приложение, Таблица 12), через которые в материале маркируются деятельность, качество и нормативно значимые практики, связанные с домом и хозяйством. К этому ряду относятся, в частности, *xůnadori* (руш. *xonadoray*) ‘ведение хозяйства’, *sariǐtākori* ‘аккуратность, бережливость’, *memůndori* ‘гостеприимство’, *žowdori* ‘забота о скоте’, *moldori* ‘уход за домашними животными’, *obod-i* ‘благоустроенность / благоустроенный статус дома’. В этих формах компоненты *dor* и *kor* регулярно задают значения поддержания, ведения, труда и организационного усилия, а суффикс *-i* оформляет отвлечённую номинацию качества, свойства или сферы деятельности.

В интерпретативно-семантическом плане этот ряд важен потому, что он показывает ДОМ не через его конструктивные части, а через способы его поддержания. Формы с *dor* / *kor* и суффиксом *-i* закрепляют в языке устойчивые параметры домашнего уклада: порядок, бережливость, уход, гостеприимство, хозяйственную ответственность. Поэтому такие образования следует рассматривать как формальные показатели нормативно-практической

разметки ДОМа, где на первый план выходят не части жилища, а устойчивые способы его ведения и сохранения.

В рядах с компонентами *dor* / *kor* и суффиксом *-i* (см. Приложение, Таблица 12) смысловая разметка ДОМ-а смещается в сферу повседневного уклада. Здесь *dor* и *kor* не просто участвуют в образовании слов, а регулярно указывают на деятельностный режим: ведение хозяйства, поддержание порядка, выполнение необходимых домашних действий. Именно поэтому формы типа *xůnadori* ‘ведение хозяйства’, *sarix̌tākori* ‘аккуратность, бережливость’, *memůndori* ‘гостеприимство’, *žowdori* ‘забота о скоте’, *moldori* ‘уход за домашними животными (скотом)’ называют не элементы дома, а способы его ежедневного поддержания.

В этом ряду особенно важно различие между качеством человека и самой практикой. Формы без *-i*, например, *xunador* ‘хозяйственный; умеющий вести дом’ и *sarix̌tākor* ‘аккуратный, бережливый’, характеризуют носителя признака. Форма с *-i* переносит значение в плоскость действия или устойчивого поведения: *xůnadori* ‘ведение хозяйства’ обозначает хозяйственную деятельность, *sarix̌tākori* ‘аккуратность, бережливость’ – бережное и аккуратное обращение с вещами, *memůndori* ‘гостеприимство’ – практику приёма гостей, *žowdori* ‘забота о скоте’ и *moldori* ‘уход за домашними животными (скотом)’ – постоянный уход за живым хозяйством. В таком употреблении суффикс *-i* показывает переход от качества к его практическому проявлению.

Для интерпретативно-семантического описания это особенно важно, потому что через такие формы ДОМ предстает как пространство, чью устойчивость поддерживают повторяющиеся действия. Внутренний порядок, бережливость, приём гостей, уход за животными выступают здесь не как отвлечённые добродетели, а как реальные формы поведения, закреплённые в лексике. Именно поэтому ряд на *dor* / *kor* / *-i* задаёт нормативно-практическую разметку ДОМа: язык прямо показывает, какие действия поддерживают домашнюю устроенность.

Нормативный характер ряда особенно заметен в оценочных противопоставлениях типа *xunador* ‘хозяйственный; умеющий вести дом’, *no-xunador* ‘нехозяйственный; неумеющий вести дом’. В подобных формах оценка связана не с абстрактным качеством, а с соответствием/несоответствием ожидаемому способу ведения дома. Это же видно в сочетании *xunador vidow* ‘уметь вести дом, быть хозяйственным’ и в оценочном выражении *no-xunador kaxoy* ‘нехозяйственная женщина’, где отрицательная маркировка относится к нарушению этой нормы. Таким образом, образования с *dor, kor* и *-i* в анализируемом материале последовательно оформляют ДОМ как ценностно и нормативно организованное пространство повседневной ответственности.

Постпозитивные элементы *-and, -ard* и *-aϑ*, присоединяющиеся к основе *čīd* ‘дом’ (а также к другим номинациям домовых локусов), в данном анализе рассматриваются как грамматические показатели локализации с устойчивым интерпретативно-семантическим эффектом (см. Приложение, Таблица 12). Их пространственные значения сами по себе не новы, однако в составе конкретных высказываний они регулярно вводят дом и его внутренние зоны как пространство нормы, статуса и ценностной значимости.

Это особенно видно в формах *čīd-and* ‘у дома, в доме’, *čīd-ard* ‘в доме, по дому’ и *čīd-aϑ* ‘только дом, лишь дом’. В высказывании *čīd-and pīnʒ sitan* ‘в доме (у дома) [есть] пять столбов’ постпозитив *-and* задаёт не только локализацию, но и рамку внутренней устроенности: дом представлен как пространство с фиксированной опорной структурой. В сочетании *čīd-ard ta ǯelak na-kin-en* ‘в доме нельзя свистеть’ постпозитив *-ard* вводит домашний локус как зону регламентированного поведения. В высказывании *čīd-aϑ tund di vud fanā dawlat* ‘лишь бы дом у тебя был – это уже благодать’ элемент *-aϑ* участвует в модально-ценностной фокусировке: наличие дома оформляется как минимально достаточное условие благополучия.

Тот же эффект проявляется и в сочетаниях с внутренними зонами дома. В примерах *bārnêx-and nīstow* ‘усаживаться на главных нарах’ и *wi joy mudům*

bārnêx-and vud ‘его место всегда было на главных нарах’ постпозитив *-and* маркирует не просто место, а статусно выделенную точку внутри дома. Здесь локализация соотнесена с внутренней иерархией пространства: *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’ выступает как социально значимая зона, связанная с престижем и старшинством.

Таким образом, формы с *-and, -ard* и *-aϑ* в анализируемом материале выполняют не только локативную, но и интерпретативную функцию: они последовательно оформляют ДОМ и его внутренние участки как пространство порядка, нормативности и статусной разметки.

Дополнительные контекстные употребления постпозитивов *-and* и *-ard* уточняют их интерпретативную роль в разметке ДОМ. В высказывании *kicor-and at ʒīngak-and γulā māni-yat barakat* ‘у очага и переднего выступа очага есть смысл и благодать’ постпозитив *-and* присоединяется к лексемам *kicor* ‘очаг’ и *ʒīngak* ‘передний выступ очага’ и оформляет их как внутренние домовые локусы, значимые не только в пространственном, но и в ценностном отношении. В данном случае локативная маркировка задаёт рамку включённости этих зон в смыслово выделенное внутреннее пространство дома.

Сходный эффект наблюдается в высказывании *x̌asitan-ard tar čīd dedow-ti salům-en doyim čūd* ‘раньше главный столб приветствовали при входе в дом’, где постпозитив *-ard* оформляет локализацию ритуально значимого действия внутри дома. Форма *x̌asitan* ‘главный столб’ вводится здесь как опорный внутренний локус, а постпозитивная маркировка фиксирует не просто место действия, а его соотнесённость с внутренним порядком и устойчивостью дома.

В предложении *čīd-and osoyaxi, důnjat wi darūn pīnʒ sitan* ‘в доме покой, потому что в нём пять столбов’ постпозитив *-and* снова связывает локализацию с интерпретацией состояния дома. Локус *čīd* ‘дом’ оформляется как пространство покоя, а указание на *pīnʒ sitan* ‘пять столбов’ вводится как внутренняя опорная характеристика этого состояния. Тем самым

постпозитивная форма участвует в связывании пространственной структуры и ценностной характеристики дома в пределах одного высказывания.

В этих контекстах постпозитивы *-and* и *-ard* выступают не только средствами локативной связи, но и устойчивыми маркерами интерпретативной фокусировки: через них ключевые зоны дома (*kicor, ʒīngak, x̌asitan, čīd*) вводятся как внутренне значимые участки, связанные с порядком, ритуально отмеченными действиями и состоянием домашнего пространства. Это подтверждает, что постпозитивная разметка в анализируемом материале последовательно участвует в описании ДОМ как структурированного и ценностно организованного внутреннего мира.

Проведённый анализ показывает, что в шугн.-руш. языках элементы морфемного уровня (в широком смысле, включая аффиксальные, композитные и постпозитивные показатели) участвуют не только в формальном оформлении номинаций, но и в интерпретативно-семантической разметке ДОМ. В этом материале ДОМ последовательно представлен как внутренне организованное ‘своё’ пространство, где предметная структура, порядок повседневных практик и ценностные ориентиры описываются через повторяющиеся языковые средства (см. Приложение, Таблица 12).

В обобщённом виде в материале выделяются три устойчивые линии такой разметки. Первая связана с оценочной перспективой: формы с *-ak / -ik / -yak* оформляют ‘малое’ не только как размерный признак, но и как интерпретативную рамку, в которой домашний локус может осмысляться либо как близкое и защищающее пространство, либо как знак нехватки и уязвимости. Вторая линия связана с внутренней организацией доменной сферы: формант *-důn / -don / -donʒ* и композиты с компонентом *jīc / jæc / jec* последовательно маркируют функциональные зоны и микролокусы, через что ДОМ описывается как упорядоченная система внутренних участков. Третья линия связана с нормативно-практической разметкой: образования с *dor / kor* и суффиксом *-i* фиксируют режимы поддержания дома (ведение хозяйства, бережливость, гостеприимство, уход), а постпозитивы *-and / -ard / -aϑ* в ряде

контекстов оформляют внутренние локусы как зоны нормы, статуса и ценностной значимости.

Тем самым материал раздела позволяет описать ДОМ в шугн.-руш. языках не только как объект номинации, но и как пространство жизненного порядка. Повторяющиеся формальные показатели закрепляют его внутреннюю организованность, нормативность и ценностную насыщенность. Морфемные и постпозитивные элементы выступают здесь устойчивыми средствами разметки домашнего мира, где структура жилища, повседневная практика и культурно значимые смыслы образуют единую систему.

Выводы по главе:

Анализ материала в текущей главе показал, что концепт ДОМ в шугн.-руш. языках репрезентируется через систему устойчивых лексических, морфологических и лексико-морфологических паттернов сочетаемости, а не через набор изолированных номинаций. В пределах главы были описаны как опорные лексемы доменной зоны, так и регулярные модели, через которые формируются внутренние участки, функции, действия, статусы и оценочные характеристики, связанные с домом.

В первой части главы установлено, что опорные лексемы *čīd, malā* и *xůnā* задают разные профили сочетаемости и, соответственно, разные способы входа в описание ДОМ. Их распределение в материале показывает, что доменная зона организуется не по единой модели: одни паттерны преимущественно закрепляют базовую номинацию жилища, другие пространственно-локативные значения, а третьи связи с повседневным укладом, принадлежностью и ситуациями обитания. Это позволило описать внутреннюю структуру доменной сферы через различающиеся, но взаимосвязанные профили опорных лексем.

Во второй части главы видно, что формальная организация материала опирается на повторяющиеся морфологические и аналитические модели. В этот ряд входят непроизводные номинации опорных элементов дома,

суффиксальные ряды, в том числе с формантами шугн.-руш. *-důn / -don / -donʒ*, *-ak / -ik*, *-ej / -ij*, *-īj / -ōj / -öj / -oj*, композитные модели, образования с компонентом шугн.-руш. *jīc / jæc / jec*, а также предикативные, именные и послеложно-клитические конструкции. В совокупности эти модели показывают, что ДОМ в шугн.-руш. языках раскрывается как структурированная зона, где формальные средства устойчиво связаны с такими смысловыми параметрами, как локализация, вместилище, материал, функциональная специализация, деятельность, оценка и нормативно-ритуальные практики.

Особенно важно, что аналитические конструкции и формы с постпозитивами и клитиками добавляют к описанию ДОМа не только пространственное, но и ситуационное и нормативное измерение. Через сочетания с *čīd* и другими внутренними локусами дома язык закрепляет повторяющиеся сценарии: строительство и поддержание дома, хозяйственные действия, правила поведения, статусно выделенные зоны и ценностные характеристики домашнего пространства. Это подтверждает, что доменная сфера в рассматриваемом материале описывается не только через предметную номинацию, но и через типовые высказывательные модели.

В третьей части главы повторяющиеся формальные показатели рассматриваются как интерпретативно-семантические маркеры внутри доменной зоны. Материал это показывает на примере формантов *-ak / -ik / -yak*, которые задают оценочную перспективу ‘малого’; *-důn / -don / -donʒ*, связанных с внутренними зонами хранения и упорядоченности; *jīc / jæc / jec*, обозначающих микрозональную организацию хозяйственного пространства; *dor / kor* в сочетании с суффиксом *-i*, передающих нормативно-практические способы поддержания дома; а также постпозитивов *-and / -ard / -aϑ*, которые задают локативную и ценностно-нормативную фокусировку. Эти средства не только оформляют единицы, но и устойчиво маркируют ДОМ как ‘своё’ внутреннее пространство.

В целом концепт ДОМ в шугн.-руш. языках раскрывается как многоуровневая система, где предметная структура жилища, функциональное членение, повседневные практики и ценностные установки образуют связанную сеть повторяющихся языковых паттернов. Особенность главы состоит в том, что эту связь раскрывают на пересечении морфологических и коллокационных моделей, включая клитические и послеложные конструкции, в сочетании с семантико-когнитивной интерпретацией материала.

ГЛАВА IV. КОГНИТИВНО–СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА ДОМ

В Главе IV внимание сосредоточено на тех сторонах концепта ДОМ, которые связаны не столько с его предметной номинацией, сколько с ценностным, нормативным и культурным содержанием. На материале шугн.-руш. языков здесь рассматривается, как в речи закрепляются представления о доме как о защищаемом, внутренне организованном и аксиологически значимом пространстве. Первая часть главы посвящена пограничным зонам домашнего пространства – порогу, двери и связанным с ними защитным практикам. Во второй части анализируются такие элементы традиционного памирского дома, как *růʒ* ‘световое отверстие на крыше традиционного дома’, *poygā* ‘основание традиционного дома; пол’, наименования пяти столбов, *kicor* ‘очаг’ и *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стен в традиционном доме’. Через их рассмотрение раскрываются представления о внутренней иерархии дома, его символической организации и ценностной нагрузке в традиционной картине мира.

ЧАСТЬ I. КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В первой части главы рассматривается шугн.-руш. материал, в котором особенно ясно проявляются когнитивно-семантические и прагматические характеристики концепта ДОМ. В центре внимания находятся языковые средства, через которые осмысляются пограничные зоны домашнего пространства, нормы поведения у границы дома и связанные с ними оценочные значения. Поэтому дальнейший анализ сосредоточен на устойчивых употреблениях, в которых выражаются представления о границе, доступе, допустимом и недопустимом действии, регуляции поведения и защите дома. В этой связи последовательно рассматриваются обозначения

порога, двери и языковая репрезентация защитных практик. Анализ сосредоточен на устойчивых употреблениях, в которых получают выражение представления о границе, доступе, регуляции поведения и защите дома. В этой связи последовательно рассматриваются обозначения порога, двери и языковая репрезентация защитных практик.

4.1.1. Вербальная репрезентация порога: модели границы, допуска и нормативной регуляции

Порог в шугн.-руш. языковой картине мира осмысляется как пограничная зона ДОМ, связанная с переходом, разграничением и контролем доступа. Именно в этой точке особенно последовательно проявляются представления о внутренней и внешней сфере, о допустимом и недопустимом действии, о защищённости и уязвимости домашнего пространства. Эти значения закрепляются в устойчивых выражениях и формульных высказываниях, где порог включён в систему повседневных норм, запретов и предписаний.

В когнитивно-семантическом плане порог осмысляется, прежде всего как точка перехода. Именно через него в домашнем пространстве оформляется базовое противопоставление ‘внутреннее / внешнее’, а вместе с ним и более частные оппозиции ‘своё / чужое’ и ‘безопасное / опасное’. В этом отношении показательно наблюдение А. Ван Геннепа, который рассматривал дверь и порог как рубеж между домашним и чужим пространством, а также между профанным и сакральным; в таком понимании само действие ‘переступить порог’ получает смысл вхождения в иной порядок [6, с. 24]. Ту же логику он развивает, когда описывает переход как потенциально рискованную зону, требующую ритуального сопровождения [6, с. 35–36]. Сходным образом А. К. Байбурин определяет ритуал как средство восстановления порядка и укрепления границы между соприкасающимися мирами [12, с. 190]. Для настоящего исследования этот теоретический фон важен не сам по себе, а

потому, что он помогает точнее увидеть, как подобная модель границы получает своё языковое выражение в шугн.-руш. материале.

Нужно оговорить, что такое понимание порога не является специфически шугн.-руш. Оно отражает более общий культурный механизм осмысления границы, что подтверждается и материалом по славянской традиции [11; 12]. Для настоящего исследования этот круг наблюдений важен как сравнительный фон: он помогает яснее увидеть, какие черты в репрезентации порога имеют более широкий характер, а какие обусловлены уже собственно шугн.-руш. языковым и культурным материалом.

Дальнейший анализ исходит из более широкого понимания границы как культурно значимого рубежа. Граница переживается не только в территориальном, но и в домашнем пространстве, где она постоянно проявляется в повседневной жизни и потому получает устойчивое языковое выражение [112, с. 253–257]. В этом плане ДОМ выступает как пространство регулируемого контакта с внешней средой: двери и окна задают режим связи снаружи, а порог концентрирует функцию контроля перехода [113, с. 102–111]. Сходные выводы содержатся и в работах, где граница рассматривается как культурно маркированный рубеж [124, с. 51–58]. Для шугн.-руш. материала этот подход важен потому, что он позволяет точнее соотнести локальные языковые данные с общей логикой осмысления дома как внутренне защищённого пространства.

Собственно шугн.-руш. специфика становится видна не на уровне общей модели границы, а в конкретном языковом материале в устойчивых выражениях, формульных высказываниях и локальных этнографических свидетельствах. Именно здесь ясно видно, какие действия в зоне порога признаются допустимыми, а какие нежелательными, как оформляются запреты и предписания и какой ценностный смысл получает сам порог внутри домашнего пространства. В этом отношении особенно важны наблюдения М. С. Андреева по материалам таджиков долины Хуф, которые дают сопоставительный фон для интерпретации шугн.-руш. языковых данных [3; 4].

Общий для разных культур смысл порога как пограничной зоны в шугн.-руш. материале получает вполне конкретное языковое выражение. В устойчивых выражениях и формульных сочетаниях порог служит ориентиром, через который оцениваются поведение человека, его намерения и допустимая степень приближения к чужому пространству. Именно в таких единицах особенно ясно проявляются противопоставления ‘своё / чужое’ и ‘безопасное / опасное’, а вместе с ними закрепляются и представления о границе ДОМ-а.

В шугн.-руш. группе языков от основы со значением ‘порог’ образуются наименования, связанные с дверным комплексом: шугн. *piδīnd*, руш. *paδēnd*, хуф. *paδīnd*, бр. *paδēnd*, рош. *paδēn*, сар. *paδing* ‘порог’; шугн. *poδ-piδīnd* ‘нога-порог’, руш. *bēr-paδēnd* ‘низ-порог’, хуф. *bēr-paδīnd* ‘низ-порог’, бр. *ber-paδēnd* ‘низ-порог’, рош. *bir-paδēn* ‘низ-порог’. В употреблении эти единицы соотносятся со значением ‘дверь’ или ‘дверной комплекс’.

В шугн. материале зафиксирована и форма *piδīndak* ‘порожек’ с уменьшительным формантом *-ak*; она употребляется в значениях ‘поперечный брусок двери’, ‘притолока’. Для аксиологической и прагматической интерпретации особенно важно, что производные номинации порога входят в состав устойчивых оценочных выражений. Так, шугн. *poδpiδīnd zêx̌tow*, руш. *bērpaδēnd zēx̌tōw*, хуф. *bērpaδīnd zēx̌tōw*, бр. *bērpaδēnd zēx̌tōw*, рош. *bīrpaδēn zex̌tow* буквально означают ‘брать порог’ и употребляются в значении ‘надоедать частыми посещениями’. Здесь порог выступает уже не просто частью дома, а смысловым ориентиром, через который оценивается социальное поведение.

Семантико-когнитивная интерпретация этих единиц показывает действие двух связанных механизмов. Во-первых, срабатывает метонимия: порог как элемент ДОМ-а обозначает границу домашнего, ‘своего’ пространства. Во-вторых, включается прагматическая оценка: частое появление у порога воспринимается отрицательно и понимается как навязчивое приближение к чужой личной зоне. Это видно в репликах *tu-t mu poδpiδīnd zox̌č* ‘ты надоел мне своими частыми посещениями’ и *arčīzca-yat mu*

poðpiðīnd zoxčˇ ‘что-то ты зачастил ко мне’ [208]. В таких контекстах значение не сводится к простой частоте визитов: порог осмысляется как знак личной границы, а настойчивое появление у дома как нарушение допустимой дистанции. Дополнительный прагматический оттенок возникает в ситуациях подозрения, когда частые появления у дома начинают восприниматься как признак скрытого намерения или неготовности к открытому обращению.

Устойчивые конструкции с компонентом *piðīnd* показывают, что в языковой системе порог функционирует как точка контроля входа и выхода. Через эти выражения оформляются сценарии допуска, отказа, ухода и возвращения: *tar piðīnd weðdow* букв. ‘в порог след вести’, ‘впустить на порог, в дом’; *tar piðīnd pīð zêxˇtow* букв. ‘в порог след брать’, ‘переступить через порог’; *as piðīnd ziwêstow*, ‘выгнать с порога, из дома’; *tar piðīnd nolākčidow* ‘не пускать на порог, в дом’; *as piðīnd naxˇtīdow* букв. ‘выйти за порог’, ‘уйти из дома’; *mu piðīnd rinês* букв. ‘забудь мой порог’, ‘не приходи, забудь дорогу в мой дом’; *tar xu piðīnd xu weðdow* букв. ‘довести себя до своего порога’, ‘дойти до своего, родного дома’. Во всех этих единицах порог служит языковым маркером границы ДОМ, через который выражаются доступ к домашнему пространству, степень близости или дистанции и оценка поведения.

Прагматическая нагрузка особенно отчётлива в контекстах, где пересечение порога связывается с нарушением домашнего порядка. Так, высказывание *Yůdand-um zinaў tar piðīnd weðd-at xůnā nosoyaxˇ sut* ‘Как только невесту через порог впустила, дом стал неспокоен’ задаёт причинно-временной сценарий, в котором допуск нового человека в домашнее пространство интерпретируется как событие, способное изменить внутренний режим ДОМ. В ту же логику входят напутственные формулы, направленные на нейтрализацию перехода и сохранение нормативного порядка, ср.: *ar čīz ca-vud to šičec xu dod ʒingak ti lāk* ‘всё, что было до сих пор в твоей жизни, оставь это на отцовском выступе очага’ [233]. Здесь переход через порог сопровождается речевой формулой, регулирующей символическую границу между прежним и новым состоянием.

Нормативный статус порога подтверждается и в репликах, где отказ во вхождении или изгнание с порога мотивированы оценкой поведения адресата: *Tar xu piδīnd-um wef na-lakčūd* ‘Я не пустил их на свой порог, в свой дом’; *Noaqi-yen čūd as xu piδīnd-um wef ziwost* ‘Они поступили нечестно, и я выгнал их со своего порога, из своего дома’. В таких контекстах санкция выражается через пространственный код: граница ДОМ становится формой социальной оценки. С этим же смысловым узлом связаны *as piδīnd naǰtīdow* букв. ‘выйти за порог’, ‘в ярости, в обиде покинуть родной дом’ и *tar xu piδīnd xu weδdow* букв. ‘довести себя до своего порога’, ‘дойти до своего, родного дома’, где порог выступает маркером принадлежности к родному пространству. Показательно высказывание *as piδīnd-um di naǰtūyd diga ta taram na-deδ-um* ‘Если я покину порог, свой дом, в ярости, то больше туда не вернусь’: уход за порог здесь осмысляется как значимый поведенческий рубеж, а отказ от возвращения как речевое закрепление чести и личной позиции.

Критической точкой регуляции становится и ситуация предотвращения ухода из ДОМ. Это закреплено в выражении *piδīnd-and as piro yatow* ‘преграждать дорогу на пороге’, ср.: *Wi dod piδīnd-tīr wird as piro yat* букв. ‘Его отец на пороге ему дорогу преградил’, то есть ‘Его отец преградил ему дорогу, не выпустил его, на пороге’. В подобных контекстах порог функционирует как зона поведенческой регуляции: остановить человека у порога значит пресечь выход из родного пространства и предотвратить разрыв, имеющий социальный и моральный смысл.

Сила такого воздействия поддерживается ритуально маркированными действиями старших – *katanak* ‘старший’. Если старшей была женщина, она распускала волосы; если мужчина, он распускал чалму и обнажал голову. В традиционной норме эти жесты имеют исключительный характер, поскольку постоянное ношение головного убора связано с представлением о защищённости, тогда как непокрытая голова соотносится с уязвимостью и риском неблагоприятного воздействия, ср. *ofat firīptow* букв. ‘беда достигает’, т.е. ‘накликать беду’. Поэтому обращение старшего в такой ситуации

приобретает статус сильного морального и ритуального аргумента, способного изменить решение уходящего. Игнорирование подобной просьбы квалифицируется как нарушение возрастной и домашней иерархии и может осмысляться как поступок с неблагоприятными последствиями, ср.: *as xu katanak-en be-barakat ma-sa* ‘не будь проклятым от старших в доме’.

Тем самым выражение *piδīnd-and as piro yatow* ‘преграждать дорогу на пороге, не выпускать из дома, не допустить, чтобы родной человек покинул дом’ фиксирует устойчивый для шугн.-руш. материала смысловой узел: порог предстаёт как рубеж, где решение о выходе из ДОМ подлежит социальной и ритуальной коррекции. В языковой форме здесь соединяются представление о переходе как рискованном действии и нормативная практика его остановки.

С тем же кругом значений связано образное выражение *tar xu piδīnd-um xu di weδd* ‘Мне бы только дойти до своего порога’. В этом случае порог репрезентирует предельную точку возвращения в родное пространство и знак восстановления безопасности. Упоминание порога отсылает не к детали жилища, а к ДОМ как к целостному ‘своему’ миру: высказывание передаёт состояние удалённости и одновременно выражает стремление к границе, после пересечения которой ожидаются покой, защищённость и встреча с близкими.

Порог в шугн.-руш. материале выступает маркером рубежа принадлежности и безопасности: достижение ‘своего порога’ означает возвращение в освоенное и упорядоченное пространство, тогда как пребывание вне него имплицитно соотносится с ‘чужой’ территорией и повышенной уязвимостью.

Формулировки *tar wef piδīnd sidow naboft* (букв. ‘к их порогу подойти невозможно’, в значении ‘нет доступа в их дом’), *wef piδīndi yičay na-wīnč* (букв. ‘никто не видел их порога’, в значении ‘не пускают в свой дом’), а также *divi-ndi žīr δoδjak sut* (букв. ‘вход/путь закрыт камнем’) актуализируют порог как маркер социальной дистанции и закрытости ‘чужого’ пространства. В семантико-когнитивном плане здесь реализуется модель ‘порог как контролируемая граница доступа’: невозможность приблизиться к порогу или

‘невидимость’ порога интерпретируются как устойчивый отказ во входе и контакте. Прагматически такие формулы выполняют и оценочную функцию: они сообщают о недоступности дома и одновременно характеризуют хозяев как негостеприимных, то есть не соответствующих ожидаемым нормам поведения внутри ‘своего’ сообщества. Отсюда возникает и более широкий оценочный вывод: за ‘их порогом’ действует иной, неприемлемый для ‘нас’ порядок отношений.

Лексика, связанная с порогом, выводит не только к самому порогу, но и к более широкому представлению о входе как об особой зоне ДОМа. Порог здесь мыслится вместе с дверью и прилегающим пространством: именно в этой части дома пересекается граница, регулируется поведение и совершаются действия, связанные со входом, выходом, ожиданием и остановкой. Поэтому порог в шугн.-руш. материале целесообразно рассматривать как часть переходного комплекса, что вполне согласуется и с классическими описаниями пороговых практик у А. Ван Геннепа [6, с. 28].

В представлениях народов Западного Памира пространство за порогом осмысляется как ‘своё’, однако граница ДОМ сохраняет проницаемость в ситуации мирного контакта: гостеприимный приём путника или прохожего входит в круг обязательных нравственных норм. Эта установка прямо выражена в формуле *xu piδīnd ti ta xu kud nagarδen-en* (букв. ‘не надо превращаться на своём пороге в собаку’), где *kud* ‘собака’ задаёт метонимическое уподобление недостойного поведения, агрессивной реакции на пришедшего и отказа в допуске к порогу. Тем самым в высказывании закрепляется прагматическое требование сохранять человеческое достоинство и соблюдать норму гостеприимства в пределах ‘своего’ пространства. Нормативная значимость этой модели поддерживается и нарративной традицией: в сюжетах о внезапном появлении чужака отсутствие должного приёма интерпретируется как нарушение порядка, за которым следуют неблагоприятные последствия для домочадцев, а в ряде случаев и для всего селения. В таком применении порог выступает как место проверки этической

нормы, а отношение к пришедшему осмысляется как показатель состояния ДОМ и его ценностного порядка.

Через порог в речи считываются и междомовые отношения, степень открытости или закрытости и характер контакта между ‘своим’ и ‘чужим’. Именно поэтому формулы *tar wef piδīnd (y)ičay na-deδd* (букв. ‘к их порогу никто не подходит’) и *tar māš piδīnd (y)ičay na-deδd* (букв. ‘к нашему порогу никто не подходит’) фиксируют не физическое действие входа, а оценку социальной дистанции. В первом случае выражается демонстративное избегание чужого дома: неприязнь, вражда, отказ от взаимодействия; во втором, отсутствие готовности окружающих входить в ‘наш’ дом, что интерпретируется как признак нерасположения. Тем самым переступание порога концептуализируется как акт признания отношений: отсутствие такого действия маркирует разрыв контакта, тогда как допуск гостя в дом, предоставление места и угощения подтверждают норму открытости и уважения.

Как отмечает А. Ван Геннеп, ‘обрядам входа в дом, храм и тому подобные помещения соответствуют обряды выхода, которые либо идентичны, либо имеют обратное значение’ [6, с. 27]. В шугн.-руш. материале такая симметрия проявляется в формулах, сопровождающих выход за порог и регулирующих поведение в момент перехода в ‘чужое’ пространство. Ср.: *Ba bismillo as piδīnd naxtīdow* ‘со словами ‘бисмилло’ переступить порог, выйти наружу’; *As piδīnd dedow qati ta salům kin-en* ‘переступив порог, следует здороваться’; *as piδīnd naxtīdow ti pi pīc no-δedow* ‘выйдя за порог, не столкнуться ни с кем’; *as piδīnd xu tar pīc naxtīdow* ‘переступить порог, выйти наружу без сопровождающего’ (при поездке, путешествии). Эти выражения показывают, что выход из ДОМ также подчинён нормативным и защитным установкам: переход через порог требует речевого и поведенческого оформления.

Показательно, что в шугн.-руш. материале количественно и семантически преобладают единицы, ориентированные на описание ‘своего’

пространства. Это позволяет говорить о преимущественной фокусировке не на ‘чужом’ как таковом, а на охране и нормативном поддержании ‘своего’. В ценностной структуре концепта ДОМ порог выступает прежде всего как рубеж принадлежности, через который регулируются доступ, допустимая дистанция, формы уважения и способы сохранения внутреннего порядка (ср. шугн.-руш. *čīd* ‘дом’).

Отдельный аспект репрезентации порога в шугн.-руш. материале связан с его охранительным статусом. В этой группе контекстов порог получает особую оценку не по своей физической функции, а как зона, которой приписывается защитная сила, ср. *piδīnd-and firiǐtā barjoy* ‘на пороге находится ангел’. Тем самым входная граница ДОМ осмысляется как чувствительная часть домашнего пространства, требующая регламентированного поведения.

Такой регламент выражается в системе запретительных и предписывающих формул, задающих допустимые и недопустимые действия в зоне порога. Направление подметания предписывается от порога к основанию дома: *as piδīnd-and tar poygā ta zid-en* ‘от порога к основанию дома подметают’, тогда как обратное направление маркируется как нежелательное: *tar piδīnd taraf-ta bijīn na-zidār-ēn* ‘нельзя мести мусор в сторону порога’. Запрет распространяется и на телесный контакт с этой частью дома: *piδīnd ti ta na-niǐp-en / piδīnd ti ta na-niϑ-en* ‘на пороге нельзя сидеть / нельзя наступать’.

В ряде формул запрет сопровождается бытовой мотивировкой, которая одновременно выполняет дисциплинирующую функцию: *piδīnd-ti mā-niϑ, tůmat kin-en* ‘не сиди на пороге, не то оклевещут тебя’; *piδīnd-ti tā na-niǐp-en / na-niϑ-en, dod qārʒdor sůd* ‘нельзя наступать / сидеть на пороге, отец будет в долгу’. Наряду с этим представлены выражения, где нарушение нормы связывается уже с риском для ДОМ как целого: *fīǐtazan-ti ta tar piδīnd nadeδ-en* ‘задыхаясь, не переступают порог’; в развёрнутой формуле *fīǐtazan-ti ta tar piδīnd nadeδ-en barakati xůnā best / čīd-jamāt osepi sen* ‘задыхаясь, не переступают порог, ибо благодать дома может потеряться / домочадцы могут

испугаться’. В этих единицах порог выступает точкой, где повседневное действие получает аксиологическую нагрузку: нарушение запрета интерпретируется как потенциальная угроза благополучию ДОМ и его защитному порядку.

Разнохарактерность мотивировок в рассмотренных выше запретительных формулах, таких как угроза утраты благодати, клевета, долг, испуг домочадцев, позволяет выделить их общее семантическое основание: порог осмысляется как охраняемая граница ДОМ, а нарушение правил поведения в этой зоне связывается с риском для благополучия и внутреннего порядка ‘своего’ пространства. Поэтому частные объяснения в конкретных высказываниях следует рассматривать не как разрозненные поверья, а как разные способы языкового оформления одной и той же нормативной установки.

Охранительная маркированность порога подтверждается и данными о традиционной организации входа. По свидетельствам информантов, в старых домах порог нередко делали высоким: *piδīnd-en bilānd čūd* ‘возводили высокий порог’, что само по себе задавало модель поведения: порог следовало перешагивать, а не наступать на него. Сходное наблюдение приводит М. С. Андреев по материалам Хуфа: высокие пороги были связаны, в частности, с сохранением тепла в доме при небольшой высоте дверей [4, с. 443]. В данном случае бытовая, конструктивная функция не отменяет символической: напротив, физическая организация входа поддерживает и закрепляет нормативное поведение в зоне порога.

Показательно, что часть запретов сопровождается рационализирующими пояснениями, переводящими норму в плоскость повседневной причинности. Так, формулы *piδīnd-ti mā-niϑ, tůmat kin-en* ‘не сиди на пороге, не то оклевещут тебя’ и *piδīnd-ti tā na-niχ̌p-en / na-niϑ-en, dod qārʒdor sůd* ‘нельзя наступать / сидеть на пороге, отец будет в долгу’ объясняют запрет через социальные последствия. Вместе с тем в шугн.-руш. материале представлены и высказывания, где мотивировка прямо соотнесена

с состоянием ДОМ как ценностного целого, ср.: *fĭx̌tazan-ti ta tar piδīnd nadeδ-en barakati xůnā best* ‘задыхаясь, не переступают порог, ибо благодать дома может потеряться’. Здесь ключевым становится представление о *barakati xůnā* ‘благодати дома’, а порог выступает как чувствительная точка перехода, где ошибка при пересечении интерпретируется как угроза охранительному статусу жилища.

Пограничная зона входа в шугн.-руш. материале маркируется не только самим порогом, но и ближайшим внутренним участком дома шугн. *dupečā* ‘узкий коридор’, то есть пространством от порога до двух первых столбов, примерно около полутора метров. Это видно по свободному переключению номинаций в одних и тех же речевых сценариях: *piδīnd-and / dupečā-ndīr wirīvdow* ‘стоять у порога / в узком коридоре’; *arwogůn qati yatow xu dupečā anjīvdow* ‘приходить вместе с духами предков и стоять в узком коридоре’; *dupečā-ndīr tilāpčin* ‘выпрошенное в узком коридоре’. Такое распределение показывает, что *dupečā* включается в ту же семантическую рамку, что и порог: значение этой зоны определяется близостью к входной границе и соседством с внутренними опорами дома.

Прагматическая значимость этой зоны особенно ясно проявляется в ситуации просьбы, когда место, откуда человек обращается, влияет на допустимость отказа. Ср.: *Mu piδīnd-and / dupečā-ndīr wirūvd xu, uzum wird nay lůvdow navarδod* ‘Он стоял у порога / в узком коридоре, поэтому я не смог сказать ему ‘нет’’. В выражении *dupečā-ndīr tilāpčin* ‘выпрошенное в узком коридоре’ важен не только сам результат просьбы, но и то, как носители понимают эту ситуацию. Ценность ‘выпрошенного’ здесь связана с тем, что просьба звучит из духовно и социально значимой входной зоны, где отказ воспринимается как нарушение должного поведения.

С этим же кругом значений связана и традиция *bārnêx-sitan daryeftow* ‘поклонение столбу главного возвышения вдоль стен’. Для анализа она важна как языковое свидетельство сакрализации внутренних опор дома. В семантико-когнитивном плане здесь проявляется модель почитания значимого

элемента ДОМа: сочетание названия части жилища с предикатом ритуального действия переводит архитектурный объект в сферу охранительных и ценностных смыслов. Параллельная формула *piδīnd daryeftow* ‘поклонение порогу’ показывает, что порог и ближайшие внутренние опоры входят в одну ритуально маркированную входную зону. Здесь закрепляются представления о защите, порядке и благополучии, а сами элементы дома функционируют как точки нормативного действия.

В более поздних религиозных интерпретациях ценностный статус отдельных столбов получает новую мотивировку через соотнесение со святыми персонажами: в частности, столбы могут символически связываться с сыновьями Имама Али (a). При этом сохраняется сама когнитивная схема сакрализации опор дома. В том же ряду находится *x̌āsitan* ‘царь-столб’, который в современной интерпретации соотносится с образом пророка Мухаммада (c), что показывает устойчивость модели при смене объяснительного слоя.

Обряд *či-piδīndi dākčīdow* ‘класть что-либо на порог’ репрезентирует порог как маркированную границу, пересечение которой требует ритуального оформления. В семантико-когнитивном плане здесь реализуется сценарная модель ‘переход через границу ДОМ – дар / отдаривание’: компонент *piδīnd* ‘порог’ задаёт точку входа, а предикат *dākčīdow* ‘давать, класть’ оформляет действие, направленное на поддержание благополучия дома и признание легитимности входа. Поэтому данная формула регулярно актуализируется в ситуациях начала нового этапа, например, при новоселье и при первом посещении дома, когда гости приносят дары – угощение, а также, в зависимости от достатка, *půstak* ‘обработанная кожа овцы или козы’ или *palês* ‘сотканый ковёр’.

В свадебном обряде тот же сценарий получает более выраженную прагматическую нагрузку. Когда невесту приводят в дом жениха, у порога её останавливает *činiwêrʒ* ‘женщина, сопровождающая невесту’, обычно тётя невесты, и просит что-либо ‘за невесту’. В этом случае порог функционирует

как место санкционирования нового статуса: вход в дом жениха оформляется через ритуально обязательное взаимодействие. Прагматическая сила просьбы возрастает именно за счёт локуса: в пограничной зоне ДОМ отказ воспринимается как нарушение должного порядка перехода.

С тем же ритуальным узлом соотносится посыпание жениха обрядовой мукой *būnδêd* ‘посыпание мукой’ на правое плечо. По интерпретации информантов, мука символизирует изобилие, благополучие и светлое будущее, а само действие связывается с представлением об ангеле-хранителе. В совокупности эти данные показывают, что порог в шугн.-руш. материале выступает не только границей входа, но и зоной ритуально регулируемого перехода, где языком закрепляются модели дара, допуска и охранительного сопровождения.

Табуированные формулы *as piδīnd ti ta na-aϑêr-en* ‘с порога, через порог не передают что-либо’ и *as piδīnd ti ta salům na-kin-en / piδīnd ti ta kala-yi dast na-kin-en* ‘с порога не здороваются, через порог не приветствуют рукопожатием’ закрепляют порог как нормативно маркированную границу, в пределах которой ограничиваются как действия, так и речевой контакт. В этой системе правил через порог не передают вещи, не приветствуют и не продолжают разговор: для полноценного взаимодействия необходимо изменить позицию относительно границы дома, то есть войти внутрь или выйти наружу. Соответственно, удерживать собеседника на пороге и не приглашать его в дом оценивается как нарушение должного поведения.

Важно подчеркнуть, что запрет на действие ‘через порог’ имеет межкультурный характер и не является специфически шугн.-руш. Он известен и в других традициях, включая славянскую, ср. этнолингвистические описания порога как пограничной зоны дома у А. К. Байбурина, а также соответствующие материалы в энциклопедическом словаре ‘Славянская мифология’ [11, с. 10–12, 19–20; 12, с. 49, 159, 197; 120, с. 318–319]. Для настоящего анализа существенна не сама универсальность этого запрета, а способ его языковой и прагматической реализации в шугн.-руш. материале:

здесь он включён в систему входных норм, связанных с распределением допустимых зон общения у границы дома.

Показательно, что приветственные формулы, которые нельзя произносить ‘через порог’, переносятся в ближайшую допустимую зону входа – в пространство *dupečā* ‘узкий коридор’ и к участку у входных столбов. В этом смысле особенно важна входная конструкция из двух столбов с перекладиной: шугн. *bučkiɣ̌īj*, руш., хуф. *biškawoj*, бр., рош. *bučkawöj* ‘перекладина между двумя столбами при входе в традиционный памирский дом’. По наблюдениям М. С. Андреева, именно эта часть входной конструкции в хуфских и рушанских домах устойчиво выделяется декоративным оформлением, что подтверждает её особое культурное значение в организации входного пространства [4, с. 442–443]. В локальной традиции приветствие может быть обращено не только к домочадцам, но и, если дом пустует, к *x̌āsitan* ‘царь-столбу’. Это уже относится к специфике шугн.-руш. материала: входная зона получает здесь расширенную ритуально-коммуникативную функцию, а порог и прилегающее пространство образуют единый нормативно маркированный узел ДОМ-а.

В ряде случаев один и тот же обряд в зоне порога соединяет сразу несколько смысловых планов. Так, *či piδīndi dākčīdow* ‘класть что-либо на порог’ в свадебном контексте может обозначать и оформление перехода, и ритуальное приношение, обращённое к пограничной зоне дома. Точно так же посыпание жениха обрядовой мукой *būnδêd* ‘посыпание мукой’ у порога одновременно выражает пожелание благополучия и обозначает его принятие в дом.

Эта смысловая многослойность особенно важна для интерпретации шугн.-руш. материала. Порог здесь выступает не как нейтральная часть входа, а как ритуально и нормативно выделенная зона, где любое действие получает дополнительный ценностный смысл. Запреты на передачу вещей и приветствие через порог, а также ритуальные действия, совершаемые у порога, вместе показывают одну устойчивую модель: переход через границу дома

требует особого поведенческого оформления и напрямую связан с сохранением домашнего благополучия.

Материал шугн.-руш. группы языков фиксирует и другую линию репрезентации порога, как зоны ритуального и магического воздействия, где действия соотносятся с сохранением или, напротив, нарушением защитной границы дома. В этом отношении порог выступает точкой приложения действия, через которую, по представлениям носителей, можно повлиять на состояние дома и домочадцев. К данной группе относятся формулы *piδīnd and mêx juktow* ‘забить гвоздь на пороге’, *piδīnd and nol juktow* ‘забить подкову на пороге’, *mayit ara tov piδīnd ti firêptow* ‘трупом трижды дотронуться до порога’, *piδīnd ard as xok ti sit ўīptow* ‘сыпать на порог землёй с могилы’, *piδīnd and sêr čīdow* ‘класть под порог заговор, письменный или колдовской’.

К охранительным и регулятивным практикам относится, прежде всего, обряд *piδīnd and mêx juktow* ‘забить гвоздь на пороге’, выполняемый после выноса покойного из дома. В семантическом плане это действие оформляет символическое закрытие входной границы и предотвращение повторного проникновения беды в дом. Полевые наблюдения показывают, что данный элемент похоронного сценария сохраняется в живой традиции: в Вахане зафиксирован случай, когда порог был буквально укреплён множественными вбитыми гвоздями, около 80. Сходную функцию выполняет обряд *piδīnd and nol juktow* ‘забить подкову на пороге’: по сообщению информанта, в старом доме его деда в с. Джиродж Шугнанского района подкова находилась в правом углу порога. В обоих случаях повторяется один и тот же механизм: граница входа усиливается через физическое закрепление предмета на пороге.

К этому же кругу действий примыкает обычай *žīr tar piδīnd taraf ole čīdow* ‘катить камень в сторону порога’, действие, совершаемое вслед покойнику при выносе из дома. Его интерпретация в материале связана с символическим перекрытием траектории беды и предупреждением последующих смертей. В ту же охранительную группу входит обряд *mayit ara tov piδīnd ti firêptow* ‘трупом дотрагиваться три раза до порога’, совершаемый

при выносе покойного из дома. Трёхкратное касание порога интерпретируется как прощание покойного с домом и одновременно как ритуальное завершение его связи с домашним пространством. В местных представлениях несоблюдение этого действия связывается с риском возвращения умершего в форме *xabīsā* ‘воскресший мертвец’, тогда как при соблюдении обряда он может являться родственникам только как *arwo* ‘дух предка’, культ и почитание которого засвидетельствованы в традиции народов Западного Памира [141, с. 115-131]. Показательно, что в этой системе представлений *arwo* ‘дух предка’ входит в дом не через *růʒ* ‘световое отверстие на крыше традиционного дома’, что дополнительно усиливает статус порога как границы, закрытой для смерти.

Наряду с охранительными действиями в шугн.-руш. материале зафиксированы и практики, направленные на разрушение благополучия дома. К ним относятся *piδīnd ard as xok ti sit ўīptow* ‘сыпать на порог землю с могилы’ и *piδīnd and sêr čīdow* ‘класть под порог заговор, письменный заговор или колдовские предметы’. В этих случаях порог концептуализируется как уязвимая точка входа, через которую может быть внесено внешнее вредоносное воздействие. По народным представлениям, земля с могилы, высыпанная на порог, наносит вред домочадцам и самому дому, нарушая *barakati xūnā* ‘благодать дома’ и вызывая беспокойство, слабость и внутренний разлад. Письменные заговоры и колдовские предметы под порогом имеют ту же направленность: в аксиологическом плане такие действия осмысляются как намеренное повреждение охраняемой границы дома.

Магические представления о пороге получают дополнительное подтверждение в фольклорных и устных рассказах народов Западного Памира. В таких текстах порог описывается как опасная входная зона, уязвимая для вредоносного воздействия, и одновременно как место, где устраиваются защитные средства. В частности, фиксируется практика *čo yen piδīnd xez čint* ‘копали колодец у порога’, направленная на улавливание демонических сил. В

этом случае порог выступает как точка возможного контакта с опасным внешним воздействием, а защитное действие локализуется непосредственно у границы дома.

С порогом связаны и словесные и ритуальные формулы охранительного характера. Выражение *Ba bismillo as piδīnd naxtīdow* ‘с именем Бога перешагнуть через порог’ функционирует как защитная формула: произнесение имени Бога в момент пересечения границы должно обеспечить благополучный переход и предотвратить неблагоприятное воздействие. В ряде обрядов словесная формула сопровождается ритуально значимым действием. Так, в свадебном обряде невеста, произнося данное выражение, переступает порог правой ногой как при выходе из родного дома, так и при входе в дом жениха. Тем самым переход оформляется одновременно речевым и телесным действием, а сама граница получает усиленную охранительную маркировку.

Шугн.-руш. материал особенно ясно показывает, что порог связывается сразу с двумя кругами представлений. С одной стороны, это место охранительных действий, направленных на поддержание благополучия дома; с другой стороны, зона, через которую мыслится возможное проникновение вредоносной силы. Поэтому порог осмысляется не просто как часть входа, а как ритуально активная точка дома, где переход требует регулирования, а защита специального оформления. Именно этим объясняется устойчивость языковых формул и обрядовых действий, сосредоточенных у порога.

Рассмотренный материал показывает, что в шугн.-руш. традиции порог не сводится к одной лишь детали входа. Именно в этой зоне сходятся представления о допуске и отказе, о дозволенном и запретном, о защите дома и о ритуальном сопровождении перехода. Поэтому порог в языке выступает как особая точка домашнего пространства, где наиболее чётко проявляются нормы, регулирующие связь человека с ДОМ-ом и внешним миром.

Для дальнейшего анализа важно, что эта система значений не ограничивается репрезентацией порога. Входная зона дома в шугн.-руш.

традиции включает также дверь и прилегающие элементы, где те же ценностные и прагматические установки получают иное языковое выражение через модели открытости, закрытости, допуска и социальной дистанции. Поэтому следующий подраздел посвящён вербальной репрезентации двери как следующего компонента входного комплекса дома.

4.1.2. Вербальная репрезентация двери: модели закрытости, доступа и социальной дистанции

В пределах входного комплекса дверь образует отдельный объект языковой репрезентации со своей семантической и прагматической нагрузкой. Если в материалах о пороге в центре находились переход, граница и нормативное поведение в точке пересечения, то в выражениях с компонентом ‘дверь’ акцент смещается к режиму открытости и закрытости, контролю доступа и оценке социальных отношений. Поэтому далее рассматривается, как через номинации двери и связанные с ними устойчивые сочетания в шугн.-руш. материале оформляются представления о доверии, дистанции и допустимой степени контакта с внешним миром.

Лексемы шугн.-руш. ряда, обозначающие закрытую дверь, прежде всего запертую на замок, закономерно обладают повышенной смысловой нагрузкой, поскольку фиксируют не только действие запирания, но и оценку состояния дома и характера его связи с внешним миром. В анализируемом материале представлены формулировки *čust divi*, шугн. *divi luk*, хуф. *duvu luk, divi sankili* ‘закрытая дверь, запертая на замок’. Компоненты *čust, luk, sankili* в языках группы образуют составные глагольные сочетания со смысловой дифференциацией: *čust čīdow*, *sankili čīdow* и *luk δêdow* ‘запереть’. При общей семантике запирания сочетания *čust čīdow* и *sankili čīdow* различаются по способу осуществления действия, во втором случае имеется в виду запирание изнутри, тогда как *luk δêdow* обозначает закрывание на замок, где *luk* значит ‘засов для деревянного дверного замка’.

Семантическая интерпретация показывает, что в сознании носителей шугн.-руш. языков запертая дверь концептуализируется как признак неблагополучного или напряжённого состояния домашнего пространства: она ассоциируется с отсутствием обычной открытости, с нарушением привычного порядка и с ослаблением социального контакта. Показательно высказывание *wef divi mudům čust* ‘их дверь всегда закрыта’, которое передаёт не только характеристику двери, но и оценку самих хозяев: их отчуждённость, закрытость, нежелание поддерживать отношения с окружающими. В результате запирание двери на замок получает прагматическую квалификацию как знак недоверия и недоброжелательности, то есть как отклонение от ожидаемой нормы открытости дома по отношению к сообществу.

Негативная оценка закрытой двери, особенно запертой на замок, закрепляется в шугн.-руш. материале не только в повседневной речи, но и в фольклорных текстах. Показательна шугнанская фольклорный текст: *Tuyd um pi puq Šūr divi, wi čīdik vo sankili* ‘Подошёл я к двери коренастого Шура, его дом опять заперт изнутри’. Наречие *vo* ‘опять’ усиливает экспрессивность высказывания и задаёт отрицательную оценку повторяющейся закрытости дома.

До недавнего прошлого в традиционной среде народов Западного Памира постоянное запирание дома на замок не считалось нормой. Устойчивые родственные и соседские связи поддерживали модель доверия, взаимной открытости и готовности к контакту. Поэтому демонстративная закрытость двери воспринималась как признак недоверия к окружающим и одновременно как характеристика поведенческой позиции хозяев, не соответствующей ожидаемым нормам общинного взаимодействия.

В этом же аксиологическом ряду показательна формула *dar bastā*, из тадж. *dari basta*, где *dar* значит ‘дверь’, а *bastā* ‘закрытый’. В шугн.-руш. употреблении эта единица выходит за пределы предметного значения ‘закрытая дверь’. По данным Д. Карамшоева, она передаётся как: 1) ‘гибель’,

‘смерть целой семьи’; 2) ‘что за напасть!’, ‘вот беда!’ [207, с. 424–425]. Ср. пример: *ɣumor piro waxt i yilāv odam en dar bastā čūd* ‘в старые времена у некоторых людей чума уносила целые семьи’. В такой семантической перспективе образ закрытой двери соотносится с домом, в котором прервалась жизнь, а сама дверь становится знаком пустоты, утраты благополучия и разрушения внутреннего порядка.

Экспрессивные употребления *dar bastā* показывают, что это выражение функционирует не только как обозначение состояния ‘дверь закрыта’, но и как речевой знак неблагоприятного события. В словаре Д. Карамшоева форма *mu dar bastā* ‘моя дверь закрыта’ передаётся эквивалентами типа ‘боже мой!’, ‘вот беда!’, и в живой речи такая формула обычно возникает в ситуации сильного переживания, горя или потрясения, фиксируя эмоциональную реакцию говорящего и усиливая отрицательный смысл высказывания. Иная направленность проявляется в конструкции *tu dar bastā* ‘твоя дверь закрыта’: здесь выражение приобретает адресную оценочность и используется как ругательное пожелание.

Дополнительную экспрессивность формула получает при присоединении компонента *kali* или *kalak*. По данным того же словаря, отмечен вариант *dar bastā kali*, кратко *dar ba kali* или *dar ba kalak*, допускающий толкование ‘дверь, закрытая на ключ’, при вероятной соотнесённости *kali* или *kalak* с перс. тадж. *kalid* ‘ключ’ [207, с. 424–425]. В аксиологическом плане закрытая дверь, особенно запертая, в шугн.-руш. традиции служит знаком неблагополучия и утраты жизненной полноты дома. Поэтому такие формулы несут отчётливо отрицательный смысл и считаются нежелательными, поскольку связываются с возможностью навлечь беду на свой или чужой дом.

На этом фоне особенно показательно, что в шугн.-руш. традиции положительную оценку получает прямо противоположная модель. Формула *wef divi mudum fukard yet* 'Их дверь всегда открыта для всех' закрепляет представление о доме как о пространстве доступности, уважения и готовности

к контакту. Вошедший человек включается во внутреннее пространство гостеприимства, получает место на *bārnêx* 'почётные нары', а угощение, *xarč tar piro vīdow* 'вынести угощение гостю', выступает социальным показателем достоинства хозяина. Тем самым в языке ясно проявляется ценностная оппозиция: закрытая дверь маркирует неблагополучие и социальную замкнутость, тогда как открытая дверь и приём гостя подтверждают нормативную открытость дома и сохранность его внутреннего порядка.

Таким образом, в шугн.-руш. материале дверь выступает не только как часть входной зоны, но и как языковой показатель открытости или закрытости дома, степени доверия к внешнему миру и характера социальных отношений. Через оценку состояния двери в речи закрепляются представления о норме гостеприимства, социальной дистанции и нарушении внутреннего порядка.

4.1.3. Когнитивно-семантический анализ лексики оберегов дома в шугнано–рушанской картине мира

Современные социальные изменения и усиление межкультурных контактов влияют на обрядовую практику народов Западного Памира. Для лингвокогнитивного анализа существенно, что трансформация ритуала не устраняет связанных с ним смыслов: значимые для коллективного опыта представления продолжают воспроизводиться в языке в виде номинаций, устойчивых формул и типовых речевых сценариев. Поэтому обереги в данном подразделе рассматриваются как смысловые маркеры, через которые реконструируются способы концептуализации дома как защищаемого пространства.

В шугн.-руш. картине мира обозначения оберегов и связанные с ними выражения выстраиваются вокруг противопоставления ‘угроза / защита’. Через них передаётся стремление удержать границу между ‘своим’ пространством дома и внешним миром, откуда может исходить опасность. В семантико-когнитивном плане оберег осмысляется как средство нейтрализации риска и поддержания устойчивости домашней среды: он

отмечает уязвимые зоны, задаёт предписания поведения и закрепляет способы охраны границы. Поэтому предметы и словесные формулы, включённые в охранительные практики, получают устойчивый защитный статус и входят в когнитивную модель дома как пространства, благополучие которого должно постоянно поддерживаться.

В шугн.-руш. языковой репрезентации обереги осмысляются прежде всего через их охранительную роль и связь с домашним благополучием. Материал показывает, что здесь сосуществуют два объяснительных слоя. Один восходит к более ранним представлениям о защитной силе предметов и действий, другой связан с религиозной практикой, где охрана дома соотносится с молитвенными формулами, кораническими мотивами и использованием арабских религиозных текстов. Для языка важно то, что эти два слоя не вытесняют друг друга, а продолжают существовать параллельно.

В данном подразделе рассматриваются устойчивые выражения и формульные высказывания, через которые в шугн.-руш. материале вербализуется охранительная функция дома и домочадцев. Обереги интерпретируются как языково закреплённый ответ на предполагаемое негативное воздействие, как со стороны людей, так и со стороны потусторонних сил. Поэтому анализ включает также номинации вредоносных действий и обозначения предметов, с которыми эти действия соотносятся. Для традиционных представлений Западного Памира характерна отчётливо отрицательная оценка ‘чёрной магии’: она квалифицируется как колдовство, хотя сама возможность такого воздействия и способы его нейтрализации остаются культурно релевантными и находят отражение в языке.

В данном разделе термин оберег употребляется в рабочем, обобщающем значении как обозначение защитного средства, которое может иметь как предметную, так и словесную форму. В МАС и БТС оберег определяется как средство, предназначенное для охраны от беды; в традиционной практике и в языке эту функцию выполняют не только вещи, размещаемые на теле или в доме, но и защитные формулы [229; 230]. Поэтому

для настоящего анализа важно развести термины: амулет и талисман в более узком смысле соотносятся прежде всего с предметом – носителем защитной или благопожелательной силы, тогда как оберег охватывает более широкий круг явлений и включает также вербальные способы защиты. Именно в таком расширенном смысле этот термин далее и используется по отношению к предметным и речевым средствам охраны дома.

Для народов Западного Памира защита дома начинается не после завершения строительства, а уже в самом его начале. Это видно по предметным действиям и словесным формулам, которые сопровождают замысел и первые этапы возведения жилища. Иначе говоря, безопасность дома мыслится как исходное условие его существования. Поэтому разные предметы, такие как ноготь, уздечка, красная верёвка и др. в устойчивых выражениях и обрядовых контекстах получают не бытовой, а дополнительный охранительный смысл.

Анализ лексики, связанной с оберегами, показывает, что защита дома в шугн.-руш. материале осмысляется несколькими разными способами. Соответственно и языковой материал распадается не на один однородный ряд, а на несколько семантических групп. В собранных данных выделяются архитектурные элементы и узоры, выступающие как защитные средства, обереги из предметов бытового обихода, обереги растительного происхождения, обереги-действия и, наконец, обереги в форме вербальных формул. Такое разграничение нужно не ради классификации как таковой, а для того, чтобы увидеть, какими именно средствами в традиции и в языке оформляется идея охраны дома и его внутреннего порядка.

Архитектурные элементы и узоры в качестве защитных средств: Архитектурные элементы и узоры в шугн.-руш. традиции тоже включаются в систему защиты дома. Охранительный смысл связывается здесь не только со специальными оберегами, но и с устройством самого жилища и его ключевыми частями. Поэтому архитектурные элементы дома и их наименования входят в общую когнитивную модель ДОМ-а как охраняемого

пространства. Через них в языке закрепляются представления об устойчивости, духовной защите и внутреннем порядке. Об этом говорят такие выражения, как *čīd buzurg joy* ‘дом, святое место’, *miyendvisčin sitan* ‘подпоясанный столб’, *bučkiɣ̌īj farix̌ta-yen at maloyika-yen joy* ‘поперечный брус между двумя столбами при входе в дом, место ангелов и архангелов’, *čorxůnā-nden yi ambax̌c-in wūs weδd* ‘в ступенчатой конструкции сооружали одну балку из арчи’ и др.

Выражение *čīd buzurg joy* ‘дом, святое место’ прямо показывает, что дом воспринимается как особое пространство, где должен сохраняться установленный порядок и где человек ожидает защиты от внешней угрозы. В таком восприятии отдельные части дома становятся не просто конструктивными элементами, а включаются в молитвенные и охранительные практики и тем самым участвуют в поддержании домашнего благополучия. В традиционном представлении подчёркивается и физическая защищённость такого жилища: устойчивость конструкции, в том числе при землетрясениях, осмысляется как часть охранительного режима дома, а мотив непоколебимости кровли на пяти столбах закрепляется как модель стабильности и надёжности.

В ряду архитектурных оберегов особое место занимает главный столб традиционного дома: шугн.-руш. *x̌āsitan*, ишк. *šostin* / *toqastin*, ср. вах. *ša-istin* / *toqa-istin*. В структуре представлений о доме этот элемент выполняет двойную функцию: он является конструктивной опорой и одновременно смысловым центром, через который вербализуется идея устойчивости и охраны пространства. Номинация шугн. *miyendviščin* ‘подпоясанный’ [76, с. 129–130] указывает на телесную образную схему, при которой элементы жилища осмысляются через человеческое тело, в данном случае через пояс и подпоясанность. Такая проекция поддерживает персонификацию дома: столб предстает не просто деталью, а несущей фигурой, на которую переносится смысл силы и удерживания. В семантико-когнитивном плане здесь

проявляются схемы вертикальности и опоры, организующие восприятие домашнего пространства как упорядоченного, устойчивого и защищённого.

Связь главного столба с образом Сурша в зороастрийской традиции вводит в структуру дома культурный фрейм хранителя, стража. В рамках этого фрейма вертикальный элемент жилища интерпретируется как конструктивная опора и как символический ориентир внутреннего, освоенного пространства дома. Образ подпоясанности столба, где пояс выступает знаком силы, собранности и защиты, усиливает антропоморфную интерпретацию и способствует восприятию столба как фигуры, стоящей на страже дома.

Тем самым главный столб памирского дома выступает как несущий архитектурный элемент и как носитель концептуальной метафоры ‘ОПОРА как ХРАНИТЕЛЬ’, объединяющей физическую функцию, культурную интерпретацию и телесно-перцептивные способы организации пространства в сознании носителей культуры.

Употребление лексемы шугн. *miyendvisčin* ‘подпоясанный’ дополнительно актуализирует механизм персонификации главного столба: архитектурный элемент осмысляется через телесный признак и получает характеристики сильного субъекта, охраняющего внутреннее пространство дома. Эта интерпретация поддерживается тем, что в шугн.-руш. материале глагольная формула *miyend vīstow* ‘подпоясываться, завязывать пояс’ регулярно соотносится с семантикой собранности, стойкости и внутренней силы. Ср.:

wi dod as miyůn sut-at yu-yi mis xu miyend vist

букв. ‘Его отец умер, и он тоже подпоясался’

‘Его отец скончался, и он тоже взял себя в руки (стал стойким)’.

Здесь внимание сосредоточено не на самом столбе, а на признаке *miyendvisčin* ‘подпоясанный’, который в культурной традиции связывается с силой, собранностью и внутренней крепостью. Именно это значение переносится на номинацию *miyendvisčin* и включает главный столб в

охранительную модель дома: столб осмысляется как укреплённая опора, от которой зависят устойчивость и защищённость внутреннего пространства.

Наряду с такой метафорической мотивацией в материале зафиксирован и обряд перевязывания главного столба *x̌āsitan* красной шерстяной верёвкой или красной тканью. По словам информантов, этот обряд должен отводить болезни и несчастья; в современных объяснениях встречается и представление *x̌āsitan bīrand x̌êvdow wazmin* ‘спать около *x̌āsitan* тяжело’. В семантико-когнитивном плане языковой уровень, то есть персонификация через *miyendvisčin*, и обрядовый уровень, то есть перевязывание красным, сходятся в одном: главный столб воспринимается как точка сосредоточения защитной силы дома. Красный цвет в этой модели выступает охранительным маркером; показательно, что функция сохраняется и при замене шерстяной верёвки любой красной материей.

Сходная охранительная квалификация закрепляется и за входным брусом *bučkiɣ̌īj*, перекладиной между двумя столбами при входе в дом. Выражение *bučkiɣ̌īj farix̌ta-yen at maloyika-yen joy* ‘перекладина, место ангелов и архангелов’ передаёт представление о нём как о сакрально маркированной части входной зоны. Именно эта характеристика задаёт норму обращения с данным элементом: брус воспринимается как ‘чистая’ точка входа, поэтому на нём не размещают посторонние предметы.

Охранительная функция усиливается визуальными репрезентантами: брус покрывается символическим рисунком солнца или свастики, которые в локальной интерпретации соотносятся со светом, теплом, благополучием и добром, а также с представлениями о четырёх стихиях и четырёх сторонах света. В рамках концепта ДОМ такие узоры функционируют как знаки поддержания благого порядка и отведения бедствий, а не как чисто декоративное оформление.

При этом значение слова *bučkiɣ̌īj* в памирских языках указывает и на функциональную сторону: этот элемент соотносится с практикой подвешивания козла для заклания, что позволяет рассматривать

соответствующее действие как ритуально нагруженное и, возможно, восходящее к жертвенной практике. В таком ракурсе маркировка входной зоны поддерживается не отдельной символикой, а ритуальной процедурой, закреплённой за конкретной частью конструкции.

Сходная логика перехода фиксируется и в похоронной обрядности: на шугн.-руш. *narvůnd* ‘лестнице’, в похоронной церемонии на неё кладут усопшего и несут его на кладбище, сооружаются три арки из мягких веток ивы. Здесь актуализируются две схемы: вертикальное движение, связанное с лестницей, и переход через рубеж, связанный с аркой, то есть смена состояния, требующая регламентированного сопровождения.

В составе лексики оберегов порог рассматривается как точка локализации охранительных действий, уже описанных в разделе о пороге. Это подтверждают формулы типа *piδīnd-and firiǐtā barjoy* ‘на пороге находится ангел, хранитель дома’ [141, с. 115–131], а также устойчивые обозначения действий укрепления и закрытия входной зоны: *nol piδīnd-and juktow* ‘вбить подкову в порог’, *mêx piδīnd-and juktow* ‘вбить гвоздь в порог после вынесения усопшего из дома’, шугн. *noxūn ar piδīnd pitêwdow* ‘бросить обрезанные ногти в порог’. В рамках данного подраздела эти единицы важны как элементы системы оберегов: они фиксируют порог как уязвимый участок перехода, для которого в традиции предусмотрены способы охранительного укрепления.

Описанные охранительные действия позволяют увидеть, как минимум, две устойчивые смысловые линии. Во-первых, порог осмысляется как граница между внутренним, ‘своим’ пространством и внешним миром, откуда может исходить опасность. Во-вторых, действия с подковой, гвоздём или ногтями понимаются как способы закрепить и усилить эту границу. Вбивание предмета в порог воспринимается как её символическое укрепление, а помещение телесного фрагмента, например, ногтей, связывается с идеей удержания человека в пределах дома. Поэтому соответствующие формулы описывают порог не просто как место входа, а как уязвимый рубеж, который в традиции специально защищается.

Охранительная функция в материале приписывается также одной из балок ступенчатой конструкции шугн.-руш. *čōrxonā* (вах. *čorxoná*, ишк. *čorxoná*), которая является частью традиционного дома. Защитная роль этого элемента связывается с материалом изготовления: в ряде мест одну из балок специально делали из древесины шугн.-руш. *ambax̌c* ‘можжевельник’. Это отражено в выражении *čorxůnā-nden yi ambax̌c-in wūs weδd* ‘в ступенчатой конструкции сооружали одну балку из можжевельника’.

В семантико-когнитивной перспективе эта практика соотносится с культурной моделью ‘материал как защита’: определённая древесина осмысляется как носитель очищающего и охранительного потенциала. Дом при этом интерпретируется как внутреннее пространство, граница которого нуждается в поддержании; включение *ambax̌c* ‘можжевельника’ в конструкцию усиливает эту защиту и маркирует соответствующий участок жилища как охраняемый.

Охранительная интерпретация можжевельника проявляется и в представлениях о противостоянии нечистым силам: в традиции арча препятствует проникновению злых духов, в том числе *almasti*. По данным ваханской традиции, *almasti* может ночью обходить дом, причинять вред и проникать внутрь, угрожая роженице [218, с. 295]; сходный мотив опасности для роженицы отмечается и в этнографических материалах [27, с. 361–373]. В этом контексте использование *ambax̌c* в конструкции *čōrxonā* выступает как способ символической защиты внутреннего пространства от внешней угрозы.

Подобное отношение к дому у народов Западного Памира, в том числе в шугн.-руш. традиции, закрепляет и систему предписаний, регулирующих поведение в домашнем пространстве. Формула *tar čīd-en di ded salům ta kin-en, aga yičay mis taram naved* ‘входя в дом, надо здороваться, даже если там никого нет’ показывает, что дом мыслится как значимая среда, по отношению к которой требуется соблюдение нормы обращения. Выражение *čīd-and ta xu sado baland na-kin-en, wi firix̌tā zibīnt* ‘в доме голос не повышают, ангел уходит’ связывает поведенческое правило с охранительной интерпретацией:

нарушение нормы осмысляется как утрата покровительства и ослабление защищённости жилища.

Тем самым языковой материал показывает, что охранительная функция поддерживается не только предметными средствами, но и речевыми предписаниями, адресованными внутреннему пространству дома. Через такие формулы дом фиксируется как место, требующее бережного и регламентированного обращения.

Обереги – изделия бытового обихода: В западнопамирской традиции охранительный статус нередко получают вещи, которые в обычной ситуации не воспринимаются как амулеты. Решающим оказывается не тип предмета, а его включённость в повторяемую практику и закреплённость за конкретной точкой жилища, воспринимаемой как пограничная или уязвимая. В материале устойчиво представлены формулы, где одновременно задаются объект, действие и место его применения: порог, входная зона, верхний проём *růʒ*, изголовье. Ср.: *rūšt tult rūʒ ti ribidow* ‘класть красную материю на верхнем проёме *růʒ*’; *naxčīr xoǩ-en ta bučkiɣ̌īj ti ribi-yen* ‘рога архара кладут на *bučkiɣ̌īj*, перекладину между двумя входными столбами’; *nol ta piδīnd-and juk-en* ‘подкову прибивают к порогу’; *mêx-en bādi mayit as čīd ziwêstow piδīnd-and jukt* ‘гвоздь после выноса покойника из дома вбивают в порог’; *čêd vīɣ̌ʒ-and δen, ya ǩojbůn* ‘нож кладут у изголовья, он защитник’; *noxūn ta ar piδīnd pat-en* ‘ногти бросают в порог’; *vorj lajům-en doyim bučkiɣ̌īj ti ribu, δew at jinni tar čīd dedow na-lakčūd* ‘уздечку раньше клали на *bučkiɣ̌īj*, она не пускала девов и джиннов в дом’; *dori sūz δêd* ‘зажигать порох в доме’; *kitob vīɣ̌ʒ-and ribīdow* ‘класть книгу у изголовья’.

Если рассматривать эти формулы как способ кодирования защитных действий, видно, что охранительная функция не является постоянным свойством вещи. Она задаётся сценарием: предмет получает защитный статус тогда, когда включён в типовую операцию и помещён в значимый участок домашнего пространства. Поэтому единицы *rūšt tult* ‘красная материя’, *naxčīr xoǩ* ‘рога архара’, *nol* ‘подкова’, *mêx* ‘гвоздь’, *čêd* ‘нож’, *noxūn* ‘ногти’, *vorj*

lajům ‘уздечка жеребца’, *dori* ‘порох’, *kitob* ‘книга религиозного характера’ и др. описывают прежде всего способы укрепления дома. Охранительный смысл возникает из сочетания объекта, действия и той зоны, где защита считается необходимой.

Красная материя, шугн. *rūšt tult*, интерпретируется как охранительный знак, сопоставимый по функции с красной верёвкой на главном столбе. Её размещают в верхней части дома, у светового отверстия *růʒ* или на крыше, тем самым маркируя вход света и воздуха как защищаемую зону. В таких действиях красный цвет выступает символическим маркером благополучия, соотносимым с поддержанием жизни, силы и достатка; поэтому он связывается с охраной наиболее уязвимых членов семьи, роженицы, новорождённого, женщины, входящей в дом как невестка [196, с. 6–8].

Рога архара, шугн.-руш. *naxčīr xoǐ̆ên*, размещали на входной перекладине *bučkiў̆ij* как предметный оберег, усиливающий охранительный статус входной зоны. В пространственной оппозиции ‘внутреннее / внешнее’ именно *bučkiў̆ij* выступает точкой перехода, а помещение *naxčīr xoǐ̆ên* в этой позиции реализует модель ‘знак на рубеже’: предмет размещается там, где важна регуляция доступа извне. Тем самым рога архара функционируют как материальный индикатор защиты и поддерживают представление о контролируемом входе в пространство дома.

Подкова, шугн.-руш. *nol*, и гвоздь, шугн.-руш. *mêx*, используются как предметные обереги и закрепляются в зоне входа; в языке это отражено формулами *nol ta piδīnd-and juk-en* ‘подкову прибивают к порогу’ и *mêx-en bādi mayit as čīd ziwêstow piδīnd-and jukt* ‘гвоздь после выноса покойника из дома вбивают в порог’. Существенным здесь оказывается сам тип охранительного действия: предмет прикрепляется или вбивается и тем самым маркирует входную границу как закрытую для неблагоприятного воздействия. Сходная по функции процедура выражена и формулой *žīr tar piδīnd taraf ole čīdow* ‘катить камень в сторону порога’, где защитный эффект задаётся действием отвода. В совокупности эти выражения показывают, что металл и камень

включаются в обереговую практику через повторяемые сценарии закрепления и отвода, оформленные в языке устойчивыми формулами.

Нож, шугн. *čêd*, помещают на видное место или у изголовья ребёнка, поскольку он воспринимается как предмет, способный отсечь неблагоприятное воздействие и отвести беду от дома; с той же установкой соотносится ношение складного ножа, шугн. *čoqū*, как индивидуального средства предосторожности. В семантико-когнитивном плане охранительный смысл формируется через образ острия: режущая кромка и направленное вперёд лезвие интерпретируются как активная защита, удерживающая опасность на дистанции.

Обрезанные ногти, шугн. *noxūn*, включаются в обереговую практику через действие помещения в пограничную зону дома: *noxūn ta ar piδīnd pat-en* ‘ногти бросают в порог’. Здесь охранительная семантика возникает не из бытовой функции ногтей, а из представления о малых острых фрагментах как о препятствии для вредоносного. Сходную установку на перекрытие пути отражает формула *as piro wird yad-en*, где неблагоприятное осмысляется как то, чему можно не дать пройти.

Уздечку, шугн. *vorj lajům*, охотничий пояс, шугн. *ɣewdoj miyend*, и порох, шугн. *dori*, используют в ситуациях повышенной уязвимости дома, прежде всего там, где находится роженица и новорождённый. Этнографические данные фиксируют ритуальное зажигание пороха в первый день после рождения ребёнка: огонь и дым интерпретируются как способ отпугивания и очищения пространства [27, с. 363]. Уздечку *vorj lajům* размещают на входной перекладине *bučkiɣīj*, что отражено в формулировке *vorj lajům-en doyim bučkiɣīj ti ribu, δew at jinni tar čīd dedow na-lakčūd* ‘уздечку раньше клали на *bučkiɣīj*, она не пускала девов и джиннов в дом’. Семантически значим и выбор предметов: уздечка и пояс как средства удержания переносят идею контроля на охрану дома, а порох связывается с резким отпугивающим воздействием. В совокупности эти элементы задают когнитивную установку усиления

защитного режима дома в критический период через предметы, связанные с удержанием, отсечением и очищением.

Книга религиозного содержания, шугн. *kitob*, написанная арабским письмом, в обереговой практике осмысляется как носитель охранительной силы: её хранят в укромном месте, а при болезни кладут у изголовья. Защитная интерпретация опирается на связку ‘письменный знак, магический ресурс’: арабская графика в коллективных представлениях устойчиво соотносится со священным словом, поэтому материальность письма становится основанием охранительного смысла. В результате *kitob* выступает как предмет, актуализирующий установку на сохранность и благополучие.

Кость, шугн. *sitxůn*, подвешенная под потолком, зафиксирована нами в единичном наблюдении в старом доме в бартангском кишлаке Нисур. По словам информантов, предмет выполнял защитную функцию от сглаза и недоброго влияния, хотя точные сведения о его происхождении не сохранялись; высказывалось предположение, что кость могла принадлежать охотничьей добыче, возможно архару. Охранительная интерпретация строится по модели ‘часть как носитель силы целого’: предмет воспринимается как носитель природной силы животного и, будучи размещённым в верхней зоне дома, закрепляет идею постоянного присутствия защиты в жилом пространстве.

Таким образом, бытовые обереги, отражённые в языке и в связанных с ним практиках, объединяются не материалом самих предметов, а способом придания им охранительного смысла. Этот смысл возникает через устойчивое сочетание культурной маркировки, действия размещения и привязки к значимым зонам дома. Тем самым шугн.-руш. материал показывает, что защита дома в коллективных представлениях поддерживается повторяемыми моделями, закрепляющими дом как пространство, требующее регулярного охранительного сопровождения.

Обереги растительного происхождения: В отдельную группу выделяются обереги растительного происхождения. Наиболее устойчивым

репрезентантом защитной практики дома и домочадцев у народов Западного Памира выступает шугн.-руш. *sitraxm* ‘анафалис’, а также *būy-wox̌, būyej* ‘трава для воскурений’, ишк. *buy* ‘благовоние’; ср. у ваханцев *vul* ‘ритуальное благовоние’ в составе смеси, используемой в обрядах окуривания [218, с. 382–384]. В языковом материале охранительная семантика растения проявляется через устойчивые формулы, фиксирующие типовые действия и предписания: шугн.-руш. *sitraxm weδdow* ‘возжигать благовоние’, *juft sitraxm weδdow* ‘зажечь парное благовоние’, *no-molt sitraxm ta na-weδen* ‘нельзя возжигать немолотое благовоние’, *sitraxm ti bā čīdow* букв. ‘поцеловать благовоние’, *tar sitraxm xez sidow* ‘подойти к благовонию’, *sitraxm čīd-and xojbůn* ‘благовоние в доме, защитник’, *sitraxm viɣʒ-and δêdow* ‘класть благовоние под изголовье’. Существенно, что охранительная функция здесь оформляется через действие, предписание и оценочную квалификацию *xojbůn* ‘защитник’.

С практической стороны окуривание *sitraxm* сопровождает ключевые моменты жизненного цикла дома, однако для анализа важнее то, как этот опыт упорядочен в языке. Формулы группируются вокруг сценария очищения и закрепления благополучия: возжигание и размещение растения, в том числе в значимых зонах дома, придают охране пространственный характер и оформляют её как способ поддержания безопасности. Аромат и огонь в этих практиках интерпретируются как признаки снятия неблагоприятного и восстановления нормативного порядка; в результате *sitraxm* выступает лексическим узлом, связывающим действие, запрет, оценку и прагматическую цель, то есть обеспечение благополучия дома и домочадцев.

Сходная связка представлена и в выражении шугн.-руш. *sipānd δud čīdow* ‘окуривать гармалу’, ср. вах. *spandr*, ишк. *sьpan-dona* ‘растение, известное как лечебное средство, а также защита от злых духов и сглаза’. Здесь закрепляется модель, в которой дым и запах соотносятся с очищением и охраной: окуривание концептуализируется как действие, переводящее пространство из состояния потенциальной угрозы в состояние чистоты и безопасности. Сам акт окуривания выступает способом контролировать риск,

понимаемый как сглаз, порча или негативное влияние, и тем самым поддерживать благополучие жилища.

Выражение шугн.-руш. *šūδ růʒ-ti ribīdow* ‘класть колючий кустарник на *růʒ*’ репрезентирует иной охранительный сценарий, связанный с преградой и блокированием доступа. *Růʒ* ‘верхний проём в крыше традиционного памирского дома’ в повседневном опыте функционирует как открытый канал связи дома с внешним миром и потому осмысляется как уязвимая точка. В языковой фиксации колючий кустарник осмысляется как средство перекрытия этого канала: защита здесь понимается как материально выраженная граница, а колючесть растения как природное средство, которое не допускает нежелательное проникновение.

По словам информантов, охранительную силу приписывают и растениям шугн.-руш. *sīr* ‘чеснок’ и *rov* ‘ферула коканадская’. Главную роль здесь играет запах: он должен распространяться по дому и тем самым создавать защитный барьер от злых духов и другого негативного воздействия. Особое место занимает чеснок, что видно в выражении *sīr as arsoxti xalīfā tamor bidi* ‘чеснок лучше любого тумара халифа’. Эта формула противопоставляет природную защиту искусственно сделанной и закрепляет более высокую ценность за оберегом, основанным на запахе.

Таким образом, растительные обереги в шугн.-руш. материале связываются с двумя устойчивыми способами защиты дома – очищением и барьером. В первом случае охранительная функция реализуется через дым и окуривание, во втором через колючесть или запах, которые препятствуют проникновению. Устойчивые формулы фиксируют не столько перечень растений, сколько способы поддержания безопасного состояния жилища: действие и размещение растения маркируют контроль над уязвимыми точками дома и закрепляют представление о регулярном охранительном сопровождении.

Обереги – действия: В картине мира народов Западного Памира защита дома поддерживается регламентированными действиями, которые

сопровождают строительство и повседневное функционирование жилища. Это отражено в формулах шугн.-руш. *soat at zamůn čīx̌tow* ‘спрашивать благоприятный час для начала постройки дома’, ишк. *be-soat xon* ‘дом, построенный в несчастливый час’, *piyil suðjin čīd* ‘благословенный дом’, *arůmand istifodā nočīdow* ‘не использовать нечистым путём добытые вещи при строительстве’, *katank qati muslāt čīdow* ‘советоваться со старшими при постройке дома’. Эти единицы задают регулятивную рамку, в которой выбор времени, происхождение материалов и способ принятия решения выступают условиями правильного устройства будущего дома и его благополучия.

С той же установкой соотносятся предписания, касающиеся режима открытости жилища. Ср. шугн.-руш. *čīd divi boyad čust ma-ved* ‘дверь дома не должна быть заперта’ и ишк. *xoni kata var šůx kьnůk bebarakati* ‘закрывать дверь старого дома ведёт к утрате благодати’ [137, с. 54]. Здесь запирание интерпретируется как фактор неблагополучия, а открытость как признак сохранения благодати и нормы отношений с окружающими. Таким образом, охранительная функция дома в шугн.-руш. традиции оформляется через сценарий соблюдения правил: выполнение предписаний поддерживает порядок, тогда как отступление от них осмысляется как риск для дома и домочадцев.

В шугнанских текстах, зафиксированных И. И. Зарубиным, выбор времени представлен как обязательное условие начала строительных работ. Ср.:

ar waxt de su(h)ot yat, xoy subadāmaϑ, xōy xīr-pāl, xōy wedōbāk, xōy wedobi kalůn, xōy maðor, ar waxt mêllo de su(h)ot-e remōd, ik-we waxt wūs weðen

‘Когда наступит время - на рассвете, на восходе солнца, после восхода, перед полуднем или в полдень, какое бы время ни назначил мулла, в это время укладывают основные балки’.

amo čīd bullod čīnt-and mis ik-des-ga su(h)ot as mello yō as xalīfā pēx̌cēn

‘И при рытье фундамента точно так же спрашивают время у муллы или халифы’ [206, с. 22].

В этих примерах время выступает значимой координатой, задающей допустимость действия: строительный шаг получает статус ‘правильного’ только при согласовании с предписанным моментом, что осмысляется как условие устойчивости и благополучия будущего дома.

Эти и сходные формулы отражают представление, согласно которому отклонение от правильного поведения способно нарушить благополучие дома и его обитателей. Запретительные и предписывающие высказывания задают дом как пространство, где безопасность поддерживается регламентированными сценариями. В семантико-когнитивном плане материал организуется вокруг оппозиции соблюдения нормы и её нарушения: состояние дома ставится в зависимость от того, выполняются ли признанные обязательными правила.

Запретительный полюс этой модели представлен формулами, которые задают недопустимые действия и тем самым маркируют зоны уязвимости. Ср. шугн.-руш. *tar čīd sado biland na-kin-en, wi firiẋta zibīnt* ‘в доме голоса не повышают, ангел уходит’; ишк. *bьland-gap nade, za xon-fьrьšta xabes nabьparon-i* ‘громко не разговаривай, а то прогонишь ангела, хранителя дома’ [218, с. 55]. Сюда же относятся запреты, связанные с выбором места и режимом закрытости жилища: шугн. *wazmin joy-en-and čīd no-mīzdow*, ишк. *wazmin-jo xon na-kьnuk* ‘не строить дом в тяжёлых местах’; шугн.-руш. *růʒ x̌āb yet no-lakčidow* ‘окно на потолке дома ночью не оставлять открытым’; шугн.-руш. *čīd be odam no-lakčīdow* ‘не оставлять дом безлюдным’; *δu vidīrm jakjo maribi*, барт. *δaw rafc jakjo marabi* ‘не ставь два веника вместе’. Во всех этих случаях запрет закрепляет представление о том, что нарушение нормы ослабляет защитный режим дома.

Предписывающий полюс той же модели выражен формулами, в которых безопасность дома поддерживается действиями, признаваемыми правильными. Ср. *čīd kunj-en-and dāf δêdow* ‘в углах дома играть на бубне’, *cavor burjand dāf δêdow* ‘у четырёх стен играть на бубне’; *čid-and rabob niwêzdow* ‘в доме играть на рубабе’; *as růʒ duo čidow* ‘возносить молитву с

верхнего проёма *růʒ*’. К этому же кругу относится формула, связанная с завершением строительства: *čīd-mīzd tayor čīd-and ustoδ-ard bašand poytāxc dākčīdow* ‘в момент завершения постройки дома преподнести достойное вознаграждение мастеру’, иначе, по объяснениям информантов, покоя в доме не будет. В ишк. материале это поддерживается выражениями *aqi usto* ‘доля мастера’ и *xi menat baxšьš kьnu* ‘мастер простит свой труд’. В этих единицах охранительный смысл соединяется с этической нормой: уважительное действие по отношению к мастеру рассматривается как условие устойчивости домашнего пространства.

В совокупности материал показывает, что обереги как действия в шугн.-руш. группе языков формируют регулятивную модель дома. Благополучие жилища представлено как результат соблюдения предписанных практик, тогда как нарушение норм осмысляется как источник риска. Тем самым безопасность дома концептуализируется как эффект контролируемых сценариев, закреплённых в системе запретов и предписаний.

Вербальные формулы как обереги: Формирование вербальных оберегов в западнопамирской традиции связано с взаимодействием религиозного дискурса и локальных языковых практик. Это согласуется с наблюдениями о сакрализации коранического текста и арабской графики в амулетно обережных практиках [153, с. 42]. Для данного материала существен особый статус текста и письма: коранические формулы и арабская графика интерпретируются как носители защитной силы и входят в охранительные практики дома.

Специфика западнопамирского материала проявляется в языковой и прагматической организации вербального оберега. В местных практиках такие формулы регулярно фиксируются в многоязычном виде: таджикский, арабский и местные памирские языки образуют единое прагматическое целое. При этом арабский код обеспечивает сакральную легитимацию и авторитетность, тогда как таджикский или местный код делает обращение адресным и понятным участникам действия. Такая организация показывает,

каким образом действенность слова оформляется через сочетание кодов и устойчивый порядок их употребления.

Сопровождение строительства вербальными действиями показывает, что возведение дома осмысляется как процесс, требующий правильного начала уже с первых шагов. Поэтому при закладке фундамента читают суру Фотеха, после чего присоединяют обращение на таджикском языке. В результате возникает смешанный текст, где коранический компонент задаёт духовную основу, а местная речь формулирует конкретную просьбу о благодати и защите для будущего жилища и его хозяев. Такой текст приводится в сборнике Мамадшерзодшоева У. и др. [43, с. 66]. Начало оформляется следующими строками:

Худое ин хонаро обод гардон, – Господи, благоустрой этот дом,
Зи офоти ҷаҳон озод гардон. – Освободи от невзгод мирских.
Ба ҳаққи ҳурмати Оли Муҳаммад, – В уважении семьи Мухаммада,
Ҳамеша соҳибашро шод гардон. – Всегда радуй его Ты хозяина.

Значима прагматика произнесения этих строк: формула функционирует как речевой акт, которому приписывается способность закреплять желаемое состояние дома. В этом материале дом представлен как пространство, чья будущая защищённость и благополучие задаются через проговаривание благопожеланий и просьб. Тем самым начало ‘жизненного цикла’ жилища оформляется словом и связывается с представлением о божественной поддержке.

Далее текст продолжается таджикскими формулами, в которых благополучие будущего дома разворачивается как совокупность желаемых состояний:

Аз барои баракатии бунеди пав Худои таъоло бароварда бахайр гардонад
Да благословит Господь возведении нового фундамента
Соати неку, умри дароз, бунеди сабз, давлати баркамол, тандурустӣ ва дилҳои беғамро аз хазонаи ғайби худат ато фармоӣ

Да ниспошли из Своей невидимой кладовой благодатное время, долгую жизнь, счастливый фундамент, полное богатство, здоровье и счастливые сердца.

Эти высказывания фиксируют ценностный набор, переносимый на дом уже в момент закладки основания: благоприятное время, жизнь, здоровье, достаток, спокойствие. Формулы задают именно тот ‘пакет’ благ, который в локальной традиции считается необходимым условием устойчивого и защищённого жилища.

В продолжение, с формулой ‘Ба ҳаққи сураи Сабъ ул маносӣ – Во имя суры Сабъ ул маноси’ читают суру Фотеха на арабском языке. В переводе она задаёт базовую структуру обращения: восхваление Всевышнего, признание единственности поклонения и просьба о ведении ‘прямым путём’ (ср. ‘Веди нас прямым путем…’), что маркирует установку на правильность и защищённость дальнейшего дела [235].

После завершения чтения, присутствующие произносят *Ullo akbar* ‘Бог велик!’, и это коллективное проговаривание выполняет функцию закрепления результата: дом символически ‘вводится’ в поле благословения уже на этапе первого ритуала, когда вместе с физическим фундаментом оформляется и его охранительный смысл.

Постройка дома у народов Западного Памира на всём протяжении сопровождается словесными формулами и различными видами жертвоприношения, которые осмысляются как средства обеспечения будущей безопасности жилища и домочадцев. При завершении строительства мастер подходит к главному столбу и, ударив по нему трижды, в одних случаях обухом топора, в других рукой, произносит: *Mustākam vi!* или *Bunyod saw!* ‘Будь устойчивым!’ [115, с. 163]. В семантико-когнитивном плане эта формула закрепляет оппозицию ‘устойчивость / разрушение’: дом и его центр, главный столб, вводятся в режим прочности через слово, произнесённое в ритуально маркированный момент завершения.

В ситуации землетрясения тот же принцип проявляется в защитных обращениях. Один из членов семьи, произнося *Bismilloyi rāmoni raim* ‘Во имя

Господа милостивого и милосердного’, крепко обхватывает главный столб и обращается с молитвами: *А Худоу osoyaǐi nasib kin!* ‘О Боже, ниспошли нам спокойствие!’, *А Худоу xu panoyand nigā kin!* ‘О Боже, оберегай нас!’. В некоторых случаях просьба адресуется непосредственно столбу: *nigā māš δer* ‘защити нас’. Здесь вербальные формулы реализуют когнитивную схему центра и опоры: главный столб осмысляется как точка, с которой связывается сохранение целостности дома, а обращение к нему, наряду с обращением к Всевышнему, оформляет сценарий защиты от разрушения.

С целью пожелания благополучного возвращения или безопасного проживания в доме употребляются следующие формулы:

шугн.-руш. *Худоу tu čid jamāt ti xu dast soyā kiǐt*

‘Да защитит Бог твой дом и семью’

ǐāsitan tu/tama nigābůn

‘Да хранит тебя/вас главный столб’;

шугн.-руш. *tama xůnā/čīd jamat/xůnawodā obod ved*

‘Да будет благословенным ваш дом/дом и семья’;

шугн.-руш. *Худоу xůnaobodi nasīb kiǐt*

‘Да ниспошлет вам Бог благополучия (дома)’;

шугн.-руш. *Худоу tu čīd jamat xu panoyand nigā δīd*

‘Да сбережет Бог ваш дом–семью’;

шугн.-руш. *Худоу tama čid jamātard osoyaǐi nasib kiǐt*!

‘Да ниспошлет Бог вашему дому покой!’.

В семантико-когнитивном плане эти высказывания фиксируют единую установку: дом и семья концептуализируются как связанное целое, благополучие которого поддерживается через обращение к двум опорам защиты, *Худоу* и *ǐāsitan*. При этом слово выступает не как описание, а как средство закрепления порядка, покоя и благодати.

Эти вербальные формулы и молитвы наносят на бумагу, завёртывают в кожу или ткань и помещают над дверью либо в отверстиях между балками, где они могут храниться в течение всего времени существования дома; утрата

такого оберега воспринимается как неблагоприятный знак. Наряду с хранением текста практикуется и его распространение в пространстве: формулы читают над водой и затем брызгают в четырёх углах дома, чтобы не допустить проникновения нечистой силы, отвести бедствие и болезнь. В этих практиках слово получает материальную фиксацию и пространственную адресацию, поэтому оберег осмысляется одновременно как текст и как средство поддержания границ домашнего пространства.

Семантико-когнитивный анализ лексики оберегов и связанных с ней устойчивых формул показывает, что в шугн.-руш. материале дом мыслится в неразрывной связи с домочадцами: охрана жилища соотносится с благополучием людей, а защитные практики оформляются как регламентированное поддержание безопасного режима. Языковые данные фиксируют два взаимодополняющих пласта мотивировки. Один опирается на традиционные представления об уязвимых зонах и необходимости их укрепления, другой связан с религиозными моделями благословения и молитвенного покровительства. Для анализа существенно, что эти пласты сосуществуют в формульных высказываниях и в номинациях оберегов, задавая единый прагматический результат, сохранение благодати, покоя и защищённости дома.

Внутри этого материала защита оформляется как повторяемый сценарий, в котором обязательны три компонента: действие, предмет или формула и точка локализации. Именно поэтому в лексике оберегов последовательно выделяются предметные средства, действия и вербальные формулы, а также устойчивые ситуации их применения: укрепление входной зоны, охрана верхнего проёма *růʒ*, поддержание чистоты и предотвращение внешнего вредоносного воздействия. В вербальных оберегах дополнительно проявляется общекультурная установка на действенность благопожелания и молитвы, тогда как специфика западнопамирского материала связана с многоязычной организацией таких текстов и их включённостью в конкретные бытовые и строительные ситуации.

Тем самым в шугн.-руш. языковой картине мира защитная семантика формируется через устойчивые номинации и формулы, связывающие дом с нормами поведения, предписанными действиями и охранительными средствами. Это создаёт основу для дальнейшего аксиологического и лингвокультурного анализа концепта ДОМ, в рамках которого раскрываются закреплённые в этих моделях ценностные и социальные нормы.

ЧАСТЬ II. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

4.2.1. Лингвокультурологический анализ лексем *růʒ* и *poygā* как элементов концепта ДОМ

В этом подразделе рассматриваются две важные лексемы домовой модели – *růʒ* ‘световое отверстие, верхний проём в кровле’ и *poygā* ‘основание, нижняя опорная зона дома’. Обе они обозначают не просто части жилища, а такие точки его внутренней организации, через которые особенно ясно проявляется вертикальное членение домашнего пространства. Поэтому далее внимание сосредоточено на том, какие значения закрепляются за верхней и нижней зонами дома, как эти значения раскрываются в употреблении и каким образом они связаны с ценностными установками шугн.-руш. традиции.

Анализ строится на словарных данных и контекстах употребления. Сначала выделяются устойчивые смысловые признаки лексем, затем учитываются их сочетаемость и типовые речевые окружения, после чего материал получает лингвокультурную интерпретацию. Такой ход позволяет опираться не на общие рассуждения, а на наблюдаемые языковые факты. В этом смысле особенно важны положения Н. Д. Арутюновой об оценке как одном из способов смыслового ранжирования явлений [8, с. 16], а также мысль Ю. Д. Апресяна о том, что язык задаёт собственный способ видения и концептуализации мира [7, с. 39]. Для понимания культурной специфики значим и подход И. А. Стернина, связывающий культурно значимые компоненты слова с опытом и нормами сообщества [158, с. 10].

Для описания культурного слоя значений здесь удобно опереться на типологию Е. Н. Маклаковой [135, с. 9]. В рамках данного материала особенно важны два типа культурной информации: во-первых, лексемы, связанные с конкретными реалиями традиционного быта, и, во-вторых, единицы, за которыми закреплён символический смысл. Такое различение нужно для того, чтобы не смешивать предметную сторону значения с теми устойчивыми ассоциациями и интерпретациями, которые формируются в коллективном опыте. Именно в этом плане *růʒ* и *poygā* интересны не только как названия частей дома, но и как носители более широких культурных представлений.

Применительно к *růʒ* и *poygā* это особенно заметно. В шугн.-руш. материале обе лексемы обозначают не просто пространственные ориентиры внутри дома. За ними закреплены более широкие представления, в которых строительная семантика соединяется с нормами, оценками и устойчивыми мировоззренческими смыслами. Поэтому в языке они выступают как носители не только предметного, но и культурно осмысленного знания о доме.

Номинация *rūz / ʒ* в шугн., *rūz* в руш. и хуф., *rūzm* в бр. и рош., *rezn* в сар., *ricn* в вах., *reсьn* в ишк., *reǰon* в язг., *rūžan* в мдж. обозначает ‘продух, отверстие, световой проём в кровле традиционного дома’ и в этимологическом плане соотносится с др.-ир. *raučana* и авест. *raočana* ‘окно’ [218, с. 295]. Лексема *poygā* в шугн., *pōgā* в руш. и хуф., *payga* в бр. и рош., *puygo* в сар., *poga* в вах. и ишк. мотивируется компонентами *poy* ‘нога’ и *gā / gah / go(h)* ‘место’ и соотносится с перс. *poygoh* и тадж. *пойгоҳ*. В традиционном жилище эти единицы задают вертикальную ось верх и низ: *poygā* обозначает центральную зону у входа, воспринимаемую как нижний уровень внутреннего пространства, тогда как *rūʒ* маркирует верхнюю точку дома, световой проём в потолочной части. Эта оппозиция важна для лингвокультурного описания, поскольку через неё распределяются значимые функции верхней и нижней зон.

Лексикографические данные показывают, что для *poygā* фиксируется полисемия, причём значения расходятся по типу денотата и по

деривационным связям. В словаре Д. Карамшоева отмечается, с одной стороны, значение из сферы состязаний ‘бега, скачки’, что подтверждается производными *poygā-diwent* ‘скачки, бега’, *poygā-diwen-īǰ* ‘участник скачек’, *poygā-ǰoj* ‘место для скачек’ [208]. С другой стороны, выделяется домовое значение ‘центральное место у входа в дом, основание традиционного памирского жилища’. В данном случае речь идёт об открытом участке, который в ритуально-бытовых ситуациях служит местом действия, например, в свадебном обряде пространством для общего танца. Такое употребление показывает семантическую близость двух значений: и там, и здесь на первый план выходит пространство действия, хотя в одном случае оно связано с состязанием, а в другом с входной зоной дома.

Словарные данные закрепляют за *rūz / ʒ* значение ‘окно в кровле, потолочный проём’ и одновременно показывают широкий круг связанных с ним номинаций. Производные образуют микрополе, в котором представлены элементы, относящиеся к перекрытию и к способам закрывания и открывания этого проёма. В словаре, в частности, зафиксированы *rūʒ-dāxt* ‘крышка, заслонка для кровельного окна’ и *rūʒ-δorg* ‘жердь, перекладина, связанная с заслонкой’. Для настоящего анализа этот ряд важен тем, что через него в языковом сознании выделяются такие признаки, как закрывание, наличие опоры или жерди, а также принадлежность к верхней зоне дома.

В традиционном жилище кровельный проём выполняет несколько функций: через него в дом поступает дневной свет и выходит дым от очага. Там, где отдельная труба не является обязательной частью конструкции, открытый проём регулирует воздух внутри дома. Постоянное повторение практик, связанных с огнём, проветриванием и освещением, формирует устойчивый смысловой комплекс, который затем получает культурную интерпретацию.

Таким образом, *rūʒ* и *poygā* в шугн.-руш. материале соотносятся с верхней и нижней зонами домашнего пространства и участвуют в его

ценностной организации. *Poygā* выражает представление об опоре и основании, тогда как *rūʒ* связывается со светом, воздухом и открытостью.

Выбор места для дома в традиции осмысляется не как чисто практический шаг, а как действие, от которого зависит дальнейшая судьба жилища. Поэтому к земле под строительство предъявляются не только бытовые, но и ценностные требования. Это ясно видно в формуле *čīdmīzd-and zimaδ bojad janjoli mā-ved* ‘земля под дом не должна быть спорной’, где сама возможность конфликта оказывается несовместимой с представлением о благополучном доме. Напротив, правильное начало строительства связывается с согласием и благословением старших, что выражено в формуле *piyil suδjin* ‘получение благословения’. В этих высказываниях дом мыслится как допустимый и защищённый только тогда, когда его основание подтверждено и социально, и ритуально.

Лексема *růʒ* в западнопамирской традиции объединяет два устойчивых смысловых направления. С одной стороны, она связывается с открытостью дома свету и благому влиянию, с другой – с уязвимостью верхней границы жилища и необходимостью контроля. Эта двойственность подтверждается повторяющимися сценариями и формульными высказываниями, включающими предписания, запреты, оценки и обрядовые действия. Поэтому *růʒ* можно описывать как культурно маркированную единицу, в которой значение верхнего проёма в крыше сопряжено с представлениями о благодати, защите и риске.

Первое направление связано с идеей благого, приходящего сверху в дом. Это выражено в формуле *barakati Xuδoy ta růʒ-va ar xůnā deδd* ‘благодать Божья в дом входит через *růʒ*’. Здесь добро осмысляется как то, что входит в жилище через его верхнюю точку. Этому соответствует и распределение оценок по времени суток: по данным информантов, дневное открытое состояние *růʒ* воспринимается как допустимое и благоприятное, тогда как ночное закрывание объясняется заботой о безопасности дома. В этом же ряду находится обрядовая формула *duo ta Nawrūz-and as růʒ kin-en* ‘молитву на

праздник Навруз возносят через *růʒ*’. Верхний проём выступает точкой направленного обращения и знаком вертикальной связи с высшим порядком.

Второе направление связано с представлениями о *růʒ* как о границе контакта с иным миром. Это видно в выражении *rū ta růʒ-va naǩtīzd xu tīzd* ‘душа человека выходит и уходит через *růʒ*’. С этим соотносится и запретительная формула *to Nawrūz ta tar růʒ na-jad-en* ‘до Навруза нельзя подходить к *růʒ* сверху’. В подобных высказываниях *růʒ* осмысляется как проход, требующий особого обращения и календарной регуляции. Показательно, что в локальных представлениях *arwo* ‘дух предка’ приходит в дом через *růʒ*, а не через дверь. В этой системе верхний проём закрепляется как правильный путь для ангелов и для *arwo*, тогда как для вредоносных сил допускается и иной вход. Поэтому режим открытости *růʒ* воспринимается как вопрос охранительного порядка.

Сезонная регуляция этого порядка выражена в веровании о самых холодных зимних днях *čilagi* ‘период сильных холодов’, когда, по формуле *čilagi malojika-jen ar zamin na-xafc-en*, ‘в *čilagi* ангелы не спускаются на землю’. В таких представлениях открывать *růʒ* в этот период считают лишним и потенциально небезопасным. Закрывание верхнего проёма получает значение временного усиления защиты дома и одновременно отражает связь домашнего режима с сезонным циклом.

Связанные с *růʒ* языковые единицы и контексты позволяют выделить несколько смысловых зон, в которых разворачивается его культурная интерпретация. Далее материал описывается через повторяющиеся контекстные признаки и типовые сценарии употребления:

Верхний проём как вход благого и точка обращения вверх: В ряде контекстов *růʒ* интерпретируется как верхняя граница дома, через которую осуществляется обращение к высшему порядку и в жилище входит благодать. Это значение поддерживается формулой *barakati Xuδoy ta růʒ-va ar xůnā deδd* ‘благодать Божья в дом входит через *růʒ*’. По данным информантов, дневная открытость *růʒ* связывается с допуском света и благого влияния, тогда как

ночное закрывание объясняется заботой о безопасности дома. В этом же круге значений находится выражение *duo ta Nawrūz-and as růʒ kin-en* ‘молитву на праздник Навруз возносят через *růʒ*’, где верхний проём выступает точкой направленного обращения.

Верхний проём как регулируемая граница контакта с иным миром: В традиционных представлениях *růʒ* может осмысляться как канал для нематериальных сущностей и как зона, требующая календарной регуляции. Ср. *rū ta růʒ-va naxtīzd xu tīzd* ‘душа человека выходит и уходит через *růʒ*’. Запретительная формула *to Nawrūz ta tar růʒ na-jad-en* ‘до Навруза нельзя подходить к *růʒ* сверху’ показывает, что обращение с этой зоной подчинено календарному правилу. В локальной традиции сюда же относится представление об *arwo* ‘духе предка’, который воспринимается как защитник рода и может приходить в дом через *růʒ*, а не через дверь. Эта деталь важна как лингвокультурный признак: верхний проём маркируется как правильный путь для благого и охранительного присутствия.

Верхний проём как уязвимая точка и объект охранительного контроля: Наряду с этим в материале фиксируется и другая линия: *růʒ* осмысляется как уязвимая точка дома, требующая закрывания и контроля, поскольку через верхний проём допускается возможность вредоносного проникновения. Поэтому нормы закрывания *růʒ* в неблагоприятное время мотивируются как охранительные, а сам верхний проём получает статус зоны повышенной осторожности. Сезонная регуляция этого режима выражена в формуле *čilagi malojika-jen ar zamin na-xafc-en* ‘в *čilagi* ангелы не спускаются на землю’. Для анализа здесь важен практический вывод: в период *čilagi* открывать *růʒ* считают необоснованным, а закрывание верхнего проёма интерпретируют как усиление защиты дома.

Ритуально-обрядовая функция окна в крыше в традиционной культуре: Выражения с *růʒ* показывают, что этот элемент жилища включён в обрядовые практики как точка ритуального действия. В таких контекстах *růʒ* выступает культурным маркером: через него выполняются очистительные,

охранительные и обновляющие действия, направленные на поддержание благополучия дома. Языковая фиксация этих практик поддерживает представление о верхнем проёме как о допустимом канале ритуального воздействия, связывающем внутреннее пространство жилища с внешним духовным порядком.

В обрядах Навруза фиксируется формула *sawora-vidīrm ta růʒ-va ziwêδ-en* ‘веник *sawora-vidīrm* выносят через *růʒ*’. Ритуальный смысл здесь задаётся способом действия: вынос предмета через верхний проём интерпретируется как удаление накопленного за год неблагополучия. Лексема *sawora-vidīrm* обозначает особый веник с длинной палкой для очистки потолочной части традиционного дома. По описанию Ш. Юсуфбекова и А. Шоинбекова, существенна сама последовательность обряда: веник передают через *růʒ* человеку на крыше и затем уносят далеко от дома [77]. Так складывается пространственная модель очищения, в которой верхний проём служит границей вывода неблагоприятного.

Защитный ритуал, связанный с судьбой новорождённого, отражён в выражении *růʒ-va kūdak ziwêstow* ‘выносить ребёнка через *růʒ*’. В локальном описании младенца временно передают через верхний проём женщине, у которой не было утрат детей, после чего ребёнка возвращают тем же путём. Передача через *růʒ* оформляет попытку прервать неблагоприятный жизненный сценарий и задать ребёнку иную траекторию.

Ритуальный контакт и социальная обязательность отклика выражены формулой *Xidīr ayům-and ta kiloγuzγuz rūʒ-va kin-en* ‘обряд *kiloγuzγuz* на Навруз проводится через *růʒ*’. Здесь значим именно выбранный путь обращения: просьба задаётся сверху, что придаёт ей особую весомость. Сам обряд *kiloγuzγuz* предполагает получение сладостей, скота или иных даров и тем самым оформляет обновление общинных связей в праздничный период.

Гадательное действие, связанное с Наврузом и приготовлением блюда шугн.-руш. и ишк. *bōj*, вах. *boč* ‘похлёбка из толчёных зёрен и мяса’, закреплено в выражении *čib rūʒ-va pitêwdow* ‘выбрасывать деревянную ложку

через *rūʒ*’. После приготовления блюда деревянную ложку шугн.-руш. *čib* выбрасывают через верхний проём и по тому, как она упала, судят о будущем сезоне. Если ложка падает лицевой стороной вниз, это связывают с дождями и хорошими условиями для урожая; если она падает на обратную сторону, в этом видят знак засухи и возможного неурожая. В таком обряде *rūʒ* входит в состав знаковой процедуры, через которую люди пытаются понять, каким будет сельскохозяйственный год.

Практика, направленная на прекращение затяжных весенних дождей, выражена формулой *jinjič rūʒ ti ribīdow* ‘класть куклу на *rūʒ*’. Кукла в этом случае служит посредником просьбы, а её размещение на верхнем проёме подчёркивает обращённость обряда вовне. Сажу наносят на лицо куклы, чтобы усилить просьбу: тёмная маркировка зримо передаёт состояние бедствия. В некоторых вариантах обряда куклу поворачивают в сторону Киблы, и тогда просьба получает ещё и религиозно отмеченную направленность. В результате *rūʒ* выступает как точка символического взаимодействия дома и его обитателей с природными силами.

Потолочный проём традиционного дома изнутри оформляет ступенчатая конструкция: шугн. *čorxůnā*, руш., хуф., барт., рош. *čōrxonā*, вах. и ишк. *čorxoná* букв. ‘четыре дома’. Эта номинация подчёркивает составность верхнего узла: верхняя точка дома воспринимается не как простое отверстие, а как структурированная зона. В культурных интерпретациях *čorxůnā* соотносится с четырьмя стихиями: *zimāδ* ‘земля’, *x̌ac* ‘вода’, *yōc* ‘огонь’, *awo* ‘воздух, ветер’, ср. тадж. *havo*, ишк. *x̌ūʒ*. В других объяснениях уровни конструкции связывают с образами четырёх высших ангелов исламской традиции: Джабраил, Микоил, Исрофил, Азраил. Эти наложения показывают общий механизм: архитектурная форма получает несколько смысловых слоёв и закрепляет представление о верхней зоне как о месте особой значимости.

Помимо функций света и вывода дыма верхний проём вместе со ступенчатым оформлением мог использоваться как визуальный ориентир для

соотнесения внутреннего пространства дома с движением солнца и временными ритмами, по данным Андреева [3, с. 163].

Далее внимание переносится с верхней точки дома, обозначаемой лексемой *růʒ*, на нижнюю опорную зону традиционного жилища, *poygā*. Если *růʒ* в употреблениях связывается с верхним пространством и режимами света и воздуха, то *poygā* обозначает центральную при входовую часть, в которой сосредоточены повседневные действия и социальные сценарии внутренней жизни дома.

Лексема *poygā* закреплена именно за традиционным жилищем и не употребляется в значении ‘пол’ применительно к современным многоэтажным домам, где используется заимствованное *pol*. Внутри домовой модели *poygā* обозначает не покрытие как таковое, а устойчивую зону у входа, воспринимаемую как опорная и земная часть внутреннего пространства. В паре с *růʒ* эта номинация задаёт вертикальную рамку ‘низ / верх’, через которую дом осмысляется как организованная система: нижняя зона соотносится с основанием и устойчивостью, верхняя с открытостью и связью с внешним порядком. Для данного анализа важно то, как идея правильного низа закрепляется в употреблениях самой лексемы *poygā*.

Языковой материал показывает, что *poygā* в устойчивых сочетаниях получает дополнительные смысловые оттенки, связанные с нормами поведения, оценкой состояния дома и ритуально значимыми действиями. В этих контекстах *poygā* выступает культурно маркированной номинацией, в которой пространственный компонент значения сопрягается с представлениями о допустимом и недопустимом, о благополучии и неблагополучии, о поддержании правильного порядка в доме.

Именно поэтому *poygā* целесообразно описывать по группам употреблений: лексема фиксирует нижнюю опорную зону дома и распределение ролей и статусов внутри домашнего пространства:

Категория социально-ритуальных ролей и пространственного статуса человека: В устойчивых сочетаниях с *poygā* пространственная

семантика регулярно сопрягается с социальной. Обозначение этой домовой зоны используется для маркирования роли человека внутри домашнего мира и для фиксации допустимых форм поведения. В результате *poygā* становится средством кодирования отношений ‘свой / чужой’, ‘включённость / дистанция’, ‘участие / прошение’ в рамках семейно-общинной нормы.

Так, выражение *poygá-tīr xu δust zinêdow* букв. ‘на *poygā* мыть свои руки’ употребляется в значении ‘быть гостем’. В примере *yu mudům maš poygá-tīr xu δust zinod* букв. ‘он постоянно на нашем *poygā* свои руки мыл’, значение: ‘он был частым гостем в нашем доме’. Внутренняя мотивация связывает гостевание с типовой сценой входа и принятия: человек допущен в центральную зону и выполняет там нормированное действие. Эту линию поддерживает и упоминание элемента *obx̌īn* в шугн., руш., хуф. и *obšīn* в ишк. ‘место воды, место омовения’, поскольку зона омовения входит в ритуально оформленный сценарий приёма.

Оборот *poygā-ndīr wirīvdow* букв. ‘стоять на *poygā*’ в речевой практике обозначает ‘служить, помогать хозяевам’. Здесь *poygā* маркирует внутренний круг взаимодействия, в котором человек воспринимается как участник домашней жизни. Сходным образом выражение *poygā-ndīr raqos vidow* употребляется в значении ‘быть танцором в центральной части дома’. Участие в действии именно в этой зоне выступает знаком близости к семье и соучастия в её радости.

Иное распределение ролей проявляется в оппозиции *poygā-ndīr wirīvdow* букв. ‘стоять на *poygā*’ и *dupečā-ndīr wirīvdow* букв. ‘стоять в *dupečā*’, то есть в узком коридоре от двери до двух столбов при входе. Первое выражение связано с включённостью и участием, второе маркирует позицию ожидания и обращения с просьбой. *Dupečā* осмысляется как переходная зона от входа к *poygā* и задаёт пороговый статус: человек ещё не включён в центральную часть дома и зависит от решения хозяев.

Прагматически важно, что просьба, произнесённая из *dupečā*, усиливается самим местом. Зона у входных столбов в традиционных

представлениях имеет охранительную маркировку, поэтому отказать человеку, стоящему в *dupečā*, считается нежелательным: ожидание в этой точке воспринимается как обращение из культурно значимого пространства. В таких употреблениях глагол *wirīvdow* ‘стоять’ получает оттенок ожидания ответа, который должен быть соотнесён с нормой гостеприимства и должного поведения у входной зоны.

Таким образом, *poygā* в устойчивых сочетаниях выходит за пределы чисто локативного значения и участвует в маркировании статусов и сценариев взаимодействия. Оппозиция *poygā* и *dupečā* связывает распределение домовых зон с распределением ролей: в центральной части дома закрепляются участие и помощь, в переходной зоне просьба и ожидание.

Категория культурно мотивированной некомпетентности и оправдательного поведения: В корпусе устойчивых выражений эта категория представлена поговоркой *kampīr raqosi na-vārδ-ed, lůvd poygā tāng* ‘старуха не умеет танцевать, говорит, что *poygā* узкий’. Буквальный перевод: ‘старуха танца не знает, говорит, *poygā* тесен’. Ситуация неуспеха объясняется внешней причиной, тогда как реальный источник связан с отсутствием навыка. *Poygā* выступает удобным объектом оправдания: ссылка на пространственное ограничение подменяет признание собственной некомпетентности.

Упоминание *poygā* в составе поговорки опирается на узнаваемый культурный контекст. В праздничных, прежде всего свадебных, сценариях центральная часть дома служит местом танца, поэтому ссылка на узость *poygā* делает переносный смысл прозрачным для носителей. Речь идёт не о реальном размере пространства, а о речевой стратегии переноса ответственности на обстоятельства.

Описания традиционного жилища фиксируют и вариативность оформления центральной зоны. В ишкашимской традиции отмечается использование каменных плит *sayoč* и соответствующее обозначение процесса *sayočroni* [137, с. 48–57]. В ряде районов Шугнана и Рушана сохранялась практика земляного основания в центральной части. Для анализа это важно в

одном отношении: *poygā* в языке не сводится к типу покрытия. Лексема закрепляет функционально и культурно выделенную домовую зону, распознаваемую при разных способах её обустройства.

Материал показывает, что *růʒ* и *poygā* в шугн.-руш. традиции выступают как опорные лексемы, через которые язык фиксирует ценностную организацию дома. Обе единицы включены в устойчивые выражения и типовые сценарии употребления, где домашнее пространство предстает как упорядоченное и смыслово нагруженное.

Лексема *růʒ* в культурной интерпретации концентрирует представления о верхней границе дома. Через формулы и обрядовые контексты *růʒ* связывается с благим влиянием, приходящим сверху, и с практиками обращения к высшему порядку. Одновременно верхний проём осмысляется как чувствительная зона, требующая календарной и поведенческой регуляции: он может выступать каналом ритуального действия, очистительных и обновляющих практик, а также точкой, в которой регулируется допустимая открытость дома. Тем самым *růʒ* задаёт в структуре концепта ДОМ модель верхнего пространства как места связи, контроля и сакральной значимости.

Лексема *poygā* оформляет нижнюю, опорную зону традиционного дома и в типовых контекстах тесно связывает пространственный смысл с социальным. *Poygā* маркирует центральную при входовую часть как место включённости, участия и внутреннего статуса. В устойчивых сочетаниях эта зона служит языковым средством распределения ролей: участие и помощь соотносятся с нахождением на *poygā*, а ожидание и просьба с позицией в *dupečā*, которая воспринимается как пороговая и нормативная зона у входных столбов. Поговорка *kampīr raqosi na-vārδ-ed, lůvd poygā tāng* показывает ещё один важный эффект: *poygā* функционирует как культурно узнаваемый ориентир, который может использоваться и в переносном смысле, например, как объект оправдания и переноса ответственности. Вариативность материального оформления этой зоны не меняет её статуса в языке: *poygā*

закрепляет именно функционально и культурно выделенную область, а не тип покрытия.

В совокупности *růʒ* и *poygā* задают вертикальную рамку ‘верх и низ’, через которую дом в шугн.-руш. материале предстает как ценностно организованное пространство. Верхняя зона соотнесена с режимами благого влияния, ритуального воздействия и регуляции открытости, нижняя с устойчивостью основания, социальными ролями и нормативной организацией внутренней жизни. Тем самым язык фиксирует концепт ДОМ как систему, в которой архитектурные элементы выступают смысловыми узлами и средствами выражения норм, ценностей и представлений о благополучии.

4.2.2. Лингвокультурологическая интерпретация наименований пяти столбов традиционного памирского дома

После рассмотрения верхней точки дома, обозначаемой лексемой *růʒ*, и нижней опорной зоны *poygā* внимание закономерно переносится на элементы, которые соединяют эти два полюса в единую вертикальную конструкцию. В традиционном памирском жилище такую роль выполняют столбы: они удерживают перекрытие и одновременно задают внутреннюю разметку пространства, закреплённую в языке через систему наименований.

Пять опорных столбов составляют основу внутренней конструкции традиционного памирского дома. Однако для настоящего анализа важно не само инженерное описание, а то, как эти опоры представлены в языке. Домовая терминология показывает, что столбы осмысляются не как нейтральные детали постройки, а как части уже расчленённого и внутренне организованного пространства. Их названия связаны с конкретными зонами дома, с их функциями и с теми представлениями, которые за ними закреплены в традиции. Поэтому далее внимание сосредоточено именно на наименованиях пяти столбов, их мотивации и тех смысловых наслоениях, которые возникают вокруг них в шугн.-руш. материале.

Дальнейшее изложение сосредоточено на номинациях пяти несущих столбов и их соотнесённости с домовой топологией. В шугн.-руш. группе языков собирательное обозначение *pīnʒ sitan* ‘пять столбов’ фиксирует эти опоры как структурно выделенный узел жилища. Употребление соответствующих названий показывает, что столбы осмысляются как точки внутреннего порядка: через них профилируются признаки опоры, устойчивости и защиты, которые далее закрепляются в терминологии и устойчивых выражениях.

Пять несущих столбов традиционного дома в шугн.-руш. группе обозначаются термином *sitan / s(ы)tan*, этимологически соотносимым с перс.-тадж. *sutun*. В таджикско-русском словаре у *sutun*, помимо прямого значения ‘столб, опора, колонна’, отмечены и переносные значения, связанные с защитой, покровительством и устойчивостью [223]. Для шугн. материала существенно, что компонент *sitan* не замыкается в пределах строительной лексики и может выражать более общее представление о стойкости. Это видно, например, в сложном глаголе *sitan δi* ‘жить вечно’, ср. *pi dunyo ɣal yi čāy sitan na-δoδj* ‘никто ещё в этом мире не жил вечно’. Такой пример показывает, что *sitan* в языковом сознании связано не только с домовой опорой как частью конструкции, но и с более широким смыслом прочности и постоянства. Поэтому в терминологии традиционного жилища эта лексема важна не просто как название столба, а как слово, через которое в языке закрепляется само представление об опоре и устойчивости дома.

В шугн.-руш. группе языков лексема *sitan* регулярно входит в состав сложных наименований, где ‘столб’ соотносится с определённой домовой зоной или функционально значимым участком. Такая модель строится по прозрачному принципу: опора определяется через её местоположение и связь с конкретным узлом внутреннего пространства. Ср.: *sitan-dor* ‘имеющий столб(ы)’, *pīnʒ sitan* ‘пять столбов’, *časpak-sitan* ‘столб у стены’, *rīzak-sitan / čirīzak-sitan* ‘столб у нар возле двери’, *ǰuftak-sitan* ‘столб вдоль стены’, *bār-sitan / bār-nêx-sitan* ‘столб главных нар’, *x̌ā-sitan* ‘главный столб’, *voɣʒnêx-sitan*

‘столб удлинённых нар’, *poygā-sitan* ‘столб у входа с левой стороны’, *kicōr-sitan / kampīr-sitan* ‘столб очага’. Этот ряд показывает, что домовая лексика называет столб не как абстрактную деталь, а как часть функционально организованного пространства дома.

В строительной терминологии встречается выражение *čor sitan čīdow* букв. ‘вставить четыре столба’. Несмотря на числительное *čor* ‘четыре’, в употреблении это сочетание соотносится не с точным счётом, а с установкой опорного каркаса дома как с единым этапом строительства. Поэтому оно может охватывать размещение всей системы опор. Несовпадение между числом в форме и фактическим количеством столбов отражает особенность местного строительного словаря: выражение называет ключевую операцию, а не фиксирует буквальное количество.

Особый статус внутренних опор согласуется с формулой *čīd buzurg joy* ‘дом, святое место’. В таком контексте столбы и очаговая зона получают дополнительную смысловую нагрузку и выступают как точки, через которые язык закрепляет представление о правильном устройстве домашнего пространства.

Номинации пяти опорных столбов обычно имеют сложную структуру. Их компоненты либо указывают на место в пространстве дома, либо связывают столб с определённой функциональной зоной. Тем самым сами названия передают внутреннюю топологию дома и выделяют значимые узлы его устройства. Особенно показателен пример *x̌ā-sitan*: компонент *x̌ā* восходит к перс.-тадж. *šah* ‘царь’, *sitan* значит ‘столб’, а всё сочетание переводится как ‘царский столб’. Компонент ‘царь’ выделяет центральную опору как главную и придаёт ей более высокий статус по сравнению с остальными столбами.

В речи *x̌ā-sitan* входит в высказывания, где конструктивный центр дома сопоставляется с фигурой главы семьи как носителя порядка и ответственности. Ср.: *tama dod tama x̌ā-sitan* ‘ваш отец, ваш царский столб’. Ср. также: *wef x̌ā-sitan az miyen sut, wef-ard taš mux̌kil sůd* ‘их глава семьи умер,

теперь им будет трудно’. Эти примеры показывают устойчивую связь: центральная опора дома осмысляется как образ социальной опоры семьи.

Лексема *voǰzn̂ex-sitan* представляет собой сложное наименование, в которое входят компоненты *voǰz* ‘удлинённый’, *n̂ex* ‘нары’, *sitan* ‘столб’. Прежде всего эта номинация задаёт пространственную привязку – ‘столб при удлинённых нарах’. В традиционных объяснениях этот столб иногда связывают со стихией воздуха. Такое толкование создаёт дополнительный смысловой слой, однако основное значение по-прежнему определяется домовой топологией, заданной самими компонентами слова.

Наименование *kicōr-sitan* ‘столб очага’ построено по тому же принципу: компонент *kicōr* ‘очаг’ указывает на ключевую домовую зону, а *sitan* называет связанную с ней опору. В значение входят признаки очаговой зоны и внутреннего центра дома, поэтому этот столб регулярно оказывается в интерпретациях, связанных с поддержанием порядка в жилище. В традиционных соотнесениях *kicōr-sitan* связывают со стихией воды и с религиозным образом Фатимы; для более раннего слоя упоминается корреляция с Ардви Сурой Анахитой, которая в авестийской традиции выступает как сила, связанная с очищением, плодородием, здоровьем и продолжением рода; её покровительство распространяется, в частности, на женское плодородие и материнство [1, с. 26; 76, с. 128–137]. Эти соотнесения важны как интерпретационный слой, поскольку закрепляют за очаговой опорой охранительный смысл и мотивируют её особую значимость.

Лексемы *poygā-sitan* ‘столб у входа с левой стороны’ и *bār-n̂ex-sitan* ‘столб главных нар’ также мотивированы топологически. В первом случае опора определяется через зону *poygā*, во втором через зону *bār-n̂ex* ‘главное возвышение вдоль стены’. Такая номинация показывает, что языковая система описывает столбы как элементы, распределённые по функциональным узлам дома. В традиционных соотнесениях эти столбы связываются со стихиями земли и огня и интерпретируются через образы Хасана и Хусейна; для доисламского слоя отмечаются параллели с божествами земли и огня Замядом

и Озаром [76, с. 128–137]. С семантико-когнитивной точки зрения такие соответствия показывают, как значение уплотняется и наслаивается. Пространственная организация дома получает дополнительное объяснение через устойчивую схему ‘стихии - персонажи’, но при этом сохраняет исходную связь с конкретными зонами внутреннего пространства.

Каждый из пяти столбов получает своё значение прежде всего через место, которое он занимает во внутреннем пространстве дома. Уже сама топологическая привязка делает его узнаваемым и отличимым от других. Однако на этом значение не исчерпывается. В традиционных толкованиях к пространственной характеристике присоединяются дополнительные смысловые слои, т.е. соотнесения со стихиями, религиозными персонажами и охранительными представлениями. Поэтому столбы в языке выступают не как безличные конструктивные элементы, а как части дома, за которыми закреплена особая значимость и которые включены в более широкую систему культурных соответствий.

Изафетное выражение *panj tani-i pok* ‘пять святых’ закрепилось как обозначение пяти опорных столбов и важно уже самим фактом такого называния: конструктивный элемент дома переводится здесь в разряд сакрализованных объектов. В современной интерпретации эта формула соотносится с пятью почитаемыми фигурами шиитской традиции: Пророком Мухаммадом, имамом Али, Фатимой, Хасаном и Хусейном. Тем самым столбы получают ещё один смысловой слой, связанный с конкретными сакральными персонажами.

Семантика *panj tani-i pok* ‘пять святых’ задаёт уважительное отношение к столбам и закрепляет за ними статус объектов, с которыми связывают защиту и благополучие дома. В шугн.-руш. модели дома конструктивный и символический планы здесь соединяются: пять опор поддерживают устойчивость жилища и одновременно получают религиозное толкование. Так возникает смысловая связь между *čīd* ‘дом’ и *jamāt* ‘семья’: устойчивость дома соотносится с устойчивостью семейного порядка.

В этой интерпретации опоры получают оценочную характеристику, связанную с чистотой и святостью, и тем самым ещё сильнее подчёркивают особый статус дома как пространства, в котором действуют особые нормы. Для анализа важен не столько перечень обрядов, сколько сам факт смыслового расширения: строительная номинация приобретает оценочный компонент и входит в религиозно маркированное понимание дома.

Сходное представление о доме как месте ритуально значимых действий отмечается и в исследовательской литературе. М. Бойс указывает, что ранняя зороастрийская практика могла осуществляться в доме и не требовала обязательного наличия специальных культовых сооружений, ср. её замечание о совершении обрядов в доме жреца или в доме человека, просившего об этом [49, с. 60].

Языковые данные, связанные с *x̌ā-sitan* ‘главный столб’, показывают, что главный столб осмысляется как семантически выделенный узел внутреннего пространства. Это видно по сочетаемости с предикатами и по включённости в сценарии обращения и оценки. Ср. *x̌ā-sitan vīstow* ‘завязать главный столб’, экспрессивное пожелание *Mustākam vi* ‘будь крепким’, высказывание *x̌ā-sitan bīrand x̌êvdow wazmin* ‘спать возле главного столба тяжело’, упрёк *Tut xu pano-yand nigā na-čūd* ‘ты не защитил’, формулу *kūdak x̌ā-sitan xez-and ar γų̊k weδ-en* ‘младенца впервые кладут в колыбель у главного столба’. Эти факты указывают на антропоморфизацию: столб оказывается адресатом обращения и носителем признаков, связанных с защитой и оценкой ситуации. Существенно, что этот эффект задаётся именно языковыми средствами: формулы позволяют говорить о столбе так, как если бы он мог защитить или не защитить и требовал особого обращения.

Употребления, в которых *x̌ā-sitan* ‘главный столб’ включён в высказывания о младенце и взрослом, показывают, что оценка зоны у главной опоры зависит от ситуации и статуса участника. В контекстах, связанных с ребёнком, актуализируется представление о благоприятности и защищённости этого пространства, в том числе через номинацию *firix̌tā* ‘ангел’. В контекстах

со взрослым, напротив, фиксируется маркер дискомфорта, ср. *x̌ā-sitan bīrand x̌êvdow wazmin* ‘спать возле главного столба тяжело’. Такая разница показывает, что смысл зоны у главной опоры не сводится к центральной локализации: в употреблении закрепляется и оценочная составляющая, а допустимость пространства оказывается ситуационно обусловленной. В результате *x̌ā-sitan* ‘главный столб’ выступает языковым ориентиром для различения благоприятного и нежелательного в домашнем пространстве.

Материал шугн.-руш. группы, относящийся к свадебным действиям у *x̌ā-sitan* ‘главного столба’, также подтверждает особый статус этой зоны. В лексиконе фиксируется термин *sartarošůn*, восходящий к тадж. *sar* ‘голова’ и *taroš* ‘брить’, буквальный перевод ‘бритьё головы’. В ритуальном употреблении он соотносится с оформлением перехода в новую социальную роль. Выражение *niwenc x̌ůnči luq x̌āsitan garginūx̌ā neγdow* ‘трижды обведение одежды невесты или жениха вокруг главного столба’ описывает действие, в котором центральная опора выступает фокусной точкой перехода и благопожелания. Тем самым сама формула закрепляет за *x̌ā-sitan* ‘главным столбом’ роль символического центра события.

Лексема шугн. *voγʒnêx-sitan*, руш. и хуф. *lošnōx-sitan*, барт. *löšnöx-sitan* означает ‘столб удлинённых нар’. Эти названия построены по одной модели: признак формы *voγʒ, loš, löš* ‘удлинённый’ + обозначение нар *nêx, nōx, nöx* ‘нары’ + *sitan* ‘столб’. Такие номинации показывают, что в домовой терминологии опоры закрепляются за конкретными функциональными зонами, в данном случае за зоной нар. Позднейшие религиозные и ценностные толкования добавляют ещё один смысловой слой, но основа значения остаётся топологической.

В типичных контекстах *voγʒnêx-sitan* ‘столб удлинённых нар’ связан с ситуациями, где подчёркиваются порядок внутреннего устройства дома и правильное распределение мест. Поэтому в комментариях носителей эта опора нередко получает оценочное толкование через идеи порядка и устойчивости. Ту же линию поддерживают свадебные контексты, в которых молодожёнов

усаживают возле *voǯnêx-sitan* ‘столба удлинённых нар’: место у столба связывается с благопожеланием и устойчивостью будущей семьи, а сама локализация получает значение согласия и долговечности брака [76, с. 131–132].

Термин шугн. *či-kaš* представляет собой сложную лексему с префиксом *či-* и основой *kaš* ‘горячий’. Внутренняя форма закрепляет признак ‘горячее подношение’, и именно он разворачивается в свадебном сценарии после того, как молодожёнов усаживают возле *voǯnêx-sitan* ‘столба удлинённых нар’. Номинация передаёт действие через главный признак блюда: горячее выступает смысловым маркером обрядового угощения. В употреблении *či-kaš* ‘горячее подношение’ обозначает социально и ритуально значимое действие, в котором совместное принятие блюда закрепляет новый статус пары.

В этом же сценарии важен и пространственный параметр: обрядовое блюдо трижды обносят вокруг *voǯnêx-sitan* ‘столба удлинённых нар’. Круговое движение придаёт действию смысл замыкания и закрепления и тем самым усиливает благопожелание устойчивости союза. Столб становится той точкой, вокруг которой организуется ритуал, и получает дополнительное значение как узел благопожелания. В результате лексема *či-kaš* ‘горячее подношение’ и сопровождающее её действие образуют единый фрагмент домовой модели: значение слова поддерживает типовой сценарий употребления, а сам сценарий закрепляет за зоной у *voǯnêx-sitan* устойчивую оценочную интерпретацию.

В шугн.-руш. группе обозначения двух столбов, расположенных по сторонам входа в традиционный дом, представлены лексемами *poygā-sitan* ‘столб у зоны *poygā*’ и *bār-nêx-sitan* ‘столб у главных нар’. Морфемная структура обоих слов построена по одному принципу: первый компонент называет домовую зону или функционально значимый объект, а *sitan* означает ‘столб’. Значение формируется как указание на опору, связанную с определённым участком внутреннего пространства. Для анализа это важно,

потому что такие номинации не просто называют столбы, но и передают внутреннюю разметку дома.

Лексема *poygā-sitan* мотивирована значением *poygā* ‘основание, центральная зона у входа’, поэтому в её интерпретации естественно выходят на первый план признаки опоры и устойчивости. В традиционных объяснениях эта опора соотносится с земным началом, что усиливает компонент связи с основанием и поддерживает оценку благополучия. При этом базовая мотивировка остаётся топологической: именно зона *poygā* задаёт исходное значение и связывает столб с представлением о правильном основании жилища.

Лексема *bār-nêx-sitan* ‘столб главных нар’ также мотивирована топологически и номинирует опору через её привязку к конкретной зоне внутреннего пространства. В традиционных интерпретациях за этой опорой закрепляется компонент, связанный с теплом и огнём, что усиливает оценки очищающего и жизнетворного начала. В более позднем религиозном прочтении входные опоры *poygā-sitan* и *bār-nêx-sitan* соотносятся с фигурами Хасана и Хусейна, а их положение у входа получает интерпретацию защиты и благословения входной зоны. Тем самым единая архитектурная локализация двух опор сочетается с различной смысловой акцентировкой: *poygā-sitan* профилирует признак основания и устойчивости, тогда как *bār-nêx-sitan* связывается с теплом и огнём. Это показывает слоистость значений: более ранние космологические интерпретации не исчезают, а включаются в позднейшую религиозную рамку, формируя многокомпонентный слой в структуре концепта ДОМ в языковой картине мира народов Западного Памира [76, с. 135–137].

Столб шугн.-руш. *bār-nêx-sitan*, шугн. *bār-nêx-sitan*, руш. *bār-nox-sitan* занимает устойчивое место во внутренней разметке дома и имеет чётко закреплённую прагматическую функцию: рядом с этой опорой сажают людей высокого статуса, и пространственная привязка здесь прямо переходит в социальный смысл. Место у *bār-nêx-sitan* связывается с *pīr* ‘пир, духовный

наставник’ и по традиции остаётся свободным, если его нет в доме. Поэтому *bār-nêx-sitan* обозначает не просто столб, а статусно выделенное место, где порядок рассадки выражает меру уважения. Особый статус этой зоны поддерживают и устойчивые действия при входе: к столбу прикасаются пальцами обеих рук, затем целуют пальцы и прикладывают их ко лбу. Такой жест выражает признание значимости этого места и оформляет уважительное вхождение во внутренний порядок дома. Связь этого поведения с представлениями о тепле и огне относится уже к интерпретационному уровню и дополнительно усиливает охранительное значение данной зоны.

Пространство между *poygā-sitan* и *bār-nêx-sitan* тоже выделяется как особый участок, где место напрямую влияет на речевое и социальное действие. Формула *jumāndīrum arwogůn zoxt xu yatum* ‘в пятницу я взял духа предков и пришёл’ актуализирует тему предков и их покровительства и тем самым задаёт говорящему позицию своего внутри родового круга. Показателен и пример *yuyi mu dupečā anjūvd, nay lůvdowum wird navarδod* ‘он стоял в *dupečā*, и я не смог ему отказать’. Здесь *dupečā* ‘узкий коридор от входа до двух столбов’ задаёт нормативно обязывающий статус просьбы, поскольку зона у входных опор воспринимается как обрядово значимая часть дома и отказ в такой ситуации считается нежелательным.

Горизонтальный брус, соединяющий два столба у входа, обозначается лексемой шугн. *bučkiɣ̌īj*, в руш. и хуф. *biškawoj*, в бр. и рош. *bučkawöj* ‘перекладина между двумя столбами при входе’. Его внутренняя форма, а также солярная маркировка входной перекладины и практика размещения рогов архара *naxčīr xoǩ* ‘рога архара’ уже обсуждались ранее. В новейших работах предлагаются альтернативные объяснения этимологии *bučkiɣ̌īj*, включая связь с практикой подвешивания рогов или с использованием для утепления [106, с. 170–181]. Однако с учётом структуры слова более убедительно трактовать первичную мотивацию как предметно действенную, связанную с хозяйственным сценарием, тогда как орнамент и рога образуют последующий интерпретационный слой, усиливающий ценность входной

зоны. При этом сакральная ценность рогов закрепляется и вне конкретной точки их размещения, ср. данные о хранении рогов в специально выделенных местах *ostūn* ‘святые места’ по Андрееву [4, с. 445–449].

В целом наименования опор и соединяющего их входного бруса показывают многослойность домовой терминологии. Внутренняя форма слов задаёт практическую разметку входного комплекса, а в употреблении и традиционных комментариях к ней присоединяются оценочные компоненты, закрепляющие представление о входной зоне как о семантически маркированном участке домашнего пространства.

Лексические единицы шугн. *kicor-sitan* ‘столб очага’ и руш. *arδōn-sitan* ‘столб очага’, а также шугн. и руш. *kampīr-sitan* ‘старуха-столб’ обозначают опору, расположенную справа от входа и соотнесённую с очаговой зоной. Номинации *kicor-sitan* и *arδōn-sitan* построены прозрачно: первый компонент называет очаг, *kicor* ‘очаг’ или *arδōn* ‘очаг’, второй компонент *sitan* значит ‘столб’. Тем самым опора определяется через функциональный центр дома и закрепляется в его внутренней разметке как столб очаговой зоны.

Наряду с прямой топологической привязкой фиксируется и образная номинация *kampīr-sitan* ‘старуха-столб’. Здесь в фокус выводится уже не сам очаг как объект, а персонифицированная характеристика зоны: столб осмысляется как хозяйка очага и как хранительница домашнего огня. Такой выбор лексемы формирует образно-оценочный слой и усиливает охранительное прочтение очагового пространства.

В традиционных интерпретациях очаговая опора может соотноситься с религиозными образами, в частности в исламский период с фигурой Фатимы. Указания на более ранние параллели в доисламском слое отмечаются в литературе как фон к этой позднейшей интерпретации [76, с. 132–134]. Для настоящего анализа существеннее другое: все три наименования сходятся в одном, они закрепляют очаговую зону как смысловой узел внутреннего устройства дома, а различаются способом профилирования. Шугн. *kicor-sitan* ‘столб очага’ и руш. *arδōn-sitan* ‘столб очага’ называют опору через прямую

связь с очагом, тогда как *kampīr-sitan* ‘старуха-столб’ добавляет образный компонент и переводит её в регистр хранительницы, поддерживая представление о тепле и защищённости домашнего пространства.

Эта семантика поддерживается и в ритуальном употреблении. Формула *niwenc ta kicōr-sitan xezand šay kinen* ‘невесту облачают около *kicōr-sitan*, столба очага’ показывает, что очаговая опора выступает правильным местом для действия, связанного с переходом в новую семейную роль. Тем самым зона очага получает языково закреплённый статус точки, где семейный порядок не только поддерживается, но и ритуально подтверждается.

В целом система наименований пяти столбов задаёт внутреннюю разметку традиционного дома. Названия опор привязывают их к ключевым зонам и тем самым фиксируют распределение мест, ролей и допустимых действий. Это видно в устойчивых формулировках и ритуальных сценариях, где столбы выступают ориентирами социального поведения и знаковыми точками внутреннего пространства. В результате домовая терминология описывает опоры не как нейтральные элементы конструкции, а как смысловые узлы, через которые язык оформляет представление о порядке, уважении и устойчивости домашнего мира. В лингвокультурной перспективе пять столбов выступают системой внутренних ориентиров, через которую закрепляются нормы и ценностные акценты традиционного дома.

4.2.3. Аксиологические смыслы лексем *kicor* 'очаг' и *bārnêx* 'главное возвышение вдоль стены' в шугнано-рушанской домовой модели

После рассмотрения лексем *růʒ* ‘световой проём в кровле’, *poygā* ‘основание, нижняя опорная зона дома’ и системы пяти столбов внимание закономерно переносится на внутренние пространства традиционного дома, обладающие устойчивой ценностной нагрузкой. В центре анализа находятся *kicor* ‘очаг’ и *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’ как зоны, через которые особенно отчётливо оформляются нормы повседневного поведения, ритуальные действия и внутренняя организация домашнего пространства.

В этом подразделе главной целью является проследить, какие нормы и оценки закрепляются в употреблении лексем *kicor* ‘очаг’ и *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’. Обе зоны занимают важное место во внутренней организации дома, но их ценностная нагрузка различна. Поэтому материал рассматривается через устойчивые контексты и формульные выражения, где особенно хорошо видно, какие действия уместны в этих частях дома, какие статусы и роли с ними соотносятся и каким образом через них в языке выражается представление о правильном устройстве домашнего пространства [30, с. 3; 146, с. 57–59; 138, с. 237–244; 37, с. 80]. Проводится лингвоаксиологический анализ лексем шугн. *kicor*, сар. *kacúr*, руш. и хуф. *arδōn*, бр. и рош. *raδōn* ‘очаг’ и шугн. *bārnêx*, руш. *sartikānox*, хуф. *sartekinox*, барт. *sartikenöx*, рош. *odamnöx*, сар. *lɛwrnox* ‘главное возвышение вдоль стены’ на материале шугн.-руш. группы. В центре внимания находятся оценочные компоненты, закреплённые за этими номинациями, и те признаки, которые устойчиво актуализируются в типовых контекстах, формируя ценностную разметку дома.

Материал показывает, что обозначения очага в шугн.-руш. идиомах несут особенно высокую ценностную нагрузку. Очаг здесь выступает не просто как бытовой центр дома, а как точка, с которой связываются представления о тепле, порядке, устойчивости и семейной сплочённости. В эту же смысловую зону входит и выступ очага *ʒīngak* в шугн., *ʒong* в руш., *ʒaeng* в хуф., *ʒing / ʒingak* в бр., *ʒāng* в рош. В зависимости от контекста эта часть очагового пространства получает дополнительный ценностный смысл и начинает восприниматься как особо выделенная внутренняя точка дома.

Сопоставление лексем *kicor* ‘очаг’ и *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’ помогает точнее увидеть распределение ценностных акцентов внутри домовой модели. *Kicor* связан с поддержанием жизненного ритма дома, тогда как *bārnêx* соотносится с пространством пребывания и размещения, где особенно заметны нормы уважения, статуса и допустимой дистанции. Обе единицы участвуют в формировании общей аксиологической схемы жилища,

но их функции различны: *kicor* обозначает ядро домашней жизни, а *bārnêx* задаёт её социально-нормативный контур.

Языковой материал, связанный с компонентами *kicor* ‘очаг’ и *ʒīngak* ‘выступ очага’, включает 33 единицы. В них ценностные смыслы раскрываются через устойчивые сочетания, фразеологические конструкции и формулы употребления. Эти данные целесообразно группировать по семантическим полям, отражающим разные стороны аксиологической значимости очага в шугн.-руш. традиции:

***Kicor* ‘очаг’ как ценностный центр домовой модели:** В шугн.-руш. материале очаг профилируется как внутренняя точка, через которую оценивается состояние дома. Благополучие выражается не прямыми номинациями достатка, а косвенными признаками, связанными с огнём и дымом. Ср. фразеологизм *ruγan-in δud wef-and* букв. ‘у них масляный дым’, в значении ‘они живут в достатке’. К той же зоне относятся формулы *xůnā-ndīr ta yoc-en* ‘в доме нужно разводить огонь’, *čīd ta yoc gārm kiǐt* ‘дом согревается только огнём’, *as wef růʒ-and δud tīzd* ‘из их *růʒ* идёт дым’. Повторяемость компонентов *δud* ‘дым’ и *yoc* ‘огонь’ закрепляет устойчивую связку очага, огня и дыма как языковой индикатор жизнеспособности и правильного внутреннего порядка.

Нормативно-оценочная зона, наставления и запреты: Здесь фиксируется языковая регламентация поведения вокруг очага. Наставление *xu ʒīngak daryov kin* ‘окажи почесть выступу очага’ задаёт норму уважительного обращения с домовым центром. Напутствие невесте *ar čīz ca-vud to šičec xu dodʒingak ti lāk* ‘всё, что было до сих пор, оставь на отцовском выступе очага’ оформляет переход в новую семейную роль через символическое отделение прежнего статуса. Табуированные формулы *kicor tartīr ta na-ziban-en* ‘нельзя прыгать через очаг’, *kicor ti ta na-niǐp-en* ‘нельзя наступать на очаг’, *ar kicor ta tuf na-kin-en* ‘нельзя плюнуть в очаг’, *ʒīngak ti ta na-niϑ-en, yid fariǐtā joy* ‘нельзя садиться на выступ очага, это место ангела’ закрепляют очаговую зону

как область повышенной нормы, где нарушение описывается как ценностно недопустимое.

***Kicor* и *ʒīngak* ‘выступ очага’ как узел ритуальной адресации:** В этом поле очаговая зона выступает точкой, через которую оформляются обращения за пределы повседневного. Ср. *ba nůmi Xuδoy ʒīngak ti yičiz ribīdow* ‘во имя Бога поставить что-нибудь на выступ очага’ и *ba nůmi arwo ʒīngak ti yičiz ribīdow* ‘во имя духа предка поставить что-нибудь на выступ очага’. Рамка ‘во имя’ задаёт адресата и переводит действие в ритуально легитимированный регистр. Формула *murϑā bāx̌ ziwêstow* ‘вынести долю покойного’ дополняет этот ряд и показывает, что очаговая зона может включаться в сценарий восстановления нормы после события смерти.

Ритуально-магический потенциал очага: В этой группе очаговая зона включается в такие речевые и поведенческие акты, где действие у очага усиливает оценочный эффект высказывания. Конструкция *δust juktow* ‘ударять рукой’ и вариант *ʒīngak ti δust juktow* ‘ударять рукой по выступу очага’ задают жест санкционирования: речь идёт не о бытовом движении, а о действии, которое оформляет переход к воздействию через домовой центр. Это прямо выражено в формуле *damardum dirdum xu δust jukt, yid ta barakat navired* букв. ‘я ударила его или её рукой, пусть ему или ей не достанется благодати’, в значении ‘я прокляла его или её, лишив благодати’. Здесь отрицательная оценка оформляется как лишение *barakat* ‘благодати’, то есть как блокирование доступа к базовой ценности домовой модели. Противоположный вектор задаёт ритуал *barakati zêx̌tow* ‘брать изобилие и благо’: очаг и его продукты, прежде всего зола, выступают носителями позитивной оценки и используются как средство закрепления благополучия в переходной жизненной ситуации. В этой зоне *ʒīngak* ‘выступ очага’ выступает как поверхность действия, на которой закрепляются и санкция, и благословение.

***Kicor* как символ родового единства и трансляции культурной памяти:** Здесь *kicor* ‘очаг’ профилируется как пространство

межпоколенческой коммуникации. Формулы *kicor tir sůg lůvdow* букв. ‘говорить у очага сказ’, в значении ‘рассказывать предания у очага’, и *naql čīdow kicor garginūx̌ā* букв. ‘делать рассказ, обводя вокруг очага’, в значении ‘рассказывать истории у очага’ фиксируют тип социального взаимодействия, локализованного у очага. Очаг становится фокусом, вокруг которого организуется передача коллективного опыта: рассказ связывает настоящее с прошлым рода и поддерживает культурную преемственность. Высказывания *yu dis bašānd naqligār vud* ‘он был очень хорошим рассказчиком’ и *wi doδga sůglůvij Xuγnůn-and navud* ‘подобно ему сказителя в Шугнане не было’ показывают, что умение рассказывать оценивается как социально значимое качество, а сам рассказчик мыслится через включённость в очаговое пространство.

***Kicor* и *ʒīngak* ‘выступ очага’ как ценностные маркеры родины и пространственной идентичности:** В этой зоне *ʒīngak* ‘выступ очага’ репрезентирует идею своего места, через которое осмысляется принадлежность к дому и роду. Формула *dod ʒīngak* букв. ‘отцовский выступ очага’ закрепляет связь очага с линией происхождения и придаёт ему статус наследуемой опоры родовой памяти. Высказывание *ar čāy xu ʒīngak ti noz kix̌t* букв. ‘всякий у своего выступа очага волен’, в значении ‘каждый хозяин у себя дома’, задаёт очаг как пространство допустимой автономии, но внутри общего домашнего порядка. Формула *tut tulu xu nān ʒīngak tiyi* букв. ‘иди, ешь свой хлеб у своего выступа очага’, в значении ‘будь у себя дома, там безопаснее’, закрепляет за очагом значение максимальной защищённости. В совокупности эти выражения показывают, что *kicor* ‘очаг’ и *ʒīngak* ‘выступ очага’ участвуют в формировании пространственной идентичности: дом выступает как место принадлежности, а родина как расширенное очаговое пространство, где личное и коллективное связаны между собой.

Как объект религиозного почитания и мифологической защиты *kicor* ‘очаг’ и особенно *ʒīngak* ‘выступ очага’ осмысляются как сакрализованная точка дома. Именно здесь ценностное отношение к дому получает устойчивое

языковое выражение. Выражения *ʒīngak daryêftow* ‘оказать почесть выступу очага’, *ʒīngak daryov čīdow* ‘оказать почесть выступу очага’, а также *ʒīngak ti bā čīdow* ‘целовать выступ очага’ задают нормативный сценарий обращения к дому как к защищающему пространству. Эти формулы особенно значимы в пограничные моменты, когда человек выходит во внешний мир: дом в таких случаях воспринимается как источник правильного состояния, которое нужно получить перед переходом. В этот же ряд входит сочетание *duo zêx̌tow* ‘брать молитву’, где благополучие понимается как результат разрешённого и правильного обращения, а не как случайность.

Обряд *s(i)traxm weδdow* ‘зажигать благовоние’ на *ʒīngak* ‘выступе очага’ при отъезде невесты и его повторение женихом показывает тот же механизм. Очаговая зона здесь служит той точкой, через которую оформляется разрыв с прежним домом и подтверждается законность нового статуса. В языковой фиксации особенно важна именно локализация на выступе очага, поскольку ценностный смысл закрепляется за конкретной частью дома [168, с. 236–251].

Упоминание древнеиранских параллелей и авестийских текстов здесь уместно как историко-культурная опора, поскольку оно помогает объяснить устойчивость этой ценностной модели. Практики очищения огнём и благовониями поддерживают интерпретацию очага как защитного центра, а не как утилитарного объекта [2, с. 38–39, 84–86]. В результате *kicor* ‘очаг’ сохраняет высокий аксиологический статус: даже при изменении образа жизни он продолжает функционировать как знак своего и защищённого пространства, а устойчивые формулы закрепляют это значение в языковом сознании носителей.

В аксиологической разметке традиционного памирского дома *kicor* ‘очаг’ и *ʒīngak* ‘выступ очага’ соотносятся с нормами заботы, хозяйственного контроля и внутреннего благополучия, тогда как *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’ связывается со сценариями статуса, публичности и представительства. Здесь важна языковая схема распределения ответственности: разные участки дома закрепляются как нормативно

приписанные определённым ролям. Это фиксируют формулы *kicor kaxoy joy* ‘очаг, место женщины’ и *mardīnā joy pi kicor nist* ‘место мужчины не у очага’, где оценка и норма встроены в само обозначение пространства и работают как средство социального регулирования.

К этой же группе относится строительная ситуация *kicor-mīzd* ‘строить очаг’. В комментариях носителей плавное, без осложнений устройство очага воспринимается как признак хорошей хозяйки: такую женщину называют *bašānd γinik* ‘хорошая женщина’ и *xušfêl γinik* ‘правильная женщина’. Логика оценки здесь связана с тем, что очаг входит в сферу женской домашней ответственности. Поскольку именно с очагом соотносятся повседневный труд женщины и поддержание домашнего уклада, его благополучное состояние начинает восприниматься как показатель её характера, хозяйственности и способности сохранять порядок в доме.

Лексема *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’ задаёт другой тип значимости. Она обозначает зону, через которую в доме проявляются статус, уважение и социальное представительство. В употреблении *bārnêx* выступает как пространство, где демонстрируются авторитет хозяев и готовность принять других. Поэтому материал с компонентом *bār* показывает, что в семантическом окружении *bārnêx* устойчиво повторяются значения чести и статуса: через эту зону язык закрепляет нормы престижного поведения и символической открытости дома для окружающих.

Таким образом, ценностные профили *kicor* ‘очага’ и *bārnêx* ‘главных нар’ различаются по тем нормативным сценариям, которые с ними связаны. *Kicor* тяготеет к внутреннему укладу, хозяйственной ответственности и сохранению благополучия, тогда как *bārnêx* соотносится с регламентированными формами уважения, статуса и общественного признания. Внутри одной лексико-семантической системы сосуществуют разные уровни ценностной мотивации, и язык показывает, как они распределяются по внутреннему пространству дома, сохраняя общую логику культурной модели.

С лингвоаксиологической точки зрения единицы с компонентами *bār* и *bārnêx* выступают как языковые маркеры ценностной организации внутреннего пространства дома. Материал включает 12 лексических единиц, которые можно сгруппировать по смысловым категориям, отражающим устойчивые оценочные и нормативные компоненты их употребления.

В первую группу входят формулы, позволяющие восстановить ценностную связь зоны *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’ с мужской сферой как сферой статуса и публичного присутствия. Единица *čorik joy bārnêx-and* ‘место мужчины на главных нарах’ задаёт прямую интерпретацию и представляет *bārnêx* как нормативно закреплённую позицию для социально легитимированной роли. Формула *xalīfā ta bār-and nêδ-en* ‘халифа усаживают на почётном месте’ усиливает тот же смысл через сам сценарий признания: акт усаживания здесь уже выражает высокий статус адресата. Важно, что мужская интерпретация возникает не на грамматическом уровне, а на прагматическом через типичные контексты и социально ожидаемый круг участников. Тем самым *bārnêx* выступает зоной, где язык закрепляет распределение статуса и ролей внутри дома.

Во вторую группу входят единицы, в которых *bārnêx* выступает как пространство почёта и социального престижа. Материал с компонентами *bār* и *bārnêx* показывает, что эта зона в домовой модели понимается как место признания и как позиция статуса. Пребывание на *bārnêx* воспринимается как знак уважения и социального включения, поэтому решающей оказывается не физическая характеристика нар, а ценностная маркированность этого места. Особенно наглядно это проявляется в иронических употреблениях: *yu ta bār-and důnd nīϑt* ‘он усаживается только на почётном месте’ и *yu bārniχ̌īn* ‘он сидящий на почётном месте’ используются как насмешливая характеристика самовлюблённого человека. Здесь пространственная позиция переносится в сферу личностной оценки и становится знаком притязания на престиж.

В прагматике гостеприимства *bārnêx* выступает как нормативная зона правильного размещения гостя. Устойчиво употребляются формулы *bār-and*

nêδdow ‘усаживать на почётном месте’ и *bār-and nistow* ‘садиться на почётном месте’, где под *bār* фактически понимается ценностно выделенный участок *bārnêx*. Вежливостные приглашения *bār-and def nêδ-et* ‘усадите их на почётном месте’ и *as bār sifān-et* ‘усаживайтесь на *bār*, на почётном месте’ оформляют сценарий признания гостя. Показательно и высказывание *wef čid-and-um mudům bār-and nusčin vud* ‘в их доме я всегда сидел на почётном месте’, где локализация выступает индикатором устойчивого уважительного отношения со стороны хозяев. Одновременно участок *bār* воспринимается как зона повышенной нормативной обязательности: занять его без основания значит нарушить принятый порядок. В этом смысле *bārnêx* функционирует как средство домовой коммуникации, через которое выражаются иерархия, признание, дистанция и степень близости.

Ритуально-религиозная функция пространства *bārnêx*: Следующая группа единиц показывает, что *bārnêx* профилируется как зона регламентированных действий, где социально значимые события получают нормативную форму. В шугн.-руш. материале за *bārnêx* закрепляются сценарии религиозного действия, обозначаемые номинациями *madoxůni* ‘религиозное песнопение’, *duo* ‘молитва’, *niko* ‘венчание’, *cirowpiδid* ‘похоронно-поминальная церемония’. В языковом сознании *bārnêx* задаёт правильное место для таких событий, и сам локус становится опорой ритуального сценария.

Различение зон дома в этом случае удобнее описывать как распределение функций внутри актуальной модели: очаговая область связана с внутренним и семейным, а *bārnêx* с публичным и нормативно оформляемым. Для анализа лексики важно, что *bārnêx* собирает значения статуса, официальности, разрешённости и социальной легитимности действия. Поэтому формулы с *bārnêx* кодируют не предметность нар, а ценностную структуру почёта и правильного порядка в доме.

Лексемы *kicor* ‘очаг’ и *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’ в шугн.-руш. группе функционируют как ценностно нагруженные домовые

номинации: в устойчивых контекстах они маркируют не просто участок пространства *čīd* ‘дома’, а его нормативный статус. Через выбор слова и связанные с ним формулы говорящий обозначает норму, уважение и допустимость поведения, а также степень своего и чужого внутри дома. Тем самым *kicor* и *bārnêx* выступают оценочно-регулятивными единицами, поддерживающими домовую картину мира.

Сопоставление *kicor* ‘очаг’ и *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’ показывает, что внутренняя разметка дома строится как система взаимодополняющих зон. Очаговая область, включая *ʒīngak* ‘выступ очага’, связана с повседневным укладом, бережным обращением и поддержанием внутренней устойчивости. Пространство *bārnêx* оформляется как публичная и статусно маркированная зона, обслуживающая сценарии признания и социального ранжирования через рассадку, приглашение и право занимать почётное место. В пределах концепта ДОМ это различие позволяет выделить два взаимосвязанных типа ценности: заботу и внутренний порядок, с одной стороны, и признание и социальную легитимность, с другой.

Материал фразеологии и устойчивых формул показывает, что оценочность в этих зонах реализуется прежде всего прагматически. Для *kicor* ‘очага’ характерны единицы, в которых актуализируются запрет, уважение и осторожность как формы правильного поведения. Для *bārnêx* ‘главных нар’ типичны формулы приглашения и размещения, а также иронические характеристики, где ‘сидение на *bārnêx*’ становится переносным индикатором статуса или претензии на него. Тем самым аксиологическая семантика обеих лексем закрепляется не только в словарном значении, но и в типовых речевых действиях, то есть в устойчивых сценариях коммуникации.

Таким образом, лингвоаксиологическая перспектива уточняет, какие значения получают статус значимого в структуре традиционного дома. Решающими оказываются не материальные свойства объектов, а их роль в поддержании порядка, уважения и предсказуемых взаимодействий. *Kicor* ‘очаг’ и *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’ образуют два

взаимосвязанных фокуса ценностной организации дома: первый задаёт режим внутренней устойчивости и бережной нормы, второй оформляет режим признания и социальной легитимности в пределах домашнего пространства.

Выводы по главе

В семантико-когнитивном плане центральными узлами концепта ДОМ выступают элементы, маркирующие границы, переходы и внутренние точки ценностной концентрации. Порог и входная зона в шугн.-руш. материале репрезентируются как место смены статуса внутри и снаружи, свой и чужой, допущен и не допущен, а также как точка повышенной нормативной чувствительности. На этой основе формируются устойчивые сценарии интерпретации, в которых через порог оформляются отношения, дистанция, доверие, отказ, включённость и исключённость.

В прагматическом измерении показано, что домовая лексика и фразеология выполняют регулятивную функцию. Устойчивые выражения, запреты и предписания фиксируют нормы поведения на границе дома и в прилегающих зонах, задают правила контакта и распределяют роли участников ситуации. Особое место в этой системе занимает дверь, которая в шугн.-руш. материале выступает языковым показателем открытости или закрытости дома, степени доверия к внешнему миру и характера социальных отношений. Через оценку состояния двери в речи закрепляются представления о норме гостеприимства, социальной дистанции и нарушении внутреннего порядка.

Анализ лексики оберегов показал, что в шугн.-руш. языковой картине мира дом осмысляется как пространство, требующее постоянного охранительного сопровождения. Защитная семантика оформляется через три взаимосвязанных класса средств: предметные обереги, ритуально значимые действия и вербальные формулы. Охранительные практики локализуются прежде всего в уязвимых зонах дома, у порога, во входном комплексе, у верхнего проёма *růz*, в очаговой области и у внутренних опор. При этом

языковые данные фиксируют сосуществование двух пластов мотивировки: более раннего традиционного, связанного с представлениями об уязвимых точках и необходимости их укрепления, и религиозного, связанного с молитвой, благословением, коранического текстом и сакральным статусом письма. Важно, что в словесных оберегах охранительная функция нередко передаётся через многоязычную форму: арабский код придаёт высказыванию сакральный авторитет, а таджикский и местные языки связывают его с конкретной бытовой ситуацией и делают обращение понятным и действенным в повседневной практике.

Лингвокультурный анализ показывает, что ключевые лексемы, связанные с устройством дома, сохраняют представления о вертикальной организации пространства и о тех внутренних зонах, которые имеют особое нормативное значение. Пара *rūʒ* и *poygā* задаёт рамку ‘верх - низ’: верхняя точка связывается с регулируемой открытостью, ритуальным обращением, благим воздействием и одновременно с охранительным контролем, тогда как нижняя, входная зона с основанием, устойчивостью, социальным статусом и ролевыми сценариями. Система наименований пяти столбов с компонентом *sitan* передаёт внутреннюю топологию дома и закрепляет связь каждой опоры с определённой функциональной зоной. Религиозные соответствия, включая формулу *panj tani-i pok*, выступают вторичным интерпретационным слоем, который усиливает культурную маркировку опор и поддерживает нормы обращения с ключевыми точками внутреннего пространства.

Лингвоаксиологический анализ показал, что ценностная разметка дома особенно отчётливо проявляется в лексике очага и главных нар. *Kicor* и *ʒīngak* оформляют зону внутренней нормы, заботы, памяти, хозяйственной ответственности и охранительной регуляции, где запреты, наставления и ритуальные действия закрепляют режим бережного обращения с очаговым центром. *Bārnêx* профилируется как статусная и публично ориентированная зона, где через рассадку, приглашение, почётное место и ритуально значимые действия выражаются признание, дистанция, уважение и социальная

иерархия. Тем самым внутренняя организация дома предстает как система взаимодополняющих ценностных локусов, в которой одни зоны поддерживают внутреннюю устойчивость и благополучие, а другие оформляют публичную сторону домашнего мира и его нормативный порядок.

В целом Глава IV показывает, что концепт ДОМ в шугн.-руш. материале репрезентируется как система взаимосвязанных смыслов границы, защиты, порядка, центра, статуса и ценности. Семантические, прагматические, лингвокультурные и аксиологические компоненты здесь действуют совместно: через устойчивые лексемы, формулы и сценарии употребления язык закрепляет не только устройство дома, но и нормы поведения, социальные ожидания, охранительные практики и способы воспроизводства культурной памяти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило реконструировать концепт ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков как многоуровневое образование, в котором языковые структуры системно соотносятся с традиционными представлениями о пространстве жизни, родовой принадлежности, социальной организации и ценностных нормах. В ходе анализа показано, что в шугн.-руш. языковом материале ДОМ не сводится к номинации жилища: он функционирует как организующая смысловая область, через которую языковая система закрепляет модели своего пространства, правила допуска и исключения, внутреннюю иерархию, повседневные практики и их оценку.

Цель исследования, заключавшаяся в когнитивно-лингвокультурологическом осмыслении концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков и построении функциональной модели его репрезентации, достигнута. Реализованный в диссертации подход позволил согласовать системно-языковой план описания, включая лексико-семантическую организацию, устойчивые модели сочетаемости и морфологические средства, с интерпретационным планом, в который входят культурно маркированные, нормативные и аксиологические смыслы. Тем самым концепт ДОМ описан как единая, но внутренне дифференцированная структура.

Результаты первой главы показали, что для анализа концепта ДОМ в шугн.-руш. материале наиболее продуктивным является сочетание семантико-когнитивного, лингвокультурологического, фреймового и морфологического подходов. Это позволило рассматривать концепт не как изолированное значение слова, а как форму организации культурного опыта, закреплённую в системе языковых средств. Тем самым была обоснована методологическая рамка исследования, в пределах которой стали сопоставимы семантические, морфологические, прагматические и аксиологические параметры репрезентации ДОМ.

Решение задач второй главы показало, что лексико-семантическое поле концепта ДОМ обладает устойчивой внутренней организацией с выделением

ядерной зоны и многоступенчатой периферии. Ядро репрезентировано базовыми номинациями *čīd, xůnā* и *mālā*, тогда как периферийные зоны формируются за счёт экспликаторов, устойчивых сочетаний и синтаксических конструкций, в семантике которых актуализируются оценочные, культурные и религиозно-символические характеристики доменной сферы. Тем самым установлено, что языковая репрезентация ДОМ системна и отражает дом как пространство жизни, рода, хозяйства, защиты и сакрального центра.

Важным результатом семантического анализа стала реконструкция когнитивно-семантической модели концепта ДОМ, описывающей его полевую иерархию через макрополя и микрополя, а также соотношение ядерных и периферийных уровней. Представленная в диссертации модель фиксирует распределение ключевых смысловых блоков и создаёт основу для дальнейшего морфологического и лингвокультурного анализа.

Материалы третьей главы уточнили представление о том, каким образом содержание концепта ДОМ закрепляется не только на уровне лексики, но и через повторяющиеся коллокационные модели и морфологические паттерны. Показано, что основной объём номинаций и употреблений формируется в пределах базовых устойчивых моделей сочетаемости, включая суффиксальные и лексико-морфологические паттерны, тогда как многоступенчатое усложнение ограничено и носит точечный характер. Это даёт возможность описывать развитие концепта прежде всего как расширение его коллокационного профиля за счёт типичных моделей суффиксации, словосложения и сочетаний со служебными показателями.

Сопоставление моделей у трёх опорных лексем показало их функциональную неоднородность. *Čīd* как исконная номинация чаще участвует в передаче оценочных и социально-референтных значений, а также в сочетаниях, связанных с домашним кругом. *Xůnā* чаще входит в лексико-морфологические паттерны, где дом осмысляется через ситуацию, событие и функциональную характеристику пространства. *Mālā* даёт более узкий профиль и в основном поддерживает модели пространственной ориентации и

перехода, представляя дом как точку локализации и как границу входа и выхода. Тем самым уточнены отношения частичного пересечения и распределения функций между опорными номинациями внутри концепта.

Отдельный блок результатов связан с разработкой интерпретативно-семантической разметки доменной сферы: показано, что суффиксы, служебные элементы, клитики и послеложные конструкции систематически маркируют значимые признаки ДОМ, включая оценочность, пространственную ориентировку, социальную маркированность и сценарную соотнесённость, формируя устойчивую языковую разметку внутреннего пространства как своего. Интерпретация этих формальных паттернов опирается на морфологический анализ в сочетании с семантико-когнитивным подходом, тогда как когнитивная грамматика выступает вспомогательной рамкой для описания способов выражения признаков концепта ДОМ в шугн.-руш. материале.

Результаты четвёртой главы раскрыли ценностно-нормативное измерение концепта ДОМ через анализ культурно значимых зон и объектов традиционного дома. Установлено, что домовые элементы и связанные с ними номинации формируют устойчивые сценарии и нормы поведения: граница, допуск и социальная дистанция, связанные с порогом и дверью; защитно-охранные практики, представленные в системе оберегов; вертикальная и опорная разметка пространства, выраженная в противопоставлении верхней и нижней зон; внутренняя организация традиционного дома через систему пяти столбов. Показано, что домовая терминология описывает ключевые конструктивные элементы не как нейтральные части постройки, а как смысловые узлы, закрепляющие порядок, уважение, защиту и устойчивость домашнего мира.

В аксиологической перспективе выявлено, что зоны очага и главных нар обладают устойчивой ценностной нагрузкой и выступают центрами, где особенно наглядно проявляется связь пространства, нормативной регуляции и оценки повседневности и ритуала. Очаговая зона оформляет внутренний

режим дома, связанный с заботой, хозяйственным контролем, семейной памятью и охранительной нормой, тогда как зона *bārnêx* маркирует статус, признание, допустимость размещения и публичную сторону домашнего порядка. Тем самым лингвокультурологический и аксиологический анализ подтверждает, что в шугн.-руш. домовой модели ценностные смыслы не надстраиваются над предметной реальностью, а регулярно кодируются в языке через устойчивые употребления и повторяющиеся сценарии.

В совокупности полученные результаты позволяют описать концепт ДОМ в шугн.-руш. языках как многоуровневую систему, в которой предметная структура жилища, функциональная сегментация, социально-родовые отношения, повседневные практики и культурно-нормативные установки связаны между собой через повторяющиеся языковые паттерны. Предложенная в диссертации функциональная модель концепта ДОМ фиксирует эту связность и создаёт основу для дальнейшего описания доменной сферы как в синхроническом срезе, так и при изучении современных процессов семантической трансформации и изменения узуса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книги и монографии

1. Авеста. Яшт 5-й. Гимн Ардви-Суре. Перевод Стеблина-Каменского И.И. Москва, 1993. – С. 43.

2. Авеста. ‘Закон против дэвов’ (Видевдат). Перевод Э.В. Ртвеладзе и др. Санкт-Петербург, 2008. – 156 с.

3. Андреев, М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. I. / М.С. Андреев. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1953. – 247 с.

4. Андреев, М.С. Таджики долины Хуф / М.С. Андреев. Под ред. Э. Кочумкуловой. – Вып. I-II. / М.С. Андреев. Переизд. Б.: ОсОО ‘Джем Кей Джи’, 2020. -794 с.

5. Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. - Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.

6. Арнольд Ван Геннеп. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Арнольд Ван Геннеп. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – 200 с.

7. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.

8. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – XV, 895 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

9. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета, 1996. – 138 с.

10. Бабушкин, А.П. Когнитивная лингвистика и семасиология. Монография / А.П. Бабушкин, И.А. Стернин. – Воронеж: ООО ‘Ритм’, 2018. – 229 с.

11. Байбурин, А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурин. Л.: - Наука, 1983. – 191с.

12. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре (Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов) / А.К. Байбурин. – СПб.: - Наука, 1993. – 253 с.

13. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Балли. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.

14. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.

15. Баранов, А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

16. Больдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н.Н. Болдырев. - Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 185 с.

17. Бубнова, М. А. История изучения древних памятников // История Горно-Бадахшанской автономной области. Т. 1: С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе, 2005. – С. 16–33.

18. Бубнова, М. А., Коновалова Н. А. Древние солнечные календари Памира / М. А. Бубнова, Н. А. Коновалова // Памирские экспедиции: статьи и материалы полевых исследований. – М., 2006. – С. 170–209.

19. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 296 с.

20. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов / Под. ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.

21. Воркачев, С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: Опыт лингвокультурологического анализа / С.Г. Воркачев. - Краснодар, 2002. – 142 с.

22. Воркачев, С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. – Краснодар, 2009. – 648 с.

23. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.

24. Дзюба, Е.В. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие для высших учебных заведений / Е.В. Дзюба. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. – 280 с.

25. Давлатмирова, М. Б. Национально-специфические особенности макроконцепта ‘Судьба’ в различных лингвокультурах (на материале таджикского, арабского и языков шугнано-рушанской группы): монография. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 180 с.

26. Замятин, К. Как и зачем сохранять языки народов России? / К. Замятин, А. Пасанен, Я. Саарикиви. – Vammala: Vammalan Kirjapaino Oy, 2012. – 180 с.

27. Зарубин, И.И. Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги // В.В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент: Из-во Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за ее пределами, 1927. – 556с.

28. Зигмунд Фрейд. Тотем и табу: психология первобытной религии и культуры / пер. под ред. проф. И.Д. Ермакова. – Москва: Мосполиграф, 1923. – 170 с.

29. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник / Е.И. Зиновьева. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.

30. Ивин, А. А. Аксиология: учеб. пособие /А.А. Ивин. – М.: Высшая школа, 2006. – 390 с.

31. Искандарова, Д. М., Гулова З. А., Давлатмирова М. Б. [и др.]. Исследование толерантности в молодёжной среде Таджикистана (лингвистические аспекты). – М.: Издательский дом ‘Академия Естествознания’, 2016. – 142 с.

32. Карамшоев, Д. К. Баджувский диалект шугнанского языка / Д. К. Карамшоев. – Душанбе: Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1963. – 365 с.

33. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

34. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

35. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое структурирование тезауруса литературного языка / Ю.Н. Караулов. - М.: Наука, 1981. - 363 с.

36. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. 7-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

37. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

38. Красных, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Красных. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.

39. Кубрякова, Е.С. Избранные труды / Е.С. Кубрякова. – М.: Изд-во ‘Наука’, 1990.

40. Кубрякова, Е.С. Понятие концепта: “оперативная содержательная единица… квант знания”. Избранные научные публикации по когнитивной лингвистике / Е.С. Кубрякова, 1996. – 245 с.

41. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

42. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

43. Мамадшерзодшоев, У., Диловаршоев М., Донаерова С. Дуоҳо ва фотеҳаҳои исмоилиен. Душанбе: Пайеми ошно, 2015. – 160 с.

44. Маслов, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслов. – Москва: Флинта, Наука, 2011. – 293 с.

45. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов / Ю.С. Маслов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.

46. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика. Учебное пособие / В.А. Маслова. – Минск: Тетра-Системс, 2004. – 256 с.

47. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Акад. изд-во ‘Академия’, 2001. – 208 с.

48. Муравьев, В.Л. Лексические лакуны / В.Л. Муравьев Владимирский государственный педагогический институт им. П.И. Лебедева-Полянского, 1975. – 97 с.

49. Мэри Бойс. Зороастрийцы. Верования и обычаи. - Санкт-Петербург, 1994. - 288 с.

50. Назаршоева, Ч.Р. Этнолингвистическое освещение лексики родильного обряда (на материале шугнанского языка) / Ч. Назаршоева. - Душанбе: Эр-граф, 2022. -200 с.

51. Некушоева, Ш.С. Монография. Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно-бытовой лексики (на материале шугнано-рушанской группы языков) / Ш.С. Некушоева. – Душанбе: Эр-граф, 2019. – 175 с.

52. Неменова, Р.А. Шугнанский язык. Очерк грамматики и текст с переводом Р.А. Неменова. - М.– Л.: Издательство АН СССР, 1963. – 212 с.

53. Пименова, М.В. Предисловие / Введение в когнитивную лингвистику / Под ред. М.В. Пименовой. Вып.4. Кемерово, 2004. – 208 с.

54. Пирс, Ч.С. Избранные философские произведения / пер. с англ.; под ред. А. П. Огурцова / Ч.С. Пирс. – Москва: Логос, 2000. – 448 с.

55. Плотникова, А.М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений): монография / А.М. Плотникова. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2009. – 555 с.

56. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика: учеб. издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ; Восток Запад, 2007. – 226 с.

57. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 191 с.

58. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - Воронеж: изд-во ‘Истоки’, 2007. - 250 с.

59. Потапова, О.Е. Вербальная репрезентация концепта. Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой картины мира (на материале ЛСП ‘море’): монография / О.Е. Потапова. – Чебоксары: ИД ‘Среда’, 2020. – 164 с.

60. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2008. – 448 с.

61. Семёнов, Ю. И. Происхождение брака и семьи. – М. : Мысль, 1981. – 352 с.

62. Серебренникова, Е. Ф. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 2011. – 312 с.
63. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / пер. с фр. и примеч. А.С. Сухотина; вступ. ст. Р. О. Шор. – Москва: Прогресс, 1977. – 272 с.
64. Стеблин-Каменский, И. М. Очерки по истории лексики памирских языков: названия культурных растений / И. М. Стеблин-Каменский. – Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. – 167 с.
65. Стернин, И.А. Методы исследования семантики слова / И.А. Стернин. – Ярославль: 'Истоки', 2013. – 33 с.
66. Телия, В.Н. Фразеология как объект лингвистического исследования / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 247 с.
67. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. - М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
68. Толстой, Н.И. Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. – М.: Языки славянской культуры, 1997. – 520 с.;
69. Токарев, С.А. Ранние формы брака и семьи. – М. : Наука, 1964. – 320 с.
70. Урбие – Йонгблуд, Э. (Enrique Uribe – Jongbloed). – 2007.
71. Уфимцева, А.А. Опыт описания лексики как системы / А.А. Уфимцева. - М.: Наука, 1962. - 133 с.
72. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка /А.А. Уфимцева. - М.: Наука, 1968. – 272 с.
73. Хайруллин, В.И. Языковая избирательность и высказывание / В.И. Хайруллин. - М., 2011. – 144 с.
74. Шанский, Н.М. Современный русский язык / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. -М., Просвещение. – 1987. -256 с.
75. Шишов, А.П. Таджики: этнографическое исследование / Подготовка текста и комментарий Кадира Рустама. – Алматы, 2006. – 392 с.
76. Шохуморов, А. Памир – страна ариев / А. Шохуморов. – Душанбе: Ирфон, 1997. – 208 с.
77. Юсуфбеков, Ш. Шогуни баҳор / Ш. Юсуфбеков, А. Шоинбеков. – Душанбе: Эр-Граф, 2019. – 216 с.
78. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронежский межрегиональный институт общественных наук / науч.ред.: З.Д. Попова, И.А. Стернин. - Воронеж: Воронежский гос. университет, 2002. – 313 с.
79. Berger, P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. – New York: Anchor Books, 1966. – 243 p.

80. Carroll, J. B. (ed.). Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. – Cambridge, MA: MIT Press & Wiley, 1959. – 278p.
81. Cifuentes-Férez, P. Motion in English and Spanish: A Perspective from Cognitive Linguistics, Typology and Psycholinguistics. Ph.D. thesis. – Universidad de Murcia, 2008. – 480 p.
82. Evans, V., Green, M. Cognitive Linguistics: An Introduction. – 2nd ed. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 848 p.
83. Fauconnier, G. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. –New York: Basic Books, 2002. – 464 p.
84. Fauconnier, Gilles. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge University Press, 1994, – 240 p.
85. Kövecses, Zoltán. Metaphor: A Practical Introduction. 2-е изд. / Zoltán Kövecses. - Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. - xx, 375 с.
86. Lakoff, G. and Johnson M. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. N.Y.: Perseus Books – 1999. – 624 p.
87. Lakoff, G., & Johnson, M. Metaphors We Live By. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
88. Lakoff, George. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. 632 pp.
89. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I: Theoretical Prerequisites. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – 540 p.
90. Langacker, R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 573 p.
91. Manova, S., Grestenberger L., Korecky-Kröll K. (eds.). Diminutives across Languages, Theoretical Frameworks and Linguistic Domains. – Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2024. – 454 p.
92. Murdock, G. P. Social Structure. – New York: The Macmillan Company, 1949. – 387 p.
93. Olufsen, O. Through the Unknown Pamirs: The Second Danish Pamir Expedition 1898–99. – London: William Heinemann, 1904. – 229 p.
94. Parker, C. A grammar of the Shughni language: doctoral dissertation / Clinton Parker; Department of Linguistics, McGill University. – Montreal (QC, Canada), 2023. – 567 p.
95. Radcliffe-Brown, A. R. Structure and Function in Primitive Society**.** – London: Cohen & West, 1952. – 238 p.,
96. Sapir, E. Language: An Introduction to the Study of Speech. – New York: Harcourt, Brace & Company, 1921. – 258 pp.
97. Talmy Leonard. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1–2. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – 565 pp.

98. Taylor, John R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. 2nd ed., Clarendon Press, 1995, p. 21.
99. Tuan, Y.-F. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, - 1977. – 235 p.
100. Turner, Mark. The Literary Mind: The Origins of Thought and Language. Oxford University Press, 1996. – 208 p.
101. Vygotsky, L. S. Thought and Language. Rev. and ed. by A. Kozulin. – Cambridge, MA: MIT Press, 1986. – 342 p.
102. Whorf, B. L. Language, Thought and Reality: Selected Writings. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1956. – 278 p.
103. Wierzbicka, A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 328 p.

Материалы конференций и сборники статьей (журналы)

104. Адоньева, С.Б. ‘Я’ и ‘Ты’ в ритуальном тексте: ситуация границы / С.Б. Адоньева // Пограничное сознание: пограничная культура (Альманах ‘Канун’). Вып. 5 / сост. В.Е. Багно, Т.А. Новичкова. – СПб.: РАН, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом), 1999. – С. 47–74.
105. Ангелова, М.М. ‘Концепт’ в современной лингвокультурологии / М.М. Ангелова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. – Вып. 3. – М., 2004. – С. 3–10.
106. Антонова, Н.А. Современный памирский дом и календарно-астрономические представления памирцев / Н.А. Антонова, Н.А. Дубова, М.Н. Наврузбекова, М.Г. Никифоров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2023. - № 3 (62), - С. 170-181.
107. Артамонова, Т.С. Процессы контактирования языков: билингвизм, переключение кода / Т.С. Артамонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. 1. – Тамбов: Грамота. - 2016. – № 4(58). – С. 51–55.
108. Аскольдов-Алексеев, С.А. Концепт и слово // Русская словестность: Антология / Под ред. В.Н. Нерозанака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-280.
109. Бахтуева, Е.С. Национальный корпус языка как инструмент филологической топологии / Е.С. Бахтуева // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. трудов. Вып. 2. 2022.
110. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 18–36.
111. Болдырев, Н.Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 5–25.

112. Быстрова, А.Н. Проблема границ в культуре / А.Н. Быстрова // Культурология. Искусствоведение. Омский научный вестник. – 2013. - № 2 (116). – С. 253-257.
113. Быстрова, Я.В. Символика строения дома. Социокультурный смысл / Я.В. Быстрова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Вып. 4. - 2015. – С. 102-111.
114. Васильев, Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. - 1971. - № 5. - С. 105-113.
115. Васильцов, К. С. ‘Алам-и сагир’: к вопросу о символике традиционного памирского жилища // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. 2 / отв. ред. Р. Р. Рахимов, М. Е. Резван. – СПб.: Кунсткамера, 2008. – С. 150–179.
116. Васильцов, К. С. Образ горного козла (нахчира) в мифологии и религиозных представлениях горцев Западного Памира // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 152–169.
117. Васильцов, К. С. Природные места поклонения на Западном Памире и их связь с пространством традиционного дома // Памир: этнокультурные исследования. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 75–93.
118. Ведина, Т.И. Этнолингвистика, аксиология и словообразование / Т.И. Ведина // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. – М.: Индрик, 1998. Т I. – С. 39-48.
119. Вежбицкая, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицкая // Русский язык в научном освещении. – 2002. -№ 2(4). - С. 6–34.
120. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. - С. 162– 189.
121. Воейкова, М. Д. Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления // Вопросы языкознания. – 2020. – № 5. – С. 38–56.
122. Воркачев, С.Г. Концепт как ‘зонтиковый термин’ / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М., 2003. – С. 5-12.
123. Гаджиева, Н.А. Стереотипные средства выражения категории ‘сочувствие’ в социально-бытовом дискурсе (на материале лезгинского и русского языков) / Н.А. Гаджиева, Я.Р. Ярова / Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2015. - № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. - С. 57-60.
124. Гудков, Д.Б. Эссе о границе / Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 22. – М.: - Макс-Пресс, 2002. – С. 51-58.
125. Гусева, А.Е. Лингвокогнитивное моделирование как понятие и явление / А.Е. Гусева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 2 (015).

126. Додыхудоева, Л.Р. Этнолингвистический словарь: “дом”, “жилье”; “хозяйство” / Л.Р. Додыхудоева // Малые языки и традиции: Существование на грани. Вып. I. – М., 2005, - С. 210-247.
127. Евсеева, И.В. Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной – именем соматического объекта: фреймовое устройство / И.В. Евсеева // Вестник ИГЛУ. - 2013. - №1. –С. 33-41.
128. Иванова, С.В. Дом глазами русских и англичан / С.В. Иванова // Концепт: философия, религия, культура. – 2019. – № 1 (9). – С. 46–53.
129. Искандарова, Д. М. Исследование ассоциативного поля толерантности в молодежной среде Таджикистана / Д. М. Искандарова // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 8-3. – С. 389–390.
130. Искандарова, Д. М. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании / Д. М. Искандарова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2023. – № 3 (81). – С. 58–70.
131. Искандарова, Д. М. Национальный корпус таджикского языка как инструмент лингвистических исследований / Д. М. Искандарова // Казанская наука. – 2021. – № 1. – С. 94–97.
132. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / под ред. М. И. Лисиной. – Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16.
133. Кузьминова, И.А. Проблемы лингвокогнитивного изучения культуры как модели языка и значения как модели культуры / И.А. Кузьминова // Гуманитарные и социальные науки. Филология. – 2011. – № 5. – С. 108-114.
134. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. РАН – СЛЯ. - 1993. - № 1. – С. 3-9.
135. Маклакова, Е.Н. О понятии лингвокультуралогической специфики значения слова / Е.Н. Маклакова // Текст. Дискурс. Картина мира. – Воронеж, 2011. – Вып. 7. – С. 3–10.
136. Манджиева, Ц.Д. Методы ревитализации языков / Ц.Д. Манджиева // Вестник Калмыцкого университета. – 2021. – № 4(52). – С. 74–81.
137. Назарова, З. Памирский дом в контексте культуры / З. Назарова // Научный альманах. Традиционная культура, февраль 2009. - № 2. - С. 48-57.
138. Наумова, Н.Г. Система ценностей человека как объект лингвистического исследования / Н.Г. Наумова // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 1. – С. 237–244.
139. Некушоева, Ш.С. Ситуативное применение синонимичных единиц относительно понятия ‘дом’ / Ш.С. Некушоева // Известия АН Республики Таджикистан. Серия Филология и востоковедение. – 2010. - № 2. - С. 95-111.
140. Некушоева, Ш.С. Философско-культурные аспекты объективации *růʒ* и *poygā* в памирских языках // Известия НАНТ. 2022. №4 (269). С. 217–223;

141. Некушоева, Ш.С. Вербальная репрезентация порога в шугн.-руш. группе памирских языков // Topical Areas of Fundamental and Applied Research XXV. Morrisville, NC: Lulu Press, Inc., 2021. С. 115–131;
142. Некушоева, Ш.С. Лексико-словообразовательные гнезда с вершиной *čīd* и *xůnā* (на материале памирских языков) / Ш.С. Некушоева // Вестник Бохтарского государственного университета. – 2022. - №3. – С. 93-110.
143. Некушоева, Ш.С. Лингвоаксеологические аспекты двух лексем в шугн.-руш. группе памирских языков / Вестник (ТНУ). Серия филологические науки, №10, 2024. – С. 191–199.
144. Никитин, М.В. Развернутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
145. Николаева, Т.М. Качественные прилагательные и отражение картины мира / Т.М. Николаева // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983. - 235-244.
146. Павлов, С.Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект / С.Г. Павлов // Вестник Минского университета. – 2013. – № 2. – С. 57–59.
147. Плунгян, В.А. Корпусная лингвистика: теория vs методология / В.А. Плунгян // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика. - 2021. - № 1. - С. 105–122.
148. Потураева, Е.А. Метафорические обозначения концепта ‘Дом’ в русской языковой картине мира / Е.А. Потураева // Язык и культура. – 2010. – № 1 (9). – С. 58–73.
149. Радзиевская, С.А. Концепт ДОМ в поэтических текстах: новые пути познания / С.А. Радзиевская // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2010. - № 1. – С. 63-70.
150. Рахилина, Е. В. Система глаголов движения вниз в шугнанском языке / Е. В. Рахилина, Ш. С. Некушоева // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. 16, № 1. С. 579–608.
151. Рахилина, Е. В. К истории понятий: лингвистический ракурс. Шугнанское ПРЯТАТЬ / Е. В. Рахилина, Ш. С. Никушоева, Е. Е. Арманд // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 6. С. 69–78.
152. Резникова, Т. И., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2020. Т. XVI. № 1. С. 9-63.
153. Резван, М.Е. Овеществленное Слово: талисман, обереги, амулеты / М.Е. Резван // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН© МАЭ РАН. - С. 41-70.

154. Санников В. З. Об оценочных суффиксах русского языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2018. – Т. 77, № 5. – С. 5–21.
155. Смирницкий, А.И. К вопросу о слове (проблема ‘тождества слова’) / А.И. Смирницкий // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 4. – М.: Наука, 1954. — С. 3–49.
156. Спиридонова, Н. Ф. Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58, № 2. – С. 13–22.
157. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 58–65.
158. Стернин, И.А. О понятии лингвокультурной специфики языковых единиц // Язык, словесность, культура. – 2011. - №1. – С. 8-22.
159. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
160. Теория метафоры: Сборник: Пер. с анг., фр., нем., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. - М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
161. Тихонов, А.Н. Границы и структура лексико-семантического поля / А.Н. Тихонов // Теория поля в современном языкознании. Тезисы докладов научно-теоретического семинара. Часть III. – Уфа, 1994. – С. 3-7.
162. Толстая, С. М. Категории родства в традиционной культуре: лингвистический аспект // Славянское языкознание. – М.: Наука, 1993. – С. 210–225.
163. Толстая, С.М. Семья и род в традиционной культуре: лингвистические и культурные аспекты // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. – М.: Индрик, 2000. – С. 145–162.];
164. Филин, Ф.П. О новом толковом словаре русского языка / Ф.П. Филин // История советского языкознания. - М.: Высшая школа, 1981. - С. 255-260.
165. Шамбезода, Х. Дж. Язык или диалект: споры вокруг шугнано-рушанской группы памирских языков / Х. Дж. Шамбезода // Вестник университета. 2018. № 3(63). С. 127–135.
166. Шумилова, А.А. Лексическая синонимия: традиционное и когнитивное видение проблемы / А.А. Шумилова // Вестник Челябинского государственного университета. - 2009. - № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. - С. 144–148.
167. Шустова, С.В. Концептуальное поле в современной лингвистической парадигме / С.В. Шустова, Е.В. Исаева, Е.О. Зубарева // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. - №3. – С. 17-26.

168. Юсуфбекова, З. Свадьба в нутрии одной большой семьи в Шугнане / З. Юсуфбекова // Памироведение. Вып. II. – Душанбе, 1985. – С. 236-251.
169. Boyer, P., & Liénard, P. (2020). Ingredients of 'rituals' and their cognitive underpinnings. Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences, 375(1805), Article 20190439. doi:10.1098/rstb.2019.0439
170. Bybee, J. L. From usage to grammar: the mind's response to repetition // Language. – 2006. – Vol. 82, № 4. – P. 711–733.
171. Dressler, W. U., Merlini Barbaresi L. Morphopragmatics of diminutives and augmentatives: On the priority of pragmatics over semantics // Perspectives on Semantics, Pragmatics, and Discourse: A Festschrift for Ferenc Kiefer / ed. by I. Kenesei, R. M. Harnish. – Amsterdam: John Benjamins, 2001. – P. 43–58.
172. Iskandarova, D., Imomzoda, M. Phraseological Units that Represent Concept of "Oila" in Tajik Language // Proceedings of the International Conference "Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (TPHD 2018). – Paris: Atlantis Press, 2019. – P. 168–174.
173. Fillmore, C. J. Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm: Linguistic Society of Korea – Seoul: Hanshin Publishing Company, 1982. – C. 111–137.
174. Fillmore, C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone // Language. – 1988. – Vol. 64, № 3. – P. 501–538.
175. Fillmore, Charles J. (1976). Frame Semantics and the Nature of Language. In 'Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech', Vol. 280(1), pp. 20-32.
176. Hilpert, M., Diessel, H. Entrenchment in Construction Grammar // Entrenchment and the Psychology of Language Learning: How We Reorganize and Adapt Linguistic Knowledge / H. J. Schmid – Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2017. – C. 57–74.
177. Hobson, Nicholas M., Juliana Schroeder, Jane L. Risen, Dimitris Xygalatas, Michael Inzlicht. 2017. The Psychology of Rituals: An Integrative Review and Process Based Framework. Personality and Social Psychology Review, 21(2): pp. 114–139.
178. Jurafsky, D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive // Language. – 1996. – Vol. 72, No. 3. – P. 533–578.
179. Katz, J. J., & Fodor, J. A. The Structure of a Semantic Theory. // Language, Vol. 39, No. 2 (1963), pp. 170–210.
180. Kramsch, C. Third Culture and Language Education // In V. Cook & L. Wei (Eds.). Contemporary Applied Linguistics: Vol. 1. Language Teaching and Learning. – London: Continuum, 2011. – P. 233–254.
181. Kramsch, Claire. Language and Culture. AILA Review, Volume 27, Issue 1, Jan 2014, - P. 30 –55.

182. Lucy, J. A. Linguistic Relativity // Annual Review of Anthropology. – 1997. – Vol. 26. – P. 291–312.
183. Mirjalilova, M. Linguo-cognitive and linguo-cultural analysis of the English phraseological units with the fire component / Bulletin of Science and Practice. - T. 6. №4. 2020. –P. 532-535.
184. Morgan, Lewis Henry. Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family. – Washington: Smithsonian Institution, 1871. – 590 p.
185. Rosch, E. Principles of categorization // Cognition and categorization / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.
186. Sapir, E. Language: An Introduction to the Study of Speech. – New York: Harcourt, Brace & Company, 1921. – 221 p.
187. Shaklein, V.M., Karelova M. A., Mikova S.S., Deryabina S.A., Mitrofanova I.I. Linguo-Cultural Concept in Describing Linguo-Cultural Situation // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). – 2019. – Vol. 76. – P. 1462–1468.
188. Sinha, C. Culture in Language and Cognition // In: Xu Wen, Taylor J. R. (Eds.). The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics. – London: Routledge, 2021. - 301-304.
189. Talmy, Leonard (1983). How Language Structures Space. In Pick, H.L. Jr. & Acredolo, L.P. (Eds.), Spatial Orientation: Theory, Research and Application (pp. 225-282). New York: Plenum Press.
190. Wierzbicka, Anna. 2002a. “Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and Its Applications.” Ethos 30(4): 401–432.
191. Wierzbicka, Anna. 2006b. English: Meaning and Culture. Oxford: Oxford University Press.
192. Solodilova, I.A., Gulyayeva, I.V., Ivanova, L.V. (2020). Lexico-Grammatical And Derivational Language Units In Linguo-Cognitive Aspect Of Study. В сборнике: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (Vol. 83, pp. 590-599).

Диссертации и авторефераты

193. Иванова, С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц. дис. … д-ра филол. наук. – Уфа, 2004. – 364 с.
194. Балашова, Е. Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и английском языковых сознаниях: автореф. дисс. … канд. филол. наук: – 10.02.19/ Балашова Елена Юрьевна. - Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2004. – 26 с.
195. Давлатмирова, М. Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта ‘Судьба’ (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): автореф. дисс. … д-ра филол. наук / М. Б. Давлатмирова. – Душанбе, 2019. – 51 с.

196. Иматшоева, М.Б. Выражение цветообозначения в разносистемных языках (на материале шугнано-рушанской группы языков, таджикского и английского языков): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Иматшоева Мунира Бандишоевна. –Хорог, 2010. – 26с.

197. Каримова, Н. И. Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков): дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20 / Каримова Наргис Ильхамбековна. – Душанбе, 2019. – 451 с.

198. Мухторов, З. М. Структура и семантика текста: сопоставительный анализ на материалах таджикского и русского языков: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20 / Мухторов Зайнидин Мухторович. – Душанбе, 2013. – 334 с.

199. Потапова, О.Е. Лексико-семантическое поле ‘море’ как фрагмент русской языковой картины мира: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Потапова Ольга Евгеньевна. – СПб., 2012. – С. 25.

200. Слепцова Е.В. Концепт ДОМ в русской языковой картине мира и в театралогии ‘братья и сестры’: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Слепцова Екатерина Вячеславовна. - Владивосток, 2009. – 23 с.

201. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2004. – 39 с.

202. Сабирова, С. Г. Когнитивно-сопоставительное моделирование экономического дискурса (на материале таджикского, английского и русского языков): дис. … д-ра филол. наук / Сабирова Сановбар Ганиевна. – Душанбе, 2024. – 506 с.

203. Фесенко, Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 1999. – 364 с.

204. Шамбезода Х. Дж. Функционирование бесписьменного языка малой народности в условиях полиэтнического социума (на материале шугнанского языка в таджикско-русском окружении): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2007.

Словари и энциклопедии

205. Джураев, Р. Этимологияи 100 калима. – Душанбе, 1985. – 78с.

206. Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. – Москва, Ленинград. – Изд-во Акад. наук СССР. 1960.

207. Карамшоев, Д. Шугнано-русский словарь. Т. I. – М.: Наука, 1988. – 576 с.

208. Карамшоев, Д. Шугнано-русский словарь, Т.2. – Москва, Наука. 1991. - 615 с.

209. Карамшоев, Д. Шугнано-русский словарь, Том 3. - Москва: Восточная литература РАН, 1999. - 568 с.

210. Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина, Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. - 245 с.
211. Кузнецов, А.М. Поле // Языкознание. Большой энциклопедический словарь // гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 380–381.
212. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - 4-ое изд. - М., 1992. – 2314 с.
213. Пахалина, Т.Н. Сарыкольско-русский словарь, М., 1971. с.39.
214. Розенфельд, А.Е. Шугнанский язык. Тексты и словарь. М.– Л.: Издательство АН СССР, 1950. – 248 с.
215. Славянская мифология: энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой. – М.: Международные отношения, 1995. – 416 с.
216. Соколова, В.С. Бартангские тексты и словарь. – М., Ленингр. отд. изд.-во АН СССР, 1960. – 194 с.
217. Соколова, В.С. Рушанские и хуфские тексты и словарь. - М., Ленингр. отд. изд.-во АН СССР, 1959. – 334 с.
218. Стеблин-Каменский, И.М. Этимологический словарь ваханского языка. – СП (б), 1999. – 480 с.
219. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 824 с.
220. Тихонов, А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. – Москва: Культура и традиции. 1996. - 578 с.
221. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка). Т I. – Душанбе, 2008. – 412 с.
222. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка). Т II, - Душанбе, 2008. – 445 с.
223. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / Зери таҳрири Д. Саймиддинов, С.Д. Холматова, С. Каримов. –Душанбе: Пайванд, 2006. – 669 с.

Электронные ресурсы

224. Hebrew is not dead [Электронный ресурс]. – URL: https://nplus1.ru/material/2019/07/04/Hebrewnotdead (дата обращения: 12.10.2023).
225. https://conceptnet.io
226. https://framenet.icsi.berkeley.edu/ [Электронный ресурс].
227. https://wordnet.princeton.edu/
228. URL: https://www.pamiri.online. Pamiri.online – онлайн-лексикографический ресурс по памирским языкам и онлайн корпус.

229. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <URL>. – Дата обращения: 28.02.2026;

230. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <URL>. – Дата обращения: 28.02.2026

231. Кочнова, К.А. Дифференциация понятия ‘лексико-семантическое поле’ в рамках изучения языковой картины мира // Филология и литературоведение. 2015. № 5. [Электронный ресурс]. URL: http://philology.snauka.ru/2015/05/1370

232. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/ocherk_po_philos/13.pdf (дата обращения: 19.07.2023) //

233. Некушоева, Ш.С. Концепт ДОМ в шугнанской языковой картине мира // Отдел культурного наследия и гуманитарных наук Высшей Школы развития Университета Центральной Азии. Научный доклад. - №7. – 2020. - 38с. Доступно на английском и русском языках на сайте https://ucentralasia.org/Research/ResearchPapers

234. Энциклопедия ‘Кругосвет’ [электронный ресурс]. – Москва: ООО ‘Кругосвет’, 2000–. – Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/

235. https://islam.global/verouchenie/koran/sura-1-al-fatikha-otkryvayushchaya-koran- (дата обращения: 10.05.2022)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Сопоставительные фреймовые модели, используемые при анализе концепта Дом (по данным FrameNet, с авторской адаптацией)

Фрейм	Определение (Definition)	Ключевые элементы (Frame Elements)	Лексические единицы (Lexical Units)	Особенности / Целевой акцент
Residence	Ситуация, при которой некий человек живет в определенном месте в течение длительного времени	*Resident, Location, Co-resident, Duration, Time, Reason*	*live.v, dwell.v, reside.v, inhabit.v, home.n*	Базовый фрейм проживания. Подходит для описания места жительства как факта.
Home	Обстановка, которая воспринимается как свое место, с эмоциональной, семейной и культурной связью	*Inhabitant, Structure, Purpose, Instrumental_roles, Feelings*	*home.n, homely.a, homesick.a*	Подчеркивает эмоционально-культурную и идентификационную значимость *дома* как «своего» пространства.
Dwelling	Структура, в которой люди живут	*Structure, Occupant, Location, Materials, Duration, Size*	*dwelling.n, hut.n, cabin.n, shack.n, residence.n*	Сосредоточен на здании и его физических характеристиках. Уместен для архитектурного/материального аспекта.
Residence change	Перемещение человека из одного места жительства в другое	*Resident, Source, Goal, Manner, Time, Reason*	*relocate.v, move.v, resettle.v*	Указывает на динамику изменения места жительства. Может быть полезен для анализа миграции, возвращения в родной дом и т.д.

***Составлен автором на основе FramNet**

Таблица 2

Результаты анкетного исследования по употреблению исконных и заимствованных номинаций элементов традиционного дома

№	Исконное слово и количество ее использования	Заимствованное слово и количество ее использования	Перевод на русский
1	*wiδům – 40*	*потолок* (рус.) - 45	потолок

2	*luk – 11*	*qulf* (араб.) - 74	замок
3	*sůlak – 2*	-	заслонка (камень у очага)
4	*lêr – 0*	*полка* (рус.) - 85	полка (подставка для книг)
5	*rêx̌ – 8*	*шкаф* (рус.) - 77	ниша, углубление в стене
6	*pušdā – 0*	-	отверстие под кладовкой
7	*pasāk – 7*	-	помещение перед хлевом
8	*x̌ilā – 25*	*werūnā* (тадж.) - 60	руины, разрушенное помещение
9	*dišīd – 42*	*крыша* (рус.) - 43	крыша, кровля
10	*parδīr – 9*	*dewol, burj* (тадж.) - 76	стена, забор

*** Составлено автором на основе онлайн ресурса Pamiri.online и результата анкетирования**

Таблица 3

Распределение лексем *čīd, xůnā, mālā* ‘дом’ в типовых ситуативных контекстах (ядерная зона концепта ДОМ)

№	Предложение	Синонимическое поле		
		Čīd	***xůnā***	***mālā***
1	*Wef* _____*-(y)and γām*. - У них в доме траур.	43	7	-
2	*Tar* _____*-en ded xu nost-en*. – Вошли в дом и уселись	48	-	2
3	*Mu* ____- *(y)and disga gāp nist*. – В моем доме нет таких разговоров.	44	6	-
4	*Dāδ ta tar xu* _____ *qadam δed nalāk-en*. – Они в свой дом не пускают никого.	43	7	-
5	*Tar* _____ *deδ-et*! – Заходите в дом!	41	-	9
6	*Wef* _____*- (y)and osoyax̌i*. – У них в доме покой	45	5	-
7	*Subůnullo-yaδ-i γal as* _____*-(y)and xu ca binéšč*. – Еще раним утром он покинул дом.	46	-	4
8	*Xu* _____*-(y)en obod čūd*. – Они привели в порядок свой дом.	41	9	-

9	_____*-aϑ wef-and nist*. – У них даже дома нет.	39	6	5
10	*Mu ziryot-en-en wi* _____- (*y*)*and γullā sat*. – Мои дети выросли в его доме.	46	4	-
11	*Čīd buzurg joy* – Дом святое место.	50	-	-
12	*ǩůmardam tar* _____ *firīpt*. К вечеру дошли до дома.	37	2	11
13	*Naw* _____*-en xurd mizd, čī(d)dedi-yam vad*. (Они) построили себе новый дом, мы ходили на новоселье.	27	9	14
14	*Sabrāli* _____*-en δod*. Ограбили дом Сабрали.	33	6	11
15	*Soro xu čīd čidīr δīd* – Соро чистит свой дом (от сажи).	49	-	1
16	*Yu kud tar* _____ *dedow na-lākiǩt*. Собака не пускает в дом.	35	3	12
17	*Kina* _____ *čuk δod*. Старый дом (потолок) обрушился.	50	-	-
18	*Mu dod* _____ *sar tīr*. Папин дом на самом верху.	43	7	-
19	_____ *mīzd-and-en doyim xuδoyi čūd.* Раньше при постройке дома совершали жертвоприношение.	42	2	6
20	*Rīxti wef čad-en δod* – Лавина снесла их дома.	46	2	1
21	*Tar* _____ *čakak.* В доме капает (с потолка)	49	-	1
22	*As be* _____*-i yu mudům sargarδůn vud.* Из-за бездомности он всегда скитался	39	-	11
23	*Māš* _____*-en-i ustod Mīrik mīzd* – Наши дома построил мастер Мирик.	50	-	-
24	*Wef* _____ *torikistůn.* В их доме темно.	39	2	9
25	*Tar wef* _____ *kūdak sodoδ nist.* В их доме нет детского голоса.	37	9	4
26	*Katanak-i* _____ *ta peǩc-en*. Старшего дома спрашивают.	-	50	-
	Xu _____*-ta nigābůniyen.* Свой дом нужно беречь.	35	15	-
28	*Māš* _____*-anden tar memůn fekwaxt xuš.* В нашем доме гостям всегда рады.	43	8	-

29	*Uzum xu _____ ti dargil.* Я скучаю по своему дому.	42	8	-
30	*Fukaϑen tar _____ xĕvʒin vad.* Все во доме спали.	46	-	4
31	*Wāδen ded tar _____ xu, kicor garginūxĕn nost.* Они вошли в дом и уселись вокруг очага.	48	-	2
32	*Kid ____ mu boband.* Этот дом моего деда.	50	-	-
33	*_____-en patewd xu toyden tar xā̆r.* Они оставили дом и уехали в город.	32	10	8
34	*Be soyib _____ daraw jīcak gārδd.* Заброщенный дом быстро превращается в хлев.	26	15	9
35	*Ar joyum cavud mu _____ mu bayoδ vud.* Где бы я ни был, я помнил о доме.	37	9	4
36	*Bobingi _____ fukardaδ šīrīn.* Дедовской дом всем дорог.	50	-	-
37	*Derum tar _____ yat.* Я вернулся домой поздно.	34	4	12
38	*Wef ____ bar ti vud.* Их дом стоял на холме.	41	2	7
39	*Niwenc-en tar _____ weδd.* Невесту ввели вом.	35	6	8
40	*Yā xu kūdaken qati pi _____-(y)and red.* Она осталась с детьми дома.	21	7	22
41	*Wird wi _____ biyīxt̆ vud.* Для него дом был райским местом.	39	9	2
42	*Puxtanen as _____-(y)and ziwost.* Они вынесли из дома жертвенное угощение.	28	13	9
43	*Xu _____ as dast māδet!* Не потеряйте свой дом.	33	10	7
44	*Bād as faroyat wi _____ mis namoyůn sut.* После долгой дороги он увидел свой дом.	43	4	3
45	*Wef kina _____ γal xu joy tīr.* Их старый дом до сих пор стаит.	50	-	-
46	*Tar _____ qarori vud.* В доме было тихо.	41	-	8
47	*Kūdakard wi nān at wi ____-en sar darkor.* Для ребенка самое важное его мама и дом.	50	-	-
48	*Čīd-and pīnʒ sitan* – В доме пять столбов.	50	-	-
49	*Tar _____ dedow qati ta salůmen.* Когда входят в дом, принято здороваться.	38	5	7
50	*_____-anden fuk wi žīwj vad.* В доме все его любили.	50	-	-

*** Составлено автором на основе результатов анкетирования**

Таблица 4

Семантико-когнитивная структура макрополя *Čīd-Jamāt* «Дом–Семья»

Макрополе *Čīd-Jamāt* «Дом–Семья»				
№	**Микрополе**	**Количество лексических единиц**	**Примеры лексических единиц и сочетаний**	**Семантические особенности**
1	***Mardīnā* (мужчина)**	32	*mardīnā* (мужчина), *dod* (отец), *kata-bob* (прадедушка, от кого произошел род), *mardīnā buzurg* (мужчина в доме почитаемый), *dod ǩāsitan* (отец – царь столб дома)	Подчеркивает уважение и авторитет мужской фигуры в семейном очаге
2	***Kaxoy* (женщина)**	22	*kaxoy* (женщина), *yax at nān* (мама), *γin* (жена), *kaxoy joy pi kicor* (место женщины на пространстве вокруг очага)	Отражает значимость женской роли, родственные связи и домашние функции
3	***Qawm* (родственник)**	41	*qawm* (родственник), *kasot* (близкий человек), *jamāt* (семейная общность), *awlod* (род, потомство), rakīkat,	Демонстрирует многообразие родственных связей и их социально-генеалогическую организацию
4	***Digayen* (другие люди)**	11	*soibxůnā* (владелец дома), *katanak* (старший), *abīn* (бывшая жена/любовница), *amsoyā* (сосед), *wistoδ* (мастер-строитель), *ɣayrīyā* - (предикативно) чужой, посторонний, чужак.	Отражает социальные и функциональные отношения, связанные с домом и бытовым пространством

*** Составлено автором на основе собственной классификации и подсчета**

Таблица 5(а)

Когнитивно-семантическая структура макрополя *Kata-Čīd* - «Малая родина» (шугн.-руш. группа языков)

№	**Микрополе**	**Количество единиц**	**Описание**	**Примеры**

1	Архитектурные элементы со значением малой родины	9	Лексемы, отражающие материальные и пространственные аспекты родины	*kicor* - очаг, *piδīnd* – порог *ʒīngak* - выступ очага
2	Коллективные понятия	7	Лексемы, обозначающие коллективные явления и групповые понятия	*tabāq* - несколько домов *qišloq* - село, *ǰamoat* - джамаат *Pomīr* – Памир
3	Выражения с семантикой малой родины	23	Лексемы и выражения, подчеркивающие эмоционально-ценностное содержание	*dod čīd* - отчий дом *kata-čīd* – дедовский дом *mi čīd-and nof čūǰin* - родился в этом доме

*** Составлено автором на основе собственной классификации и подсчета**

Таблица 6

Семантико-когнитивная структура макрополя Čīd–Sunat – «Дом–Традиция»

№	**Микрополе**	**Количество единиц**	**Семантические особенности**	**Примеры единиц**
1	***Čīdmīzd sunat-en*** - Традиции постройки дома	26	Сакрализация начало строительство и коллективная защита дома	*soat-at zamůn fāmtow* «определить время постройки», *kiryār čīdow* «призыв на помощь», *qurbůni čīdow* «жертвоприношение»
2	***Tawalud sunat-en*** - Традиции рождения ребенка	13	Защитная роль дома при рождении	*kūdak ǎāsitan xez-and ar yůk weδ-en* «укладывание ребенка в первый раз в колыбель около главного столба», *růʒ-va kūdak ziwêstow* «вывести ребенка через окно на крыше»
3	***Cirowpiδid sunat-en*** - Традиции похоронной обрядности	22	Архитектурные элементы дома (очаг и порог) как граница между мирами	*murϑā bāǎ ʒīngak ti ribīdow* «ставить долю покойного на выступе очага», *žīr tar piδīnd taraf ole čīdow «катить* камень в след за покойником в сторону порога»

4	***Diga sunat-en*** - Другие обряды и поверья	40	Очищение, защита, праздничное обновление	*xᾱsitan vīstow* «опоясывать главный столб», *čidīrδêd* «чистка сажи на праздник Навруз», *piδīnd-and nol juktow* «вбить гвоздь в порог»
5	Паремии разного уровня	45	Нормы поведения, сакральные запреты, ценности дома	*panj tani pok* «пять святых», *barakati zêx̌tow* «брать благодать (дома)», *piδīnd-ti mā-niϑ* «нельзя сидеть на пороге»

*** Составлено автором на основе собственной классификации и подсчета**

Таблица 7

Макрополе *Čīd-Mīzd* – «Постройка дома»				
№	**Микрополе**	**Количество лексических единиц**	**Примеры лексических единиц и сочетаний**	**Семантические особенности**
1	***Čīd-mīzd injům – Подготовка к строительству***	16	*žīr* «камень», *jiray, šarϑk* разновидности глины, *arar* «дерево - тополь», *wūs* «балки»	Обозначает строительные материалы, применяемые для возведения дома; включает природные и обработанные ресурсы.
2	***Čīd qismaten – Части дома***	42	*piδīnd* «порог», *pīnʒ sitan* «пять столбов», *dīwār* «стена»	Описывает архитектурные элементы и конструктивные части дома, формирующие его облик и функциональность.
3	***Čīd-mīzd – Постройка дома***	26	*pīnʒ sitan kardan* «установить пять столбов», *dīwār bardan* «поднимать стены», *bālfčīd* «крыша дома»	Охватывает процесс строительства, включая организационные, технологические и обрядовые этапы.
	Mozījen - Участники	7	*ustō* «мастер-строитель»,	Обозначает участников строительного

4			*kiryār* «помощник», *mardum* «люди, община»	процесса, подчеркивая коллективный характер возведения дома.

*** Составлено автором на основе анализа эмпирического материала**

Таблица 8

Семантико-когнитивная структура макрополя
Čīd-Sarixtakori **- «Дом–Хозяйство»**

№	Микрополе	Количество лексических единиц	Примеры лексических единиц и сочетаний	Семантические особенности
1	Хозяйственные постройки и сооружения	**46**	*dar-at palandar* «все хозяйство», *zidůn* «кладовая», *žīv* «углубления вдоль стен кладовой для продуктов», *žīzdůn* «место для дров», …	Обозначают объекты, формирующие хозяйственное пространство: дома, дворы, кладовые, хлевы, амбары. Включают функциональные и сакральные элементы; отражают статус семьи и степень ее благоустроенности.
2	Бытовая утварь и предметы хранения	**55**	*virek* «посуда», *bīgak* «маленький кувши», *dek* «котоел», *cirow* «светильник», *pilak* «лучинка»	Лексемы, обозначающие утварь, сосуды, меры, светильники. Их семантика связана с домашним бытом, хозяйственной деятельностью, ритуалами и сакральными практиками.
3	Домашние работы и связанные с ними обряды	**52**	*xůnā anjīvdow* «держать дом», *sarixtākori* «введение хозйство», *yoc weδd* «возводить огон», *δīdziwêst* «выносить помет в поле», *žīzvirixt* «рубить дрова»	Обозначают процессы, связанные с повседневным хозяйством, уборкой, ремонтом, приготовлением пищи, а также сакральные действия (уборка на праздники, закладка фундамента с ритуальными элементами).
4	Основные животные и лексика ухода	**47**	*žow* «корова», *xīj* «бык», *markāb* «осел», mol «мелкий скот», wārg «ягненок», maγ «баран», *yi bêγījaϑ wefand nist* «одного блеющего даже у них нет»	Обозначают животных, ключевых для хозяйства, а также действия и атрибуты, связанные с уходом за ними. Включают лексику, отражающую статус, сакральные представления и ритуалы, связанные с домашними животными

*** Составлено автором на основе собственной классификации и подсчета**

Таблица 9

Типовые модели сочетаемости лексемы *čīd*

Тип модели	Примеры (оригиналы)
Оценочно-диминутивные модели	*čīd–ak; čīd–buc; čīd–buc–ak; čīd–ič; čīd–ič–ak*
Приватативная модель	*be–čīd; be–čīd–i*
Функционально-ролевые номинации (охрана)	*čīd–bůn; čīd–bůn–i*
Модели ‘одомашнивание /домашний’	*čīd–aki*
Социально-родовые номинации	*kata–čīd; dod–čīd; čīd–jamāt*
События/практики, связанные с домом	*čīd–ič–ak–bozi; čid–(d)ed; čid–(d)ed–i; čīd–mīzd; čīd–mīzd–ow*
Лица/обладание домом и хозяйствование	*čīd–moz–īj; čīd–(d)or; čīd–(d)or–i*
Пространственные и реляционные модели	*čīd–ec; čīd–ard; tar/pi/ar čīd–āj; tar/pi/ar čīd–āj–aϑ; čīd–joy; čid–and*
Дистрибутивные конструкции	*čīd tar čīd; čīd pis čīd; čīd tar čīd–aϑ; čīd pis čīd–aϑ*
Конструкции со служебными элементами/клитиками	*čīd–aϑ; čīd–va; čīd–ga*

Таблица 10

Типовые модели сочетаемости лексемы *xůnā*

Тип модели	Примеры (оригиналы)
Оценочно-диминутивные модели	*xůnā–yak*
Приватативная модель	*be–xůnā*
Социально-ролевые номинации и абстрактные значения	*xůna–dor; xůna–dor–i; xůna–důmod; xůna–niǐīn; xůna–niǐīn–i; xůna–obod–i; xůna–xarob–i; xůna–werůn–i*
Признаковые/оценочные номинации	*xůna–gi; xūna–zod; xůna–obod; xůna–xarob; xůna–werůn; xůna–niǐīn*
ДОМ как место события/ситуации	*yām–xůnā; murδa–xůnā; sūr–xůnā; xůna–sūr*
Функциональные помещения /структура (в т.ч. пристройки)	*sayīrā–xůnā; oǰat–xůnā; kasal–xůnā; bolo–xůnā; bolo–xůnā–dor; qūš–xůnā; qūšxůnā–dor; qūšxůnā–niǐīn*
Пространственные и реляционные модели	*xůnā–ec; xůnā–rd; xůnā–nd*
Дистрибутивные конструкции	*xůna tar ǐůnā; xůna pis xůnā; xůna tar ǐůnā–ϑ; xůna pis xůnā–ϑ*
Конструкции со служебными элементами/клитиками	*xůnā–ϑ; xůnā–va; xůnā–ga*
Прочее (лексикализация / семантический сдвиг)	*xůna–důn*

Таблица 11

Типовые модели сочетаемости лексемы *mālā*

Тип модели	Примеры (оригиналы)
Оценочно-диминутивные модели	*mālā–yak; mala–buc; mala–buc–ak*

Приватативная модель	*be–mālā; be–māla; be–māla–gi; be–māla–āʒ*
Действия/процессы, связанные с домом	*mala–mīzd; mālā–mīzd–ow*
Признак обладания домом	*mala–(d)or*
Номинации места (локуса)	*mala–joy; mālā–joy*
Пространственные и реляционные модели	*mālā–ec; mālā–yard; mālā–yand; tar/pi/ar mālā–yāj; tar/pi/ar mālā–yāj–aʒ*
Дистрибутивные конструкции	*mālā tar mālā; mālā pis mālā; mālā tar mālā–yaʒ; mālā pis mālā–yaʒ*
Конструкции со служебными элементами/клитиками	*mālā–yaʒ; mālā–va; mālā–ga*

Примечание: в примерах для *xůnā* и *mālā* усилительно-выделительный элемент фиксируется в вариантах записи –аʒ / –уаʒ; далее они рассматриваются как алломорфные реализации одного показателя и приводятся в орфографическом виде источника фиксации.

Таблица 12

Регулярные паттерны и формальные показатели интерпретативно-семантической разметки ДОМ (по полевому материалу)

Маркер / повторяющийся компонент	Тип паттерна в материале	Что регулярно маркирует в зоне ДОМ	Типичные зоны / сценарии	Примеры
-ak / -ik	суффиксальный (диминутивный)	уменьшенный формат объекта или участка; оценочность возможна, но контекстна	небольшое жилище, малая внутренняя часть, малый функциональный локус	*čīd-ak; malā-yak; xůn-ak; nêx-ak*
-důn / -ðon / -don / -donʒ	суффиксальный (локус хранения)	помещение / место хранения	хозяйственные зоны при доме и в при-домовом пространстве (дрова, зола, солома, припасы)	*woxdůn / woxdon; žīzdůn / žözðon; ʒīrdůn / ʒerdonʒ; zidůn / jedon*
-ej / -ij	суффиксальный (материально-принадлежностный)	материал / заготовка для конструктивного элемента	элементы несущей и верхней конструкции дома	sitanej / sitanīj; wūsej / (w)ūsij; sipox̌čej / sipox̌čīj
-ij / -īj / -oj / -öj	суффиксальный (агентно-деятельностный / предметно-функциональный)	участник действия или предмет, связанный с действием	строительство, отделка, обработка дерева; входной элемент дома (исторически мотивированная номинация)	mozij; šarðkðāðīj; têx̌īj
-ij / -īj / -oj / -öj	предметно-функциональны	предмет / конструктивный	предметные номинации,	*bučkiɣ̌īj / biškawoj* /

	й; исторически мотивированный	элемент, функционально связанный с действием	сохраняющие связь с хозяйственным действием	*bučkawöj* ‘горизонтальный брус (перекладина) при входе в дом’
-jīc / -jæc / -jec	лексико-морфологический (компонент локуса)	специализированное помещение / хозяйственный участок	хранение и содержание (молочные продукты, сено, птица, ягнята, навоз)	*x̌ūv(d)jīc; wox̌jīc; čax̌jīc; wārgjīc; δīdjīc*
компонент sitan	композитный / лексико-морфологический	локализация столба по зоне дома	столбы, привязанные к основанию, очагу, возвышению вдоль стен	*poygāsitan; kicor-sitan; bārnêxsitan; voy̌ʒnêx-sitan*
опорная лексема čīd / čod в предикативных моделях	синтаксически оформляемый (глагольный)	дом как центр действия / состояния	строительство, разрушение, ведение хозяйства, заполненность дома, предписания	*čīd mīzdow; čīd tayor čīdow; čīd nixix̌tow; čīd pur vidow; čīd be odam no-lakčīdow*
čīd + локативно-послеложные / клитические показатели	синтаксически оформляемый (локативный)	локализация, направление, движение, атрибутивная соотнесенность	в доме, к дому, по домам, домашний	*čīd-ard; čīd-ec; čīd tar čīd; čīd pis čīd; čīd-aki*
определительные и качественно-оценочные сочетания с čīd / čod	синтаксически оформляемый (именной)	принадлежность, статус, качество дома	родовой / отцовский дом, благоустроенность, благополучие, отсутствие дома	*dod-čīd / ped čod; obod čīd; ba-barakat čīd; be-čīd*

*** Составлено автором на основе полевого материала и аналитической классификации раздела.**

ПЕРЕЧЕНЬ ЭКСПЛИКАТОРОВ КОНЦЕПТА ДОМ В ШУГН.-РУШ. ГРУППЕ ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

шугн.-руш. *mālabuc* – ‘маленькое помещение, комнатушка’

шугн. *burguc* – ‘маленький дом, домишко’

шугн. *burgucak* – ‘маленький дом, домишко’

palandari – ‘местожительство, дом, жильё’

шугн. *dar-at-palandar* ‘дом и двор, усадьба; дом со всеми службами, хозяйство’

шугн. *dar-at-xůnā* – ‘дом, жилище’

шугн.-руш. *poygā* ‘основание традиционного дома, пол’

шугн.-руш. *pigàl* – ‘край крыши; перен. двор, дом’
шугн.-руш. *piδīnd* – ‘порог’
шугн.*xasxůnā* – ‘лачуга, домишко’
шугн.-руш. *xůnawodā*, руш. *xonawodā* – ‘семейство, семья; дом, двор’
шугн.-руш. *sarpano* – ‘укрытие, убежище’
шугн.-руш. *panogo* – ‘укрытие, двор’
шугн. *aft dar-abodůmi* – ‘букв. семь дверей благосостояния’
шугн.-руш. *bunā* ‘дом, хозяйство, двор; семейство; прил. состоятельный, зажиточный, богатый’
шугн.-руш. *dargo* – ‘двор, пространство перед домом; дом’
шугн.-руш. *awli* – ‘двор, дом, усадьба’
шугн.*aweli* – ‘дом’
шугн.-руш. *obodi* – ‘благоустройство, благосостояние; дом, помещение’
шугн.-руш. *rêʒ* – ‘нора, гнездо, логовище’
x̌ičīfrêʒ – ‘букв. нора сурка; перен. тесное помещение, конура, убежище’
шугн. *wužrā* // *wujrā*, руш., хуф. *(w)užrā*, рош. *ujra*, сар. *ыj(ы)ro* // *ůj(ů)ro* – ‘комната, келья, хижина, лачуга’
werůnā – ‘развалины, руины; убогое жилище, домишко’
шугн.-руш. *x̌ilā, x̌ilāyak* – ‘небольшое полуразрушенное помещение; сарайчик, хибара’
шугн.-руш. *makůn* – ‘местожительство’
шугн. *joy–jigīr* – ‘двор, усадьба, дом’
шугн. *joy–at–makůn*, руш., барт., хуф. *joy–at–makon* – ‘пристанище, местожительство, дом’
шугн.-руш. *qasri* – ‘дворец’
шугн.-руш. *qalā* – ‘крепость’
шугн. *qalā–t qiblā* – ‘устойчивое сочетание: резиденция; всё имущество, всё имение’
шугн.-руш. *awlodā* – ‘род’
шугн.-руш. *pux̌t–at–pano* – ‘букв. предки и убежище’
шугн.-руш. *bob zamīn* – ‘букв. дедовская земля’
шугн.-руш. *dod ʒīngak, pi ʒong, pid ʒingak*, руш. *pi ʒāng* – ‘букв. отцовская передняя часть очага’
шугн. *nān ʒīngak*, руш. *mo ʒong*, бр. *nān ʒingak*, рош. *nan ʒāng* – ‘букв. материнская передняя часть очага’
nêx – ‘возвышенность вдоль стен; родной дом’
x̌oδ – ‘дом, двор, усадьба’
yečā – ‘гнездо, нора, убежище’
шугн.-руш. *kas–at kū* – ‘букв. род и гора; род и двор’
шугн. *ol–at–awol* – ‘состояние, имущество вместе с домом’
шугн.-руш. *mol–at ol* – ‘хозяйство, имущество вместе с домом’
шугн.-руш. *maskan* – ‘обиталище, место жительства’
шугн. *xůnā–t–kosā* – ‘благоустроенная усадьба, двор; дом со всеми удобствами’
шугн.-руш. *pīnʒ sitan* – ‘пять столбов’